

Двор

российских
императоров

Энциклопедия 2 жизни и быта

Москва
Кучково поле
2014

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Е. А. Муров

Первый заместитель председателя: А. Н. Беляков

Заместители председателя:

О. А. Климентьев, А. И. Лащук, А. Г. Миронов, В. Д. Тарасов

Члены:

А. Н. Артизов
Г. В. Вилинбахов
Е. Ю. Гагарина
С. В. Девятов
В. И. Жилев
О. К. Кайкова
В. В. Кириллов
А. К. Левыкин
С. В. Мироненко
Е. И. Пивовар
А. В. Пиманов
А. К. Сорокин
С. Д. Хлебников

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Руководитель: Е. А. Муров

Заместитель руководителя: А. Н. Беляков

Члены авторского коллектива:

С. В. Девятов
И. В. Зимин

**Федеральная служба охраны Российской Федерации
и издательство «Кучково поле»
благодарят за помощь:**

Федеральное архивное агентство Российской Федерации и лично А. Н. Артизова;

Государственный архив Российской Федерации и лично С. В. Мироненко,
Л. А. Роговую, Е. Л. Луначарского, Л. Н. Малащенко;

Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга
и лично А. И. Костанова;

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
и лично Е. Ю. Гагарину, О. И. Миронову, В. В. Павленко;

Государственный исторический музей и лично А. К. Левыкина, Э. Д. Задираку;

Исторический факультет Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова и лично С. П. Карпова;

Исторический журнал «Родина» и лично В. В. Зубкевича, Ю. А. Борисенка;

Исторический журнал «Исторический вестник» и лично А. Э. Титкова;

Российское федеральное издание «ВВП» и лично К. Б. Жумаева, Д. И. Фалка;

Газету «Комсомольская правда» и лично В. Н. Сунгоркина, А. П. Гамова;

Газету «Российские вести» и лично Д. Ю. Ермолаева;

РУНИВЕРС и лично М. В. Баранова, В. В. Зайцева.

Выражаем благодарность за профессиональную помощь: О. В. Алтуховой, В. А. Богомоловой, О. Н. Бодровой, Д. Т. Бутову, А. В. Дёмкину, О. А. Зерновой, Ю. В. Калугину, А. А. Морозу, А. А. Ряскову, Ю. В. Сигачёву, Д. Е. Симонову, И. И. Цурковой, М. С. Шило.

УДК 94
ББК 63.3
Д11

Д11 **Девятов С. В., Зимин И. В.**
Двор российских императоров: Энциклопедия жизни и быта. В 2 т. Том 2. —
М.: Кучково поле, 2014. — 480 с., ил.

ISBN 978-5-9950-0390-8

ISBN 978-5-9950-0387-8 (т. 2)

Императорский двор — сложное и многообразное понятие. Это не только представляющие его люди, но и стиль их жизни и работы, официальные мероприятия и приватные события, международные контакты и отдых, рождение, воспитание и обучение детей монаршей семьи. Российский императорский двор имел свой особый ритм жизни, не исчерпывавшийся лишь торжественными ритуалами и приемами.

Данный труд основан на огромном фактическом материале, архивных документах, мемуарной литературе и отчетах Министерства императорского двора и является результатом большой работы по их систематизации и популярному изложению. Внимательный читатель получит исчерпывающее представление как об истории двора, так и о самых различных сторонах его повседневной жизни. Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию и адресована всем, интересующимся историей Отечества.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9950-0390-8
ISBN 978-5-9950-0387-8 (т. 2)

© Кучково поле, 2014
© Авторский коллектив, текст, 2014

ЧАСТЬ

Работа
в императорских
резиденциях

Распорядок дня российских монархов

Распорядок дня российских венценосцев был строго регламентирован и расписан буквально по минутам. Только так можно было успешно управлять огромной империей, которую во все времена раздирали внутренние и внешние противоречия. Если в жизни монархов и случались спокойные периоды, то следом за ними приходили годы жестоких потрясений и революционных бурь.

Вместе с тем, отношение к своим обязанностям глав великой империи было различным. Если Николай I совершенно справедливо называл себя «каторжником Зимнего дворца», то его сын Александр II мог позволить себе периодически впадать в депрессии, передоверяя решение важнейших вопросов своему окружению. Александр III, не блиставший особыми государственными талантами, своим отношением к «семейному делу» во многом напоминал деда. Он добросовестно взвалил груз ответственности на свои плечи, принимая все необходимые решения. Блестяще образованный Николай II был крайне пунктуален и добросовестен в выполнении царских обязанностей, но многие решаемые им вопросы оставляли его совершенно равнодушным. И это равнодушие приводило подчас к трагическим результатам.

Эта жесткая необходимость ежедневно заниматься бесконечным множеством дел и выполнять бесчисленные представительские обязанности

присутствовала в жизни власть имущих всегда. Шапка Мономаха по определению не могла быть легкой. И многие современники, наблюдая этот бег по кругу, с большой долей сочувствия писали о российских монархах: «Никогда не имеют они возможности с увлечением погрузиться в чтение, беседу или размышление. Часы бьют — им надо быть на параде, в совете, на прогулке, в театре, на приеме и завести кукольную пружину данного часа, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце»¹.

Таким образом, мы можем констатировать, что именно *отношение к делу*, осознание своей *личной ответственности* перед Россией, предками и потомками фактически и определяло плотность и эффективность рабочего графика российских венценосцев.

Распорядок дня Николая I

О распорядке рабочего дня Николая I сохранилось множество упоминаний. Если коротко охарактеризовать его график, можно сказать, что Николай I десятилетиями работал буквально как каторжный. Эта ситуация во многом связана с особенностями его характера. Император был недоверчив, для чего у него имелись веские основания. Именно поэтому он замкнул управление империей лично на себя, без усталости проверяя и контролируя выполнение принятых им решений. Эта административная схема оказалась весьма спорной, поскольку дала мощный толчок развитию малоэффективной российской бюрократии.

Говоря о распорядке дня российских императоров, следует иметь в виду, что у них, как и у всех людей, в рабочем графике происходили зимние, летние и возрастные подвижки. Зимой, когда семья жила в Зимнем дворце, было одно расписание, летом, когда все перебирались в Царское Село или Петергоф, — несколько другое.

Мемуаристы в один голос утверждают, что Николай I вставал рано: «затемно», «на рассвете», «между 7 и 8 часами утра»². Летом царь поднимался в 7 часов, а иногда и еще раньше.

Приведя себя в порядок после сна, Николай Павлович «кушал чай» и около 8 часов утра уже принимал первые доклады³. Летом доклады могли начинаться и ранее того. Самые ранние приемы императора зафиксированы в 7 часов.

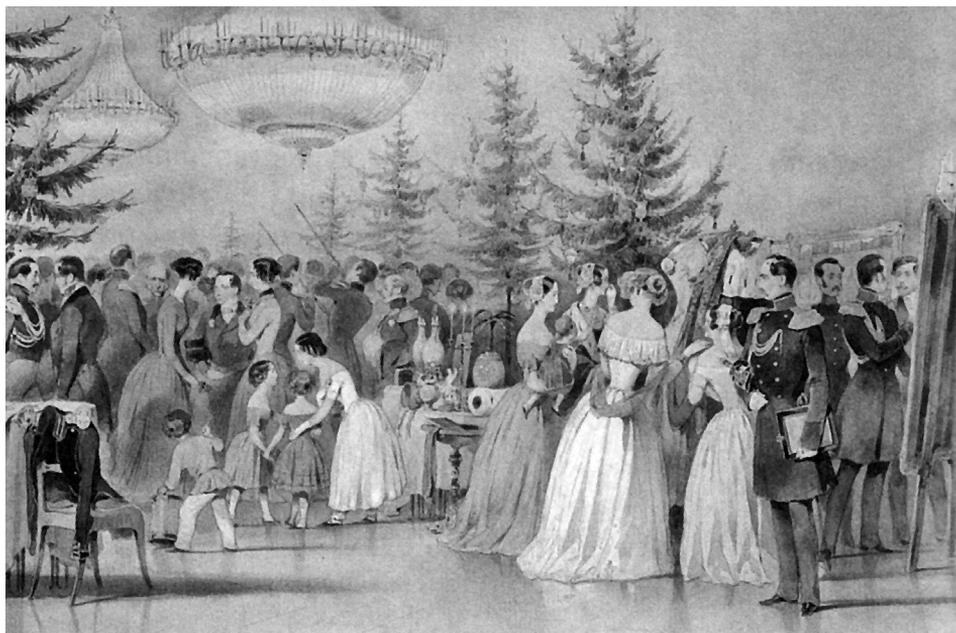
После двух-трехчасовой работы с министрами следовала прогулка по Дворцовой набережной или Летнему саду. Николай I гулял с 9 до 10 утра, как правило, один и без охраны. В простой шинели император демократично раскланивался со встречающимися знакомыми.

Затем он вновь занимался делами до самого обеда. В это время царь в основном работал с документами. Все пометки Николая I, сделанные карандашом, тщательно сохранялись, для чего покрывались лаком, дабы не стерлись⁴. Следует заметить, что российские императоры работали преимущественно с карандашом в руках. Говоря об отношении к этому занятию, можно привести слова монарха, обращенные к одному из его сановников: «Вы, кажется, забыли, что я привык читать, а не просматривать присылаемые бумаги»⁵.

Перед обедом, с половины второго до половины четвертого вновь повторялась прогулка продолжительностью от пятидесяти минут до полутора часов. Эта прогулка, как правило, сочеталась с различного рода инспекциями. Царь выезжал в город: летом — в коляске или кабриолете, зимой — в санях, зорко глядя по сторонам и отмечая малейший неполадок.

За прогулкой следовал обед. Первоначально время обеда не было четко регламентировано. В 1826 г. обед начинался между 14.30 и 15.40. В положении от 26 октября 1833 г., разработанном обер-гофмаршалом К. А. Нарышкиным при участии императора, пунктом 3 определялось: «Время обедов назначать в 4 часа, а для ужинов в 10 часов»⁶.

После обеда Николай I два-три часа работал в кабинете. Примерно в 19 часов император заканчивал свой рабочий день. Спустя полчаса он пил чай с семьей, затем начинались светские мероприятия. Николай I мог отправиться на прогулку или в театр, посетить маскарад, заехать в гости или на бал к сановникам. Продолжительность вечерних мероприятий не лимитировалась. Семья могла вернуться из театра домой около полуночи, а иногда придворные балы и маскарады заканчивались ближе к часу ночи.

*Сцена из жизни семьи Николая I.
1840–1850-е гг.*

При этом император не прекращал заниматься делами и во время светских развлечений, менялся только антураж. Французский живописец О. Верне в одном из писем упомянул: «На вчерашнем балу я больше двух часов разговаривал с императором». Император и живописец обсуждали не только сюжеты картин, которые предстояло написать художнику, но и места для них, которые он должен был выбрать в Зимнем дворце «вместе с его величеством»⁷. В другом письме художник вновь уточнял, что на императорском балу у него состоялся «долгий разговор с государем об Исаакиевской церкви»⁸.

Поскольку считалось, что царь вечерами отдыхает, то Николай I положил себе за правило по окончании мероприятий еще некоторое время работать, что могло продолжаться до двух или даже трех часов ночи. По

свидетельству современников, Николай I от переутомления порой засыпал перед киютом за молитвой.

Следует, однако, подчеркнуть, что приведенный рабочий график не был догмой. Об этом свидетельствует упоминание весьма авторитетного биографа Николая I, что царь мог лечь спать и «в 10-м часу вечера»⁹.

Дочь царя Ольга Николаевна приводила в своих записках летнее расписание Николая I, относящееся к 1831 г.: «Папá вставал летом в семь часов утра и, в то время как одевался, пил свой стакан мариенбадской воды, потом шел гулять с верным пуделем... в Монплеизир, чтобы выпить там свой второй стакан минеральной воды. После этого он садился в экипаж и с Эрдером, своим любимым садовником, осматривал работы в парке. Ровно в девять часов он уже был в Петергофском дворце, на докладе министров. Это длилось до обеда: затем следовали до двух часов осмотр караулов, парады или же представления чиновников»¹⁰. Далее шли светские меропрятия и семейные развлечения.

Разумеется, император прекрасно понимал, что работать ему предстоит, «как медному котелку», без всякой смены буквально до гробовой доски. У психологов существует определение, связанное с профессиональной деятельностью, — «выгорание». Конечно, все тяжелые мысли Николай I держал при себе, но иногда и у этого железного человека что-то прорывалось наружу.

В декабре 1832 г. Николай Павлович писал И. Ф. Паскевичу: «Все сии дни меня замучили бумагами, и я насилу отделался. Всякий как бы нарочно ищет свалить с плеч на меня»¹¹. Эти реплики мелькали в письмах царя на протяжении десятилетий. В феврале 1844 г. опять же в письме к И. Ф. Паскевичу Николай Павлович обронил: «Я уморился от этой суетной жизни»¹². Одна из бывших фрейлин императрицы упомянула о примечательном разговоре, состоявшемся у нее с Николаем I в 1845 г.: «Государь сказал мне: «Вот скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто удаются такие дни, что я, смотря на небо, говорю: зачем я не там? Я так устал...» Я хотела продолжить разговор, но он повернул на старые шутки. Пусть не мое перо их передает: я его слишком люблю»¹³.

Существовал свой рабочий график и у императрицы Александры Федоровны. Конечно, он не был столь перегружен и включал в себя преимущественно представительские обязанности и курирование деятельности учебных и благотворительных заведений. Александра Федоровна регулярно принимала представлявшихся, однако ее интересы не выходили за рамки узкого мирка императорских резиденций, который и был для нее зримым, но весьма условным олицетворением бескрайней России.

Великая княгиня Ольга Николаевна упоминала, что «распределение дня для Мамá не было регулярным из-за ее многочисленных обязанностей и различных визитов, которые она должна была принимать. По воскресеньям, после обедни, — мужчины, по вечерам — дамы... их бывало от 40 до 50 человек. Это были утомительные обязанности. Мамá была освобождена от них только после того, как сдало ее здоровье»¹⁴.

Одной из главных задач императрицы было «блестяще выглядеть». Такое желание, безусловно, имеет каждая женщина, а женщина с возможностями вполне способна воплотить его в жизнь. Однако Николай I считал это важной частью семейной профессии и безжалостно вмешивался, если ему казалось, что что-то в туалете жены не соответствует ситуации. Дочь писала об отце, что он «любил видеть ее нарядно одетой и заботился даже о мелочах ее туалета. Бывали случаи, что, несмотря на все ее прелести, ей приходилось сменить наряд, потому что он ему не нравился. Это, правда, вызывало слезы, но никогда не переходило в сцену, так как Мамá сейчас же соглашалась с ним»¹⁵.

Таким образом, следует признать, что Николай Павлович системно работал над поддержанием «высокого рейтинга» императорской фамилии в глазах подданных. И эта деятельность приносила свои плоды. Большая часть населения Российской империи действительно обожала монарха и его семью. Только небольшая группа фрондирующей интеллигенции не менее системно пыталась противостоять этой популярности, и ей удалось добиться неких результатов, но только после смерти Николая I и наступления иных, либеральных времен периода правления Александра II.

Распорядок дня Александра II

Сын Николая I — император Александр II во многом сохранил рабочий график своего отца, но следовал ему без фанатизма. Это был слабый правитель и слабый работник, хотя, конечно, отказать ему в уме было бы неправильно. Однако ему не хватало харизмы власти и внутреннего стержня, убежденности в правоте своего дела. Блестяще образованный и годами готовившийся к государственной деятельности Александр Николаевич заметно проигрывал отцу, у которого имелись серьезные пробелы в образовании. Исторически сложилось так, что для профессии «топ-менеджера» Российской империи наибольшее значение всегда имела сила личности, харизма, а уж потом следовали интеллект и уровень образования. При всем этом нужно признать, что Александр II достойно ответил на вызовы времени, проведя свои знаменитые реформы, придавшие новый импульс развитию России.

Отец Александра Николаевича, император Николай I, начал постепенно подключать сына к работе с наступлением его совершеннолетия. Именно тогда, в 1835 г., был сформирован штат «двора его императорского высочества, государя наследника цесаревича, великого князя Александра Николаевича», в который вошло 35 человек¹⁶.

После воцарения распорядок дня Александра II в целом воспроизводил рабочий график его отца. Однако утренние доклады теперь начинались не ранее 10 часов. Эти доклады не прерывались даже в праздничные дни. Так, 1 января 1874 г. военный министр Д. А. Милютин записал в дневнике: «По заведенному порядку, отправляясь в 10 ч. утра к докладу в Зимний дворец, я взял с собою целый чемодан с подробным отчетом по военному министерству за 1872 год и с планами крепостей»¹⁷.

Безусловно, в распорядке дня произошли свои изменения. Например, обед был передвинут на более поздние часы. При Александре II обед начинался уже в 18 часов вечера. Именно на это время рассчитывал народоволец Степан Халтурин, взрывая 50-килограммовый фугас в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.

Интересно и то, что обеды считались прерогативой взрослой половины императорской семьи. Дети на них не приглашались. Только по достижении 15–16 лет детей начинали иногда допускать к вечерним родительским обедам. К этому времени они в деталях постигали тонкости придворного этикета и могли вести себя прилично за взрослым столом¹⁸.

Александр II стал первым российским императором, четко разделившим свой день на рабочее время и приватные часы. Конечно, это получалось не всегда, однако если в гостиной Николая I было нормой в свободное время продолжать обсуждать деловые вопросы, то при Александре II «государство, перестав быть предметом разговора в гостиной, изолировалось только в его кабинете и в разговорах с министрами и государственными людьми»¹⁹.

Несмотря на довольно плотный рабочий график, Александр II позволял себе заниматься традиционной забавой Романовых — распределением рекрутов по гвардейским полкам. Надо заметить, что это было действительно не самое простое дело, поскольку рекрутов сортировали, что называется, «по мастям». В Преображенский полк определяли самых высоких, в Павловский — маленьких и курносых, таких же, как и их высочайший шеф, в Семеновский — крупных блондинов. Военный министр Д. А. Милютин, хорошо представлявший объем и уровень повседневных проблем, встающих перед императором, недоумевал по поводу столь бессмысленного, на его взгляд, времяпровождения. В марте 1874 г. он записал в дневнике: «В одной из зал Зимнего дворца государь занимался распределением рекрутов по гвардейским полкам. Это уже четвертая или пятая смена приводимых во дворец рекрутов, представляемых его величеству, по мере прибытия в Петербург из разных округов. Я стараюсь по возможности уклоняться от присутствия при этой операции: мне тяжело видеть самодержца 80 миллионов подданных, занятого таким ничтожным делом»²⁰.

Распорядок дня Александра III

Рабочий график Александра III также во многом воспроизводил график его деда. День разбивался на три неравные части: утренние часы, дообеденные (обед начинался в 20.00) и ночные часы. Довольно много времени занимали обязательные традиционные мероприятия, различные представления и светские обязанности. При этом личного секретаря и вообще какого-либо аппарата у монарха фактически не было, и с массой бумажных дел ему приходилось разбираться самому.

В Гатчине, где Александр III проводил осень, зиму и весну, его рабочий день начинался с 8 утра, когда после краткой прогулки до самого завтрака он принимал представлявшихся и доклады министров. Чиновники приезжали в назначенные дни или по вызову. Завтрак по традиции начинался в 13.00. «После завтрака его величество до 3 ч. занимался у себя в кабинете, а с 3 ч. до 5 ч. прогуливался в саду с государыней императрицей и семейством во всякую погоду; затем его величество обыкновенно отдыхал от 15–20 минут, в 8 ч. отправлялся за обеденный стол, а с 9 ч. снова занимался в кабинете до глубокой ночи (до 2 и даже до 3 ч.); в эти часы

Александр III.
1890-е гг.

его величество изредка отправлялся на рыбную ловлю острогой в озерах дворцового сада»²¹. Так описывал мемуарист стандартный день императора.

Сам же император Александр III описывал свой «гатчинский график» следующим образом: «С утра принимаю доклады вплоть до завтрака. После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумаги. В пять часов иду пить чай к жене, это единственное время, когда ее вижу. После обеда хочется что-нибудь почитать, а потом бумаги до третьего часу»²². Царь имел в виду третий час ночи.

Летом в Петергофском коттедже этот распорядок в целом сохранялся. Императрица Мария Федоровна описывала свой день и занятия мужа следующим образом: «До обеда²³ я всегда сижу наверху у Саши с чтением и письмом до 1 часу, когда мы завтракаем все вместе... затем ездим кататься или гуляем с детьми, что доставляет им такое удовольствие, что они умоляют всегда гулять с ними и могут делать большие прогулки. Затем в 5 часов пьем чай у Саши, и, пока он отдыхает немного перед обедом, я большей частью читаю что-нибудь интересное... После обеда мы ездим верхом или катаемся, или ездим на лодке, как придется, и в половину 10 пьем все вместе чай и идем спать раньше 12»²⁴.

Если император находился в поездке, фельдгегеря регулярно доставляли ему почту, в том числе и за границу. В Дании, на родине жены, для Александра III был приобретен небольшой собственный домик близ замка Fredensborg, который местные жители немедленно прозвали «кайзер-виллой». Там он работал, с буржуазной тщательностью оплачивая все счета по ведению этого маленького хозяйства²⁵. Судя по всему, решение о приобретении собственного домика было принято по режимным соображениям, поскольку монарх работал с совершенно секретными документами.

Когда император путешествовал на «Полярной звезде» в финляндских шхерах или отдыхал в Ливадии, то и туда фельдгегеря через день привозили толстые портфели с деловыми бумагами. Кроме этого, продолжались и регулярные представления. Например, в Петергофе они проводились по средам и пятницам в Фермерском дворце. Среди представлявшихся были дипломаты, сановники и офицеры.

При Александре III стиль делового общения с ближайшим окружением претерпел изменения. До Александра III российские императоры состояли в тесных личных отношениях не только со своими ближайшими сотрудниками и тем более с лицами свиты, но и вообще почти со всем офицерским составом гвардии. Они знали всех в лицо и, благодаря наследственной способности членов дома Романовых запоминать всех, кто хоть раз им был представлен, безошибочно называли каждого по фамилии. Довольно значительный круг лиц приглашался к царскому столу, причем после обеда государи принимали живое участие в происходившей общей непринужденной беседе. С момента воцарения Александра III ситуация резко изменилась²⁶. Новый император взял курс на разделение рабочих и частных часов, пытаясь выкроить для себя то, что обычные люди называют частной жизнью.

Императрица Мария Федоровна, безусловно, имела влияние на своего мужа, однако оно было минимальным. При этом супруги ладили между собой. Пожалуй, это была самая благополучная пара в семейной истории императорских резиденций XIX — начала XX в. Несмотря на это, император Александр III «не допускал ее вмешательства не только в государственные дела, но и в служебные, и если бывали с ее стороны хотя бы самые легкие поползновения, он решительно пресекал их»²⁷.

Распорядок дня Николая II

Смерть Александра III в октябре 1894 г., несмотря на все грозные предзнаменования, оказалась, тем не менее, внезапной для его близких. И для цесаревича Николая Александровича, разумеется, тоже. В кончину 49-летнего императора было трудно поверить. Кроме того, 26-летний Николай II психологически был совершенно не готов взвалить на свои плечи тяжелейший груз государственных обязанностей.

Действительно, еще в начале октября 1894 г. цесаревич подробно описывал в дневнике, как он кидался шишками, и это представляло разительный

контраст с тем, чем ему пришлось заняться после 20 октября: «Еще накануне предаваясь детским забавам, он, став монархом, сразу влег в рабочий хомут и распределил почти все свое время между своими разнообразными царскими обязанностями»²⁸.

Кроме похорон отца, женитьбы, обустройства новой квартиры, коронации и рождения дочери на Николая II немедленно навалился весь груз государственных дел. Вскоре после замужества, 4 февраля 1895 г. императрица Александра Федоровна писала своей старшей сестре Виктории Баттенбергской: «Ники все это время занят со своими бумагами. У него так много работы, что нам почти никогда не удастся побыть наедине»²⁹. Прошло чуть более десяти лет, однако Александра Федоровна писала сестре практически то же самое (23 декабря 1905 г.): «Ники работает, как негр. Иногда ему даже не удастся выйти подышать воздухом — разве что уже в полной темноте. Он страшно устает, но держится молодцом и продолжает уповать на милость Господа»³⁰. Прошло еще шесть лет — и опять почти те же слова (31 мая 1911 г.): «Нам совершенно необходим этот отдых: мой муж работал, как негр, целых семь месяцев. Я же почти все это время была больна. Спокойная уютная жизнь на борту яхты всегда оказывала на нас самое благотворное воздействие»³¹.

В самом начале правления Николай II советовался с матерью, дядьями и друзьями, но со временем у него сформировались навыки решения государственных задач, и постепенно он начал выработать собственный стратегический курс развития российской государственности. Императору было нелегко, поскольку ему пришлось столкнуться с великим множеством серьезных проблем — от радикального революционного терроризма до широкого рабочего и крестьянского движения, вылившегося в Первую русскую революцию.

Со временем у него сложился устойчивый распорядок дня. Даже если светские мероприятия заканчивались очень поздно, Николай II поднимался приблизительно в 8.30 утра. Конечно, были возможны варианты, как и у всех людей: «Сильно разоспался и не мог проснуться раньше 9¼». Но чувство долга брало свое в другие дни: «Встали пораньше, благодаря чему многое прочел и успел погулять. Были все три доклада».

На первый завтрак (около 9 часов утра, о котором в дневнике вообще не упоминается) Николай II пил у себя в кабинете чай, а затем до 10 часов совершал короткую прогулку по парку.

Рабочий день начинался в 10 утра рутинными докладами министров. Как правило, утром следовало не более трех докладов, которые занимали около трех часов. У каждого из министров был свой день, когда они представляли перед императором для отчета и решений возникающих проблем. Существовал определенный регламент министерских докладов. В дневнике регулярно встречается фраза: «Доклады закончились вовремя». Если докладов бывало меньше обычного, Николай II старался прогуляться до завтрака. Иногда он с облегчением отмечал: «Сегодня мне вышел легкий день. До завтрака два доклада», но есть и записи: «Был занят все утро до часа».

После докладов министров в график вклинивались представлявшиеся. Например, в начале своего царствования, 12 января 1895 г., Николай II записал: «Имел только доклады Дурново, Рихтера и гр. Воронцова; никого, к счастью, не принимал». Представления бывали коллективные и индивидуальные: «После докладов принял 21 человека»; «До завтрака принял 56 человек военных и моряков в Ротонде».

Завтрак подавали в 13 часов. Иногда к нему приглашались гости, время от времени император констатировал: «Завтракали одни». В своем дневнике он ежедневно пунктуально перечислял всех сотрапезников. Как правило, в повседневном завтраке принимали участие дежурный флигель-адъютант, кто-либо из фрейлин и один — редко два гостя (24 октября 1906 г.): «Завтракали: А. А. Танеева и Арсеньев (деж.)». Довольно часто императрица не выходила к завтраку — либо по причине болезни, либо потому что не хотела видеть гостей. Из детей за столом находились только старшие дочери, но иногда вся семья собиралась вместе.

Попутно следует сказать о генералах и флигель-адъютантах Свиты его императорского величества, которые согласно званию находились рядом с рабочими кабинетами императоров. Инструкция для дежурных генералов и флигель-адъютантов при его императорском величестве была официально принята еще в 1834 г. Их служба при дворе шла по суточному графику. Де-

журство продолжалось 24 часа. По инструкции 1834 г. они присутствовали при ежедневном разводе дворцового караула, принимая от караула пароль³² и сообщая его императору. Дежурные флигель-адъютанты обеспечивали связь царя с народом, собирая прошения у лиц, присутствовавших у дворца при разводе караула. Это делалось для того, чтобы «государь император не был останавливаем просителями». Прощения, не вскрывая, запечатывали в конверт с надписью «Его императорскому величеству. Всеподданнейшие прошения» и передавали царскому камердинеру. Помимо прочих обязанностей флигель-адъютанты должны были немедленно доводить устные распоряжения государя до командующего императорской главной квартирой³³.

Завтрак для Николая II подчас становился продолжением трудовой деятельности, поскольку в знак особого расположения кто-либо из утренних докладчиков мог быть приглашен к столу. Например, 10 января 1906 г. на завтраке присутствовал командир лейб-гвардии Семеновского полка Г. А. Мин, «произведенный в генерал-майоры с зачислением в свиту. Он рассказывал много про Москву и о подавлении мятежа; он показывал нам образцы взятых полком револьверов и ружья».

По окончании завтрака, по свидетельству мемуаристки, «у их величеств собирался небольшой кружок близких знакомых — примерно до четверти третьего»³⁴. После переезда в Александровский дворец Николай II это время стал посвящать прогулке. Царь гулял один или с детьми и очень ценил эти прогулки, только чрезвычайные обстоятельства могли заставить его их пропустить.

Это было время общения с близкими, с детьми. Надо заметить, что во время прогулок Николай II стремился максимально загрузить себя физически, проходя в хорошем темпе значительное расстояние или катаясь на лыжах («скатывались с... дочками на лыжах с горы»; «сделали круг по парку и затем скатывались с Парнаса на лыжах»; «хорошо покатался с дочерьми на лыжах»), с горки («дети съезжали с горы на лопатах»; «покатался с дочками с горы»), на байдарке или велосипеде. Зимой Николай II во время прогулки расчищал дорожки парка от снега («гулял и работал над остатками снега в теневой части сада»), а весной колот ломом лед на прудах. Только прогулки верхом император совершал довольно редко.

С 16 до 17 часов возобновлялась работа. Это мог быть доклад министра или прием какого-либо сановника: «В 4 ч. принял Лангофа»; «До чая принял доклад Григоровича»; «В 4 ч. принял четырех губернаторов».

В 17 часов следовал чай. Эта английская традиция прижилась еще при Александре III и окончательно вошла в быт императорских дворцов при Николае II. Дело в том что императрица Александра Федоровна, подолгу жившая у бабушки-королевы Виктории в Англии, считала чай в это время обязательным. Как правило, чаепитие продолжалось не более получаса и было делом сугубо семейным. «Пил чай вдвоем с Аликс; Алексей как всегда присутствовал».

После чаепития Николай II вновь работал с 17.30 и до обеда, который подавали к 20 часам. В эти два с половиной часа мог быть принят кто-либо из министров: «После чая — Щегловитова», но в основном царь работал с документами. По дневниковой терминологии эта работа обозначалась словами «читал» или «занимался»: «После чая спокойно занимался до 8 ч.»; «До обеда окончил все бумаги»; «Читал и кончил всё»; «Прочел всё»; «От 6 до 8 ч. читал, было много бумаг»; «Читал много после чая».

В 20.00 начинался обед, который продолжался около часа. При Николае II обед, который, по сути, был ужином, сместился именно на это время. На обеде, как правило, присутствовали только взрослые. Лишь накануне Первой мировой войны старших дочерей стали приглашать за стол. Сотрапезники регулярно менялись. В 1904 г. с царской семьей часто обедала Лили Ден. В январе 1905 г. в числе обедавших впервые упоминается флаг-капитан К. Нилов, а в сентябре того же

*Флаг-капитан Николая II
генерал-адъютант К. Д. Нилов*

года — А. А. Танеева. Периодически за столом собиралось довольно большое общество. Но всегда это были люди, к которым императорская семья была расположена лично. Так, в сентябре 1905 г. наряду с Танеевой на обеде присутствовали четыре офицера с императорской яхты «Полярная звезда».

После обеда время могло распределяться по-разному, все зависело от степени занятости императора. Дети, во всяком случае, уходили к себе на второй этаж, на детскую половину Александровского дворца. Если Николай II оставался с гостями, то можно было всем вместе посмотреть «огромную коллекцию фотографий Гана из поездки в шхеры». Часто играли в «дутье», бильярд, домино. Примечательно, что, как при Александре II и Александре III, политические темы из разговоров были совершенно исключены. Это считалось некорректным, и, кроме того, все хорошо понимали, что императору хватает политики в рабочие часы. Великий князь Александр Михайлович свидетельствовал: «Все темы о политике были исключены... В царской семье существовало молчаливое соглашение насчет того, что царственные заботы царя не должны были нарушать мирного течения его домашнего быта. Самодержец нуждался в покое»³⁵. Этому же правилу придерживалась и Александра Федоровна. Ее фрейлина писала: «Она никогда не говорила о политике со своими придворными — на эту тему было наложено табу»³⁶.

Если царственная пара обедала вдвоем, то часто после этого Николай II читал вслух жене любимые книги. Собственно, Александра Федоровна и получила представление о русской классической литературе во время этих вечерних семейных чтений. Обычно царь просто фиксировал: «После обеда читал вслух»; «После обеда начал читать вслух «Кн. Скопин-Шуйский»; «Вечером немного вслух». А. А. Вырубова упоминала: «Государь читал необычайно хорошо, внятно, не торопясь, и это очень любил». Она перечисляла Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Самым любимым писателем императора был Н. В. Гоголь. В последние годы он часто читал А. Т. Аверченко и Н. А. Тэффи³⁷.

Иногда вечером императорская чета выбиралась в гости. Как правило, они выезжали в дом А. А. Танеевой, которая жила в нескольких минутах

езды от Александровского дворца. Для Николая II и его супруги это была редкая возможность провести вечер в неофициальной обстановке: «После обеда поехали к Ане. У нее были Дены и офицеры с яхты. Видели небольшое забавное представление чревовещателя. Затем поиграли в общую игру и закусили; дома в 12½».

Периодически все же дела накапливались, и царь не успевал прочесть все бумаги до обеда, тогда он уходил в кабинет и работал еще 2–3 часа: «Занимался почти до 11 ч.»; «Читал долго после обеда». Это чувство долга и трудолюбие Николая II отмечало и ближайшее окружение: «Исключительное самообладание давало царю силы проводить целые часы за неустанным чтением представляемых ему докладов и подробных записок. В этом тягостном и неинтересном для него занятии он полагал главное исполнение своего долга и не отступал от него. «Я никогда не позволю себе идти спать, — говорил он, — пока совсем не расчищу моего письменного стола»³⁸.

После того как царь заканчивал работу с бумагами, он возвращался на половину императрицы, и день завершался в 23.00–24.00 вечерним чаем.

Так проходил обычный рабочий день императора. Конечно, приведенное расписание не было статичным. Наряду с докладами проходили необходимые представительские мероприятия и инспекционные поездки, и в этих случаях график корректировался. К тому же с возрастом, временем года и политической ситуацией в стране характер дел и развлечений менялся. Однако, обобщая, можно сказать, что средний рабочий день Николая II складывался из четырех утренних рабочих часов, часа — полутора после завтрака, двух часов после чая и периодически часа — двух после обеда. В результате набиралось не менее восьми — девяти рабочих часов ежедневно.

Воскресные дни Николая II проходили примерно в том же ключе. Как правило, он работал, правда, не столь напряженно, как в рабочие дни. Тем не менее позволить себе удовольствие провести целый день с супругой и детьми он не мог. Четыре произвольно выбранных из разных времен года воскресенья императора наглядно иллюстрируют это утверждение.

Зимнее воскресенье (17 февраля 1913 г.) вместило в себя следующие мероприятия. 11.00 — церковный парад в манеже 1-го Кадетского корпуса;

12.00 — возвращение в Царское Село, завтрак и снова поездка в Большой Екатерининский дворец к обеду у кадетов. В 14.00 — присутствие в Александровском дворце, куда в походную церковь крестным ходом была принесена икона Почаевской Божией Матери. С 15.00 до 16.30 — большая прогулка. После чая — просмотр кинематографа вместе с сыном и его

Николай II и Александра Федоровна на «Штандарте»

товарищами. Потом час работы: «Читал до 8 ч.». День завершился благотворительным спектаклем в Царкосельской ратуше, на котором царь присутствовал со старшими дочерьми.

Воскресенье (21 апреля 1913 г.) также было вполне насыщено. В 10.30 — обедня в Федоровском соборе, после обеда царь посадил два дерева напротив церкви. Далее — завтрак, после которого во время прогулки, несмотря на то что «холод был собачий», покатался в лодке с сыном. Потом пил чай с женой («дочери уехали в Петербург к тете Оле»). Вторая половина дня прошла в работе: «Занимался до обеда. Вечером читал». Следовательно, в этот день только работе с документами самодержец посвятил 3–4 часа.

То, что можно назвать отпуском, Николай II позволял себе лишь летом, когда с семьей отправлялся на «Штандарте» в финляндские шхеры или на поезде в Ливадию. Обычное летнее воскресенье (23 июня 1913 г.) выглядело так. Полтора часа утренней работы с документами, затем в 10.30 — обедня, далее завтрак «со всеми командирами». Дело в том что «Штандарт» сопровождала целая флотилия судов — от миноносцев охраны до судов обеспечения, и царь считал необходимым собирать командиров на завтрак

Николай II и цесаревич Алексей катаются на лодке

в кают-компани «Штандарта». После завтрака (14.15) — игра в теннис на берегу. В 18.30 Николай II с дочерьми и свитой отправился на острова на вечерний пикник «на плоской скале». Развлекали компанию матросы, которые «сыграли две пьесы очень живо, потом начались танцы с местными жителями под музыку». Около девяти часов вечера «сели ужинать, после чего пели и плясали песенники... Бал продолжался до 12 ч. Вернулись на яхту в 12½ ч.». В это воскресенье царь работал только полтора часа.

Ближайшее окружение хорошо представляло стандартный уровень интенсивности работы императора. И если он снижал темп, это немедленно фиксировалось всеми, причем без всякого одобрения. В сентябре 1906 г. А. Богданович, со слов руководителя канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолова, отметила, что царь, проведший в шхерах три недели, хорошо отдохнул, поскольку «делами совсем не занимался»³⁹.

В рядовое осеннее воскресенье (13 октября 1913 г.), когда семья еще жила в Ливадии, царь «утром погулял у моря», на обедню приехало «много народа». По окончании завтрака он совершил большую прогулку и вернулся домой ровно к чаю. После чая началась работа. Он принял «кн. Щербатова по делам коннозаводства и читал» до обеда. Обедали супруги вдвоём, также вдвоём они провели и вечер.

Таким образом, можно констатировать, что воскресные дни императора отличались от рабочих только тем, что не было утренних докладов. Однако доклады в воскресенье могли заменяться представительскими мероприятиями. Середина дня посвящалась прогулкам и семье. Однако после чая Николай II, как правило, час или два работал с документами.

Когда царская семья находилась в пригородных резиденциях, а тем более вдалеке от Петербурга — в Ливадии или Спале, распорядок дня несколько менялся. Например, в бархатный сезон 1897 г. в Ливадии все члены императорской семьи утренний кофе пили у себя. Только в 12 часов все собирались к высочайшему завтраку в большой ливадийской столовой. В 15.00 семья и свита собирались вместе опять, чтобы идти на прогулку. В 17.00 пили чай. В 20.00 семья и свита обедали, после чего гости «оставались у их величеств до 11–12 часов»⁴⁰.

Когда в августе 1914 г. Россия вступила в Мировую войну, распорядок царя, естественно, изменился. Среди докладчиков и представлявшихся увеличилась доля военных. Император начал активно посещать лазареты. В сентябре 1914 г. состоялась его первая поездка на фронт.

Когда в августе 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и переехал в Ставку, там у него сформировался свой рабочий график. Буквально через несколько дней после вступления в должность Николай II в 10 часов утра принимал в штабе «продолжительный доклад», длившийся до самого завтрака. После завтрака он нашел время для полуторачасовой прогулки. Как это ни парадоксально, в Ставке царь был даже свободнее по времени, чем в Александровском дворце. Его участие в военных делах ограничивалось докладами начальника штаба генерала Алексева. Как вспоминал один из очевидцев: «Собственно говоря, этим

часовым докладом и ограничивалась работа государя как Верховного главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не могло быть и речи»⁴¹. Кроме утреннего доклада были обязательные приемы приезжавших в Ставку сановников и чтение деловых бумаг с 15.00 и до обеда (в 20.00).

Но и в Ставке день на день не приходился. Иные дни, с точки зрения царя, бывали весьма загруженными. Например, такая ситуация сложилась 6 сентября 1915 г. В 10.00 была обедня, затем доклад, столь продолжительный, что Николай II даже опоздал к завтраку, на котором присутствовало 40 человек гостей. С 14.00 и до 15.30 царь принимал князя Щербатова, и на прогулку у него осталось всего 30 минут. В 17.00 был чай, после которого царь принимал великого князя Георгия Михайловича. С 18.00 вновь последовал полуторачасовой доклад Поливанова, и после обеда в 20.00 — еще один доклад. Затем царь работал с документами до 22.30. В результате император справедливо констатировал, что «день вышел занятой».

Распорядок дня императрицы Александры Федоровны

Конечно, у императрицы предполагался свой собственный график работы. Но следует признать, что Александра Федоровна по большому счету пренебрегала своими прямыми должностными обязанностями. Точнее, она не соответствовала им. То, что у вдовствующей императрицы Марии Федоровны получалось совершенно органично, — обаятельная улыбка, участливый вопрос, у Александры Федоровны не получалось совсем. Всё было искусственно и натянуто, и это понимали все — и сама императрица, и ее собеседники. Со временем заболевания Александры Федоровны, носившие преимущественно соматический характер, стали предлогом для банального уклонения от повседневных обязанностей.

Как правило, Александра Федоровна поднималась в 9 часов утра. После дежурного гоголя-моголя в постели она занималась в своем кабинете и

принимала представлявшихся. По окончании приема императрица иногда совершала прогулку по парку в экипаже вместе с детьми или с кем-либо из фрейлин (графиней Гендриковой или баронессой Буксгевден). После завтрака Александра Федоровна занималась рукоделием или живописью, что продолжалось до чая, а затем вновь следовало рукоделие до обеда или прием представлявшихся. Дети могли приходиться к матери во всякое время без предварительного о себе доклада.

По давно сложившейся традиции, главными обязанностями императрицы были представительские. Она, как и ее царственный муж, должна была участвовать во множестве дворцовых церемоний, в которых ей была отведена важная роль. К числу таких церемоний относилось, например, целование руки — «baise mains». Надо заметить, что Николай II очень переживал, когда его Аликс в январе 1895 г. дебютировала в качестве императрицы на придворных церемониях. 1 января 1895 г. он записал в дневнике: «С другой стороны, теперь было легче, потому что я был не один — моя дорогая Аликс начала работать дам, пока я обдeldывал мужчин». Это очень характерная и слегка циничная фраза — «работать дам». А 22 января 1895 г. Александра Федоровна впервые проводила церемонию «baise mains»: «В 2 часа в Зимнем начался дамский безмен — 550 дам! Моя дорогая Аликс выглядела замечательно красивой в русском платье. Вся церемония окончилась в $\frac{3}{4}$ часа». Дворцовый этикет предписывал целование руки как мужчинами, так и дамами. Однако, начиная с царствования Александра III, при дворе уже допускалось рукопожатие на английский манер, если это не была специальная церемония «baise mains».

Кроме многочисленных представительских обязанностей, от большей части которых Александра Федоровна успешно уклонялась, у нее постепенно оформился круг собственных занятий. При этом мощная система учреждений императрицы Марии Федоровны (по имени жены Павла I) оставалась подконтрольной вдовствующей императрице Марии Федоровне (жене Александра III).

Тем не менее Александра Федоровна еще во время Русско-японской войны создала свой госпиталь для раненых солдат и офицеров. А во время

Первой мировой войны она патронировала уже целую систему подведомственных ей лазаретов. Кроме того, она создала в Царском Селе школу нянь, взяв за образец английские учреждения подобного рода. Также она патронировала Дома трудолюбия, в которых девушки из бедных крестьянских семей получали рабочие профессии. Императрицу волновали проблемы туберкулеза, и с ее подачи под Ялтой начали появляться первые специализированные санатории. В дополнение к этому Александра Федоровна как многодетная мать в годы войны стала заниматься проблемами материнства и детства, поставив во главе этого национального проекта лейб-педиатра К. А. Раухфуса.

Все, кто работал с Александрой Федоровной, единодушно отмечали ее здравый смысл и настойчивость в достижении поставленной цели: «Своим докладчикам она ставила множество определенных и весьма дельных вопросов, касающихся самого существа предмета, причем входила во все детали, и в заключение давала столь же властные, сколь точные указания»⁴². Объясняли деловой потенциал императрицы по-разному. Все признавали наличие жесткой воли, определенность суждений и взглядов. Рассудительность Александры Федоровны связывали с полученным ею англо-протестантским воспитанием, пропитавшим ее рационализмом, равно как высокими и стойкими принципами пуританизма.

Однако самым важным являлось то, что с 1905 г. императрица Александра Федоровна начала втягиваться в политику. Следует отметить, что супруги были очень близки по своему мироощущению и пониманию самодержавной власти, поэтому Николай II всегда с благодарностью прислушивался к советам своей супруги.

Еще в 1898 г., со слов военного министра А. Н. Куропаткина, Николай II сообщил ему, что «много разговаривал и советовался с государыней Александрой Федоровной по вопросу об уменьшении вооружений»⁴³. Потом в 1902–1904 гг. был период экстрасенса Филиппа, который также давал царю политические советы, причем не без консультаций с Александрой Федоровной. Императрица в письмах еще долго вспоминала политические «заветы» экстрасенса. В одном из писем Николаю II она прямо говорила о

невозможности установления в России конституционного образа правления: «Ты помнишь, и Mr. Philippe говорил то же самое»⁴⁴.

В период политического кризиса 1905 г. Николай II стал регулярно обращаться за советами к своей супруге, причем даже передавал ей на просмотр издаваемые им государственные акты. Так, через цензуру императрицы прошел акт от 18 февраля 1905 г., гласивший о незыблемости самодержавия.

Процесс втягивания Александры Федоровны в политику завершился к 1915 г. Это произошло как бы вынужденно, поскольку страна, по ее мнению, «шла вразнос», а супруг не проявлял должной воли в решении управленческих задач. Эту отсутствующую в нем волю к власти она видела в себе. По словам информированного мемуариста, Александра Федоровна «была увлечена внушенной ей тем же Протопоповым мыслью — взять на себя крест Екатерины Великой и искоренить крамолу»⁴⁵.

Рабочие кабинеты императоров

Рабочие кабинеты императоров, как и кабинеты императриц, существовали во всех резиденциях и на всех императорских яхтах. Следует иметь в виду, что это были режимные помещения с особым порядком охраны.

Поскольку в кабинетах императора хранились чрезвычайно важные документы, никто в его отсутствие войти в них не мог. После отъезда императора из резиденции кабинет опечатывался до его следующего появления.

По негласной традиции, кабинет умершего государя превращался в мемориальное помещение, облик которого без изменений сохранялся для потомков. Это было данью уважения к царственным родителям. Только через поколение допускались изменения и использование этих помещений под другие нужды. Внуки уже могли заняться перепланировкой, сохраняя лишь отдельные мемориальные комнаты бывших жилых половин. Так, в Зимнем дворце вплоть до 1917 г. существовали две такие мемориальные зоны. Это кабинет Николая I на первом этаже, где он умер на походной кровати в феврале 1855 г. и рядом с которым были сохранены и некоторые помещения, относившиеся к николаевской эпохе. И кабинет Александра II, в котором он скончался 1 марта 1881 г. Интерьерные решения кабинетов определялись личным выбором монархов.

Императорские рабочие кабинеты Александровского дворца Царского Села

Первым хозяином Александровского дворца был Александр I. Все жилые помещения царской семьи с самого начала находились на первом этаже. Эта традиция, несмотря на многочисленные перестройки, сохранялась вплоть до 1917 г.

Кабинет Александра I был расположен в правом крыле дворца. Это был обширный угловой зал с шестью окнами, выходившими в сад⁴⁶. При Николае I в этом зале оборудовали кабинет императрицы Александры Федоровны. А в конце XIX в. в нем была устроена Голубая гостиная.

Кабинет Николая I также был расположен на первом этаже правого крыла⁴⁷. Окна выходили во внутренний двор. Интерьеры кабинета сохранялись почти сорок лет, до ремонта 1896 г. Поскольку в этом дворце император жил как бы «на даче», то перед его письменным столом в ящике ставились декоративные растения. В 1843 г. в рабочем кабинете Николая I был установлен первый в России электромагнитный телеграфный аппарат, соединенный с кабинетом министра путей сообщений.

Кабинет Александра III находился почти напротив кабинета Николая I. Два окна помещения выходили в сад Александровского дворца⁴⁸. До нас дошли описания этого кабинета и фотографии, поскольку его интерьер сохранился и после 1917 г. В нем стояла тяжелая дубовая мебель, покрытая кожей темно-синего цвета. Рабочий стол был изготовлен из наборного дерева с бронзовой отделкой. Вдоль стены располагалась гигантская оттоманка длиной 5 метров при ширине 1 метр 80 сантиметров, пол украшал персидский ковер. В углу у окна стоял телефон, служивший для вызова экипажей, а также детская мебель. Скорее всего, в этом кабинете играли старшие сыновья, пока отец работал. Стены помещения украшали картины — в основном, морские пейзажи художника Боголюбова.

Кабинет императрицы Марии Федоровны в Александровском дворце мало походил на рабочее помещение, поскольку был оформлен в виде гостиной.

В 1895–1896 гг. в Александровском дворце начался ремонт, в ходе которого была оборудована половина молодого императора Николая II и его жены Александры Федоровны. Эта половина располагалась на первом этаже левой половины дворца. В ходе ремонта для императора был устроен рабочий кабинет⁴⁹, два окна которого, как, впрочем, и окна всей половины, выходили во внутренний двор Александровского дворца. После того как был оборудован еще один кабинет царя, эту комнату стали незатейливо называть Старым кабинетом. Как и все помещения данной половины, Старый кабинет был выдержан в модном тогда стиле модерн. Именно в нем Николай II принимал утренние доклады министров и сановников.

Стены кабинета Николая II поверху были выкрашены темно-зеленой краской, низ стен украшен панелями орехового дерева. Вся мебель в кабинете также была из ореха. Видимо, при оформлении дизайнеры получили соответствующие указания от царя. Об этом свидетельствует и огромная оттоманка, «как у отца». На полу лежал большой персидский ковер. Кроме того, в кабинете хранилось довольно много книг (около 700 томов), в основном, по истории, а также издания, посвященные дому Романовых.

Рабочий стол был выполнен в виде буквы «Г». Над ним на вращающемся стержне крепилась лампа с абажуром, которая с помощью специального блока легко поднималась и опускалась. Весь стол был плотно уставлен семейными фотографиями и различными предметами. Среди них присутствовала и кожаная пепельница, которую дети подарили отцу в 1916 г. Рядом лежали трубки — пеньковая и деревянная. Император много курил, поэтому в его кабинете хранилось большое количество вещей, связанных с процессом курения. У оттоманки на столике стояла зажигалка в виде античного светильника. Среди прочих предметов на столе был хрустальный колокольчик, которым во время интимных семейных обедов вызывали слуг.

Некоторое время спустя был оборудован еще один рабочий кабинет Николая II, получивший название Большого, или Нового, кабинета⁵⁰. Помещение действительно являлось большим — на четыре окна, и особенно интересно тем, что из него был выполнен переход через антресоли на поло-

вину Александры Федоровны. В этом кабинете принимались сановники, и императрица, сидя на антресолях, могла слушать их доклады.

Потолок кабинета был выполнен из красного дерева, стены выкрашены сине-зеленой краской. Мебель покрыта козлиной кожей или тканью, а на пол брошена шкура рыси. В кабинете стоял бильярдный стол, на котором играли после позднего обеда, во время войны на нем раскладывали военные карты. В кабинете было множество книг и фотоальбомов, а на огромном письменном столе стояли фотографии и рисунки.

После начала Первой мировой войны соблюдение режима секретности в императорских кабинетах стало на порядок жестче. Поскольку в Новом кабинете Николая II хранились военные карты с нанесенной на них оперативной обстановкой, то «никто не смел входить туда: ни императрица, ни дети, ни прислуга. Ключи находились у государя»⁵¹.

Свой рабочий кабинет имелся и у императрицы Александры Федоровны, а поскольку стены его были затянуты сиреневой тканью, то и назывался он Сиреневым⁵². Мебель в нем была выкрашена эмалевой краской, имитирующей слоновую кость. В этом кабинете Александра Федоровна проводила большую часть времени. Сюда иногда подавали пятичасовой чай, и здесь же вечерами собиралась семья. В кабинете были два окна, выходившие в парк. Возле одного из окон, в углу, стояло любимое семейное кресло, запечатленное на множестве фотографий. Оно было удобно развернуто к окну, чтобы свет падал на книгу в руках сидящего. Кроме того, над креслом висела стенная лампа-бра, необходимая вечером, когда солнце садилось. Весь Сиреневый кабинет императрицы был разбит на несколько уютных уголков, каждый из которых отдельно освещался электрическими лампами. Среди прочего в помещении стояли два дивана, один из них угловой, а вдоль стен шла полочка, сплошь заставленная дорогими Александре Федоровне фотографиями. В этот уютный интерьер было удачно вписано белое пианино, на котором часто играла императрица.

Императорские рабочие кабинеты Зубовского флигеля

Большого Царскосельского дворца

Наследник Александр Николаевич в 1840-х гг. в качестве жилой половины выбрал Зубовский флигель Большого Екатерининского дворца. Ранее там находилась жилая половина императрицы Екатерины II. Зубовский флигель Екатерининского дворца был построен по проекту архитектора Ю. М. Фельтена в 1779–1785 гг. Свое название он получил по имени фаворита Екатерины II — П. А. Зубова, поскольку в нем располагались его апартаменты.

Свой медовый месяц в 1841 г. Александр II провел в Царском Селе, в Зубовском флигеле. К этому времени там были отстроены две половины — цесаревича и цесаревны. И в этих комнатах супруги жили вплоть до своей смерти. Мария Александровна провела там последний для себя весенний сезон в 1879 г., а Александр II — 1880 г.

Половина Александра II в Зубовском флигеле включала десять помещений: передняя, приемная, штандартная (знаменная), арсенальная, буфетная, азиатская, кабинет, туалетная (уборная), камердинерская, гардеробная. Приемы и деловые встречи проходили в кабинете, приемной и туалетной⁵³.

Сохранилась фотография рабочего кабинета Александра II в Зубовском флигеле, сделанная в 1930-х гг. Интерьер весьма напоминал интерьер кабинета царя в Зимнем дворце. Тот же массивный рабочий стол. На правой стене — множество картин с изображениями жены и детей монарха. На столе — два канделябра на четыре свечи и бюст императора Николая I. Позади, на стене, развешано множество акварелей на военную тему. Примечательно, что эти акварели принадлежали кисти хозяина кабинета. Дело в том что Александр II, будучи хорошим рисовальщиком, набросал множество эскизов военной формы, часть из которых, видимо, была использована при смене обмундирования русской армии в ходе военной реформы.

На втором этаже Зубовского флигеля находилась половина Марии Александровны. И хотя императрица при перестройке своих комнат ру-

ководствовалась, в первую очередь, стремлением к созданию комфортных бытовых условий, сохранившиеся интерьеры Екатерины II пришлись ей по вкусу. Отделка этих залов практически не была затронута.

От парадного Китайского зала начинались личные покои императрицы. Ее любимой комнатой был Зеркальный (или Серебряный) кабинет, который сохранил свой интерьер со времен Екатерины II.

В период правления Александра II при отделке интерьеров помещений часто использовалась мебель в стиле «буль», мода на которую возникла в Европе в 1840-х гг. Мебель декорировалась пластинами из рога и латуню. Но при этом под данной техникой в 1860-х гг. понималась, видимо, не только мебель, выполненная в традиционной манере А. Ш. Буля, но и предметы из палисандра, инкрустированные металлом и имевшие с работами придворного французского мастера весьма отдаленное сходство.

Императорские рабочие кабинеты

Зимнего дворца

В Зимнем дворце вплоть до 1917 г. сохранялись интерьеры четырех рабочих кабинетов российских императоров: Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. В конце 1920-х гг. они были уничтожены, и до настоящего времени, с некоторыми утратами, дошел только Готический кабинет Николая II. Остальные кабинеты превратились в обычные выставочные помещения огромного дворца. Только в последнее десятилетие в комнате, в которой находился кабинет Александра II, появился бюст императора, установленный на месте его кончины 1 марта 1881 г.

За тридцать лет жизни в Зимнем дворце у Николая I появились два рабочих кабинета. Когда на третьем этаже Зимнего дворца в 1826–1827 гг. устраивали жилую половину Николая I, наряду с другими комнатами был оформлен и рабочий кабинет императора. После пожара 1837 г. его интерьеры были воссозданы в том же виде.

Западный фасад Зимнего дворца

Барон М. Корф, многолетний сотрудник Николая I, оставил описание «верхнего» кабинета, который он смог детально рассмотреть во время одного из заседаний в 1841 г. Он рассказывал, что кабинет «выходит окнами к Адмиралтейству», что «вокруг всей комнаты идут полушкафы, на которых лежат книги и портфели. Посредине ее — два огромных письменных стола в параллельном направлении; третий — поперек комнаты, с приставленным к одной оконечности его пюпитром. В целом порядок удивительный: ничто не нагромождено, не валяется; всякая вещь кажется на своем месте... Во всей комнате только два огромных, как ворота, окна, и в простенке между ними — большие малахитовые часы с таким же циферблатом... Вся без изъятия мебель, стулья и кресла — карельской березы, обитые зеленым сафьяном; один только диван и ни одного вольтера»⁵⁴.

Дочь Николая I великая княгиня Ольга Николаевна описывала кабинет отца на 1838 г. совсем по-другому: «Светлое приветливое помещение с

четырьмя окнами, два — с видом на площадь, два — во двор. В нем стояли три стола: один — для работы с министрами, другой — для собственных работ, третий, с планами и моделями, — для военных занятий»⁵⁵. Однако на акварели Ухтомского, датированной серединой XIX в., это помещение с четырьмя окнами названо угловой гостиной Николая I. Видимо, это ошибка Ольги Николаевны, поскольку свои мемуары она писала много лет спустя.

Из перепланировок императорской половины можно упомянуть о появлении второго рабочего кабинета императора Николая Павловича, который был оборудован на первом этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца. Новый кабинет представлял собой небольшую узкую комнату, лишенную декора, с выбеленным потолком и оклеенными темными обоями стенами. Естественно, в кабинете находился письменный стол и стояла знаменитая складная походная кровать императора. Прохожие, гуляя по набережной, вполне могли заглянуть в кабинет императора и убедиться в его аскетизме⁵⁶. Правда, этот аскетизм носил несколько демонстративный характер. Барон М. Корф упоминал, что «император Николай только в самые последние годы своей жизни переселился в тот маленький кабинет, где и умер»⁵⁷.

После смерти Николая I в феврале 1855 г. этот кабинет на первом этаже Зимнего дворца сохранили как мемориальный. Память о Николае Павловиче чтилась. В феврале 1865 г., когда исполнилось десять лет со дня его смерти, Александр II с сыновьями посетили кабинет отца и долго там молились. Затем состоялась панихида в Малой церкви Зимнего дворца⁵⁸. Своего деда чтит и Александр III. Мемуарист свидетельствовал: «Он очень дорожил памятью своего деда. В кабинетах его он всегда останавливался и говорил о нем»⁵⁹.

Супруга Николая I, императрица Александра Федоровна, также имела во дворце свой рабочий кабинет. Он располагался в личной части ее апартаментов на втором этаже северо-западного ризалита. Великая княгиня Ольга Николаевна описывала кабинет Александры Федоровны следующим образом: «Это была красивая угловая комната с видом на Неву, обтянутая зеленым с амарантом штофом, всегда наполненная цветами»⁶⁰. Сейчас это зал № 185. Интерьер кабинета Александры Федоровны был уничтожен в

Рабочий кабинет Александра II. Зимний дворец

ходе ремонта 1895–1896 гг., когда на втором этаже дворца обустроивалась квартира для Николая II.

В начале 1840-х гг. была оборудована квартира в Зимнем дворце для старшего сына Николая I — цесаревича Александра Николаевича. В числе прочих комнат был создан и рабочий кабинет будущего императора Александра II. Половина цесаревича обустроивалась на втором этаже юго-западного ризалита Зимнего дворца. На этой территории в конце XVIII в. проживал император Александр I, его спальня и превратилась впоследствии в кабинет Александра II⁶¹.

Сохранились акварели разных лет с изображением этого кабинета, по которым можно проследить, как менялся его интерьер. На работе Н. Г. Че-

ренцова 1837 г. это — пустоватая комната 15-летнего цесаревича. Стол повернут к окну так, чтобы свет падал на него с левой стороны. Между двумя альковами стоит кушетка. В простенке между окнами на трельяже — фигурки солдат из папье-маше под стеклянными колпаками. Этот «допожарный» кабинет прост и еще не обжит.

На акварелях Э. Гау запечатлен облик кабинета 1850-х гг. На одной из них мы видим цесаревича, сидящего с двумя детьми за рабочим столом. Кушетка сохранила свое привычное место, но стол уже отодвинут подальше от окон. К этому времени на столе появились портреты дорогих хозяину людей. Увеличилось число фигурок под стеклянными колпаками. На стене — множество батальных картин, расположенных вокруг небольшого портрета Александра I. О том, что цесаревич действительно работал за этим столом, свидетельствуют три массивных кожаных портфеля, лежащих на одном из полукресел. На столе — стопка книг и кипы документов. Сама изображенная мизансцена задумана художником как краткий миг отдыха от дел, когда к цесаревичу забежали на минутку его малыши, и он с улыбкой отрывается от своих занятий.

Далее идет акварель Э. Гау, датированная второй половиной 1850-х гг. На ней изображена та часть кабинета, которая располагалась за спиной императора. На стене — портреты, и центральное место среди них занимают изображения молодой Марии Александровны и одно — Николая I. По бокам — портреты меньшего размера, видимо, бабушки и дедушки императрицы Марии Федоровны и Павла I. Кушетка находится на привычном месте, между альковами, а на стенном полушкафу — бюст учителя В. А. Жуковского. У окна в углу — икона. За спиной императора — большое зеркало с двумя канделябрами на две свечи.

На акварели того же художника, датированной 1857 г., мы уже видим кабинет не цесаревича, а императора. На стенах все те же портреты. Кушетка убрана за спину хозяина помещения, а в простенке между альковами появился полушкаф, на котором стоят три фигурки солдат под стеклянными колпаками. Еще пять фигурок установлены на полушкафу в алькове. Под стеклянными колпаками теперь хранятся и головные уборы — это казачьи

кивера Николая I. Позже к ним прибавились кивера умершего в 1865 г. старшего сына царя — Николая Александровича. На столе в рамках с закругленным верхом — акварельные портреты императриц Марии Александровны и Александры Федоровны кисти английской художницы К. Робертсон. На полукреслах, приставленных к столу, — все те же кожаные портфели с документами. Для документов рядом со столом появился круглый столик на трех ножках. Простенок между колоннами альковов занимает зеркало.

Сохранились фотографии кабинета Александра II в Зимнем дворце. На фотографии Левицкого 1870-х гг. мы видим Александра II, сидящего за рабочим столом. На столе увеличилось количество акварелей и фотографий. На стене поменялись портреты. Центральное место занял портрет отца — императора Николая I, по бокам которого поместили два изображения жены — императрицы Марии Александровны. Просматривается и портрет бабушки — императрицы Марии Федоровны. Напротив стола, на полушкафу появился бюст умершего старшего сына императора — Николая Александровича. Портрет Александра I был перевешен на стену между альковами, а под ним размещены изображения дочери Марии и умершего сына Николая. Рядом со столом — все те же полукресла с документами и круглый столик.

Покушения на Александра II оставили свой след в интерьере рабочего кабинета. Германский корреспондент, принятый Александром II в рабочем кабинете, обратил внимание на то, что «под стеклянными колпаками, рядом с казачьими киверами покойных императора Николая I и цесаревича Николая Александровича», хранится «пистолет, оказавшийся тем самым, из которого Каракозов выстрелил в государя 4 апреля 1866 г. Пистолет был двуствольный, и один из стволов оставался заряженным»⁶². Именно в это помещение принесли умирать Александра II 1 марта 1881 г.

Кабинет императрицы Марии Александровны располагался на втором этаже юго-западного ризалита Зимнего дворца. Императрица прожила в Зимнем почти сорок лет, с 1841 по 1880 г. Естественно, за это время ее покои неоднократно ремонтировались. При этом менялись и планировка, и интерьеры. Одна из камер-юнгфер описывала эти помещения следующим

образом: «Четвертая комната — кабинет: стены и мебель крыты светло-голубым дамаскином с белыми узорами; задняя стена полукруглая, и по всей стене — полукруглый диван; перед ним с одного конца стояли столик и кресла, с другого — стулья и табуретки, посередине комнаты довольно близко к дивану — кушетка, на которой великая княгиня постоянно отдыхала. На кушетке лежал валик длиною $\frac{3}{4}$ аршина, на розовом чехле надета батистовая вышивка и обшитая кружевами наволочка: его подкладывали под спину, а маленький такой же валик клали на подушку кушетки, под голову. Письменный стол стоял у стены около двери, ведущей в спальню... В противоположной стене — камин... Библиотеки не было вовсе. Впоследствии с правой стороны круглого дивана была сделана небольшая дверь, скрытая под драпировкой, ведущая на лестницу в нижний этаж, в комнаты детей; по стенам этой лестницы устроены были полки для книг; лестница освещалась днем и ночью карселевскими лампами, так как была устроена внутри стен и была совершенно темная.

Пятая комната, очень большая, угловая, крыта красной с золотыми арабесками материей; большой письменный стол с золотым письменным прибором, тут же стояли рояль и круглый прекрасный мозаичный стол... Эта комната называлась — парадный кабинет». Именно этот парадный кабинет и изображен на акварелях Ухтомского (датирован серединой XIX в.) и Л. Премацци (датирован 1869 г.). Сохранилась, пожалуй, единственная фотография императрицы Марии Александровны, сделанная в ее жилом кабинете фотографом Левицким. Это действительно был жилой кабинет, в котором больная императрица и проводила большую часть дня. На стене — портреты Александра II и умершего сына. Императрица сидела в низком удобном кресле и занималась рукоделием. Сам кабинет в 1870-х гг. освещался только свечами. У императрицы были большие легкие, и газовое освещение для ее половины не рекомендовалось медиками.

После гибели в марте 1881 г. императора Александра II семья Александра III окончательно оставила Зимний дворец. Поэтому с 1884 г., с разрешения министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова и обер-гофмаршала высочайшего двора Э. Д. Нарышкина, к осмотру личных покоев

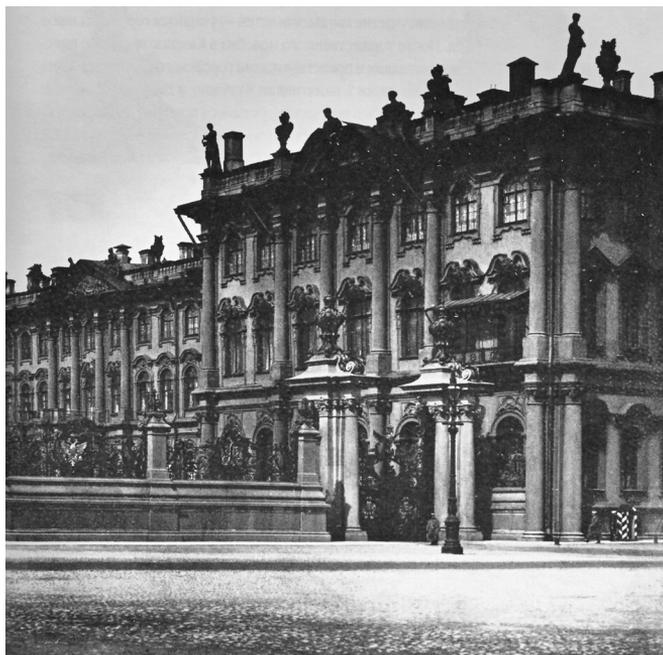
покойных императора Александра II и императрицы Марии Александровны начали допускаться иностранные и отечественные туристы (в официальных документах упоминается именно этот термин). Особенно много туристов приезжало из Англии и США⁶³. В экскурсиях по дворцу их в обязательном порядке сопровождали сотрудники дворцовой охраны.

В 1887–1888 гг. император Александр III на третьем этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца оборудовал свою половину. Она включала в себя следующие помещения: передняя, проходная первая, проходная вторая, проходная третья, уборная его величества, уборная и ванная, кабинет, гостиная угловая, гостиная вторая, библиотека, гардероб, две проходные комнаты за гардеробом, дежурная и буфет. Всего 15 комнат⁶⁴.

Надо заметить, что в этих комнатах царь бывал очень редко, но кабинет ему требовался просто по статусу. Граф С. Д. Шереметев вспоминал, что Александр III «сам повел меня показывать подробности. Сказал, что мебель карельской березы принадлежала императору Николаю, что остальную мебель он собрал из Таврического дворца. Мне бросился в глаза прекрасный портрет царя Алексея Михайловича как изображение, необычное для Зимнего дворца... Повел и в угловую комнату с видом на Неву в обе стороны. Здесь говорил, что это бывшая комната императрицы Александры Федоровны, ее будуар, и поэтому он приказал вернуть сюда ее прежнюю мебель (до этого там жил Алексей Александрович)»⁶⁵. Надо добавить, что все личные комнаты Александра III в Зимнем дворце считались секретными, их планировка составляла государственную тайну.

Последние царские кабинеты были оформлены в Зимнем дворце в ходе ремонта «царского» северо-западного ризалита в 1895–1896 гг. Среди прочих комнат на втором этаже дворца были оформлены два царских кабинета: императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

Судя по фотографиям, обе эти комнаты были угловыми. Только окна кабинета Александры Федоровны выходили на Дворцовый мост и Адмиралтейство, а окна кабинета Николая II — на Адмиралтейство и собственный садик. Эти помещения являлись частью личных апартаментов, поэтому там было прежде всего уютно и удобно. Комфорт первенствовал над роскошью. Серд-

Решетка садика Зимнего дворца

цем кабинета был обычный г-образный письменный стол, освещаемый лампой под матерчатым абажуром. Судя по фотографиям, кабинет царя был отделан с элементами русского стиля: арочная дверь украшена кованными прорезными петлями. В кабинете Зимнего дворца Николай II проработал с декабря 1895 г. по весну 1904-го, то есть семь с половиной лет.

Интерьеры этих помещений начали

растаскиваться уже летом 1917 г., когда на императорскую половину Зимнего дворца въехал А. Ф. Керенский. Тогда были срочно вынесены стильная мебель и специально заказанные для дворца гарнитуры. Взамен в царские комнаты доставили обычную канцелярскую мебель: письменные столы и стулья, которые имелись в дворцовых запасах и в помещениях бывшего дворцового ведомства. Стены, обитые шелком, вместе с картинами затянули холстом. Лишь кабинет Николая II был сохранен в качестве мемориального. Сам А. Ф. Керенский разместился на третьем этаже, над половиной Николая II, в бывших апартаментах Александра III⁶⁶. От Малахитовой гостиной по северной и западной сторонам дворца в бывших покоях Александры Федоровны и Николая II расположились канцелярии и аппарат правительства, кабинет министра-председателя (в угловой комнате, бывшем кабинете царицы).

В библиотеке Николая II А. Ф. Керенский обычно проводил совещания с военными. Помещения правительства кончались у Салтыковской лестницы⁶⁷.

Во время штурма Зимнего дворца кабинет Николая II серьезно пострадал. На фотографии виден разбитый шкаф, обитые до штукатурки стены. Поскольку в мемориальном кабинете со стен не были сняты картины, то один из портретов Николая II («Николай II в тужурке» кисти В. Серова) проткнут штыком⁶⁸.

Императорские кабинеты Гатчинского дворца

В Гатчинском дворце за время его существования в качестве загородной императорской резиденции последовательно сформировались рабочие кабинеты четырех российских императоров: Павла I, Николая I, Александра II и Александра III. У Николая II во дворце также имелся свой кабинет в бытность его цесаревичем. Начиная с Николая I, все рабочие кабинеты императоров располагались в Арсенальном каре Гатчинского дворца.

Внешний облик этих помещений можно представить по дошедшим до нас акварелям Премацци, Ухтомского и Гау. Часть интерьеров сохранилась до нашего времени. Следует помнить, что судьба Гатчинского дворца была особенно тяжелой. Дворец очень серьезно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Его интерьеры при эвакуации были переданы другим музеям, а то, что осталось, разграблено фашистами. После войны долгие годы дворец занимали различные организации, что также не способствовало сохранению его исторического облика.

В эпоху цесаревича, а затем императора Павла Петровича за долгие годы его жизни в Гатчинском дворце сформировались два рабочих кабинета на первом этаже Центрального корпуса дворца: Овальный и Башенный. Эти небольшие помещения смотрели в сторону парка. На втором этаже (бельэтаже) главного корпуса дворца был свой кабинет у императрицы Марии Федоровны, окна его выходили на плац перед дворцом.

При императоре Николае I на первом этаже Арсенального корпуса Гатчинского дворца возникли еще четыре рабочих кабинета: Угловой и Большой военный кабинеты Николая I, Дубовый и Большой — императрицы Александры Федоровны.

Судя по акварели, Большой военный кабинет Николая I был воплощением аскетизма, который царь искренне демонстрировал, где только мог. Кабинет представлял собой большую пустоватую комнату, три окна которой выходили в парк, на стенах висели акварели Пиратского и Лангла с таблицами форм русских войск. На специальной стойке крепилась карта Гатчинского дворца и окрестностей. К окнам придвинут рабочий стол императора. Рядом с камином стояла кушетка, в углу располагался умывальник. В лепнину потолка были вплетены вензеля Николая I. На полушкафу рядом с бюстом Николая I (работы скульптора Залемана) стоял проект парового двигателя для паровоза николаевской железной дороги.

Угловой кабинет Николая I, расположенный в восьмигранной башне Арсенального корпуса, был своеобразной репликой Башенного кабинета Павла I. Кабинеты императрицы Александры Федоровны — Дубовый и Большой являлись частью парадных помещений жилой половины императорского дворца. Все они сохранялись вплоть до 1917 г.

У Александра II и его супруги императрицы Марии Александровны в Гатчинском дворце были два кабинета. Они также находились на первом этаже Арсенального корпуса и не имели каких-либо специальных названий, они именовались просто кабинетами.

Кабинет Александра II, по традиции, сложившейся еще при Павле I, был расположен в восьмигранной башне по диагонали от Углового кабинета Николая I. Его окна выходили на плац перед дворцом. Декорированное в зеленых тонах помещение вмещало рабочий стол, два полушкафа, два уютных полукруглых дивана, вписанных в геометрию стен. Рядом с диванами стоял небольшой круглый столик. Главным украшением стен служили картины с изображениями солдат и офицеров в форме различных полков русской армии. Отапливалась комната камином.

Небольшой двухоконный кабинет Марии Александровны выходил в сторону нынешнего железнодорожного вокзала. Также декорированный зеленоватым чинцем, он был украшен портретами детей императрицы. Роскошная гнутая мебель, выполненная в мастерской братьев Гамбс, удачно вписывалась в интерьер небольшого помещения, создавая ощущение уюта и домовитости.

После внезапного отъезда из Петербурга в конце марта 1881 г. семья Александра III начала обустраиваться в Арсенальном каре Гатчинского дворца. Император не стал трогать жилые половины своего деда и отца, он занял совершенно не востребованный ранее антресольный этаж. Это решение буквально ужаснуло императрицу Марию Федоровну, привыкшую к более комфортабельным помещениям Аничьего дворца. Со временем она смирилась и даже полюбила «свои антресоли». Однако на свежих людей царские покои с низкими сводчатыми потолками производили сильное впечатление. Так российские монархи еще не жили.

Со временем на втором антресольном этаже Арсенального каре сложились целых пять рабочих кабинетов членов семьи Александра III: самого Александра III, Ксении Александровны, Михаила Александровича, Георгия Александровича и цесаревича Николая Александровича.

Свой рабочий кабинет Александр III разместил, конечно, в восьмигранной башне, точно над Угловым кабинетом Николая I. А если учесть, что выше, на третьем этаже, в той же башне находилась и приемная Александра III, то витая лестница, шедшая внутри восьмигранной башни, связывала три рабочих кабинета российских императоров, располагавшихся один над другим.

Судя по фотографии начала XX в, рабочий кабинет Александра III был прежде всего функционален. Собственно дворцовой роскоши там не существовало и в помине. Да и в комнате со столь низкими потолками для роскоши просто не было места. Доминировал в кабинете рабочий стол, развернутый к окну. Над столом — лампа с матерчатым абажуром. Кроме того, в кабинете стояли еще один стол, диван и два массивных кресла. Видимо, передвигаться по тесно заставленному помещению приходилось с осторожностью. На

фотографии видно, что под второй стол задвинут деревянный табурет, по форме напоминающий бочку. Он сохранился до настоящего времени. На выставке, посвященной Александру III, этот табурет именовался «Табурет-вазон. Вторая половина XIX в.».

В Гатчинском дворце стены личных покоев императора Александра III украшали работы преимущественно передвижников, которых он очень любил. В его кабинете висел портрет К. П. Победоносцева кисти К. Е. Маковского.

В конце 1888 г. Александр III принимал у себя в Гатчине сенатора А. Ф. Кони, который в течение полутора часов докладывал царю о судебных делах. Сенатор был «поражен обстановкой царя: низкий кабинет, очень небольшой, на письменном столе синее сукно, тут лежит лист грязного *parier-buvard*⁶⁹, простая чернильница, возле — белая тряпочка для вытирания пера, на которую Кони обратил особенное внимание, так как государь ее неоднократно брал, чтобы обтереть перо, которое у него не писало, а он во время разговора делал примечания этим пером. Во время разговора царь встал и стал ходить по комнате. Кони тоже встал, но государь приказал ему сесть»⁷⁰.

Мемуаристы оставили упоминания и о характере приемов в этом рабочем кабинете. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что во время приема в гатчинском рабочем кабинете Александр III «всегда придвигал стул, чтобы я мог сесть»⁷¹. В отличие от отца Николай II принимал «разовых» докладчиков в своих кабинетах только стоя.

Рабочие кабинеты Аничкова дворца

Аничков дворец, наряду с Зимним, являлся одной из петербургских резиденцией российских императоров. С 1817 по 1825 г. там жил Николай I, называя дворец собственным. С 1825 по 1855 г. Николай I проживал там уже периодически. А с 1855 по 1866 г. дворец являлся одной из резиденций Александра II. В 1866 г. там поселились цесаревич Александр Александрович с цесаревной Марией Федоровной. Там рождались их дети, там они

росли и получали образование. После того как цесаревич 1 марта 1881 г. стал императором Александром III, Аничков дворец сохранил свой статус императорской резиденции. После смерти Александра III в 1894 г. дворец оставался за вдовствующей императрицей Марией Федоровной вплоть до Февральской революции 1917 г.

В этом дворце важную роль играли рабочие кабинеты Александра III и императрицы Марии Федоровны. Малиновая гостиная, которая и считалась кабинетом цесаревны, судя по литографии 1869 г., представляла собой, по сути, роскошную светскую гостиную. На отдельном столике под стеклянным колпаком хранился раритет — серебряный букет работы московского ювелира Овчинникова «из роз, гвоздики, георгинов, ландышей, тщательно отделанных и большей частью позолоченных», полученный по случаю обручения.

Рабочий кабинет Александра III в Аничковом дворце находился на втором этаже в угловой комнате, два окна которой выходили в сад и два окна — на Невский проспект. Этот кабинет был хорошо известен в Петербурге, поскольку император, отдыхая, любил сидеть на подоконнике и наблюдать кипучую жизнь Невского. Он смотрел на прохожих, на вывески магазинов. В этот кабинет во время Аничковских балов он приглашал интересующих его собеседников, обсуждая те или иные вопросы.

По установившемуся порядку никто не мог войти в кабинет императора в его отсутствие. При отъезде императора из резиденции его кабинет опечатывался, и печать оставалась на дверях до возвращения хозяина.

Александр III поддерживал строгий порядок в личных вещах: «Письменный стол его был неприкосновенная святыня. Никто не смел до него дотрагиваться, он сам его убирал и ревниво оберегал от вторжения». ⁷² До самого конца жизни император предпочитал писать гусиным пером.

Был у Александра III и другой, менее известный рабочий кабинет, который он устроил себе на «вышке» третьего этажа, где уединялся для занятий. В нем были всего два окна, небольшой стол и весьма скудная мебель ⁷³. Этот кабинет царь ценил за то, что там его старались не беспокоить, и если он удалялся из парадных помещений на третий этаж, это означало, что царь хочет побыть один, решая стратегические вопросы.

Рабочий кабинет Николая II

в Нижней даче

Нижняя дача стала главной резиденцией Николая II в Петергофе. Это был единственный дворец, отстроенный специально для семьи царя за 23 года его царствования. Естественно, для монарха там был оборудован рабочий кабинет. В сложившихся традициях кабинет был обставлен тяжелой резной мебелью, крытой зеленым сафьяном. Стены помещения в нижней части были отделаны ореховыми панелями, а верхняя часть стен — покрыта тисненой кожей. Напротив рабочего стола стоял стул с высокой спинкой, предназначавшийся для докладчиков. Собственное кресло царя за рабочим столом было такое же, как и на «Штандарте», — крутящееся, с полукруглой спинкой. Освещение в кабинете было смешанным, наряду с электричеством стояли на столе и канделябры со свечами. Знаковым моментом являлся портрет Александра III в датском мундире, кисти В. Серова, висевший на стене. Этот портрет находился в кабинете Николая II до начала 1930-х гг.

Рабочий кабинет в Коттедже

В Коттедже, построенном на рубеже 1820–1830-х гг., был оборудован Морской кабинет Николая I. Три окна его выходили на Финский залив и напоминали кормовую каюту боевого корабля. Собственно, поэтому он и получил название Морского. Мебель кабинета была дубовой и, как любил Николай Павлович, обтянута зеленым сафьяном. Вдоль стен шли полushкафы, на которых стояли бюсты дорогих императору людей: его дочерей и супруги. Кроме того, стены кабинета украшали картины с морскими батальными сценами. Сердцем этого помещения был длинный стол, застеленный зеленым сукном. После смерти Николая I кабинет был сохранен как мемориальный, поскольку Александр II предпочитал жить и работать в летние месяцы в соседнем Фермерском дворце, в обширном рабочем кабинете которого он и подписал указ об отмене крепостного права.

Позже в Коттедже работал Александр III, который использовал кабинет своего деда — Николая Павловича.

По традиции, в рабочих кабинетах скапливались произведения искусства. Например, «блюдо серебряное кованное, в виде листа болотного кувшинчика; в середине самый цветок, выкованный плоским рельефом с накладками из цветного золота; по дну листа видна ковка сотового характера. На оборотной стороне — пять ножек в виде улиток, выходящих из раковин». Это была работа американского золотых дел мастера Тиффани. Здесь же хранилось еще несколько вещей «от Тиффани»: «Спиртовая лампочка, выкованная из серебра в японском вкусе, украшенная травами, листьями и символическими знаками Тайкуна, частью крытыми темно-зеленой краской, частью наложенными из золотистого металла»; «Пепельница кованная из серебра, треугольной формы. На дне — рельефное изображение мыши»⁷⁴.

Рабочие кабинеты монархов на императорских яхтах и в поездах

Поскольку перерывы в работе российских императоров не были возможны, то все средства транспорта в обязательном порядке также оборудовались рабочими кабинетами.

В последней трети XIX в. были построены три большие океанские яхты. Первый опыт подобного строительства оказался неудачен. Яхта «Ливадия» была заложена в Англии в 1880 г. Царский заказ выполнили очень быстро и через три месяца яхту спустили на воду. В сентябре 1880 г. она вышла из Англии. Императорская яхта была роскошно отделана. Конструктивные особенности судна (проект «поповка») позволили оборудовать большие каюты и салоны для царской семьи и свиты. Общая площадь помещений, отводившихся под эти цели, составила 3950 м². Приемная и кабинет императора имели четырехметровые потолки. На яхте был даже действующий фонтан, окруженный цветочной клумбой. Это была первая электрифици-

рованная императорская яхта, освещенная «свечами Яблочкова»⁷⁵. Однако, несмотря на всю роскошь, конструкция судна оказалась крайне неудачной, и «Ливадию» вывели из списка императорских яхт.

Новая императорская яхта «Полярная звезда» была заложена в 1888 г. и спущена на воду в 1890 г. Естественно, она была роскошно отделана. Уникальные внутренние интерьеры по роскоши не уступали дворцовым. При этом судно обладало высокими мореходными качествами. В кормовой части яхты располагались императорские помещения. Императорская кормовая рубка была разделена переборкой на две части: вестибюль и курительную комнату. Из вестибюля трап вел на первую палубу, в обширный императорский столовый зал на четырнадцать окон. Вдоль правого борта «Полярной звезды» были расположены: кабинет императрицы на два окна, спальня императрицы, спальня и кабинет императора Александра III⁷⁶.

В конце правления Александра III в Дании была заложена третья океанская яхта — «Штандарт», которую спустили на воду уже при Николае II. Поскольку яхту строили датчане, то и внутренней отделкой занимался датский художник Л. Монберг. Для оформления судна многие вещи перевезли со старых яхт: мебель с «Державы», столовое серебро также с «Державы» и с прежних «Ливадии» и «Штандарта». По особому распоряжению Николая II золочение для отделки не применялось.

На яхте единым блоком была спроектирована императорская половина. Она включала в себя помещения для Николая II (гостиная, спальня, кабинет, ванная) и двух императриц — Александры Федоровны и Марии Федоровны. Рабочий кабинет царя на яхте мало чем отличался от его «сухопутных» кабинетов. Та же тяжелая мебель, обтянутая сафьяном, те же электрические лампы-бра на стенах, то же множество фотографий. Из морских деталей можно упомянуть настенный барометр. Еще один барометр стоял на рабочем столе царя. Редко встречающейся деталью интерьера стал большой электрический вентилятор, стоявший на трельяже. Рабочий стол императора был установлен в простенке между двумя окнами. Наряду с электрическим освещением имелись и свечи в канделябрах. Всего в царском кабинете было четыре окна. Именно привычные окна, а не иллюминаторы.

Надо отметить, что Николай II, находясь на яхте, предпочитал в хорошую погоду работать с документами на палубе. Для него ставились плетеное кресло и столик, на котором он и раскладывал свои бумаги. Рядом с ним обычно занималась рукоделием Александра Федоровна.

Таким образом, у российских императоров за десятилетия сложился достаточно напряженный распорядок дня, который в буквальном смысле передавался из поколения в поколение: утренняя прогулка, утренние доклады до завтрака, завтрак, короткая прогулка и вновь работа до пятичасового чая, затем короткий отдых и работа до обеда. Вечер посвящался светским мероприятиям. Однако если дела оставались, то, по неписаной традиции, их заканчивали в ночные часы. Императоры отчетливо понимали, что на следующий день вдобавок к незаконченным делам на них навялятся новые заботы. Именно поэтому в их письмах и репликах часто проскальзывало сравнение их деятельности с бессрочной каторгой или службой. Когда в Ливадии император Николай II, проверяя новое солдатское обмундирование, совершил марш-бросок с полной выкладкой, то по его окончании ему предложили заполнить солдатскую книжку, в которой он лично обозначил срок своей службы — «до гробовой доски».

Церемониалы российского императорского двора

Вся жизнь российского императорского двора была строго регламентирована. Этикет и прецедент определяли все нюансы повседневной жизни и поведения высшего света. При императорском дворе в 1744 г. было создано специальное подразделение, призванное отвечать за организацию и проведение придворных церемоний и торжеств, — Церемониальная часть. Интересно, что это подразделение формально было образовано при Коллегии иностранных дел, и только в 1796 г. его переподчинили придворному ведомству.

Сфера ведения Церемониальной части была весьма обширна. Она занималась устройством и наблюдением за порядком исполнения придворных церемоний, торжеств, балов, спектаклей, обедов и пр. Кроме этого, чиновники Церемониальной части составляли, печатали, переводили на французский язык и рассылали церемониалы придворных торжеств и празднеств; следили за соблюдением этикета при приеме и отпуске иностранных дипломатов, представляли их императору, императрице и членам императорской фамилии, приглашали особ дипломатического корпуса на придворные торжества и празднества; вели список налагаемых при дворе

трауров; решали возникавшие на практике вопросы касательно применения правил придворного этикета⁷⁷.

Самыми заметными руководителями Церемониальной части Министерства императорского двора в XIX в. были обер-церемониймейстеры князь П. И. Ливен при Александре II (с 1866 по 1882 г.), князь А. С. Долгорукий при Александре III (с 1883 по 1899 г.) и П. П. Корф при Николае II (с 1899 по 1917 г.).

Необходимость соблюдения жестких правил придворного церемониала являлась совершенно очевидной для всех ее участников. Только такие правила могли организовать толпу придворных и превратить их в участников своеобразного спектакля, все роли в котором были заранее расписаны. Тем не менее современники оставили множество рассуждений на тему особенностей придворных церемоний. Пожалуй, самыми яркими можно считать воспоминания фрейлины А. Ф. Тютчевой: «Придворная жизнь — по существу, жизнь условная, и этикет необходим для того, чтобы поддерживать ее престиж... Этикет создает атмосферу всеобщего уважения, когда каждый ценой свободы и удобств сохраняет свое достоинство»⁷⁸; «Они редко совершают великие дела, зато превращают житейские мелочи в очень важные дела. Громадное значение и грандиозные размеры, которые принимают для них самые простые события в жизни, как обеды, прогулки или семейные встречи, требуют столько времени, столько внимания и сил, что их уже не хватает на более серьезные предметы. Всё непредусмотренное, а следовательно, и всякое живое и животрепещущее впечатление навсегда вычеркнуто из их жизни... Тем не менее надо признать, что в эту эпоху русский двор имел чрезвычайно блестящую внешность»⁷⁹.

Действительно, то, что называется пышностью, отличало повседневную жизнь российского двора XIX в. В это время в Европе, сотрясаемой бесконечными революциями, пышность уже вышла из моды как не соответствующая жизненным стандартам буржуазного общества.

Последний посол Французской республики в императорской России Морис Палеолог неоднократно отмечал этот блеск российского императорского двора, позабытый в Европе. В июле 1914 г. он записал в дневнике:

«По пышности мундиров, по роскоши туалетов, по богатству ливрей, по пышности убранства, общему выражению блеска и могущества зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться. Я надолго сохранил в глазах ослепительную лучистость драгоценных камней, рассыпанных на женских плечах. Это фантастический поток алмазов, жемчуга, рубинов, сапфиров, изумрудов, топазов, бериллов — поток света и огня»⁸⁰. Блеск императорского двора не померк даже в годы Мировой войны, хотя те, кто помнил время царствования Александра II, считали, что двор начала XX в. — только бледная тень того, что они видели в дни своей молодости. В январе 1915 г., оценивая прием дипломатического корпуса в Александровском дворце Царского Села, Морис Палеолог вновь отметил: «Как обычно, выказана пышность больших церемоний, богатство убранства, великолепие могущества и блеска, в чем русский двор не имеет себе равных»⁸¹.

Церемониальная часть Министерства императорского двора в буквальном смысле регулировала все стороны жизни как самих придворных, так и членов императорской фамилии. При этом следует иметь в виду одно важное обстоятельство. При Николае I его частная, семейная жизнь органично вписывалась в череду придворных церемоний и была неотделима от них. Император Николай Павлович не отделял себя от своего двора. Напротив — его семейная жизнь являлась стержнем придворной жизни, она всячески демонстрировалась и выставлялась на всеобщее обозрение. Например, так было во время июльских празднеств в Петергофе, когда в Коттедже поднимались все шторы на окнах, чтобы гуляющая в парке публика могла собственными глазами наблюдать жизнь императорской семьи. В целом эта традиция сохранялась и при Александре II.

Вместе с тем, Николай I, требовавший соблюдения всех тонкостей церемониала при дворе, поскольку это укрепляло престиж империи, мог жестко потребовать от подданных отказа от проявления «церемониального рвения» в повседневной жизни. У него было четкое представление о том, где можно и должно следовать букве церемониала, а где этим стоит пренебречь, следуя здравому смыслу и пользе дела. В 1828 г. на законодательном уровне было предписано, чтобы «во время путешествия его императорского величества

никто из военных, гражданских и полицейских чиновников не встречал и не провожал его величества без особого на то высочайшего повеления». При этом позволялись «обыкновенные встречи... только в одних квартирах городов, где его величество останавливается»⁸².

Неким поворотным моментом, разделившим публичную и частную жизнь российских монархов, стали события лета 1880 г. После смерти в мае месяце Марии Александровны император Александр II уже в июле женился на своей многолетней любовнице Екатерине Долгорукой. Это стало серьезным нарушением всех норм морали высшего света. И с этого момента блеск и пышность российского императорского двора, органично сочетавшего в своих церемониях семейную и публичную жизнь российских монархов, начали уходить в прошлое.

При Александре III вся палитра придворных церемоний с их помпезностью и роскошью сохранялась, но то была уже лишь пустая оболочка, поскольку свою семейную жизнь монарх решительно отделил от общественной и свел к необходимым придворным церемониалам, связанным с крещениями, присягами, свадьбами и похоронами. И только обаяние императрицы Марии Федоровны, страстно любившей балы и приемы, придавало жизни императорского двора некую теплоту.

При Николае II, отягощенном семейными проблемами, которые он и его жена решительно не желали выставлять напоказ, придворная жизнь постепенно замерла, а пышный церемониал стал бледной тенью отжившего прошлого.

Дворцовые приемы

Дворцовый церемониал во всех его проявлениях был подробно прописан и задокументирован. При этом соответствующие документы периодически корректировались в соответствии с духом времени и сценарием власти очередного монарха. Главным регламентирующим документом являлось «Положение о выходах при высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о

представлении их императорским величествам, о приглашениях на балы и другие при дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий». Это «Положение» было утверждено 13 апреля 1858 г., затем изменено в 1899 г. и вновь утверждено в новой редакции 20 августа 1908 г.⁸³

Важной частью придворного церемониала являлись приемы. Безусловно, существовал строгий порядок их проведения. Однако периодически проходили приемы, которые выбивались из этой бесконечной стандартной череды, и они надолго оставались в памяти современников, их описания сохранялись в дневниковых записях и мемуарах.

Как правило, такие приемы были связаны с событиями не рядового характера и выходили на международный уровень. К их числу можно отнести приезд в Россию в августе 1868 г. родителей цесаревны Марии Федоровны. Поскольку императорский двор в это время традиционно находился в Петергофе, то прием был организован «по-семейному».

Праздник решили устроить в парке Александрия близ Коттеджа. Оформлением занимался близкий ко двору цесаревича художник Боголюбов. Поскольку на этом «пасторальном» приеме должно было присутствовать много гостей, а помещения Коттеджа носили камерный характер, то было решено пристроить к южному фасаду Коттеджа большой временный зал, обтянув парусиной деревянный каркас. Внутреннее пространство временного павильона украсили флагами Дании и России, вдоль стен расставили кадки с тропическими растениями, а расположенную в глубине сцену украсили цветами. Для защиты теплолюбивых растений от прохладных северных августовских ночей пришлось расположить рядом с ними котлы, в которых постоянно горел спирт⁸⁴. Прием удался, гости и хозяйева были довольны.

Дворцовые выходы

Под выходами имелись в виду торжественные шествия по залам Зимнего дворца по маршруту, определявшемуся целью выхода, — например, в дворцовую церковь, по случаю какого-либо церковного праздника. Все

роли для участников этих мероприятий были расписаны детально, как и маршрут движения по парадным дворцовым залам. Так, во время больших выходов в Зимнем дворце процессия следовала через парадные залы: Концертный, Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый, Пикетный.

Были четко расписаны по залам Зимнего дворца и диспозиции всех, имевших право присутствовать при выходах. Еще в январе 1834 г. системным и пунктуальным Николаем I было подписано «Расписание о том, в каких комнатах Зимнего дворца, каких войск гг. генералы, штаб- и обер-офицеры должны находиться при высочайших выходах с половины государя императора». Например, в Большом Аванзале по правую сторону выстраивались генералы и флигель-адъютанты, старшие офицеры Генерального штаба, «старых» лейб-гвардейских полков (Преображенского, Семеновского, Кавалергардского ее величества, Конного, Кирасирского). По левую сторону — морские, приездные и не состоящие в полках генералы. В Белом зале по правой стороне выстраивались все гражданские чины, не имеющие входа за кавалергардов, и отставные чиновники, по левой стороне — городские дамы⁸⁵.

Члены императорской фамилии с коронованной четой во главе выстраивались в строгом порядке, определявшемся очередностью родства. Придворные также выстраивались по залам, при этом имели значение их титул и должностное положение.

Следует подчеркнуть, что иерархия старшинства среди Романовых была незыблемой, и к малейшим ее нарушениям, вольным или невольным, члены императорской фамилии относились очень ревниво. Нарушения, даже самые пустяковые, жестко пресекались заинтересованной стороной. Один из сановников упоминал, как во время встречи великокняжеского окружения Александра III (4 августа 1890 г.) он, подавая букеты великим княгиням, сбился «в их старшинстве», что немедленно вызвало «замечание Марии Павловны, что я ее больше знать не хочу»⁸⁶. Это была, конечно, шутка, но с весьма серьезным подтекстом...

Парадные большие выходы были для участников своеобразной работой с ее профессиональными издержками и определенным цинизмом. Один из

мемуаристов писал, как при подготовке большого выхода члены императорской фамилии собирались в Малахитовой гостиной «за кавалергардами» и «весело болтали, покуда не наступал момент надеть маску торжественности. Затем процессия выстраивалась...»⁸⁷.

Во время больших выходов подле зала, ближайшего к внутренним апартаментам, выстраивался пикет от Кавалергардского полка. Находиться в зале «за кавалергардами» (то есть ближе к жилым комнатам императорской фамилии) до начала шествия и при его завершении считалось очень важной привилегией.

В «Положении» этот термин, как вполне официальный, объяснялся следующим образом: «Выход за кавалергардов есть преимущество, коим пользуются придворные чины и дамы, а также высшие государственные сановники, — собираться во время больших при высочайшем дворе выходов в зале, ближайшей ко внутренним апартаментам, дабы иметь счастье первым встретить их императорские величества с августейшей фамилией при выходе в церковь и откланяться при обратном шествии. Подле сего зала ставится в некоторых торжественных случаях пикет Кавалергардского полка, отчего произошло и самое выражение: вход за кавалергардов»⁸⁸.

В больших выходах помимо императорской фамилии принимали участие придворные чины, кавалеры и дамы. Придворные чины и кавалеры пользовались привилегией открывать это шествие, а придворные дамы замыкали его. В официальных документах подробно перечислялись все те лица⁸⁹, которые в силу своего положения *были обязаны* являться на большие выходы. Также перечислялись и те, кто *имел право* присутствовать на этом мероприятии. Иногда на выходы приглашались городские головы и купцы 1-й гильдии, а в особо торжественных случаях — высшее духовенство и дипломатический корпус.

При малых выходах в шествии принимали участие лишь члены императорской фамилии. На них имели право являться только те придворные⁹⁰, кто получал частные повестки. В частных повестках оговаривались дата выхода, время прибытия во дворец, форма одежды — «дамам быть в русском платье, а кавалерам — в парадной форме», место сбора — «собираться

же особам, имеющим вход за кавалергардов, в Концертном зале, военным генералам, штаб- и обер-офицерам — в Николаевском зале и Аванзале, чужестранным послам и посланникам — в зале Петра Великого, городским дамам и гражданским чинам — в Гербовом зале, городскому голове и купечеству — в Фельдмаршальском зале». Эти повестки рассылались за подписью камер-фурьера.

Когда придворная форма менялась, то впервые она надевалась именно на дворцовые выходы. Например, на выходе по случаю тезоименитства Николая I 6 декабря 1844 г. «все генералы впервые явились вместо прежних киверов в касках вновь установленного образца. Следующий выход — новшество после отмены чулок и башмаков, оставленных впредь для одних балов, — все гражданские и придворные чины явились уже в белых брюках с золотыми галунами. Эта перемена была встречена всеобщей радостью, особенно со стороны людей пожилых. Даже у придворных певчих штаны заменены брюками по цвету их мундира, и вообще чулки с башмаками сохранены только для официантов и лакеев. Пудра была отменена еще в начале царствования Николая Павловича. У всей придворной прислуги белые штаны заменены были пунцовыми плисовыми»⁹¹.

Во время торжественного шествия придворные старались попасть на глаза монарху, чтобы поймать милостивый взгляд или реплику, брошенную мимоходом. Это становилось личной победой сановника, предметом гордости и бесконечных обсуждений. Вместе с тем в среде придворных присутствовал и неизбежный критический взгляд на происходящие события. Окружающие буквально изучали самодержцев, оценивая их внешность, одеяния, манеру поведения и настроение. Безусловно, чтобы годами находиться под таким льстиво-критическим наблюдением, императорам требовались не только крепкие нервы, но и особые профессиональные навыки.

Конечно, льстивые оценки звучали публично, а критика оседала в дневниках и мемуарах или оставлялась для сплетен в узком кругу. После смерти Николая I и с началом правления Александра II в дневниках и мемуарах рефреном зазвучала мысль, что «двор уже не тот». Об этом советовали сановники Александра II, помнившие действительно блестящий и

дисциплинированный двор Николая I. Об этом же в дальнейшем писали приближенные Александра III и Николая II, тоскуя по предшествующему царствованию. И характерно, что это были не просто сетования стариков на тему, что «молодежь уже не та». Дело действительно обстояло именно таким образом. Российский императорский двор в силу субъективных и объективных причин обуржуазивался, постепенно утрачивая тот блеск, который был столь органично присущ императорским дворам феодального периода развития страны. Во второй половине XIX в. стали очень внимательно считать деньги, тратившиеся на эфемерную пышность дворцовых церемоний.

Министр внутренних дел Александра II П. А. Валуев записал в дневнике об одном из дворцовых больших выходов: «Толпа красных от жара сановников, малочисленность присутствовавших дам, возрастающий легион неизвестных или новых церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров, отсутствие всякого видимого участия со стороны всего присутствовавшего собрания...». В дневнике А. Богданович 3 июня 1889 г. появилась следующая запись: «Сегодня с утра начали к нам приходить, чтобы смотреть въезд греков. На всех въезд произвел большое впечатление. На меня же эта церемония произвела впечатление балагана: золотые кареты устарели, смешны; чины двора, которые там сидят, похожи на марионеток; скороходы, арабы, декольтированные дамы — всё это вызывает улыбку, а не восторг. Вся процессия движется медленно. Государь тяжело сидит на лошади, в нем много добродушия, но мало импозантности». При этом следует иметь в виду, что на «въезд греков» А. Богданович и ее гости смотрели из окон дома, находившегося на Исаакиевской площади, и в целом мемуаристка была расположена к Александру III⁹². Другой автор, описывая впечатления от большого выхода (26 ноября 1910 г.) в Зимнем дворце по случаю Георгиевского праздника, отметил: «Это — событие, потому что уже давно выходов не было. Было очень многолюдно, но беспорядочно и нудно. Беспорядочно до того, что мне пришлось возвратиться домой в чужом пальто и шапочке»⁹³.

Но бывали и большие выходы, которые оставляли серьезный след в мемуарной литературе. На эти исторические мероприятия собирались буквально все, кто был допущен в императорский дворец. К числу таких

событий можно отнести большой выход, состоявшийся 4 апреля 1866 г. В этот день у Летнего сада на Александра II произошло первое покушение, положившее начало эре политического террора в России. В 7.30 вечера в Зимнем дворце состоялся колоссальный по числу присутствовавших большой выход их величеств из Золотой гостиной в Большую церковь дворца⁹⁴.

Однако подобные события становились редки. В этом столетии, когда начали понимать, что время и влиятельные связи — это деньги, большие дворцовые выходы стали использоваться как место, где можно накоротке обсудить и решить важные вопросы в нужном кругу. На таких выходах можно было встретить многих чиновников, в кабинеты которых в обычном порядке попасть считалось делом затруднительным. Да и сама обстановка императорской резиденции располагала к нестандартному решению вопросов.

В начале XX в. при Николае II парадные дворцовые церемонии постепенно свелись к минимуму. Во многом это было связано с личными особенностями императрицы Александры Федоровны, которая морально и физически тяжело переносила многочасовые пышные и тягучие дворцовые действия. Можно сказать, что она в какой-то степени оказалась для них профессионально непригодна. Конечно, это не способствовало ее популярности в глазах высшего света, поскольку для многих сановников и их жен именно в дворцовых церемониях и заключался смысл жизни, которого императрица их лишила. Кроме того, в условиях начавшейся в 1914 г. войны пышность приемов и выходов была умерена по понятным причинам. Страна вела тяжелую войну, и попросту неуместно было устраивать торжественные дворцовые представления.

Всё это фиксировали прилежные современники. Посол Франции в России М. Палеолог писал (21 ноября 1914 г.): «Александровский дворец предстает передо мной в самом будничном виде: церемониал сведен к минимуму. Мою свиту составляют только Евреинов, камер-фурьер в обыкновенной форме и скороход в живописном костюме времен императрицы Елизаветы, в шапочке, украшенной красными, черными и желтыми перьями»⁹⁵. Через несколько месяцев (3 марта 1915 г.) — новая встреча с семьей царя: «Без десяти минут час граф Бенкендорф, обер-гофмаршал двора, вводит нас

к его величеству, в одну из маленьких гостиных царскосельского дворца; император выказывает себя, по своему обычаю, простым и радушным... тотчас же входят императрица, четыре молодые княжны и цесаревич с обер-гофмейстриной Нарышкиной. Несколько слов представления — и все идут к столу»⁹⁶.

Можно упомянуть, что помимо парадных выходов существовали и парадные выезды: 6 августа, в день Преображения Господня, — в Преображенский собор; 30 августа, в день праздника ордена святого Александра Невского, — в Александро-Невскую лавру; для встречи невест высочайших особ; на освящение храмов; на смотр войск и военные праздники в столице. Придворным церемониям было несть числа...

Церемония у Иордани

В числе традиционных дворцовых церемоний важное место занимал праздник Крещения Господня. О важности данного мероприятия говорит то, что на него придворным и сановникам необходимо было являться в парадной форме.

Один из подъездов Зимнего дворца, который официально именовался Посольским, получил со временем название Иорданского, поскольку именно из него начиналось торжественное шествие к Иордани, вырезанной во льду Невы. Будет кстати упомянуть, что Петр I получил простуду, окончательно подкосившую его, именно во время этой церемонии в январе 1725 г.

Барон Корф писал: «При Александре I всегда бывал, несмотря на степень мороза, большой парад с пушечной стрельбой и беглым ружейным огнем при погружении креста в Иордань, которая устраивалась на Неве против посланнического подъезда. При Николае I сохранилось только последнее, то есть Иордань с выходом двора на Неву, а парад заменен сбором военно-учебных заведений и небольшого отряда войск внутри дворца»⁹⁷. Такая перемена была связана с тем, что во время столь долгого действия в войсках, стоявших неподвижно, случалось много обморожений.

Иордань перед Зимним дворцом

В 1842 г. император Николай Павлович приказал возобновить в день Крещения Господня прежний обычай и стал собирать к церемонии войска. Однако это делалось, если было теплее пяти градусов мороза. Но в январе, при суровых зимах, такие теплые дни были редкостью, так что и церемония Иордани с войсками также была редкостью. А если таковая и случалась, то в обязательном порядке отмечалась мемуаристами. Например, в январе 1851 г. выход на Иордань состоялся «по образцу до 1819 г.», поскольку мороз был всего в два градуса.

Николай II ежегодно фиксировал в дневнике свое участие в церемонии у Иордани на льду Невы. Во время революции 1905–1907 гг. в целях обеспечения безопасности императора действие церемонии было перенесено на пруды охраняемого Царскосельского парка. В январе 1906 г. Николай II записал: «Обошел войска в Церковном зале, и затем пошли к обедне. В 12 ч.

началось шествие к Иордани, которая была устроена у Грота на озере. Погода стояла чудная, тихая и солнечная. Участвовали военно-учебные заведения и Царскосельский гарнизон». После того как была подавлена революция и покончено с политическим террором, церемонию вернули на традиционное место — на лед Невы. 6 января 1913 г. Николай II, «окончив утренние бумаги», выехал в Петербург: «Крещенский выход был по-прежнему, но только без дам. На Неве было совсем не холодно, несмотря на 7 градусов мороза».

Представления императорам

Представления российским императорам имели свои давние традиции. Поводы для представлений были самые различные. Это могли быть назначение на значимую должность и уход с должности; получение воинского звания и награждение орденом; приезд из-за границы и отъезд за нее. Документы четко регулировали как процедуру представления, так и круг тех, кто имел право быть представленным венценосцам. Согласно высочайше утвержденному «Положению»⁹⁸ имели возможность быть представленными прежде всего придворные чины «обоого пола». Кроме того, в этот круг входили: военные и гражданские чины первых четырех классов; полковники, командующие отдельными гвардейскими частями; супруги, вдовы и дочери особ первых четырех классов; супруги лиц, состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров; супруги церемониймейстеров; дамы, бывшие фрейлинами, «каких бы чинов мужья их ни были, когда получают на это, по особым их просьбам, разрешение»; супруги флигель-адъютантов и адъютантов их императорских высочеств; супруги полковников лейб-гвардии; супруги и дочери губернских предводителей дворянства, приезжающие в Петербург, «хотя бы мужья и отцы их были чином ниже IV класса, ибо они, состоя в означенном звании, пользуются сим чином зауряд»⁹⁹. Таким образом, круг имевших право на представление императорам был довольно широк.

Наряду с императорами представлялись и императрицам. Российские императрицы традиционно принимали представлявшихся в Золотой

гостиной Зимнего дворца. По большей части это были дамы и девицы, но и мужчин среди представлявшихся было достаточно. Поскольку для представлявшихся это событие являлось весьма значимым, то они оставили множество описаний. Например, А. С. Пушкин представлялся императрице Александре Федоровне в 1834 г. дважды. Первый раз по случаю пожалования камер-юнкером 1 января 1834 г., о чем оставил в дневнике следующую запись: «Сейчас иду во дворец представляться царице... Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20... Я по списку был последним. Царица подошла ко мне, смеясь (фр. — *И. З.*): — Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, какой Пушкин мне будет представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка (Е. И. Загряжская — *И. З.*) в нетерпении увидеть ее в добром здравии, дитя ее сердца, ее приемную дочь... (русс. — *И. З.*) ...и повернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то что [ей] уже 35 лет и даже 36»¹⁰⁰.

Поскольку представления бывали и в загородных резиденциях, причем в довольно раннее время, то всем представлявшимся обязательно предлагали предварительно позавтракать: «Встреча была без всякого парада: простая придворная карета с парой лошадей в английской упряжи, лакей и грум в красных ливреях. В передней дворца меня встретили только лакеи и камер-фурьер, который провел меня в комнату, где был накрыт чайный стол с холодной закуской, и сообщил мне, что в моем распоряжении остается полчаса до приема»¹⁰¹.

Как правило, представлявшихся выстраивали в шеренгу в одном из дворцовых залов. При этом число участников могло достигать нескольких десятков человек. Император, входя в зал, здоровался со всеми, а затем начинал обходить шеренгу, задавая каждому по одному-два вопроса. С. Ю. Витте описывал свое первое представление Александру III в 1891 г. следующим образом: «Как только я приехал в Петербург и занял место директора Департамента железнодорожных дел, то, по принятому порядку, я должен был явиться к государю... Я представился ему в общий прием, потому что лиц, которые занимали такое маленькое положение, как я, государь не принимал отдельно... Был назначен определенный час, когда

отходил в Гатчину поезд... По приезде в Гатчину... всех приезжающих повезли в Гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели... в приемную комнату. Причем так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он... занимал средний этаж... совсем низкий, с маленькими комнатами. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император, один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенной. Он своей тяжелой поступью последовательно подходил к каждому по порядку... и каждому сказал несколько слов... Потом дежурный флигель-адъютант подошел к нам и сказал, что мы все можем уйти... По обыкновению были приготовлены столы для завтрака... Делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое)».

Во время представления император мог изредка позволить себе задержаться у интересующего его человека для беседы, и все остальные должны были терпеливо ждать своей очереди. Естественно, всех остро интересовала тема подобной беседы. С. Ю. Витте привел один из таких эпизодов. Во время представления Александру III он обратил внимание на то, что монарх долго и тихо разговаривал с одним военным.

«Я решил его спросить:

— Простите, если это нескромно, но можно вас спросить, почему вас император задержал, что он вам говорил?

Полковник улыбается и говорит:

— Видите ли, государь меня знал, когда я был очень полный, а теперь я худой, вот он меня все время и расспрашивал, каким образом я сделал, что так похудел. Я ему рассказал, какую я вел жизнь, что я ел. Расспросив меня тщательно, он сказал, что очень мне благодарен, что он это тоже попробует, потому что ему неудобно быть таким толстым»¹⁰².

Российские императоры принимали представлявшихся и в своих рабочих кабинетах. Поскольку таких представлений были десятки, то у них вырабатывались определенные профессиональные приемы. О них знали

и перед началом приема вполголоса инструктировали посетителей, что означают те или иные жесты и слова царя. Так, гофмаршал, отвечавший за четкость процедуры представлений, инструктировал каждого из представившихся: «В 11 часов начнется прием, будут вызывать по имени, отчеству и фамилии, отвечать только на вопросы императора, самому вопросов не задавать, аудиенция продлится минут пять, выходя, не поворачиваться спиной к государю»¹⁰³.

Присяга

Среди придворных церемоний немаловажное значение имела присяга подросших великих князей, особенно цесаревича. Следует иметь в виду, что до 1860 г. мальчики царской семьи зачислялись на военную службу буквально с момента рождения. Сначала это было шефство над теми или иными полками русской армии. В семь лет все мальчики получали первый офицерский чин и соответствующий мундир. Однако дальше начинались различия, причем довольно существенные. В 1860 г. на высочайшем уровне было принято решение отсчитывать стаж службы великих князей, начиная с 16-летнего возраста¹⁰⁴.

Церемония принесения присяги проводилась по достижении совершеннолетия. Цесаревичи занимали особое место в структурах самодержавной власти, будучи обязанными обеспечивать ее устойчивость и быть готовыми при необходимости «подхватить знамя», заменив отца на троне Российской империи. По этой причине их довольно рано ставили в строй. При этом царствующие императоры старались выстроить прямую линию преемственности власти: император — цесаревич — старший сын цесаревича. Когда в 1870-х гг. подрос старший сын цесаревича Александра — Ники, будущий Николай II, то его, как и его отца, по образцу прежних лет рано начали подключать к различным мероприятиям юбилейного характера. Подданным внушалась мысль, что этот маленький мальчик через несколько десятилетий будет править империей, как и его отец, дед, прадед и т. д.

В июле 1876 г. во время традиционных маневров в Красном Селе в строй был поставлен 8-летний Ники в походном мундире лейб-гвардии Павловского полка. Это было сделано в память о том, что ровно 50 лет назад будущий Александр II участвовал в маневрах в этой же форме. Как писал дядя мальчика: «Под конец атаки Ники пошел с полком, очень трогательно»¹⁰⁵. В декабре 1876 г. в Зимнем дворце прошла церемония развода караула от Павловского полка, в память назначения Александра II его шефом. Во время развода младший сын Александра II Павел Александрович и старший внук Ники приняли участие в церемонии, одетые по форме лейб-гвардии Павловского полка¹⁰⁶. Тогда же Александр II с сыновьями и внуком поехал в Академию наук на празднование 150-летнего юбилея. Сергей Александрович свидетельствовал: «Папа пожелал, чтобы Ники присутствовал, как он 50 лет тому назад присутствовал на 100-летнем юбилее. Папа, обратясь к Саше и Ники, во всеуслышанье сказал, что надеется, что через 50 лет Ники будет также присутствовать и что Саша будет с ним»¹⁰⁷.

Церемония принесения присяги цесаревичей проводилась в 16 лет¹⁰⁸ для того, чтобы как можно раньше сделать их юридически дееспособными. Все прочие великие князья принимали присягу только в 20 лет¹⁰⁹.

В торжественной обстановке юные цесаревичи приносили гражданскую и воинскую присягу. По церемониалу гражданская присяга приносилась в Большой церкви Зимнего дворца. Из церкви шествие направлялось в Георгиевский зал, где цесаревич у трона под знаменем Атаманского «своего имени (по традиции все цесаревичи становились шефами казачьих полков — *И. З.*) полка» произносил воинскую присягу «на верность службы Государю и Отечеству».

Это было очень значимое событие и в жизни присягавшего, и в жизни его родителей, и в жизни всего императорского двора. К естественному волнению присягавшего примешивалась боязнь совершить какую-либо ошибку в церемониале на глазах сотен людей. И хотя сама процедура церемониала, естественно, репетировалась, фактор волнения был неизбежен. Родители тоже переживали, поскольку их мальчик официально превращался в молодого человека с иными правами и обязанностями.

В 1834 г. в Зимнем дворце к присяге был приведен старший сын Николая I — 16-летний цесаревич Александр Николаевич. Специально для этого случая в Свод законов Российской империи был внесен текст присяги «для наследника престола при торжественном объявлении совершеннолетия». По тексту цесаревич клялся «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... обязуюсь и клянусь соблюдать все постановления о наследии престола и порядке фамильного учреждения»¹¹⁰.

С этой присягой наследник-цесаревич вступил в общественную жизнь. Как вспоминала его младшая сестра Ольга Николаевна: «Саша, сопровождаемый отцом, встал пред алтарем и развернутым знаменем и звонким голосом прочел текст присяги. Торжественный день был отпразднован концертом церковной музыки»¹¹¹. А. С. Пушкин, присутствовавший на церемонии присяги будущего Александра II 25 апреля 1834 г., записал в дневнике: «Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами. Государь и государыня плакали тоже... Все трое обнялись в слезах»¹¹².

Со временем все сыновья Николая I принесли присягу. И хотя для родителей эта была уже не первая подобная церемония, они каждый раз волновались, как в первый раз. Конечно, Николай Павлович видел в своих взрослеющих сыновьях прежде всего помощников в работе. После того как в ноябре 1847 г. второй сын Николая I — великий князь Константин Николаевич принял присягу, царь писал И. Ф. Паскевичу: «Вчера мой сын Константин присягал и поступил на действительную службу; дай Боже, чтоб он пригодился государству; ума у него довольно»¹¹³.

Присягавший 8 сентября 1859 г. старший сын Александра II — 16-летний великий князь Николай Александрович сначала принял общегражданскую присягу в Большой церкви Зимнего дворца, а затем в Георгиевском зале повторил слова воинской присяги вслед за протопресвитером Бажановым. После этого последовали поздравления от высших сановников. Акт присяги с подписью цесаревича был вручен министру иностранных дел князю А. М. Горчакову.

В этот же день были рассчитаны воспитатели цесаревича. Кроме пожизненных пенсий в размере годового оклада воспитатели и учителя получили наградные. В. Н. Скрыпицына, которая 16 лет растила цесаревича, учила его читать и писать, получила пожизненную аренду в 2000 рублей ежегодно. Воспитатель Г. Ф. Гогель — аренду на 12 лет. О. Б. Рихтер — чин флигель-адъютанта. В этот же день новым попечителем цесаревича был назначен граф С. Г. Строганов.

После смерти Никсы в апреле 1865 г. Александр II подписал манифест, извещавший подданных о смерти наследника и одновременно о провозглашении новым наследником престола и цесаревичем великого князя Александра Александровича, второго сына. 20 июля 1866 г. состоялось торжественное принесение присяги великим князем Александром Александровичем.

Совершеннолетие и присяга великих князей

Совершеннолетие остальных детей в царской семье наступало по исполнению им 20 лет. Формально с этого момента подрастающие великие князья утрачивали свой «детский статус». На смену воспитателям-мужчинам приходил попечитель, решения которого были столь же обязательны для великих князей, как и решения их прежних воспитателей.

В этот день устраивался своеобразный выпускной бал. В последний день перед совершеннолетием великие князья награждали свой штат за верную службу. В апреле 1877 г. 20-летний Сергей Александрович не забыл свою няню Е. И. Стуттон, которая давно уже стала практически членом императорской семьи. Он сам отнес ей платье, чепчик, браслет с шифром и портретом воспитанника. Поскольку на следующий день предполагалось проведение церемонии двух присяг, великий князь зубрил их текст, дабы не сбиться. Затем последовал семейный обед, после которого именинник получил подарки. Тогда Сергею Александровичу от всей семьи подарили на память запонки с двумя переплетенными десятками, символизирующими

празднуемое 20-летие. Запонки были украшены бриллиантами и сапфирами, камнями именинника. Кроме того, старший брат Владимир Александрович вручил ему золотой портсигар с дарственной надписью, а младший брат Павел — также портсигар, но только серебряный, на котором сам выгравировал свое семейное прозвище «Пиц».

Вечером накануне дня рождения молодежь, как это принято, «по-взрослому» отмечала окончание детства Сергея Александровича, а родители и воспитатели столь же традиционно закрывали на это глаза. Сам именинник записал в дневнике: «Возня, смех, шум и гам! Потушил лампу и бросал бутылку за бутылкой вниз на мрамор. Расстались все в духе и веселье»¹¹⁴.

29 апреля 1877 г. великого князя Сергея Александровича привели к гражданской и военной присяге. Утром его поздравили слуги: «Меня встретили все наши люди с Датским¹¹⁵ во главе с большим букетом белых роз — мой шифр из красных роз, и внизу две десятки — мои двадцать лет». Поздравили юношу и родители: «Папá мне дал капитанские эполеты. Душка Мамочка мне тут же дала кольцо с сапфиром — и внутри год и число». По традиции совершеннолетний великий князь «раздал кузенам мои значки ХХ». Днем, после большого выхода, в Большой церкви Зимнего дворца Сергей Александрович принес общегражданскую присягу: «Наконец, пришла главная минута. Папá меня взял за руку и подвел к аналою... голос дрожал... у меня опять голос задрожал, но это было не от страха, а от внутреннего морального волнения!.. Кое-как подписал свое имя и обнял Папá и Мамá. Первое и главное — кончено, второе — не так страшно». Второе — это военная присяга: «Пошли в Георгиевскую залу, битком набитую народом... Мамá на троне, Папá опять меня подвел, и я со знаменем в левой руке, правую подняв, прочел с чувством — я, по крайней мере, старался — присягу». После этого были многочисленные поздравления и торжественный обед. Правда, этот торжественный день не обошелся без небольшого скандала. Великий князь записал в дневнике: «Вдруг мне приносят чудный букет из розанов и других цветов, не говоря от кого, а вместе с тем записка свернутая, на которой написано: «От княжны Е. М. Долгорукой». Я чуть не взорвался от ярости!! Не будем больше об этом»¹¹⁶.

Завещания монархов

Российские монархи были людьми долга и чести, поэтому заранее старались в письменной форме выразить посмертную волю. Завещание — документ философский, но с конкретной материальной составляющей. И к этому литературному жанру монархи обращались либо в кризисных ситуациях, либо накануне тех событий, когда они могли погибнуть. Следует отметить, что все известные тексты завещаний были написаны задолго до смерти.

Завещанием Александра I могут считаться документы, написанные в 1817 г., где шла речь о передаче трона Николаю Павловичу, минуя Константина Павловича.

Николай I несколько раз составлял завещания. Первое Николай Павлович написал 21 июня 1831 г., и поводом к созданию этого документа стала эпидемия холеры. Следующее завещание было составлено в 1835 г., накануне поездки императора в западные губернии России. Это были территории, населенные поляками, которые еще не забыли трагедию подавления польского восстания 1830–1831 гг. Свое последнее духовное завещание Николай Павлович написал 4 мая 1844 г.

По большей части в этом документе, по-военному четко разделенном на пункты, речь шла о распределении собственности Николая I между его детьми и приближенными. Николай Павлович счел необходимым лично поблагодарить всех, кто годами верно служил ему. Очень красноречиво характеризует 50-летнего императора последний пункт завещания: «32. Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человек, со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправиться в том, что за собой худого знал. В ином успевал, в другом нет — прошу искренно меня простить»¹¹⁷.

Александр II составил свое завещание 8 сентября 1876 г. Один из его сыновей записал в дневнике: «Возвращаясь от обедни, мы вышли к Папа́, который, видя нас входящих, сказал: «А я писал мое завещание». На всех это сделало грустное впечатление»¹¹⁸.

Церемониал похорон русских императоров

Заканчивалась земная карьера русских государей очень важной церемонией их похорон. Как правило, похороны организовывались по жесткому сценарию, основанному на прецедентах прежних лет. Однако при определении процедуры похорон учитывались и личные пожелания, если таковые высказывались императором перед смертью в завещании.

Похороны Павла I, убитого в результате дворцового переворота, были скоротечными. Это вполне понятно, поскольку даже обильный грим на лице покойного не мог скрыть следы насилия. Поэтому первым официальным погребением в XIX в. стали похороны умершего в Таганроге императора Александра I¹⁹.

Смерть императора Александра I окружена множеством загадок. Однако нас интересует именно церемониал его похорон. После смерти царя в Таганроге 19 ноября 1825 г. закрутился механизм придворных хозяйственных служб, которые, основываясь на прецедентах прошлых лет, начали подготовку к торжественному погребению.

Решением организационных вопросов занимался Чрезвычайный комитет, созданный в Таганроге князем П. В. Волконским. Текущими хозяйственными делами ведала так называемая Печальная комиссия в составе пяти человек.

Прежде всего князь Волконский направил в Петербург запрос, дабы в Таганрог выслали выписку с материалами о погребении Екатерины II и Павла I. Кроме того, была организована процедура вскрытия тела умершего императора с составлением патологоанатомического диагноза, в котором указывались все выявленные заболевания Александра I, приведшие к его смерти. Документ подписали медики, производившие вскрытие, и ближайшие к царю сановники. Копию документа с фельдъегерем немедленно отправили в Петербург. Александр I был первым русским императором, умершим вне столицы, в глухом провинциальном городе.

Похороны — это всегда немалые расходы. Императорские похороны — это очень большие расходы, поскольку пышность погребения должна была знаменовать не только уход помазанника Божьего, но и начало нового царствования. Со временем стоимость этих мероприятий, конечно, возрасла. Так, в 1796 г. все расходы по похоронам Екатерины II составили 188 830 рублей 50 копеек. В 1801 г. скоротечные похороны Павла I вышли всего в 108 218 рублей. При этом коронация Александра I обошлась казне в 581 518 рублей 30 копеек.

Сам церемониал похорон был регламентирован еще Петром I. Составленный монархом по европейским стандартам церемониал впервые апробировали в 1699 г., когда хоронили П. Гордона и Ф. Лефорта. В его основе лежал церемониал погребения испанского короля Карла V, которого хоронили в Брюсселе в 1559 г. Но были учтены и более поздние изменения, внесенные в 1796 г. при переносе тела Петра III из Александро-Невской лавры в Петропавловский собор.

Поскольку вскрытие, бальзамирование и перевоз тела покойного царя было делом ответственным и отчасти политическим, то князь Волконский распорядился «свинцовый гроб запечатать и в Петербурге уже не открывать». Провели процедуру бальзамирования, тело уложили в свинцовый гроб, а затем в деревянный ящик. Сердце и внутренности погрузили в особые серебряные ковчеги¹²⁰.

Только на сороковой день после смерти (29 декабря 1825 г.) кортеж выехал из Таганрога. К этому моменту выступление мятежных офицеров на Сенатской площади было уже расстреляно картечью, и полным ходом раскручивался маховик следствия.

Тем временем тело Александра I неспешно везли через всю Россию в Петербург. По пути секретно проводились периодические осмотры тела Особым комитетом в присутствии графа В. В. Орлова-Денисова, который возглавлял траурный кортеж, и составлялись протоколы. Всего зарегистрировано пять таких осмотров. Кроме того, в гробу имелся особый клапан, через который также можно было вести наблюдение за состоянием тела. А по стране расползались всевозможные слухи — царь задушен, гроб пустой, вместо императора везут куклу...

В это время в Петербурге стали срочно готовиться к похоронам.

В похоронах императора принимало участие большое количество людей, и всех их надо было одеть в соответствующее траурное платье. Поскольку требовалось обшить множество участников похорон, портные кроили платья по трем стандартным размерам. Главными портными были Князьков, Борисов и Норденштрем. Для лейб-форейторов и лейб-кучеров платья создавались по образцу похоронных одеяний 1801 г. Надо заметить, что «поточный метод» в шитье похоронного платья применялся даже к родовитым участникам церемонии. Только некоторые из особ изъявили желание сшить себе одеяние по мерке.

Ежедневно портными представлялись сводки, напоминающие фронтовые, сколько епанчей для церемонии было сшито в течении дня: 7 декабря скроено 40 епанчей, отдано сшить 40, сшито 10; 8 декабря скроено 90 епанчей, отдано сшить 90, готово 35. Поскольку траурные епанчи должны были носить люди различного социального статуса, то их шили из разного по стоимости сукна — по 8, 5 и 3 рубля за метр. Также к похоронам кроме портных было привлечено множество других специалистов. К примеру, мастерица Катерина Шилина изготавливала церемониальные банты и шарфы из черного крепа.

Очень ответственным делом была подготовка траурных платьев для трех императриц: жены Павла I — Марии Федоровны, жены Александра I — Елизаветы Алексеевны и жены Николая I — Александры Федоровны. Кроме того, требовалось обшить многочисленных великих княгинь и княжон с их еще более многочисленными фрейлинами. В этой ситуации поточный метод даже не рассматривался. Отвечала за изготовление столь крупного заказа модистка Анна Сихлер.

Сначала были выработаны расценки: стоимость платья для придворных дам определялась в 100 рублей, для императриц, великих княгинь и княжон — из расчета в 270 рублей за платье. Затем модистка представила в Печальную комиссию куклу в образцовом траурном платье: «Ратинное русское платье с крагеном, рукава длинные... на шее особливый плоский черный краген... а шлейф у императриц в 4 аршина, для великих княжон — в 3.

На голове убор черного крепа с черною глубокою поводкою и с двойным печальном капором, один с шлейфом, а другой покороче; черные перчатки, веер, чулки и башмаки. В день погребения императрицы соизволят на голове иметь большую креповую каппу, так, чтобы всё платье закрывало»¹²¹.

Бронзовщик Андрей Шрейбер изготовил всю необходимую арматуру для обитого малиновым бархатом гроба. Общая стоимость парадного гроба составила 1992 рубля. Кроме того, каретному фабриканту И. Иоахиму была заказана траурная колесница, над созданием которой работала целая бригада мастеров из 26 человек. Балдахин делал мастер Зрелов; страусовые плюмажи — театральный декоратор А. Натъе; порфиру — мастер А. Борисов; опушь из 12 горностаев — мастер Пуговкин. Сама порфира была вышита золотошвейей Анной Вендорф. Вся траурная колесница обошлась казне в 18 225 рублей.

Заметными фигурами на похоронах являлись латники, следовавшие за гробом, и герольды, возвещавшие на улицах о порядке церемонии похорон. Для черного и белого латников были изготовлены специальные облегченные латы. Для герольда — короткое исподнее платье, супервест, далматик, черные чулки и сапоги, четырехугольные шляпы с букетом из перьев, перчатки с раструбом из черного бархата с бахромой, на груди и спине — орлы, шитые золотом, и белый галстук.

В конце февраля 1826 г. все было готово.

Как уже упоминалось выше, во время транспортировки тела медики внимательно наблюдали за его состоянием. Несмотря на зимнее время и проведенное бальзамирование, тело портилось, и был «дух от него сильный». Однако лейб-медик Тарасов доносил, что никаких изменений в усопшем не наблюдается, разве что замечен слегка потемневший цвет лица. Николай I приказал выехать в Тосно лейб-медику Виллие и личному врачу императрицы Марии Федоровны И. Ф. Рюлю. Гроб вскрыли в присутствии врачей, а также В. В. Орлова-Денисова и председателя Печальной комиссии А. Б. Куракина. В результате совместного осмотра была составлена «Записка», отправленная Николаю I: «Александр I находится в состоянии, в котором Марии Федоровне его бы лучше не видеть»¹²². Николай I сообщил это матери, но она

попросила «приоткрыть крышку гроба, чтобы она могла поцеловать руку Александра I»¹²³.

Гроб привезли в Царское Село в ночь с 4 на 5 марта 1826 г. Вслед за гробом «их величества (проследовали) в церковь, где и прощались все с покойным императором в открытом гробе, после чего на императора Александра Павловича возложена была золотая корона, особо для сего сделанная, а гроб залит оловом» (речь идет о металлическом ящике). Утром следующего дня около 11 часов процессия двинулась в Петербург по Кузьминской дороге. В Чесменском дворце свинцовый ящик с телом Александра I был переложен из дорожного гроба в новый и опечатан по всем углам самим Николаем I.

Знаменитый мебельщик и поставщик императорского двора Генрих Гамбс специально для установки в Петропавловской крепости изготовил мебель — диваны, столы и кресла и, не взяв денег, просил принять их «в знак глубочайшего благоговения к памяти покойного».

Российского императора Александра I похоронили 13 марта 1826 г. в Петропавловском соборе.

Однако жизнь брала свое, и были подведены материальные итоги роскошных похорон, которые становились естественным рубежом между двумя царствованиями. Все затраты на похороны составили 829 402 рубля 40 копеек. Оставшиеся неиспользованными материалы были проданы. Супругу Александра I императрицу Елизавету Алексеевну хоронили в 1826 г. гораздо скромнее, ее похороны обошлись казне всего в 100 000 рублей.

24 октября 1828 г. скончалась еще одна императрица — жена Павла I — Мария Федоровна. 13 ноября 1828 г. состоялось ее погребение, во время которого в последний раз соблюдался церемониал, установленный Петром I. С ее смертью век XVIII окончательно ушел в прошлое.

Николай I уже в 1828 г., во время похорон матери, публично сообщил, что при его погребении церемониал будет максимально упрощен¹²⁴. В 1845 г. в приписке к завещанию Николай Павлович сам определил себе место вечного упокоения: «Желаю быть похороненным за батюшкой у стены, так чтоб осталось место для жены подле меня»¹²⁵. И действительно — Александр II,

подчиняясь воле отца, провел процедуру похорон Николая I в 1855 г. по новому варианту.

Надо заметить, что упрощенный церемониал похорон императора Николая I имел неожиданные политические последствия. Поскольку сразу же после смерти Николая I по Петербургу поползли слухи о его отравлении, то и упрощенный церемониал был истолкован как стремление поскорее скрыть от подданных тело императора в могиле. В Зимнем дворце об этом было прекрасно известно. По свидетельству фрейлины А. Ф. Тютчевой, императрица Мария Александровна сказала: «Увы! Покойный император, конечно, не ожидал, что своими распоряжениями об упрощении церемониала создаст затруднения своему сыну с первого же часа его восшествия на престол. Это должно послужить для нас хорошим уроком: вы видите, что мы не имеем права нарушать традиции, что долг наш как государей должен брать верх над нашими личными чувствами, и, — грустно добавила она, — что, принадлежа другим в течение всей жизни, мы не имеем права принадлежать себе и после смерти; мы остаемся общественным достоянием до тех пор, пока земля не покроет нас»¹²⁶.

Когда в мае 1880 г. умерла императрица Мария Александровна, то по ее духовному завещанию в церемониал похорон вновь были внесены незначительные изменения. Согласно пожеланию императрицы тело ее для прощания было выставлено не в дворцовых залах, а в Большой церкви Зимнего дворца, хоронили ее не в серебряном парчовом платье, а в белом атласном саване и без короны на голове. Видимо, усопшая императрица желала приблизить свои похороны к камерной религиозной церемонии и убрать из печальной процедуры флер холодной, бездушной дворцовой церемониальности.

Прощание началось в комнатах Марии Александровны. Она лежала на кровати, усыпанная ландышами. Александр II со всеми сыновьями сами подняли ее с постели и положили в гроб, покрыв императорской порфирой. После короткой литии в дворцовой церкви Александр II и его дети приложились к телу, подняли гроб и сами (император, цесаревич Александр, великие князья Владимир, Алексей, Сергей и Павел) понесли его к выходу

Церемониалы российского императорского двора

из дворца. На Дворцовой набережной гроб установили на лафет. На пути в усыпальницу Петропавловского собора Александр II следовал за гробом верхом, а остальные — пешком. Похороны в Петропавловском соборе всегда производили сильное впечатление на Романовых, поскольку они отчетливо понимали, что всем им лежать здесь. Молодой великий князь Константин Константинович записал в дневнике в мае 1880 г.: «Я нахожу что-то трогательное в мысли, что мы все найдем тихое постоянное пристанище в этой церкви»¹²⁷.

Александр II погиб в результате террористического акта, совершенного народолюбцами 1 марта 1881 г., и упрощенный церемониал, по которому хоронили Николая I, полностью повторился. Были привлечены необходимые специалисты, в кратчайшие сроки обеспечившие императорские похороны всем необходимым. Единственным пятном, нарушавшим торжественность скорбной церемонии, стала морганатическая жена Александра II — светлейшая княгиня Е. М. Юрьевская. Очевидец и участник похорон Александра II писал: «У изголовья гроба впереди всех, но с боку шла с распущенною косою княгиня Юрьевская. Она судорожно рыдала, но эти рыдания казались святотатством, оскорблением величия совершившегося таинства смерти»¹²⁸.

Георгиевские кресты российских императоров

Мужчины императорского дома Романовых в обязательном порядке находились на военной службе, однако в отличие от простых смертных чиновников, как и получение самых высших наград, происходили для них в ускоренном порядке. Вместе с тем в иерархии российских орденов имелась награда, которой стремились обладать все Романовы без исключения, однако далеко не все сумели ее получить. Это был офицерский Георгиевский крест.

Этот орден был учрежден Екатериной II в ходе первой русско-турецкой войны (1768–1774) 26 ноября 1769 г. в честь святого Георгия Победоносца. Орден предназначался для награждения офицеров за заслуги на поле боя. Из ряда других российских орденов его выделяло то, что им награждались офицеры, проявившие в бою *личную* доблесть. В статуте ордена было четко зафиксировано: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают право быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком или подали мудрые и для нашей воинской службы полезные советы... Сей орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается».

Екатерина II, справедливо отметив, что описать все ситуации, связанные с героическими поступками воинов, невозможно, тем не менее привела несколько ситуаций, которые, по ее мнению, могли стать поводом для награждения орденом Святого Георгия:

«Достоин быть написан в подносимой нам росписи офицер тот, который, ободрив своим примером подчиненных своих и предводительствуя ими, возьмет наконец корабль, батарею или другое какое занятое неприятелем место.

Ежели кто в укрепленном месте выдержал осаду и не сдался или с отменною храбростью защищал и вылазки делал, храбро и разумно предводительствовал и через то победу одержал или способы подавал к приобретению оной.

Ежели кто себя представит и возьмется за опасное предприятие, которое ему совершить удастся.

Ежели кто был первый на приступе или неприятельской земле при высаживании людей из судов».

Для сохранения чистоты рядов в 1782 г. была создана Орденская дума, через фильтр которой должны были проходить документы лиц, представляемых на награждение Георгиевским крестом 3-й и 4-й степеней. Награждение же высшими степенями ордена — 1-й и 2-й являлось только императорской прерогативой.

Вместе с тем статут ордена предусматривал возможность его получения «по выслуге лет», поскольку «не всегда всякому верному сыну отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может». Поэтому на получение ордена 4-й степени могли претендовать те, «кои в полевой службе 25 лет от обер-офицера, а в морской — 18 кампаний офицерами служили». Однако с 15 мая 1855 г., для того чтобы сохранить характер ордена как боевой награды, выслуга лет в армии стала отмечаться орденом Святого Владимира. С 1855 г. орден Святого Георгия давали только за боевые заслуги. В этом же году золотому оружию был присвоен Георгиевский темляк.

Знаком ордена являлся белый эмалевый крест с изображением в центре святого Георгия на коне, лента из трех черных и двух оранжевых полос и четырехконечная вызолоченная звезда с изображением святого Георгия в центре и девизом вокруг. Крест 1-й степени носился на ленте через плечо, кресты 2-й

и 3-й степени — на шее. Две старшие степени дополнялись звездами. Орден 4-й степени носился в петлице либо на левой стороне груди. Знаки 1-й и 2-й степеней отличались от знаков 3-й и 4-й степеней только размером, они были несколько крупнее. Изображение святого Георгия на кресте не стандартизировалось и зависело от художника. Размеры крестов 4-й степени варьировались от 31×31 до 36×36 миллиметров, вес был в пределах 7–10 граммов.

1-я степень ордена Святого Георгия была наградой чрезвычайной, которую за всю историю ордена получили всего 25 человек¹²⁹. 2-ю степень ордена получили 12 человек, в том числе за Первую мировую войну — четыре военачальника. 3-й степенью ордена было награждено всего 638 человек. Все четыре степени ордена Святого Георгия имели только четыре фельдмаршала: Голенищев-Кутузов, Барклай-де-Толли, Паскевич и Дибич.

Следует заметить, что еще в 1833 г. кавалерам ордена Святого Георгия первых двух степеней было официально предоставлено право «иметь при Высочайшем дворе вход за кавалергардов»¹³⁰.

Поскольку скромный белый Георгиевский крест был мечтой любого военного, то и российские императоры желали украсить себя им. Однако жесткий статут Георгиевского креста, предусматривавший личный подвиг под пулями врага, делал эту награду труднодоступной даже для императоров. При этом следует отметить, что быстро сложилась неофициальная практика, когда от императоров не требовалось ни личных подвигов, ни взятия батарей. Члены императорской фамилии получали Георгиевские кресты либо за те или иные стратегические решения, либо побывав «в деле» или, в крайнем случае, в зоне действенного ружейно-артиллерийского огня.

Георгиевский крест Александра I

Учредительница ордена Екатерина II возложила на себя орден Святого Георгия 1-й степени 26 ноября 1769 г. по статусу, как первый гроссмейстер ордена. Ее преемники-мужчины старались буквально соответствовать нормам утвержденного статуса. Когда в 1801 г. Орденская дума предложила

Александр I возложить на себя знаки 1-й степени Георгиевского ордена по статусу, тот отказался, считая, что не заслужил эту награду. Лишь вернувшись из похода 1805 г., он согласился на 4-ю степень ордена за проявленную «личную храбрость». Хотя после Аустерлица эта мотивация была более чем сомнительной. Свой крест Святого Георгия 4-й степени (диаметр — 27,6 миллиметра, золото, эмаль) Александр I получил 13 декабря 1805 г. Этой наградой он очень дорожил. До нас дошла орденская колодка Александра I с семью наградами. Из них были только две русские: орден Святого Георгия 4-й степени и медаль «В память Отечественной войны 1812 года». При этом офицерский Георгий был в колодке первым¹³¹.

Еще раз следует подчеркнуть, что орден Святого Георгия 1-й степени присваивался личным решением императора. Кроме Екатерины II из российских императоров его был удостоен только Александр II. Но, как и в случае с Екатериной II, это было статусное награждение накануне столетия ордена — 16 ноября 1869 г.

Награждали боевым российским орденом и иностранных особ королевской крови. «Звездопад» Георгиевских крестов на иностранцев пришелся на две войны.

Первой из них была война с Наполеоном 1812–1814 гг. Тогда из владетельных особ кресты Святого Георгия 1-й степени получили: наследный принц шведский Карл-Иоганн (1813 г., Денневиц) и дед Александра II — прусский король Вильгельм I (1869 г., «За отличие, выказанное в войну 1814 г.»).

Надо заметить, что немцы не придавали большого значения ордену, столь высоко чтимому в России. Одна из мемуаристок рассказывала, что когда Вильгельм I получил орден Святого Георгия 1-й степени, то рассыпался в благодарностях перед посланцем Александра II — графом Ностицем. Однако в этот же день на вечернем спектакле германский император Вильгельм I появился в мундире, на котором русского ордена не было. Заметив среди публики графа Ностица, Вильгельм немедленно отправил лакея за орденом и, прикрываясь салфеткой, прицепил его к мундиру. Император попросту забыл о нем¹³².

Из российских великих князей за войну с Наполеоном был удостоен ордена Святого Георгия 2-й степени только цесаревич Константин Павлович,

младший брат Александра I, получивший его за участие в «битве народов» под Лейпцигом в 1813 г.

Вторая полоса награждений пришла на франко-прусскую войну 1870–1871 гг. В ходе этой войны на прусских и австрийских царственных особ и генералов буквально обрушился беспрецедентный поток награждений самым престижным боевым российским орденом. Так, генерал-фельдмаршал австрийской службы эрцгерцог австрийский Альберт «за войну против французов 1870 года» 20 июня 1870 г. был удостоен ордена Святого Георгия 1-й степени. Наследный принц прусский Фридрих Вильгельм и принц прусский Фридрих Карл в один и тот же день — 19 июня 1870 г., с одной и той же формулировкой — «За участие в войне с французами» получили кресты Святого Георгия 2-й степени. Несколько позже, 3 сентября 1870 г., такую же награду, но «За отличие в сражении при Сент-Приве и Мари-о-Шень и за поражение Мак-Магона при Бомоне 30-го августа 1870 года» получил наследный принц саксонский Альберт. И, наконец, 27 декабря 1870 г. признанный авторитет прусской военной школы начальник прусского генерального штаба граф Хельмут Карл фон Мольтке был удостоен Георгиевского креста 2-й степени.

Следует отметить, что и позже иностранцев награждали Георгиевскими крестами самых высоких степеней. Так, в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. кресты Святого Георгия 2-й степени получили князь черноморский Николай I Миркович («За участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов») и князь румынский Кароль I («За овладение твердынями Плевны и пленение армии Османа-Паши 28-го ноября 1877 года»), но это была «наша война», в ходе которой были награждены союзники, тогда как франко-прусская была «чужой войной».

Георгиевский крест Николая I

У императора Николая I имелась своя история награждения орденом Святого Георгия. После изгнания Наполеона из России начался заграничный поход русской армии. В 1814 г. будущему Николаю I исполнилось 17 лет.

Он страстно желал побывать в бою и заработать свой Георгиевский крест. К этому времени его второй старший брат — великий князь, цесаревич, командир Гвардейского корпуса Константин Павлович уже имел кресты ордена Святого Георгия 3-й степени за участие в деле под Аустерлицем (1805) и 2-й степени (8 октября 1813 г.) «За отличие, выказанное в сражении 4–7-го октября 1813 года при Лейпциге». Кроме того, за участие в атаке конной гвардии под Фер-Шампенуазом цесаревич Константин Павлович был награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

Николай Павлович мечтал повторить эти подвиги, но окружение матери — императрицы Марии Федоровны и воля старшего брата — императора Александра I сделали так, что когда великий князь Николай Павлович оказался во Франции, с Наполеоном было уже покончено.

Прошли годы. В 1828 г. началась очередная русско-турецкая война. Великий князь и командующий Гвардейским корпусом Михаил Павлович 8 июля 1828 г. получил из рук старшего брата и императора Николая I крест Святого Георгия 2-й степени «За взятие крепости Браилова 7-го июня 1828 года». Таким образом, к 1828 г. император Николай I оставался единственным из четырех сыновей Павла I, не имевшим заветной награды, при этом находясь в действующей армии. Он участвовал в переправе через Дунай, лично присутствовал при осаде Браилова, Шумлы и Варны. К этому времени Николай I был уже зрелым человеком, хорошо понимавшим свое место в иерархии имперской власти. Поэтому он не допускал никаких эскапад в погоне за крестами, и его визиты в район боевых действий носили исключительно инспекторский характер. В результате для Николая I оставалась возможность награждения Георгиевским крестом только по выслуге лет. Поэтому свой скромный Георгиевский крест 4-й степени Николай I получил в 1838 г. в связи с 25-летием службы в офицерских чинах. Следует отметить, что, следуя букве орденского статута, Николай Павлович настоял на том, чтобы вопрос о награждении его орденом Георгия 4-й степени был предварительно рассмотрен в Орденской думе.

Именно при Николае I Георгиевский крест окончательно закрепил свой высокий статус как на официальном, так и на неофициальном уровнях.

В 1833 г. статут ордена был расписан подробно, с детальным уточнением воинских доблестей по каждому роду войск, за которые представляемые имели право на награждение. Также более детально расписали срок службы, требуемый для награждения за выслугу лет, к которому прибавилось требование участия хотя бы в одном сражении. Установился строго последовательный порядок награждения от 4-й к 3-й степени.

К мероприятиям официального характера также можно отнести появление Георгиевских залов в императорских резиденциях двух столиц. В Петербурге в Зимнем дворце одним из главных парадных залов стал Георгиевский. Это название он получил по помещенному в нем мраморному барельефу «Георгий Победоносец, поражающий копьём дракона». В Большом Кремлевском дворце также оформился Георгиевский зал, главным украшением которого стали белые мраморные доски, на которых золотом с 1849 г. выбивались названия подразделений, удостоенных соответствующих знаков, а также имена некоторых Георгиевских кавалеров.

Георгиевский крест Александра II

Когда у Николая I подросток сын-цесаревич, то в 1850 г. он был отправлен на Кавказ. В качестве личной охраны его сопровождала сотня собственного конвоя. Во время одной из экспедиций наследник принял участие в конной атаке против горцев и побывал под огнем. Как писали потом в отчете, «его не смогли удержать». Конечно, казаки конвоя не дали ему поучаствовать в кавалерийской рубке, прикрыв телами, тем не менее свою награду цесаревич получил. Это был офицерский орден — Святого Георгия 4-й степени. 10 ноября 1850 г. наследник был награжден им за личное мужество «в деле против кавказских горцев». В официальных справочниках это событие излагалось следующим образом: «На пути из Воздвиженской креп[ости] в Ачхой, между реками Рошня и Валерик, наткнулся на партию горцев. Произошла схватка, в которой наследник престола проявил выдающееся мужество, и по представлению тогдашнего наместника Кавказа князя Воронцова был

пожалован орд[ен] св. Георгия 4 ст.». На фотографиях видно, что из всех своих многочисленных наград Александр II предпочитал носить именно этого «Егория».

Второй сын Николая I — великий князь Константин Николаевич получил свой Георгиевский крест 4-й степени на год раньше старшего брата — в 1849 г. в ходе Венгерской компании. Великий князь четырежды был под огнем, в том числе в сражении под Дебречином. К тому же в ходе сражений отличился подшефный ему Волынский уланский полк. За эту кампанию полк получил второй комплект серебряных Георгиевских труб, а шеф полка — великий князь Константин Николаевич был награжден орденом.

В ходе Крымской войны, несмотря на ее неудачный для России характер, награждения особ императорской фамилии крестами Святого Георгия, тем не менее, состоялись. Для поднятия боевого духа войск в Крым были командированы два сына Николая I: Николай и Михаил. Они прибыли туда накануне Инкерманского сражения, в котором и приняли участие. Поскольку великие князья находились под сильнейшим неприятельским огнем, было принято решение о награждении их орденами Святого Георгия 4-й степени.

В середине XIX в. Российская империя продолжала интенсивно расширять свои границы. Поэтому молодая поросль Романовых охотно участвовала в различных горячих «делах», зарабатывая желанные кресты. Так, 15 июня 1864 г. «За покорение Западного Кавказа» был удостоен креста Святого Георгия 2-й степени великий князь, генерал-фельдцейхмейстер, наместник его императорского величества на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией Михаил Николаевич. За участие в Хивинском походе 23-летний полковник великий князь Николай Константинович 22 июля 1873 г. получил золотую саблю с надписью «За храбрость» и георгиевским темляком.

Когда в 1877 г. началась русско-турецкая война, Александр II отправился на фронт. В тайне он лелеял мечту заслужить под пулями еще один белый крестик. Окружение императора эти настроения ощущало и делало всё, чтобы не допустить его под пули и шрапнель. В июле 1877 г. министр императорского двора граф А. В. Адлерберг в очередной раз пытался убе-

дить 59-летнего Александра II в неуместности его стремления идти вперед, к войскам передовой линии. Однако Александр II рассердился и прямо заявил о своем намерении принять личное участие в бою. Все доводы графа Адлерберга в бессмысленности подобного шага результатов не имели. В свою очередь Александр II ссылался на то, что во время франко-прусской войны 1870 г. Вильгельм I лично принимал участие в бою¹³³.

Во время осады Плевны Александр II несколько раз оказывался в районе действенного огня артиллерии. Под Плевной находился холм, с которого император периодически наблюдал за ходом атак. Его называли по-разному. Одни — иронически «холмом завтраков», другие — привычно, как в Красном Селе, «царским валиком». Не желая терять лица, Александр II достаточно долго оставался на холме под огнем. Позже Александр II рассказывал сыновьям, как он «нечаянно попал под выстрелы и две-три гранаты перелетели через него». В этом случае охрана была бессильна уберечь его от шрапнели. Но Бог миловал. Император был достаточно ответственным человеком и старался излишне не рисковать, поэтому, выждав «положенное» время, он «скоро удалился»¹³⁴.

Георгиевский крест Александра III

За крестами отправились на фронт и многочисленные великие князья. На фронте побывали даже младшие сыновья царя — 20-летний великий князь Сергей Александрович и 17-летний Павел Александрович. Старшие сыновья Александра II — Александр, Владимир и Алексей получили ответственные должности, хотя для них это была первая война, и, что самое главное, любые их действия не подлежали критике. Это не могло не вызвать глухого недовольства со стороны офицерства. Военный министр Д. А. Милютин, находившийся в свите Александра II, отмечал: «Этот боевой почетный знак, так высоко ценившийся в общественном мнении, раздается теперь с такой щедростью, достается так легко, что начинает терять прежнее высокое значение»¹³⁵.

Действительно, во время этой войны многие из великих князей награждались заветными белыми крестиками. Среди них были и сыновья Александра II. Так, великий князь Владимир Александрович участвовал в рекогносцировке 10 июля 1877 г.¹³⁶ Надо заметить, что Владимир Александрович был самым «обстрелянным» из всех великих князей, побывавших на русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Кроме этой рекогносцировки он участвовал в отражении турецких атак, усиленных рекогносцировок неприятеля, а также в наступлении войск, причем в одном из таких сражений под ним была убита лошадь.

Поэтому великий князь Владимир Александрович «в воздаяние отлично-усердной службы за время командования XII армейским корпусом и за боевые отличия» был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени с мечами, орденом Святого Георгия 3-й степени («За отражение нападения Сулеймана-паши 14 ноября у Батинского моста») и золотой саблей с бриллиантами и надписью «За 14 и 30 ноября 1877 г.».

Последние награждения орденом Святого Георгия 1-й степени членов императорской фамилии состоялись именно в ходе этой русско-турецкой войны. 9 октября 1877 г. этим орденом был награжден великий князь, генерал от артиллерии, главнокомандующий Кавказской армией Михаил Николаевич. В орденских документах повод к награждению был сформулирован следующим образом: «За разбитие наголову Кавказскими войсками, под личным предводительством его высочества, армии Мухтара-Паши в кровопролитном бою 3-го октября 1877 года на Аладжинских высотах и принуждение большей части оной сложить оружие».

Младший брат императора Александра II — главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич (старший) 15 июля 1877 г. был награжден Георгиевским крестом 2-й степени «За переправу армии через Дунай у Систова». Затем 29 ноября 1877 г. Александр II наградил его же орденом Святого Георгия 1-й степени «За овладение 28-го ноября 1877 года твердынями Плевны и пленение армии Османа-Паши, упорно сопротивлявшейся в течение пяти месяцев доблестным усилиям находившихся под предводительством его высочества войск». Это было последнее

награждение орденом Святого Георгия 1-й степени в его истории. Таким образом, за одну кампанию великий князь Николай Николаевич (старший) удостоился Георгиевских крестов 1-й и 2-й степеней.

Был удостоен высокой награды и великий князь Николай Николаевич (младший). Он состоял при генерале Драгомирове и за отличие при переправе через Дунай у Зимницы и при взятии Систовских высот был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Затем великий князь участвовал в атаке и занятии Шипкинского перевала войсками князя Святополк-Мирского и за отличие при этом получил золотое оружие с надписью «За храбрость».

Был достойно награжден и старший сын Александра II — цесаревич Александр Александрович. Поскольку Романовы очень рано начинали свою военную службу, в 20–25 лет они, как правило, уже ходили в генеральских чинах. Например, будущий Александр III впервые «всерьез» нес служебные обязанности 1 августа 1851 г., когда ему исполнилось только шесть лет. В этот день, одетый в солдатскую форму лейб-гвардии Павловского полка, он стоял на часах у открывавшегося в Гатчине памятника императору Павлу I. 8 апреля 1877 г. наследник выехал из Петербурга в район боевых действий и 22 июля 1877 г. вступил в командование Руцукским отрядом, который состоял из двух корпусов общей численностью в 75 тысяч человек.

Хотя Руцукский отряд находился в стороне от района главных боевых действий, но и там были атаки и контратаки, рекогносцировки и отступления. Несмотря на свое высокое положение, цесаревич Александр Александрович лично бывал в «делах». Например, 12 октября 1877 г. он возглавил усиленную рекогносцировку неприятельского расположения. Во время этого дела погиб его двоюродный брат — Сергей Максимилианович Лейхтенбергский. Внук Николая I был убит пулей, попавшей ему прямо в лоб. Эта смерть произвела сильное впечатление и в войсках, и в стране, и на самих Романовых. И хотя Сергей Лейхтенбергский не был великим князем, тем не менее Александр II в почитание его смерти на войне приказал похоронить его в крепости, рядом с могилой его матери, великой княгини Марии Николаевны¹³⁷.

В этом же сражении 12 октября 1877 г. получил крещение огнем сын Александра II — великий князь Сергей Александрович. И хотя он не участвовал в штыковых атаках, тем не менее «осколки свистали возле ушей», а передок оружия, около которого стоял великий князь, был задет неприятельской гранатой¹³⁸.

Младший сын Александра II — 17-летний великий князь Павел Александрович на короткое время посетил Ставку на Дунае. Однако после гибели Сергея Лейхтенбергского Александр II не решился отправлять своего сына под пули. И хотя «государю очень хотелось, чтобы и Павел Александрович участвовал в каком-нибудь деле, чтобы и ему дать Георгиевский крест», но он так и не решился рискнуть младшим сыном ради белого крестика Святого Георгия 4-й степени¹³⁹.

30 ноября 1877 г. состоялось сражение у Трестеника и Мечки. Конечно, великого князя Александра Александровича окружали опытные генералы, но даже недоброжелатели признавали, что наследник достойно проявил себя в ходе боевых действий.

Александр II оценил службу старшего сына тремя боевыми наградами. 15 сентября 1877 г. Александру Александровичу был пожалован орден Святого Владимира 1-й степени с мечами. 30 ноября 1877 г. наследник получил заветный белый крестик — орден Святого Георгия 2-й степени. В наградных документах повод к награждению был сформулирован следующим образом: «За блистательное выполнение трудной задачи удержания в течение пяти месяцев превосходящих сил неприятеля от прорыва избранных нами на реке Ловче позиций и за отбитие 30-го ноября 1877 года атаки на Мечку». Кроме этого, 26 февраля 1878 г. великий князь был удостоен золотой, украшенной бриллиантами сабли с надписью «За отличное командование Руцукским отрядом»¹⁴⁰.

Александр II, щедро рассыпая вокруг себя Георгиевские кресты, не обошел и себя. В ноябре 1877 г., после взятия Плевны, наградив офицеров заветными крестами, он «с улыбкой обратился к военному министру Д. А. Милютину: «А считает ли военный министр, что и я заслужил Георгиевский темляк?» Восхищенные благодушием государя, все мы, окружавшие его, прокричали ему с неподдельным одушевлением «ура!»¹⁴¹.

В этот же день 28 ноября Александр II обратился к своему сыну Сергею Александровичу со словами: «Я думаю, я могу себе надеть Георгиевский темляк». «Душка Папа! «Боже мой, еще бы!» — только я мог ответить»¹⁴².

Следует отметить, что награждение золотым холодным оружием вошло в обиход со времен Екатерины II, первое состоялось в 1774 г. С 1807 г. награждение золотым оружием было официально приравнено к награждению Георгиевским крестом, и с этого времени все, кому вручалось оно, вносились в общий орденский список. Золотое оружие, украшенное бриллиантами, жаловалось только генералам и адмиралам. В тех случаях, когда оружие с бриллиантами заменялось оружием без оных, оно носилось с Георгиевским темляком и с крестом на эфесе¹⁴³.

Орденский день 26 ноября

При Александре II в череду дворцовых праздников прочно вошел высочайший прием Георгиевских кавалеров, который проводился ежегодно 26 ноября, в день учреждения ордена Екатериной II.

В этот день в Зимний дворец собирались все кавалеры ордена Святого Георгия, бывшие в Петербурге, офицеры и нижние чины, кавалеры солдатского «Егория». Церемониальная часть ежегодно издавала «Высочайше утвержденный порядок Торжественного выхода в Зимнем дворце, 26 ноября ... года, в день Орденского праздника св. Великомученика и Победоносца Георгия», в котором детально прописывалась процедура всего действия.

Из года в год в этот день к 11.30 во дворце собирался весь придворный, политический и военный бомонд, и «все находящиеся на действительной службе и в отставке военные и гражданские чины, имеющие орден... или знаки отличия военного ордена, а также военные, имеющие украшенное бриллиантами золотое оружие»¹⁴⁴.

Кавалеры ордена собирались в парадных комнатах первой половины Зимнего дворца. Нижние чины, имеющие знак военного ордена, размещались в строю, под ружьем, в Гербовом и Георгиевском залах, в Портретной

галерее и Пикетной комнате. Потом начиналось шествие по парадным залам членов императорской фамилии и кавалеров ордена, которое заканчивалось в Георгиевском зале. Там проходил молебен с возглашением многолетия всему императорскому дому и всероссийскому воинству. По окончании молебна митрополит кропил святой водой августейших особ, знамена и штандарты.

Порядок следования при высочайших выходах членов императорской фамилии был строго регламентирован и определялся принципом династического старшинства. И только во время высочайшего выхода 26 ноября этот порядок официально нарушался. Дело в том что члены императорской семьи, имеющие ордена Святого Георгия, шли в числе кавалеров этого ордена. При этом их место в общем порядке шествия определялось только соответствующей орденской степенью.

Например, во время выхода 26 ноября 1884 г. великий князь Алексей Александрович шествовал вместе с кавалерами ордена. Великий князь Сергей Александрович командовал сводной полуротой Георгиевских кавалеров; великий князь Константин Константинович командовал взводом полуроты Георгиевских кавалеров; великий князь Николай Николаевич (младший) — сводным взводом Георгиевских кавалеров высших степеней от кавалерии; великий князь Николай Михайлович — взводом полуэскадрона Георгиевских кавалеров¹⁴⁵.

В торжественном шествии принимала участие вся мужская половина Романовых. В ноябре 1876 г. в Георгиевском параде впервые участвовал будущий Николай II, тогда 8-летний мальчик. Он стоял в строю в Георгиевском зале около знамени. Когда мальчик уставал, его сажали отдохнуть на барабан.

Через некоторое время после окончания церемонии (обычно в 18 часов) в Николаевском зале Зимнего дворца начинался торжественный обед для кавалеров ордена. В этот же день на первом этаже Зимнего дворца — в вестибюле перед парадной Иорданской лестницей устраивался обед и для нижних чинов, имеющих знак отличия военного ордена. Император обязательно посещал обед нижних чинов, выпивая традиционную чарку водки.

Это празднество было зримым символом героических эпизодов истории российской армии.

При Александре II неизменным атрибутом таких праздников был сахарный святой Георгий, который красовался за обедом на пирогах.

В 1884 г. меню для 1600 нижних чинов, кавалеров солдатского «Егория», включало: уху из свежих стерлядей, жаркое из судака с гарниром из риса, калачи и пеклеванный хлеб от Филиппова, водку английскую горькую и столовую, пиво баварское, минеральную воду и хлебный квас. К чаю подавалось печенье из придворной кондитерской и по два антоновских яблока. Торжественный завтрак и обед обошлись казне в 10 742 рубля¹⁴⁶. Традиция ежегодных Георгиевских праздников сохранялась вплоть до 1916 г.

Ужины боевых товарищей Александра III

Существовали и камерные дворцовые традиции, связанные с эпизодами боевой биографии императоров. Так, Александр III каждый год, с ноября 1877 г. и по ноябрь 1893 г., собирал своих боевых соратников «по делу под Мечкой».

Этот бой, принесший Александру III орден Святого Георгия 2-й степени, был памятен императору. 30 ноября 1877 г. близ деревни Мечка под Рущуком произошел последний бой Рущукского отряда с турецкой армией Сулеймана-паши, пытавшегося прорваться через русские позиции и деблокировать Рущук. Узнав о падении Плевны и о движении русских к Балканским перевалам, турки поспешно ушли от Рущука, чтобы не попасть в окружение.

Сначала однополчане собирались в Манеже Аничкова дворца, в «походной обстановке», затем на квартире генерала В. В. Зиновьева и, наконец, в Гатчине, в особой комнате Западной половины, где висели портреты некоторых генералов 1812 г. Для перемены обстановки один ужин был устроен на Гатчинской ферме, другой — в Приоратском замке. В этих ужинах неизменно

участвовал младший брат царя, великий князь Владимир Александрович, который командовал одним из корпусов в Руцукском отряде¹⁴⁷.

Часть товарищеских ужинов проходила прямо в походной палатке, в которой ранее бывали обеды в Руцукском отряде. По свидетельству мемуариста, «почти всегда в зале ужина ставилась эта палатка; ужин проходил в ней, и сигнал к ужину подавали тот же, что к обеду во время войны»¹⁴⁸.

За 16 лет регулярных встреч сложился определенный ритуал празднования. Как правило, собирались к 10 часам вечера. Сначала играли в карты, потом ужинали. К ужину каждый год готовились «особые меню, которые чаще всего присылались художником Поленовым, бывшим в Руцукском отряде при цесаревиче. Государь ежегодно записывал, кто были участниками ужина, и эти меню с подписями его под стеклом и в рамках развешивались по стенам. В 12 часов все переходили к закусочному столу и затем садились ужинать. Государь занимал место во главе стола. Старшие около него — Ванновский и Воронцов... ужин продолжался долго, иногда до 3-х часов... Шампанское государь уже не выносил, но привык к кахетинскому и требовал, чтобы на этих ужинах непременно был «Карданах»¹⁴⁹.

Традиция празднования в Зимнем дворце орденского дня 26 ноября была продолжена Николаем II. Он ежегодно фиксировал в дневнике обстоятельства традиционного и привычного для него с детства Георгиевского праздника. В 1896 г. впервые в этой церемонии приняла участие молодая императрица Александра Федоровна.

Политические события периодически отражались на ходе сложившейся церемонии. Так, в ноябре 1904 г. Николай II отметил для себя, что Георгиевская зала была более наполнена, чем в прежние года, из-за присутствия героических команд «Варяга» и «Корейца». В ноябре 1905 г. из-за событий первой русской революции процедура чествования Георгиевских кавалеров впервые проводилась в Большом Екатерининском дворце Царского Села. В ноябре 1906 г. царь зафиксировал, что на традиционном приеме присутствовали 763 офицера и около 200 нижних чинов.

Для российских императоров ежегодные Георгиевские приемы были весьма значимы. Во-первых, это была одна из важных традиций, на которых

стояла армия. Во-вторых, праздник являлся зримым символом единства воинской элиты, причем единства в подвиге, в пролитой во славу Отечества крови. В-третьих, праздник демонстрировал единство армии и императорской фамилии, поскольку вся мужская половина дома Романовых носила офицерскую форму и имела за плечами подчас серьезные боевые дела.

Во время торжественного приема императоры работали. Работа заключалась в постоянном дефилировании по залу и беседах с заслуженными ветеранами и действующими офицерами. Благодаря прекрасной памяти на лица и факты Николай II имел возможность поинтересоваться самыми незначительными деталями их военной биографии. И это открывало императору сердца военных. Надо заметить, что эта была тяжелая работа, требовавшая определенного профессионализма. В ноябре 1906 г. в дневнике Николай II записал, что во время высочайшего завтрака он разговаривал «в поте лица до 2½ час.».

Поскольку число Георгиевских кавалеров после Русско-японской войны возросло, то традиционный прием начали проводить в две очереди. Так, в 1906 г. первая очередь (763 офицера и около 200 нижних чинов) была принята 26 ноября, а 29 ноября состоялся второй прием для 1490 человек. Очень важным было то, что на прием могли попасть все, имевшие Георгиевский крест или знак военного ордена.

Если 26 ноября император отсутствовал в Петербурге, традиционный прием устраивался по месту его пребывания. Например, 26 ноября 1913 г., когда царская семья находилась в Ливадии в Крыму, в 11 часов на площадке перед дворцом прошел парад. От каждой части, задействованной в охране императорской резиденции, было представлено по взводу. Двумя отдельными группами стояли Георгиевские кавалеры — офицеры и нижние чины. После парада для нижних отставных чинов был устроен обед в палатке, а офицеров (80 человек) пригласили на завтрак в императорскую столовую.

Подчас во время приемов Георгиевских кавалеров происходили курьезные недоразумения. Так, во время одного из обедов Николай II подсел к столу подвыпивших ветеранов. Один из них, пробудившись от дремы, с

удивлением спросил, почему за их столом находится молодой полковник, не имеющий белого крестика на мундире. Так что для полковника Николая Романова, как и для его предшественников, получение Георгиевского креста было одним из самых заветных желаний.

Из всех российских императоров только Николай II после воцарения остался в чине полковника. Именно до этого чина он успел «дослужиться» на момент кончины Александра III 20 октября 1894 г. На следующий день после смерти императора камердинер приготовил для 26-летнего Николая II мундир с генеральскими эполетами, однако тот отказался надеть этот мундир, поскольку считал некорректным жаловать самому себе генеральские эполеты. Поэтому вплоть до Февральской революции 1917 г. Николай II носил скромные полковничьи погоны.

Георгиевский крест Николая II

После вступления России в Первую мировую войну в августе 1914 г. Николай II начал регулярно выезжать на фронты. В августе 1915 г., после трехмесячного отступления русской армии, царь принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего.

В начале октября 1915 г. Николай II отправился в очередную инспекционную поездку на юго-западный фронт. Его сопровождал цесаревич Алексей. Программа поездки была стандартной: смотры, церемониальные марши, посещение госпиталей, встречи с командным составом. 13 октября Николай II отметил, что от места его пребывания до австрийских позиций «оставалось 6–7 верст». Правда, позиции врага он так и не увидел, поскольку стоял туман. Это было максимальное приближение царя к передовому краю. Хотелось бы напомнить, что Петр I лично принимал участие в Полтавском сражении и неоднократно бывал под пулями. Сохранилась его простреленная треуголка. Александр I под Аустерлицем и Александр II под Плевной находились в зоне действенного артиллерийско-ружейного огня. Николай I во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. лично наблюдал

за осадой крепостей и с минимальной охраной передвигался по вражеской территории. Александр III участвовал в боевых рекогносцировках во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Командование Юго-Западного фронта оперативно отреагировало на «подвиг» Николая II, оказавшегося в зоне «действенного» огня австрийской артиллерии. В результате ходатайства генерал-адъютанта Н. И. Иванова 17 октября 1915 г. цесаревич Алексей получил Георгиевскую медаль 4-й степени «в память посещения армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций». Император отметил в дневнике, что ему было приятно видеть радость сына.

Наверное, подсознательно он ждал награды и для себя. И надежды его не обманули. В воскресенье 25 октября 1915 г. Николай II записал в дневнике: «Незабвенный для меня день получения Георгиевского креста 4-й степ. Утром, как всегда, поехали к обедне и завтракали с Георгием Михайловичем. В 2 часа принял Толю Барятинского, приехавшего по поручению Н. И. Иванова с письменным изложением ходатайства Георгиевской думы Юго-Западного фронта о том, чтобы я возложил на себя дорогой белый крест!

Целый день после этого ходил, как в чаду. Погулял с Марией и Анастасией. В 3½ поехали вдвоем к д. Павлу; пили чай у его постели с княг. Палей. Георгий вернулся, чтобы поздравить меня. Все наши люди трогательно радовались и целовали в плечо».

Таким образом, Верховный главнокомандующий русской армией полковник Николай Александрович Романов получил желанный белый крест Георгиевского кавалера 4-й степени, приобщившись к военной элите русской армии. С этого времени отец и сын постоянно носили эти высокопочтимые орденские знаки.

Это значимое событие нашло отражение и в личных пасхальных подарках императорской семьи. Дело в том что, начиная с Пасхи 1885 г., императрице дарилось драгоценное пасхальное яйцо «с сюрпризом» работы мастеров ювелирной фирмы Карла Фаберже. После смерти Александра III в 1894 г. мастера фирмы К. Фаберже ежегодно изготавливали по два пас-

хальных яйца «императорской серии» — для вдовствующей императрицы Марии Федоровны и царствующей Александры Федоровны. На Пасху 1916 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна получила в подарок так называемое скромное «Стальное яйцо», изготовленное из полированной стали и покоящееся на четырех стальных снарядах. Внутри яйца в качестве сюрприза была помещена миниатюра, изображавшая эпизод посещения императором Николаем II передовых позиций. Миниатюра была украшена Георгиевским крестом, поскольку посещение боевых позиций русской армии и стало главным поводом для награждения Николая II.

Императрице Александре Федоровне на Пасху 1916 г. также преподнесли пасхальное яйцо, названное «Орден св. Георгия». Оно было украшено двумя Георгиевскими крестами. Традиционный сюрприз заключался в том, что под каждым из накладных Георгиевских крестов скрывались миниатюрные портреты Николая II и цесаревича Алексея. В переписке Александры Федоровны и Николая II об этом яйце упоминается, в телеграмме императрица писала: «Фаберже только что принес твоё очаровательное яйцо, за которое благодарю 1000 раз. Миниатюрная группа чудесна, а все портреты превосходны. Аликс»¹⁵⁰.

Награждения столь высокочтимым орденским знаком, конечно, составляли самым торжественным образом. Однако в условиях войны все это подчас происходило очень буднично. Императоры старались, по возможности, сами награждать отличившихся в боях. При посещении госпиталей они лично прикрепляли награды к рубашкам раненых.

Когда во время русско-турецкой войны (1877–1878) Александр II пожаловал крест одному из младших сыновей, произошел довольно курьезный эпизод его «двойного» награждения. Узнав о награде, счастливый Сергей Александрович отправил телеграммы матери — императрице Марии Александровне и своему воспитателю — адмиралу Д. С. Арсеньеву. Адмирал немедленно приобрел Георгиевский крест 4-й степени в ювелирном магазине (ордена в то время свободно продавались в ювелирных магазинах, а не изготавливались централизованно на Монетном дворе, как это делается сегодня. Императрица, узнав об этом, «пожелала от себя послать ему крест

и послала просить меня отдать ей этот крест, ибо по позднему времени магазины были уже заперты, и она не могла в тот же вечер к отъезду фельдъегеря достать крест»¹⁵¹. В это же время (20 октября 1877 г.) отец вызвал Сергея из Руцукского отряда для награждения. Сама процедура прошла очень просто, по-семейному: «Папá вышел, крепко меня обнял и сказал: «Благодарю Бога, что Он тебя сохранил!»... подошел к письменному столу и вынул что-то из красного футляра и обернулся; когда я увидел, что это был Георгий, я так и остолбенел (в наградных документах формулировка — «За мужество и храбрость, оказанные в деле против турок при рекогносцировке 12 октября 1877 г.» — *И. З.*). Этого я вовсе не ожидал — я не знал, что и говорить. Но многое я прочувствовал в эту минуту — меня так и обхватило. Я бросился обнимать Папá, у него на глазах и в голосе были слезы. Я не достоин такой награды, и она на меня возлагает много, много обязательств, которые дай мне Бог исполнить!.. никогда не забуду, что я был под огнем в первый раз под командой моих обоих братьев, мой отряд принадлежал 12 корпусу... Боже мой, как я счастлив Георгием. Дай мне Бог доказать, что я его достоин!»¹⁵²

Мальчик был так счастлив, что даже спал «со своим Георгием, которого пришил к халату. Папа очень смеялся, когда узнал, что я спал с Георгием... он мне говорил про смерть Сережи и прибавил: «Его смерть доказала, что и вы на равных с другими не щадите вашу жизнь. Слава Богу, что Он тебя сохранил»¹⁵³.

Генерал Ю. Н. Данилов вспоминал, что его награждение орденом Святого Георгия 4-й степени в 1916 г. состоялось самым камерным образом. Поздно вечером, после очередного доклада Николаю II, царь пригласил генерала в свое купе и «взял с полки из-под образов лежавший там футляр. Вынув оттуда заветный для каждого военного белый эмалевый крестик, он благословил им меня и сказал при этом по моему адресу несколько теплых слов. Растроганный этой сценой, я принял крест из рук царя и тут же приложил к своим губам; затем принужден был вложить крест обратно в футляр, так как на моем кителе не имелось соответственной петлички»¹⁵⁴.

Примечательно, что награжденные по традиции «проставлялись». Когда великий князь Николай Николаевич (старший) в 1877 г. получил из рук старшего брата крест Святого Георгия 2-й степени, то свита князя качала, а вечером «праздновали Николашу, он задал ужин с шашлыком»¹⁵⁵.

Таким образом, к 1917 г. российские императоры, императрицы и цесаревичи были кавалерами орденов Святого Георгия следующих степеней:

Правящая особа	Дата и год награждения	Орденская степень	Повод к награждению
Екатерина II	26 ноября 1769 г.	Св. Георгия 1-й ст.	Как гроссмейстер ордена
Александр I	13 декабря 1805 г.	Св. Георгия 4-й ст.	За личную храбрость
Цесаревич Константин Павлович	1805 г.	Св. Георгия 3-й ст.	За личную храбрость в деле под Аустерлицем
Цесаревич Константин Павлович	Октябрь 1813 г.	Св. Георгия 2-й ст.	За участие в сражении под Лейпцигом
Николай I	1838 г.	Св. Георгия 4-й ст.	За 25-летнюю выслугу в офицерских чинах
Александр II	10 ноября 1850 г.	Св. Георгия 4-й ст.	За личное мужество «в деле против кавказских горцев».
Александр II	16 ноября 1869 г.	Св. Георгия 1-й ст.	В честь 100-летнего юбилея ордена
Александр II	Ноябрь 1877 г.	Золотая сабля с надписью «За храбрость» с Георгиевским темляком	За взятие Плевны
Александр III	30 ноября 1877 г.	Св. Георгия 2-й ст.	За блистательное выполнение трудной задачи удержания в течение пяти месяцев превосходящих сил неприятеля от прорыва избранных нами на реке Ловче позиций и за отбитие 30 ноября 1877 года атаки на Мечку

Часть 3. Работа в императорских резиденциях

Цесаревич Алексей	17 октября 1915 г.	Георгиевская ме- даль 4-й ст.	В память посещения армий Юго- Западного фронта вблизи боевых позиций
Николай II	25 октября 1915 г.	Св. Георгия 4-й ст.	В память посещения армий Юго- Западного фронта вблизи боевых позиций

Секретари российских императоров

Политическая история России XVIII в. знает множество примеров, когда приближенные к императорам и императрицам временщики определяли пути развития страны. Поэтому ко второй четверти XIX в. постепенно сложилась традиция, жестко ограничивавшая приближение к правящим особам доверенных лиц. В результате, начиная с Николая I, российские императоры не имели личных секретарей. При этом особенность бюрократических структур в самодержавной России была такова, что министры имели право личного доклада императору, ежедневно обрушивая на него горы проблем и деловых бумаг. Кроме того, повседневная жизнь императорского двора предполагала активное участие монархов как в светской жизни, так и в представительских мероприятиях.

У Александра I на протяжении его 25-летнего правления роль помощников последовательно выполняли два талантливых чиновника. В начале его правления главным двигателем либеральных преобразований стал М. М. Сперанский. К концу царствования роль секретаря играл генерал А. А. Аракчеев. Человек не светский, вызывавший почти всеобщую ненависть, он был, безусловно, честным и невероятно трудоспособным. Супруга Николая I — императрица Александра Федоровна прямо писала, что Аракче-

ев был необходим Александру I «и работал с ним ежедневно. Через его руки проходили почти все дела»¹⁵⁶. Результатом столь тесной деловой близости к императору стало то, что Аракчеева «боялись, его никто не любил». И хотя Александра Федоровна упоминала, что она «никогда не могла понять, каким

А. А. Аракчеев

способом он сумел удерживаться в милости императора Александра до самой его кончины»¹⁵⁷, это очевидно. Это был верный, надежный и способный сотрудник, разгрузивший императора от многочисленных деловых забот.

«Секретарство» Аракчеева, конечно, не избавляло царя полностью от нескончаемого бумажного потока. Кроме этого, Аракчеев в сентябре 1825 г. самостоятельно покинул свой пост. Это было связано с личной трагедией преданного генерала. 10 сентября

1825 г. в имении Аракчеева Грузино дворовые убили любовницу генерала Н. Ф. Минкину. Потрясенный случившимся Аракчеев, без уведомления Александра I, передал все дела «по тяжкому расстройству здоровья» генералу Эйлеру и приказал ему из бумаг «ничего не присылать»¹⁵⁸. Один из современников зафиксировал, что незадолго до своей смерти Александр I все утро (5 ноября 1825 г.) «занимался огромным числом бумаг, скопившимся у него на бюро»¹⁵⁹.

О степени влияния этих «секретарей» говорит то, что именно М. М. Сперанский во многом определял курс либеральных реформ начала

царствования, что именно А. А. Аракчеев реализовывал на практике реакционный курс конца царствования Александра I.

Николай I иначе представлял себе свои обязанности на троне. Он замкнул на себя всю ведомственно-бюрократическую структуру империи. Многочисленные департаменты буквально погребали его под горами деловых бумаг, и император имел все основания называть себя «каторжником Зимнего дворца». Безусловно, при нем состояла работоспособная команда генералов-администраторов, но окончательные решения, даже по незначительным вопросам, принимал непосредственно Николай I. Именно он создал стиль деловых отношений с подчиненными, которому стремились подражать его сын, внук и правнук.

Конечно, когда Николай Павлович уезжал за границу, то оставлял «на хозяйстве» своих доверенных сотрудников, в чьей порядочности он не сомневался. В 1828 г. на время длительных отлучек царя был создан негласный комитет в составе князя Кочубея, графа П. А. Толстого, а правителем его дел был управляющий I Отделением СЕИВК статс-секретарь Муравьев. Когда подросток цесаревич Александр Николаевич, отец начал подтягивать его к руководству страной. При этом молодого цесаревича страховал Секретный комитет, в который в 1849 г. входили министр императорского двора князь Волконский, князь Чернышов и граф Блудов. Для производства дел в Секретный комитет был включен государственный секретарь Бахтин¹⁶⁰.

Александр II решал проблему занятости, разделяя свои обязанности с младшим братом — великим князем Константином Николаевичем и министрами. В начале 1860-х гг. Александру II удалось собрать вокруг себя талантливых администраторов, которые достаточно самостоятельно решали возникавшие проблемы тактического уровня, сознавая при этом, что определение стратегии развития страны есть неотъемлемая прерогатива императора. Например, делами военного министерства руководил Д. А. Милютин.

Александр III, исходя из своих представлений о самодержавной власти, пытался воспроизвести стиль деловых отношений своего деда — Николая I. Рядом с ним находились доверенные лица, однако всю «бюрократическую

лапшу» он взваливал на себя. Например, его министр иностранных дел Н. К. Гирс был по сути только секретарем императора, поскольку Александр III лично разрешал все возникавшие внешнеполитические проблемы. В конечном итоге Александр III не выдержал и, буквально задавленный

бесконечной бумажной работой, попытался создать нечто вроде личного секретариата.

Судя по воспоминаниям генерала Н. А. Епанчина, во второй половине 1880-х гг. Александр III решил негласно завести нескольких помощников, «достойных полного доверия». На эту роль он выбрал, естественно, ближайших соратников: графа И. И. Воронцова-Дашкова, занимавшего должность министра императорского двора; генерал-адъютанта О. Б. Рихтера, занимавшего ранее должность командующего Императорской главной квартирой, и генерал-адъютанта П. А. Черевина, возглавлявшего охрану Александра III. Главной их

И. И. Воронцов-Дашков

задачей было помогать императору «разбираться в докладах и отчетах»¹⁶¹. Александра III с вышеперечисленными лицами связывали многие годы совместной деятельности, и он был полностью убежден в их преданности и порядочности.

Следует подчеркнуть, что все трое предполагаемых помощников Александра III были категорически против предложения составить негласный

секретариат императора. Доложив императору, что выполнят любое его приказание, они при этом сочли своим долгом заявить, что подобное решение представляется им «не только неудобным, но и опасным». По мнению И. И. Воронцова-Дашкова, О. Б. Рихтера и П. А. Черевина, учреждение негласного секретариата невозможно будет сохранить в тайне. В результате министры воспримут новый порядок как знак недоверия к ним. Кроме того, в обществе пойдут разговоры и пересуды, «сочтут, что новый порядок есть ограничение самодержавной власти монарха в пользу триумvirата; получится впечатление, что вместо самодержавного монарха Россией правит олигархия. Но государь настоял на своем решении, и оно было приведено в исполнение»¹⁶².

Личный секретариат был создан и начал работать. Император передавал генералам те доклады и отчеты, по которым он желал знать их мнение. Однако, несмотря на всю конспирацию, о работе «подпольного» секретариата стало известно в обществе. Естественно, пошли сплетни, «именно в том духе, какой нетрудно было предвидеть». Члены негласного комитета сочли необходимым доложить об этом Александру III, и он был вынужден согласиться со своими соратниками. «И вы меня покидаете», — упрекнул он их, но иначе поступить они не могли¹⁶³. В результате Александр III до конца жизни так и тасил воз бюрократических проблем, причем их значительная часть только по традиции требовала высочайших резолюций.

Николай II во всем стремился походить на отца. При этом в основе подражания лежало не слепое копирование, а единство их взглядов на прерогативы российских монархов. Когда в октябре 1894 г. цесаревич Николай Александрович в одночасье превратился в Николая II, министры немедленно «запрягли» молодого царя в «бюрократическую телегу». И когда он осознал объемы ежедневной работы и уровень ответственности, обрушившейся на него, то был просто в панике.

Тем не менее Николай II достаточно быстро адаптировался, пытаясь копировать стиль деловых отношений отца со своим ближайшим окружением. У него так и не появилось личного секретаря. Ради справедливости стоит отметить, что робкие попытки завести подобного помощника в самом

начале правления все же предпринимались. Так, главноуправляющий канцелярией по принятию прошений В. И. Мамонтов упоминал, что в 1896 г. он начал готовить небольшие пресс-релизы, конечно, по просьбе самого монарха. Причем делалось это полулегально. Однако окружение царя вело тщательное наблюдение за ситуацией, и попытка чиновника выйти за круг своих прямых обязанностей была немедленно пресечена.

Кроме того, в самом начале правления Николай II пытался привлечь к обработке деловых бумаг друзей. Так, великий князь Александр Михайлович, муж младшей сестры царя, рассказывал, как они все вместе после обеда занимались просмотром представленных Николаю II докладов¹⁶⁴.

Со временем Николай II втянулся в работу. Да и его супруга, императрица Александра Федоровна, всячески поддерживала максималистские настроения в представлениях о границах самодержавной власти. При этом сама она имела личного секретаря.

Последнюю попытку Николая II завести помощника можно датировать концом 1905 г. В тяжелой внутривластной ситуации царь искал сильного человека, на которого он мог бы опереться в период революции. В октябре 1905 г. Николай II назначил на должность дворцового коменданта генерала Д. Ф. Трепова, который вошел в российскую историю под прозвищем «генерал-патронов-не-жалеть». Именно этот генерал на протяжении первой половины 1906 г. выполнял секретарские обязанности при императоре. Видимо, об этом сразу же стало известно не только ближайшему окружению императора, но и либеральной оппозиции. В газетах появились карикатуры на Трепова и Николая II, в которых генерала называли «Треповым I». И в результате царь был вынужден объясняться. Он написал записку вдовствующей императрице-матери Марии Федоровне, в которой сообщил, что «Трепов для меня незаменимый, своего рода секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!» Это весьма характерный документ. Тут и желание опереться на твердого человека. И попытка читать «толстые запи-

ски» С. Ю. Витте, которому Николай II не доверял. И желание сохранить положение Трепова в секрете.

О роли генерала Трепова в конце 1905 — начале 1906 г. писали многие современники. Жандармский генерал А. В. Герасимов отмечал, что Трепов «постоянно соприкасаясь с царем, будучи посредником между ним и министрами... пользовался огромным влиянием и играл крупную политическую роль»¹⁶⁵. О степени влияния Трепова свидетельствовали и его постоянные доклады царю. За все время правления Николая II ни один дворцовый комендант не встречался с ним так часто, как Д. Ф. Трепов. Как следует из дневниковых записей Николая II, в декабре 1905 г. царь заслушал шесть докладов Трепова, в январе 1906 г. — пять, в феврале — восемь, в марте — двенадцать. Это время было пиком его политического влияния. Министр финансов В. Н. Коковцев упоминал, что Трепову «государь положительно доверяет, в нем можно иметь либо деятельного пособника, либо скрытого, но опасного противника... Трепов имеет бесспорное влияние на государя, и к его голосу государь прислушивается более, нежели к чьему-либо из всего дворцового окружения»¹⁶⁶.

Однако звезда генерала закатилась к лету 1906 г., когда на политическом небосклоне Петербурга появился П. А. Столыпин, на которого Николай II и сделал ставку. А в начале сентября 1906 г. генерал Д. Ф. Трепов скоропостижно скончался.

Аргументация «запрета» на секретарей была та же, что и во времена Александра III: секретарь мог прямо или опосредованно влиять на монарха, мог силою вещей сделаться необходимым. Кроме того, следует учитывать и личностные особенности Николая II. Он был очень закрытым человеком, не желавшим, чтобы его намерения и оценки становились известны кому-либо. Императрица Александра Федоровна, весьма ревниво относившаяся к самодержавным прерогативам мужа, также не желала делить свое влияние на него с каким-то секретарем. И чиновники, окружавшие царя, были едины в неприятии возможного секретариата. Дворцовый комендант В. Н. Воейков прямо указывал, что министр императорского двора В. Б. Фредерикс

«поддерживал царя в этом решении, не желая вторжения постороннего лица между государем и его первым слугою»¹⁶⁷.

По воспоминаниям лиц, входивших в ближний круг, Николай II был до такой степени педантичен в исполнении своих обязанностей, что сам ставил печати на письма. Только при большой спешке Николай II поручал эту второстепенную обязанность своему камердинеру. При этом камердинер должен был представлять свою работу, чтобы царь мог убедиться в ее исполнении¹⁶⁸. Впрочем, некоторые официальные документы и письма писались канцеляриями. Так, руководитель собственной его императорского величества канцелярии А. С. Танеев составлял рескрипты сановникам. Министр двора — официальные письма членам царской семьи. Министр иностранных дел по должности ведал корреспонденцией с иностранными монархами¹⁶⁹.

ЧАСТЬ

Окружение
российских
монархов

Жилые половины в императорских резиденциях

Жилая половина императорской семьи в Зимнем дворце при Николае I

Императорские дворцы представляли собой огромные комплексы, где в различных условиях размещались тысячи людей: одни жили в подвалах дворцов в комнатах-общежитиях, другие занимали десятки роскошных комнат.

Для Романовых пышный дворцовый антураж был естественным в повседневной жизни, их представление о самодержавии органично сочеталось с необходимостью поддержания богатства и пышности царского двора.

Императорские резиденции были традиционно поделены на зоны, каждая из которых выполняла свои функции. Безусловно, сердцем дворца являлась та часть, в которой обитала императорская семья, а ее обслуживали сотни людей, сосредоточенных в хозяйственных и служебных помещениях дворцов. Личные, жилые комнаты императорской семьи являлись своео-

бразными квартирами, которые именовались половинами. Они включали в себя несколько групп помещений: парадные апартаменты, личные и служебные помещения. При этом парадные покои, имевшие представительскую функцию, в состав половин входили не всегда.

Таким образом, дворцовыми половинами назывались комплексы жилых помещений с единым архитектурно-декоративным решением, связанные общим назначением или владельцем. Это были личные покои императорской семьи, отделенные от парадных залов, своеобразная среда обитания первых лиц империи, со своими традициями и порядками, которые сознательно культивировались и передавались из поколения в поколение. Образ жизни первых лиц на их дворцовой половине также служил сознательному формированию определенного имиджа владельцев. При смене владельца границы половины, как правило, сохранялись, но это не мешало производить полный ремонт с заменой декоративного убранства.

В Зимнем дворце половины сформировались еще в XVIII в. В первой четверти XIX в. были произведены некоторые изменения и в топографии, и в архитектурном убранстве, однако самые серьезные перестройки дворцовых половин произошли во второй четверти XIX в., в период правления Николая I.

После пожара Зимнего дворца в декабре 1837 г. относительно уцелел первый этаж, а второй и третий выгорели. Сам Николай I оценивал произошедшее следующим образом (запись от 3 января 1838 г.): «Надо благодарить Бога, что пожар случился не ночью... Эрмитаж мы отстояли и спасли почти всё из горевшего дворца. Жаль старика, хорош был... надеюсь к будущему году его возобновить не хуже прошедшего, и надеюсь без больших издержек... Одно здешнее дворянство на другой же день хотело мне представить 12 миллионов, также купечество и даже бедные люди. Эти чувства для меня дороже Зимнего дворца; разумеется, однако, что я ничего не принял и не приму: у русского царя довольно и своего»¹.

Дворец восстанавливали авральными темпами, практически круглосуточно, и к апрелю (к Пасхе) 1839 г. работы в целом были закончены. Семья Николая I переехала в Зимний дворец в ноябре 1839 г.

В процессе восстановительных работ была произведена некоторая перепланировка дворцовых половин. Традиционными для размещения личных покоев императорской семьи оставались три этажа северо-западного ризалита Зимнего дворца. На втором этаже находились покои императрицы Александры Федоровны, а на третьем — жилые покои появились впервые в 1826–1827 гг., когда здесь устроили половину Николая I с его знаменитым кабинетом, планировка которого сохранилась и после пожара. Первый этаж северо-западного ризалита отвели под комнаты великих княжон Ольги и Александры. Ольга Николаевна в своих воспоминаниях писала: «Помещения для нас, детей, были в нижнем этаже, под апартаментами родителей».

Такая планировка в сочетании с созданием здесь вертикальной, сквозной коммуникации от первого до третьего этажа — лестницы с подъемной машиной — наметила существенную для жизни царствующей фамилии тенденцию к локализации ризалита, которая развивалась до 1880-х гг.²

Все три этажа северо-западного ризалита в литературе именуется единой половиной, где жила императорская семья. Вместе с тем деление на детские покои (первый этаж), покои императрицы (второй этаж) и комнаты Николая I (третий этаж) позволяет также называть их самостоятельными половинами, поскольку они имели особое функциональное назначение, четкую топографию и специфическое декоративное убранство, отвечавшее личным вкусам их владельцев.

В период правления Николая I в семейной жизни монархов наметились противоречивые тенденции. С одной стороны, полностью сохранялась традиция публичности в личной, приватной жизни императорской семьи. Так, во время пребывания в петергофской Александрии императорская чета сознательно и привычно демонстрировала идиллию семейной жизни: окна в Коттедже не закрывались и не занавешивались; кадетам, которых периодически приглашали в Александринский парк, позволялось заглядывать в окна и наблюдать за повседневной жизнью императорской семьи. Вероятно, психологически это было тяжело, но сам император и его жена воспринимали эту публичность как неизбежную и очень важную часть своей «работы», к которой они относились ответственно.

С другой стороны, начиная с 30-х гг. XIX в. в императорской семье постепенно стали намечаться иные поведенческие стереотипы, связанные с осознанием потребности разделения быта и ритуала официальных и светских приемов, изменением самого понятия частной жизни и наполнением его новым содержанием.

Покои императрицы Александры Федоровны на втором этаже Зимнего дворца служили продолжением парадной анфилады Невской линии. Парадная часть апартаментов императрицы включала в себя три гостиные: Малахитовую (ныне зал № 189), Розовую (№ 187) и Малиновую (№ 186); там же располагались две столовые: Арапская (№ 155) и Помпейская (№ 188). Наряду с представительскими залами половину императрицы составляла и личная часть апартаментов: кабинет³ (№ 185), Синяя спальня (№ 184), Розовая уборная (№ 183) и будуар (№ 182). Все эти личные помещения были перепрофилированы в ходе ремонта 1895–1896 гг., и ни одно из них не сохранилось до настоящего времени. Еще одну часть половины императрицы Александры Федоровны составляли служебные помещения, к которым относились Проходная комната (№ 180), Большая столовая (№ 178, 179, 961), Бриллиантовая (№ 176) и ванная комнаты (№ 670). Необходимо отметить, что деление половины на парадные, личные и служебные помещения было относительным. Примером тому служит ванная комната императрицы, которая была отделана архитектором А. Брюлловым с пышной мавританской роскошью и подробно описывалась в черед парадных залов дворца. Вместе с тем мемуаристы упоминают, что ванная комната Александры Федоровны служила для приемов близких ко двору людей.

Набор помещений на половинах свидетельствовал об определенном «домашнем статусе» каждого члена семьи. Так, на этаже императрицы Александры Федоровны располагались три парадные гостиные; на этаже Николая I — две, а у великих княжон на первом этаже — одна парадная гостиная на двоих. На остальных половинах гостиных не было. У наследника Александра Николаевича своя гостиная появилась только после женитьбы в 1841 г. Аналогично обстояло дело и со столовыми: на этаже императрицы —

три столовых, а на остальных этажах императорской половины столовых не имелось вообще. Столовые императрицы были местом сбора большой семьи.

Из перепланировок императорской половины следует отметить появление второго кабинета Николая Павловича, который оборудовали на первом этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца.

Говоря о жилых половинах правителей, необходимо упомянуть о традиции, бытовавшей почти 200 лет в императорском Петербурге: после переезда в пригородные резиденции или по возвращении в Зимний дворец в обязательном порядке проводился обряд освящения жилых помещений — придворное духовенство служило молебен, после которого священник кропил комнаты⁴.

Жилая половина императорской семьи при Александре II

Как правило, с началом нового царствования или после женитьбы цесаревича на дворцовых половинах происходили серьезные изменения. Так, в 1841 г. после женитьбы старшего сына Николая I цесаревича Александра Николаевича для его семьи была оборудована квартира в юго-западном ризалите Зимнего дворца — там находились преимущественно комнаты цесаревны, а впоследствии императрицы Марии Александровны.

Одна из камер-юнгфер Марии Александровны оставила довольно подробное описание этих комнат. По ее словам, квартира, предназначенная молодым в Зимнем дворце, выходила частью на Адмиралтейство, а частью — на Дворцовую площадь. Комнаты цесаревича находились напротив Адмиралтейства, начиная с балкона с зеленой палаткой, где царская фамилия обыкновенно смотрела разводы.

Каждый из хозяев собственной половины, располагая определенным, стандартным набором помещений, мог их обустраивать, следуя своим вкусам и предпочтениям, в соответствии с индивидуальными представлениями о повседневном комфорте. Так, в начале 1840-х гг. решающее

слово при планировке и оформлении интерьера играло мнение Николая I и Александры Федоровны. Однако впоследствии, особенно после 1855 г., интерьеры во многом изменились, и решающее слово принадлежало уже новым монархам.

Жилые помещения на половине Александра II, расположенные вдоль Темного коридора, включали в себя шесть комнат: бильярдную, приемную, учебную, кабинет, камердинерскую и библиотеку. К этим помещениям примыкала еще одна камердинерская комната, над которой была размещена антресоль. Рядом с камердинерской находилась буфетная⁵.

Камер-юнгфера императрицы в своих мемуарах отмечала, что в кабинете цесаревича в алькове за колоннами находилась спальня. Однако на дошедших до нас шести акварелях, изображающих кабинет Александра II в разные годы, никакой спальни в алькове не просматривается. Кушетка в кабинете была, но она стояла либо у стены с колоннами, либо позади рабочего кресла императора. Хотя то, что Александр II часто использовал рабочий кабинет как спальню, особенно начиная с 1860-х гг., — неоспоримый факт. Мемуаристка оставила описание библиотеки, или второго кабинета: «Эта комната была огромная, заставленная по стенам высокими шкафами красного дерева с надписями на каждом, какого отдела находятся в нем книги, и столами, заваленными бумагами, планами»⁶. На одном из шкафов стоял черный бюст папы Григория XVI.

Примечательно, что ранее, в конце XVIII в., на месте половины Александра II проживал будущий император Александр I, а его спальня впоследствии превратилась в кабинет Александра II. Кабинет же Александра I в начале XIX в. находился там, где впоследствии, в конце того же столетия, был расположен кабинет Николая II. Непарадная жизнь Александра I проходила в комнатах, занятых в 1895–1896 гг. Николаем II в бельэтаже⁷.

Личные помещения императрицы Марии Александровны, жены Александра II, находились в юго-западном ризалите. Ее окна выходили на Дворцовую площадь и Адмиралтейство. Перечень ее личных комнат включал в себя стандартный набор из уборной, ванной, опочивальной комнаты, будуара, кабинета, Золотой гостиной, столовой, буфета, камер-юнгферской

и ванной комнаты на антресолях — всего 10 помещений. Интерьеры всех этих комнат были полностью утрачены в последующие годы.

Камер-юнгфера императрицы подробно описала все помещения своей хозяйки: «Первая комната была уборная, в два окна; стены покрыты драпировкой из розового дама, разукрашены снурками и кистями; портьеры, занавесы и вся мебель покрыты той же материей; чехол на туалетном столе и покрывало на зеркале — из цельного брюссельского кружева на розовой подкладке, прибор туалетный и зеркало серебряные... Впоследствии переменили розовую обивку на светло-лиловую и предпочли соединить уборную и кабинет в одной комнате; в этом новом кабинете в последнее время императрица Мария Александровна постоянно находилась, а секретаря принимала в первоначально устроенном кабинете.

Вторая комната, в одно окно, с матовым стеклом, была ванная. Белая мраморная ванна отделялась от остальной части комнаты драпировкой из синего сукна, и вся мебель крыта им же.

Третья — очень большая спальня; три окна выходили на маленький дворик, а в другой стене, в выступе дворца, — одно окно, из которого через площадь видна Нева... Стены, занавесы вокруг кровати, покрывало, валики на кровати, занавесы у окон, портьеры, диваны, кушетки, табуреты, стулья с очень высокими прямыми спинками, корзина для подушек, экран у камина — все крыто дама василькового цвета с белыми букетами; вся названная мебель и еще два трюмо, витрины для бриллиантов, шкафики у кровати, столы, парадный туалетный стол с золотым туалетным прибором, киот со столиком для молитвенника и скамейкой для колен были отделаны черепаховой фанеркой с инкрустацией.

Четвертая комната — кабинет: стены и мебель крыты светло-голубым дама с белыми узорами; задняя стена полукруглая, и по всей стене полукруглый диван; перед ним с одного конца стояли столик и кресла, с другого — стулья и табуретки, посредине комнаты довольно близко к дивану — кушетка, на которой великая княгиня постоянно отдыхала. На кушетке лежал валик длиною $\frac{3}{4}$ аршина, на розовом чехле надета батистовая вышивка и обшитая кружевами наволочка: его подкладывали под

спину, а маленький такой же валик клали на подушку кушетки под голову. Письменный стол стоял у стены около двери, ведущей в спальню... В противоположной стене — камин... Библиотеки не было вовсе. Впоследствии с правой стороны круглого дивана была сделана небольшая дверь, скрытая под драпировкой, ведущая на лестницу в нижний этаж, в комнаты детей; по стенам этой лестницы устроены были полки для книг; лестница освещалась днем и ночью карселевскими лампами, так как была устроена внутри стен и была совершенно темная.

Пятая комната, очень большая, угловая, крыта красною с золотыми арабесками материею; большой письменный стол с золотым письменным прибором, тут же стоял рояль и круглый прекрасный мозаичный стол... Эта комната называлась — парадный кабинет. Столовой не было, и когда цесаревна обедала дома или были приглашенные к столу, то обедали в этой комнате. В первых четырех комнатах полы были устланы коврами.

Шестая, золотая комната: белые стюковые стены с легкими золочеными лепными разводами, вся мебель вызолоченная. Седьмая — огромное белое зало в два света; в углах колоссальные хрустальные канделябры, на вершине их киликсы, то есть плоские стеклянные чаши; в них помещены газовые рожки, свет от которых переливался тысячами разноцветных огней в гранях канделябров... в уступе над подъездом — крытый балкон, так называемый фонарчик, посередине которого стояла белая мраморная Венера Медицейская, а по стенам были устроены полки, обтянутые красным сукном... Впоследствии была уничтожена широкая лестница, ведущая с улицы до третьего этажа. Во втором этаже в этом пространстве сделана столовая, обитая зеленым с цветами мокетом; свет проникал из огромного стеклянного колпака на крыше»⁸.

Прежде чем говорить о новых жильцах Зимнего дворца, следует упомянуть, что в 1858 г., когда старшему сыну Александра II — цесаревичу Николаю осенью минуло 15 лет, для него начали устраивать собственную половину в так называемом Шепелевском дворце, который с XVIII в. входил в комплекс зданий Зимнего. Для цесаревича в соответствии с его статусом были оборудованы три комнаты: гостиная, кабинет и спальня⁹. Николай Александрович

прожил на своей половине пять лет, пока осенью 1864 г. не отправился в путешествие по Европе, из которого ему было не суждено вернуться.

Комнаты младших сыновей Александра II — Сергея и Павла, пока они были маленькими, находились на первом этаже Зимнего дворца под покоем императрицы Марии Александровны, окнами на собственный сад. В этих комнатах ранее жили старшие сыновья Александра II, которые по мере взросления получали другие апартаменты в Зимнем дворце¹⁰.

Когда великие князья выросли (как правило, в 10–11 лет), их переводили из детских комнат во взрослые покои. Так, 10-летнего Сергея Александровича переселили из детских комнат во взрослые в 1867 г., и в них он прожил до 1880 г. Комнаты находились на втором этаже и выходили окнами на Адмиралтейскую площадь. В начале XIX в. это были внутренние покои императора Александра I. Несколько позже младшего брата Сергея — великого князя Павла также переселили на эту половину Зимнего дворца, только его комнаты находились на первом этаже¹¹.

Комнаты Александра III

в Зимнем дворце

В 1865 г. цесаревичем был объявлен великий князь Александр Александрович, который унаследовал от старшего брата не только его невесту, но и Аничков дворец, где он и поселился осенью 1866 г., после свадьбы. Поэтому у Александра III в Зимнем дворце своей половины до 1887 г. не имелось.

Александр III до 1881 г. с семьей жил в Аничковом дворце. После гибели Александра II, случившейся 1 марта 1881 г., новый император 27 марта с семьей переехал в Гатчинский дворец, который наряду с Аничковым стал постоянной жилой резиденцией императорской семьи. Зимний дворец Александр III не любил и в нем практически не жил, тем не менее он оставался главной императорской резиденцией, где по протоколу проходило множество официальных мероприятий с обязательным присутствием государя.

Аничков дворец со стороны Невского проспекта.

1880-е гг.

Именно поэтому в 1887 г. Александр III выразил желание устроить в Зимнем дворце собственную половину, чтобы он мог останавливаться во время приездов. Поскольку по традиции дети не занимали покоев своих умерших родителей, то за основу половины Александра III были взяты бывшие комнаты его младшего брата — великого князя Алексея Александровича.

Новая императорская половина была оборудована в течение года. К 1888 г. половина императора Александра III в Зимнем дворце включала в себя следующие поме-

щения: передняя, проходная первая, проходная вторая, проходная третья, уборная его величества, уборная и ванная, кабинет, гостиная угловая, гостиная вторая, библиотека, гардероб, две проходные комнаты за гардеробом, дежурная и буфет — всего 15 комнат¹². Все они располагались на третьем этаже северо-западного ризалита дворца, причем большая часть выходила окнами на Неву. Впоследствии, 7 февраля 1895 г., после прогулки Николай II и Александра Федоровна специально заехали в Зимний дворец, чтобы осмотреть «верхние комнаты Папа, которые Аликс еще не видела».

Из событий, связанных со штурмом Зимнего дворца в октябре 1917 г., известно, что один из снарядов попал в библиотеку Александра III, которая занимала угловое помещение, выходя окнами на Адмиралтейство и на Неву. На половине Александра III находился и «Собственный их величества подъезд», который также выходил на Неву¹³.

Жилая половина семьи Николая II

в Зимнем дворце

После того как в октябре 1894 г. императором стал Николай II, в Зимнем дворце начались масштабные работы по оборудованию жилой половины для молодого императора. Одновременно в Зимнем дворце обустривалась половина для младшей сестры Николая II — великой княгини Ксении Александровны и ее мужа великого князя Александра Михайловича. Эти работы велись по проектам архитектора А. Ф. Красовского¹⁴. Затем, в 1899 г., его сменил Н. И. Крамской, а с 1905 г. ведущим архитектором стал А. С. Данини — архитектор Царскосельского дворцового управления.

В ходе этих работ помещения на втором этаже северо-западного ризалита, ранее принадлежавшие императрице Александре Федоровне, супруге Николая I, полностью утратили первоначальный декор.

Надо отметить, что оформление интерьеров царской половины шло на совершенно иной основе, чем прежде. Ранее интерьерно-декоративная часть комнат являлась результатом индивидуальной проработки архитекторами облика каждого помещения. А в конце XIX в. отделка помещений велась на основе каталогов и образцов, которые представлялись ведущими строительными и интерьерными фирмами. Буржуазные стандарты, связанные с оформлением комнат и созданием соответствующего уровня комфорта, вытеснили традиционные представления о дворцовой пышности императорских резиденций. Молодое поколение совершенно не устраивало прежние стандарты дворцовой жизни и представления об уровне комфорта личных

помещений царской семьи. Великий князь Александр Михайлович заметил, что даже после проведенного ремонта комнаты Зимнего дворца подавляли «своими размерами, с громадными неудобными спальнями»¹⁵.

Детали интерьера новой половины утверждались лично императрицей Александрой Федоровной. К весне 1895 г. все интерьеры царских комнат были окончательно утверждены. Николай II отметил в дневнике 26 апреля 1895 г.: «Заехали в Зимний, где окончательно решили всё в последних подробностях».

Но решающую роль в оформлении интерьеров играла не императорская чета, а старшая сестра императрицы — великая княгиня Елизавета Федоровна, или Элла, как ее называли родные. Николай II в дневнике несколько раз отметил дизайнерские заслуги Елизаветы Федоровны: «Элла переехала к нам из Большого дворца; она ездила в город осматривать наши помещения в Зимнем, которых отделка близится к окончанию» (5 октября 1895 г.); «Поехал в Зимний, где осмотрел с Эллою наши комнаты, которые почти готовы» (8 ноября 1895 г.). В конце концов, царь прямо заявил: «Элла — автор наших комнат. Показали им все наше устройство» (11 января 1896 г.). Надо добавить, что Елизавета Федоровна применила свои дизайнерские таланты и в Александровском дворце Царского Села, на свитской половине которого по ее указаниям было отделано несколько комнат в так называемом английском стиле.

Вообще молодая императорская чета отдавала предпочтение стилю модерн. Срочность заказа по оформлению жилых комнат в Зимнем дворце была столь велика, что фирма Ф. Мельцера, ставшая ведущей в разработке интерьерных эскизов и их поставке, за каждый день просрочки обязывалась выплачивать по 500 рублей пеней — очень крупная сумма по тем временам.

Императорская половина по традиции была разделена на две части: мужскую и женскую, которые соединялись общим помещением — передней залой. Единственным отступлением являлось то, что молодые супруги имели общую спальню с большой двуспальной кроватью. Это исключение было сохранено и в Александровском дворце Царского Села.

Апартаменты Николая II включали в себя: адъютантскую, бильярдную, библиотеку, первое и второе проходные помещения, кабинет и уборную с бассейном. Любимым помещением императора была библиотека, оформленная в готическом стиле.

Комнаты Александры Федоровны были размещены на месте бывших покоев другой Александры Федоровны — жены Николая I: столовая, Малахитовая гостиная, первая (Розовая) и вторая (Малиновая) гостиные, угловой (Зеленый) кабинет, спальня и ванная комната. Часть этих помещений сохранила стиль рококо¹⁶.

Детские комнаты царских дочерей располагались на первом этаже северо-западного ризалита. Пятьюдесятью годами ранее в тех же комнатах жили дочери Николая I — Ольга и Александра. Окна их комнат выходили на Неву, от Детского до Иорданского подъезда.

30 декабря 1895 г. император Николай II и императрица Александра Федоровна вместе с новорожденной Ольгой переехали в Зимний дворец, где еще продолжались ремонтные работы. Николай II записал в дневнике: «В 2³/₄ ч. простились с милым Царским и сели в поезд, с кот[орым] Мама́ приехала из Гатчины. Со станции в Питере поехали прямо в Зимний, в наши новые комнаты. В библиотеке отслужили молебен, все комнаты, наши и детские, были окроплены. После двухчасовой работы я устроился и все вещи расставил на места, им соответствующие». В новой квартире в Зимнем дворце семья Николая II прожила до апреля 1904 г.¹⁷

Собственные сады императорской семьи

Следует сказать еще об одной традиции, связанной с императорскими резиденциями. Дело в том что рядом с императорскими половинами во всех пригородных резиденциях разбивались так называемые собственные садики. Они действительно были собственными, поскольку, как правило,

обносились решетками и соответствующим образом охранялись. Эти садики являлись непосредственным продолжением императорских половин на открытом воздухе.

Как правило, собственные сады были особым предметом забот со стороны императриц, а их мужья и дети в меру своих сил помогали в этом увлечении. Например, осенью 1824 г. будущий император Николай I, возвращаясь из Пруссии, вез матери — императрице Марии Федоровне цветочные луковички, купленные у садовника Туссена за 37 талеров¹⁸.

Став императором, Николай I особенно любовно обустроивал петергофский парк Александрию, поскольку это был действительно его собственный парк. Периодически из личных гардеробных сумм Николай Павлович выделял значительные средства на содержание парка Александрия. В сентябре 1841 г. по высочайшему повелению садовнику Эрслеру за купленные в 1841 г. цветы для украшения «дачи в Александрии» было выплачено 160 рублей 38 копеек¹⁹. В марте 1842 г. «на содержание парка в Александрии» было выплачено 506 рублей 57 копеек. В декабре 1844 г. «на покрытие расходов в парке Александрия по ремонту и содержанию дорог» — 1065 рублей. В этом же месяце «на вырубку сухих и посадку новых деревьев в Александрии» — 688 рублей 64 копейки, а также «по смете садового мастера Эрслера» было выплачено 988 рублей 40 копеек²⁰. И счетов подобного рода много²¹. Следует еще раз подчеркнуть, что это были дополнительные средства «из кармана» императора на содержание его любимого парка.

Подобные любимые собственные сады имелись и у других российских императоров и императриц. Александр II считал собственным сад у Зубовского флигеля в Царском Селе, для которого в 1865 г. архитектор И. Монигетти составил проект Вензельных ворот. Своё название ворота, выполненные из чугуна и кованого железа, получили благодаря массивным вензелям Александра II и его супруги. Ворота были «утверждены к постройке» 10 июня 1868 г. и установлены на Большом спуске (пандусе) при выходе от Камероновой галереи в собственный садик.

Собственный сад Александра III находился в Гатчинском парке и также любовно обустроивался императором.

Когда Николай II стал императором и поселился в Зимнем дворце, то сначала у него такого садика не было. Ранее российские монархи могли позволить себе гулять по набережным или в Летнем саду. С этой традицией было покончено еще при Александре II, когда в него стреляли в апреле 1866 г. у ворот Летнего сада, а в апреле 1879 г. выстрелы раздались уже близ Певческого моста. Последние полтора года своей жизни Александр II гулял по бесконечным залам Зимнего дворца, а «для здоровья» открывали окна дворцовых залов.

В целях обеспечения безопасности прогулок Николая II со стороны северо-западного ризалита был разбит собственный садик. Безопасность царя обеспечивалась не только охраной, но и двухметровой оградой из темно-красного гранита, по верху которой в 1901 г. шла красивейшая решетка с императорскими орлами. Для Николая II, привыкшего к обширным паркам пригородных резиденций, маленький собственный садик около Зимнего дворца казался клеткой. Он так и записал в дневнике 31 марта 1895 г.: «Утром погуляли в саду, который теперь нам кажется узкой клеткой после приволья в Царском».

Кроме собственного садика император Николай II, опять-таки в целях безопасности, частенько гулял на крыше Зимнего дворца. Последний раз он со своими дочерьми посетил крыши дворца 25 февраля 1913 г., когда по случаю празднования 300-летия династии на несколько дней со всей семьей переехал в главную императорскую резиденцию.

Именно тогда императорская семья впервые после весны 1904 г. несколько дней прожила в своих покоях в Зимнем дворце. Из царской семьи только цесаревич Алексей никогда не жил в этой резиденции, но спустя девять лет и девочки успели забыть свои детские комнаты. Царь писал: «В 4 часа всей семьей переехали на жительство в Петербург. Со станции отправились к Спасителю, где застали молебен, и затем приехали около 5 час. в Зимний дв[орец]. Дети с радостью осматривали свои и наши комнаты. Пили чай и обедали в угловой гостиной Аликс». Во дворце они прожили неделю (с 19 по 26 февраля 1913 г.) и уже больше в него не возвращались.

Для нужд императорской семьи использовались два подъезда: Салтыковский — со стороны Адмиралтейского проезда и Детский — со стороны северного фасада. Следует отметить, что подъезды в Зимнем дворце были специализированные, поскольку существовал четкий перечень лиц, которые могли проходить через них. А. А. Мосолов писал: «Каждый должен был сам знать, к какому из подъездов надо было явиться. Для великих князей открывался подъезд Салтыковский, придворные лица входили через подъезд их величеств, гражданские чины являлись к Иорданскому, а военные — к Комендантскому»²².

Для императора и его друзей в большом внутреннем дворе Зимнего дворца заливался каток. Всю зиму 1896 г. император ежедневно играл в русский вариант хоккея — в сапогах он часами гонял мячик гнутой клюшкой.

Половины Зимнего дворца

Кроме императорской половины, расположенной в северо-западном ризалите, в Зимнем дворце существовали и другие половины. Так, в 1895 г. одновременно с ремонтом императорских покоев велись работы и на пятой половине, которая предназначалась для младшей сестры Николая II — Ксении и ее мужа великого князя Михаила Александровича. Они обвенчались на полгода раньше императорской четы и, что называется, дружили семьями. Эта половина находилась на первом этаже дворца. Царь записал в дневнике в январе 1896 г.: «Пошли вниз к Ксении, куда приехала Мамá, и затем отправились в Малую церковь».

Квартиры брата и сестры отделялись по единым стандартам и оснащались по последнему слову тогдашней техники. Например, дворцовым ведомством были закуплены телефоны Белла (стоимостью 22 рубля 15 копеек), в буфетной был оборудован дубовый ледник «на роликах с краном и ведром», который устанавливала фирма Сан-Галли — давний деловой партнер Министерства императорского двора. Счет за эту техническую новинку — прообраз холодильника составил 400 рублей. Торговый дом

А. Марсера, специализировавшийся на продаже фарфора, фаянса и хрусталя, поставил умывальный прибор из 16 предметов, который обошелся в 125 рублей.

Поскольку работы проводились срочным порядком, то для них с разрешения министра императорского двора нанимали нижних чинов лейб-гвардии Преображенского полка с платой каждому из солдат по 60 копеек в день «ввиду усиленных работ по отделке помещений на пятой половине»²³.

Кроме того, существовала вторая дворцовая половина. Она находилась в южном корпусе Зимнего дворца и тянулась вдоль Дворцовой площади, от Александровского зала до перехода в Эрмитаж. На этой половине при Николае II периодически отводились помещения для временного проживания. Так, в период Первой русской революции, когда политический терроризм приобрел необычайный размах, для того чтобы уберечь сановников, которые стали объектом террористической охоты, их прятали на второй половине хорошо охраняемого дворца. Среди этих сановников были великий князь Николай Николаевич (младший), генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов, министр внутренних дел П. А. Столыпин.

На шестой половине, которая располагалась в юго-западном ризалите, над комнатами Александра II, с начала 1880 г. жила княжна Е. М. Долгорукая, вышедшая замуж за императора в июле 1880 г. и превратившаяся в княгиню Юрьевскую. По весьма достоверной легенде, ее комнаты были связаны с кабинетом императора винтовой лестницей.

Кроме императорской семьи в Зимнем дворце жили самые разные люди. Их право на получение «метров» в резиденции было связано либо с близостью к царской семье, либо с определенным служебным статусом. Так, когда в 1912 г. Марию Вишнякову, нянчившую всех царских детей, отправили на «заслуженный отдых», ей выделили в Зимнем дворце трехкомнатную квартиру по комендантскому коридору, которую полностью обставили за счет средств императорских детей. А с 1895 по 1901 г. в Зимнем дворце имел постоянную квартиру И. В. Гурко «по званию генерал-фельдмаршала».

Любопытно, что даже императорские половины не были избавлены от бытовых проблем. Одной из таких застарелых дворцовых трудностей являлись насекомые, точнее — клопы, нашествиям которых периодически подвергались помещения. В XVIII в. это было привычным делом даже в императорских дворцах. Но уже в первой половине XIX в. появление блох и клопов стало восприниматься как чрезвычайное событие. Например, после «возобновления» Зимнего дворца в 1838–1839 гг. пришлось бороться с клопами. Вероятнее всего, насекомые во вновь отстроенный дворец были занесены мастерами. В мае 1838 г. распоряжением Николая I из его гардеробной суммы было выдано «камердинеру Гриму за заготовку травы против клопов для гардероба его величества» 50 рублей²⁴. На следующее лето нашествие клопов на императорскую половину повторилось, поскольку камердинеру Гриму вновь была выдана та же сумма. При этом на травы, видимо, уже не надеялись, и деньги были потрачены на порошок для истребления клопов, выписанный из Тифлиса²⁵. В дневниках Николая II также отмечены факты клоповых атак. Таким образом, клопов травили в Зимнем дворце ежегодно, отпуская на это достаточно крупные суммы. Так, в 1904 г. на истребление насекомых в Зимнем дворце было потрачено 1830 рублей.

Царская половина, расположенная в северо-западном ризалите, серьезно пострадала в октябрьские дни 1917 г. Но поскольку дворцы после 1917 г. стали собственностью народа, то личные комнаты царской семьи были восстановлены и открыты для публики в 1922 г. Однако вскоре выяснилось, что эта экспозиция вызывает нездоровый интерес публики: народ буквально валом валил в Зимний дворец, чтобы посмотреть, как жили цари. За первую половину 1926 г. поток посетителей увеличился вдвое, поэтому приняли политическое решение закрыть царскую экспозицию, что и было окончательно оформлено 1 августа 1926 г. решением Главнауки. Последующие годы стали временем превращения Зимнего дворца в Эрмитаж, расширения выставочных площадей и т. д. Все это привело к необратимым утратам «художественно малоценных интерьеров». До настоящего времени сохранилась только библиотека Николая II, да и то неполностью.

Подвалы Александровского дворца

Все императорские резиденции имели подвалы, в которых были сосредоточены различные дворцовые службы. Как правило, никакой документации о планах подвалов в архивных фондах не откладывалось, хотя о некоторых эпизодах сохранялась долгая память. Так, например, 5 февраля 1880 г. в подвале Зимнего дворца прогремел взрыв, унесший жизни 12 человек и ранивший более 50 человек. Как выяснило следствие, это было одно из покушений на Александра II, организованное членом террористической организации «Народная воля». С этого времени дворцовым подвалам в императорских резиденциях начали уделять особое внимание: под личными покоями императорской семьи устраивались дворцовые спецслужбы.

В отличие от других императорских резиденций до нас дошли планы подвалов Александровского дворца, и можно точно определить, какие службы располагались в подвальном этаже. Надо отметить, что до перенесения постоянной императорской резиденции в Александровский дворец подвалы стояли полупустые. Об этом свидетельствует старая нумерация подвальных помещений, которая, видимо, существовала до 1905 г.: согласно ей в подвале было задействовано всего 44 помещения. После переезда императорской семьи в Александровский дворец использовалось уже 110 помещений. При этом в подвале еще оставались пустые комнаты, расположенные под внутренним двором, — из-за этого общая площадь подвала значительно превосходила размер помещений первого этажа дворца.

Подвальные помещения представляли собой невысокие комнаты со сводчатыми потолками и массивными несущими пилонами. Стены были побелены клеевой краской. Только некоторые из помещений (царская кухня, комнаты дежурных офицеров и рейнкнехтов) были покрыты эмалевой краской. Пол в подвале в большей части помещений был дощатый, окрашенный желтой масляной краской, иногда его покрывал линолеум. В комнате дежурных офицеров лежал паркет, в коридорах — каменные плиты, в уборных, кухнях и буфетах — кафельная плитка. Мебель в подвалах стояла подчас достаточно дорогая, поскольку туда отправляли ту часть дворцовой

меблировки, которая вышла из моды. Так, в подвале можно было увидеть мебель красного дерева в стиле ампир, изготовленную во времена Николая I.

Как правило, в подвалах располагались технические службы, части охраны, дворцовая прислуга, различные складские помещения и кладовые. Из 110 помещений подвала больше всего комнат (28, или 25,4%) было отведено под различные кладовые, под комнаты для прислуги — 25 помещений (22,7%). По приведенным данным мы можем приблизительно установить число и специальности прислуги, которая либо постоянно жила в Александровском дворце, либо находилась там на дежурстве.

Помещения, занятые различными техническими службами (отопление, вентиляция, телефоны, электрические машины), также являлись значительной частью подвалов дворца.

Для размещения различных отопительных систем в подвале было занято девять помещений (8%). Примечательно, что единой системы парового отопления во дворце не было. В подвале стояли семь отопительных котлов различной мощности, каждый из которых обогревал по несколько залов²⁶. Но и при такой локальной отопительной системе некоторые из важных дворцовых помещений продолжали обогреваться печами и электрическими грелками. Так, спальня наследника на детской половине второго этажа отапливалась именно таким способом. Жаровыми печами, расположенными в подвале, поддерживалось тепло в парадных подъездах дворца. Печами отапливались и все помещения правой части подвала. Кроме того, в подвале было расположено несколько водогрейных котлов.

Для размещения механизмов, обеспечивавших вентиляцию помещений собственной и детской половин, в подвале были отведены три помещения. В одном из них находился нагнетательный электромотор, при этом подаваемый в машину воздух предварительно пропусклся через систему бумажных фильтров и при необходимости подогревался.

Александровский дворец был электрифицирован еще в конце XIX в., и электричество во дворец подавалось с городской электростанции. Тем не менее в подвале было расположено несколько электрических механизмов: машина для вентиляции воздуха и трансформатор для нее, трансформатор

для придворного кинематографа и электромотор переменного тока фирмы «Сименс-Шукерт» для подъемной электрической машины (лифта). Электрические звонки работали от аккумуляторных батарей. Для дежурных электриков было отведено специальное помещение.

Системы водоснабжения, канализации и отопления требовали постоянного контроля. Так, водопроводчикам выделялись шесть подвальных помещений. Работы у них было много, поскольку только в подвальной части дворца располагалось 10 помещений, в которых имелись одна ванная, три больших умывальника и пять туалетов (WC).

Все население императорской резиденции необходимо было регулярно кормить. Готовили для императорской семьи в Кухонном корпусе поблизости от Александровского дворца. От него для сообщения с дворцом был построен специальный подземный туннель. Тем не менее в подвале дворца располагались семь кухонь и буфетов²⁷.

Для дворцовой телефонной станции были отведены два подвальных помещения. На телефонной станции дежурили чины дворцовой полиции, которые прослушивали все телефонные разговоры. Кроме того, в подвале находились две телефонные будки для персонала.

Для охраны императорской семьи под собственной половиной Александровского дворца было выделено шесть обширных помещений. При этом дежурная комната офицеров Сводного полка располагалась точно под спальней императорской семьи. Кроме того, охрана занимала пропускной пост Сводного полка у тоннеля, там же находился присмотрщик от Сводного полка, задачей которого было сопровождение всех входящих во дворец через тоннель из Кухонного корпуса. Поблизости находились комната офицеров Собственного конвоя, караульное помещение Сводного полка, караульное помещение конвойцев. Для офицеров Сводного полка и конвоя были устроены два особых туалета и собственный буфет.

Во дворце имелись два лифта разных конструкций. Поскольку у Александры Федоровны были больные ноги, то для нее еще в ходе ремонта в 1895–1896 гг. на собственной половине соорудили гидравлический лифт. После окончательного переезда императорской семьи во дворец в 1905 г. на

свитской половине установили электрический лифт. Оба лифта связывали первый и второй этажи дворца.

Таким образом, обширные подвальные помещения Александровского дворца были быстро заполнены и обжиты. Там ежедневно находились с учетом охраны по меньшей мере 200–250 человек, подвал был постоянно полон движения, там кипела жизнь, совершенно незаметная обитателям верхних этажей резиденции.

Госпиталь Зимнего дворца.

1915–1917 гг.

Следуя давним традициям, с началом Первой мировой войны возобновился процесс создания частных лазаретов. Их деятельность финансировалась за счет широкой благотворительности, не остались в стороне и члены императорской фамилии. Так, в Царском Селе открылись лазареты императрицы Александры Федоровны и великих княжон Марии и Анастасии.

В 1915 г. было решено открыть лазарет в главной императорской резиденции — Зимнем дворце под патронажем цесаревича Алексея. Это было беспрецедентное событие. Дело в том что в XIX в. в Зимнем дворце периодически разворачивали небольшие временные лазареты, но это происходило только во время эпидемий. А в 1915 г. состоялось совершенно иное решение — в главной императорской резиденции предполагалось открыть крупный лазарет «для нижних чинов» на 1000 мест, причем под лазаретные палаты отводились все парадные залы кроме Георгиевского.

С медицинской точки зрения это решение было более чем спорным: огромные торжественные залы, заставленные плотными рядами кроватей для раненых, были мало приспособлены для нужд крупного лазарета, да и драгоценные интерьеры могли не выдержать столь интенсивной нагрузки. Вместе с тем политические дивиденды были более чем очевидны: жест императорской семьи, передавшей «народу» свою резиденцию, должен был

вызвать очередной всплеск патриотического восторга, к тому же патронаж со стороны цесаревича Алексея призван был сделать его имя более популярным.

Торжественное открытие лазарета состоялось 10 октября 1915 г. С учетом того, что в лазарете предполагалось лечить порядка 1000 раненых, штат был достаточно большим: главный врач, 34 врача (преимущественно хирурги), 50 сестер милосердия, 120 санитаров и 26 человек хозяйственного персонала. Главным врачом лазарета был назначен А. В. Рутковский, однако фактически внутреннюю жизнь лазарета определял его заместитель — главный хирург профессор Н. Н. Петров, один из основателей отечественной онкологии.

Дворцовый лазарет проработал два года. Надежды на рост популярности императорской семьи в связи с организацией лазарета в Зимнем дворце не оправдались — событие не вызвало особенного резонанса.

После Февральской революции 1917 г. госпиталь оставался во дворце. Во время артиллерийского обстрела и штурма Зимнего дворца большевиками в октябре 1917 г. раненые также находились внутри, никто из них не пострадал. Когда ворвавшиеся в резиденцию революционные матросы и красногвардейцы арестовали министров Временного правительства, они отправились в госпиталь искать А. Ф. Керенского: кто-то пустил слух, что Керенский, обмотав лицо бинтами, скрывается среди раненых. Однако попытки обыска в палатах фронтовиков были резко пресечены самими ранеными.

27 октября 1917 г., после штурма Зимнего, раненых начали переводить в другие госпитали, и 28 октября лазарет был расформирован.

Уровень комфорта и инженерная инфраструктура императорских резиденций

Уровню повседневного комфорта правящих особ везде и во все времена уделялось повышенное внимание. О древних цивилизациях мы подчас узнаем по сохранившимся фрагментам дворцовых канализаций, водопроводов, бассейнов и бань. Материалы археологических и письменных источников довольно часто связаны именно с хозяйственными структурами дворцовых комплексов, поскольку эти сооружения появлялись в первую очередь и постоянно совершенствовались. То же самое было и в России.

Вместе с тем следует иметь в виду, что не только каждая эпоха рождает свои стандарты комфортабельности жилых помещений, но и у каждой социальной группы существуют собственные представления об уровне комфорта жилья. Это естественно, поскольку уровень материальных возможностей различен, однако не всё решается деньгами. Так, в императорских дворцах с XVIII в. сложились свои прочные традиции, которые с большим трудом приспособлялись к новым требованиям комфортабельного жилья, характерного для буржуазной эпохи. Строгие классицистические интерьеры

дворцовых помещений с огромными потолками и площадью залов было трудно совместить с новыми представлениями об уюте. По утверждению крупного чиновника Министерства императорского двора, «царская семья, как это ни покажется странным, не пользовалась в некотором отношении тем комфортом, который был доступен просто состоятельным людям... на обстановке чисто семейных царских помещений лежал отпечаток какой-то казенной сухости, трафаретности, отсутствия уюта и художественной домовитости»²⁸. Действительно, на всех предметах интерьера стояли инвентарные номера, которые были вписаны в соответствующие книги. И тем не менее дворцовая инфраструктура, обеспечивавшая соответствующий уровень комфорта, менялась из десятилетия в десятилетие.

Дворцовый водопровод

Важнейшей частью инженерных сетей дворцов был водопровод. В каждом из императорских дворцов формирование водопроводной сети имело свою историю. Так, в Зимнем дворце в период проектирования здания единой системы водоснабжения предусмотрено не было, однако можно с уверенностью предположить, что и в то время воду на кухни и в бани накачивали с помощью механизмов. Технические возможности для этого существовали, поскольку в это время только в Летнем саду насчитывалось более 70 фонтанов, снабженных водометными механизмами. В документах фиксируется, что в банном комплексе, сооруженном в 1785 г. в Мраморном дворце, для обеспечения водой бани и бассейна была установлена машина, которая «подавала воду снизу»²⁹. Наличие подобной машины в Зимнем дворце подтверждают и данные 1820-х гг. о деревянном резервуаре на 4000 ведер, сооруженном на чердаке дворца. Вода в него закачивалась специальной паровой машиной³⁰. Об этом деревянном резервуаре стало известно из материалов, связанных с пожаром 1837 г., поскольку воду для тушения брали из этого бака, который в начале пожара успели наполнить водой. Можно предположить, что сооружение локальных водопроводных систем в императорских дворцах началось

после 1826 г., когда на трон вступил император Николай I — первый русский самодержец, получивший в том числе и инженерное образование.

После пожара 1837 г., фактически уничтожившего бóльшую часть Зимнего дворца, необходимо было наряду с парадными интерьерами восстанавливать и его инженерные коммуникации. В 1838 г. во дворце была проложена единая система водоснабжения, а в подвале вновь установлена паровая машина, которая по специально проложенной трубе под покрытием набережной закачивала невскую воду в три свинцовых резервуара, находившихся на чердаке Зимнего дворца. Из этих резервуаров вода самотеком по свинцовым трубам поступала в туалетные комнаты и на кухню. Поначалу вода не подвергалась специальной очистке, поскольку Нева в то время еще справлялась с отходами растущего Петербурга. Тем не менее в конце 1840-х гг. в Зимнем дворце были установлены водоочистительные машины. Такие же машины появились и в пригородных дворцах. Об этом свидетельствует то, что в 1859 г. «мастеру Жохову за исправление водоочистительных машин в Гатчинском дворце» было уплачено 100 рублей 40 копеек³¹.

В 1830–1840-х гг. эпидемии холеры в Петербурге повторялись регулярно, что было связано с резко ухудшившимся качеством питьевой воды. После того как летом 1848 г. в нижнем этаже Зимнего дворца пришлось развернуть холерную больницу³², в ноябре того же года по личному указанию Николая I был введен постоянный контроль состояния воды «посредством химического разложения». Для проведения анализов создали специальную комиссию, в которую вошли известные медики во главе с управляющим придворной медицинской частью Я. В. Виллие. Результаты анализов показали отсутствие в воде свинца, меди и других вредных для здоровья примесей. Несмотря на это, по настоянию лейб-медика М. А. Маркуса был поднят вопрос о замене свинцовых резервуаров и труб на железные³³. Но, видимо, полная замена так и не была проведена, и свинцовые трубы и резервуары, установленные в Зимнем дворце в 1838 г., продолжали действовать. Периодически служащие придворной медицинской части брали воду из резервуаров на анализ. Ими же была налажена процедура регулярной, еженедельной чистки всей системы подачи воды во дворец. Раз в неделю

ночью вся вода спускалась из дворцовых резервуаров в Неву, а затем баки тщательно промывались³⁴.

На какое-то время эти меры позволили обеспечить должные санитарные требования, но город стремительно рос, и качество воды продолжало ухудшаться. В июле 1862 г. 35 человек нижних чинов лейб-гвардии Измайловского полка, несших караульную службу во дворце, внезапно заболели. В качестве главной причины массового заболевания рассматривалась и версия о недоброкачественной невской воде. И хотя анализы не выявили никаких отклонений в ее составе, было принято решение о полной замене всех свинцовых труб на железные. Тогда же водопроводную сеть Зимнего дворца расширили за счет ее соединения с резервуарами Нового Эрмитажа и Набережного павильона. В 1868 г. в Зимнем дворце отказались от использования невской воды для питья и кухни. Основной причиной такого шага было резкое ухудшение ее качества. Для этих целей начали использовать воду, которую получали через городскую водопроводную сеть, поскольку она подвергалась очистке. При этом невский водозабор был сохранен и даже модернизирован. Закачиваемая через него вода использовалась для различных хозяйственных нужд.

К 1860-м гг. практика химических анализов воды во дворце стала традицией. Но изменение политической ситуации диктовало уже иные причины, прежде всего соображения безопасности императорской фамилии. После взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 г., организованного С. Халтуриным, возникло подозрение о возможной попытке отравить воду, находящуюся в резервуарах дворца. Основания к этому имелись, поскольку у многих арестованных народовольцев при обысках обнаружили различные яды, которые они предполагали использовать в революционной борьбе. В связи с этим министр императорского двора направил в начале марта 1880 г. распоряжение управляющему придворной медицинской частью провести химический анализ воды в главных баках Зимнего дворца и анализ воздуха в личных покоях императорской семьи. Это распоряжение имело гриф «секретно», и в нем подчеркивалось, что анализы должны проводиться не менее одного раза в неделю. Первый анализ воды был взят 8 марта 1880 г. и показал, что

в воде «не найдено никаких минеральных и органических ядов»³⁵. На следующий день после смерти императрицы Марии Александровны в мае 1880 г. главный аптекарь Гросс запросил разрешение на прекращение анализов воды во дворце. В ответ министр императорского дворца достаточно резко ответил, что он не видит причин прекращать анализы, а считает полезным делать те же исследования и в Царском Селе³⁶.

При Александре III инженерные сети Зимнего дворца активно перестраивались, затронув и водопроводную систему. Весной 1886 г. был реконструирован дворцовый водозабор, построенный в 1838 г., а из Невы под набережной проложены две чугунные 11-дюймовые трубы. Во многом это было связано с тем, что дворцовые лифты модернизировались и переводились с ручной тяги на гидравлический привод. На электрической станции Зимнего дворца были установлены две водоподъемные помпы, подававшие воду во все баки дворца, служившие как для гидравлических подъемных машин, так и для водоснабжения дворца и пожарных кранов³⁷. Тогда же для Зимнего дворца были закуплены новые умывальные приборы³⁸.

Особую актуальность проблема санитарного контроля приобрела в конце XIX в. в связи с общим ухудшением санитарного состояния Санкт-Петербурга, которое даже в дворцовом ведомстве было настолько неудовлетворительным, что иногда приводило к трагедиям, непосредственно затрагивающим престиж императорской фамилии. Так, после традиционного торжественного обеда, устроенного для георгиевских кавалеров в Зимнем дворце 26 ноября 1895 г., погибли 63 человека, причем заболевшие «умирали так быстро, другие же так скоро переходили в алгидную форму, что... их не успели даже опросить»³⁹. Была немедленно образована комиссия, которую возглавил лейб-медик Ф. А. Рощинин. Члены комиссии осмотрели все помещения Зимнего дворца, где находились с момента прибытия георгиевские кавалеры, была тщательно проверена вода во всех кранах дворца. Анализ позволил исключить ее как фактор заражения, хотя «она по анализу дала огромный процент органических веществ». Комиссия пришла к выводу, что причиной трагедии были рыбные блюда, подававшиеся на празднике, способ приготовления которых не выдерживал «самой снисходительной критики». В рыбе содержался

«рыбный яд», также был выявлен «холерный яд еще не погасшей холерной эпидемии в Петербурге». Проще говоря, георгиевских кавалеров накормили во дворце тухлой рыбой. Об этом эпизоде помнили очень долго. Так, в ноябре 1900 г. генеральша А. В. Богданович писала в дневнике: «Говорят, солдатики опасно ели царский обед после прискорбного случая, когда несколько человек в этот день заплатились жизнью — были отравлены там гнилой рыбой». Примечательны слова «несколько человек»⁴⁰. Видимо, дворцовые службы сумели скрыть истинное количество погибших — 63 человека, поскольку столь значительная цифра прямо была по престижу царского дома.

В то время инфекционные заболевания членов императорской фамилии не были редкостью. Так, Александр III в 1876 г. переболел брюшным тифом; его сын Николай II едва не умер от тифа в Ливадии в ноябре 1900 г.; осенью 1903 г. в Спале скоропостижно скончалась от брюшного тифа младшая сестра императрицы Александры Федоровны. Таким образом, опасность заражения через некачественную воду постоянно сохранялась. Для того чтобы обезопасить царскую семью, переехавшую в 1904 г. из Зимнего в Александровский дворец Царского Села, там полностью переоборудовали водопроводную сеть. Надо заметить, что водопровод в Александровском дворце был проложен еще в 1842 г. Более того, в ходе ремонта водопроводной сети все раковины дворца, откуда могли брать питьевую воду, были снабжены фильтрами Пастера, состоявшими «из небольших цилиндров (9–10 вершков высотой) с пористыми фаянсовыми трубками, проходя через которые, вода под напором освобождалась от механических примесей»⁴¹. Эти же меры безопасности принимались и в Зимнем дворце. В декабре 1910 г. накануне приезда двора в Зимний дворец были установлены фильтры Беркефальда на всех водопроводных кранах, автоматические кипяtilьники воды приведены «в беспрерывное состояние», кухня обеспечена фильтрованной и кипяченой водой «не только для питья»⁴².

Таким образом, водопроводная система императорских дворцов постоянно модернизировалась. Главной целью этих модернизаций было обеспечение максимальной комфортности в повседневной жизни императорской фамилии и ее санитарная безопасность.

Дворцовые ванны и бани

Немаловажной частью повседневной жизни дворцовых комплексов являлись ванны и бани. По европейской традиции в XVIII в. «взятие ванны» могло сопровождаться приемом посетителей, поскольку было принято мыться в простыне. Как правило, это были роскошные комнаты, включенные в череду парадных дворцовых интерьеров, с тщательно продуманной отделкой.

В России существовали несколько иные традиции, сохранившие связь с народными устоями допетровской Руси. Поэтому даже во дворцах сооружали традиционные парные бани. Так, осенью 1762 — весной 1763 г. под руководством архитектора Валлен-Деламота под церковным аналоем, на антресолях первого этажа Зимнего дворца, близ личных покоев Екатерины II, началось сооружение обширной царской бани, состоявшей из трех помещений. По описаниям 1790-х гг. в банный комплекс входили: купальня (зал № 272), под ризницей Большой церкви (зал № 701) — уборная и непосредственно под алтарем — обширная баня с бассейном. Баня, или мыльня, была обита «столярством» (деревянными панелями) от пола до потолка. В купальню, обитую сукном палевого цвета, можно было спускаться по небольшой деревянной лесенке из личных покоев императрицы. Эти помещения выходили окнами на Дворцовую площадь и Миллионную улицу⁴³. Отдельно были расположены «вмазанные котлы для нагревания воды» и резервуар для холодной воды⁴⁴.

Несколько позже, в 1788–1793 гг., под руководством архитектора И. Е. Старова близ покоев будущего Александра I в Зимнем дворце началось сооружение новой бани с тщательно продуманной планировкой. Она размещалась в угловых помещениях, выходящих на Салтыковский подъезд и Адмиралтейство. В первой угловой комнате (зал № 17) находилось отгороженное место «для поклажи вещей», далее — сложной конфигурации с утолщенными стенами мыльня (зал № 18) и купальня великого князя (залы № 19–20), в центре которой помещался овальный бассейн. К мыльне и купальне примыкали подсобные помещения, в одном из которых (зал № 411, северная часть) находилась большая печь, обогревавшая мыльню, а в другом — котлы для подогрева воды для бассейна (зал № 411, южная часть)⁴⁵.

В 1816 г. архитектор Л. И. Руска капитально перестроил эту баню. Видимо, это было связано с изменением гигиенических требований в высшем свете. На смену омовениям и обтираниям пришла классическая русская парная, которая была устроена рядом с бассейном. В документах упоминается, что столяр Иван Копачев обшил парилку липовым деревом⁴⁶.

Все эти помещения были уничтожены пожаром в декабре 1837 г. В возобновленном дворце в новых интерьерах традиционно большое внимание уделялось парадным ванным комнатам, их описывали и демонстрировали. Так, на половине императрицы Александры Федоровны — жены Николая I архитектором А. П. Брюлловым была сооружена ванная (зал № 670) в стиле мавританской испанской архитектуры. На акварели Э. Гау видна роскошная комната, у одной из стен которой находилась мраморная ванна с двумя кранами. В описании возобновленного Зимнего дворца об этом помещении говорилось как о небольшой комнате «около 13,5 аршин в длину и не более шести в ширину», в которой сосредоточена «вся роскошь гренадских мавров», с мраморной углубленной ванной под самым зеркалом, где из кранов «бьет хрустальным ключом горячая или холодная вода сперва в огромную раковину, а из нее каскадами в ванну»⁴⁷. Расходы на сооружение этой ванной шли отдельной строкой и стоили казне 42 000 рублей⁴⁸.

Как это ни покажется странным, в парадных ваннных комнатах устраивались приемы для избранного общества. В 1834 г. автор гимна «Боже, царя храни» А. Ф. Львов был приглашен на вечер к императрице Александре Федоровне, которая приняла его в своей купальне. Судя по воспоминаниям, это была небольшая комната, изящно отделанная, «где бьет ключ в большую необыкновенной красоты раковину, и оттуда вода льется уже в белого мрамора ванну»⁴⁹.

Надо отметить, что если ванная комната императрицы традиционно была включена в череду парадных дворцовых интерьеров, то у Николая I, который отличался крайней неприязнательностью в повседневной жизни, ванная была гораздо скромнее. Собственно, это был «купальный снаряд», оборудованный в 1854 г. «в шкафу» в кабинете императора, расположенном на третьем этаже дворца в северо-западном ризалите. До нас дошла редкая

фотография этого «купального снаряда», на которой видна медная лохань с подведенными двумя кранами для горячей и холодной воды.

Сохранились уникальные архивные материалы по так называемой гардеробной сумме императора Николая I. В этих тетрадях зафиксирована оплата буквально каждой ванны и бани. Эти документы позволяют восстановить реалии повседневной жизни. Когда великий князь Николай Павлович был ребенком, его еженедельно мыли в дворцовой бане — мыльне. При этом двум истопникам при мыльне из средств мальчика каждые четыре месяца платили по 20 рублей жалованья. Повзрослев, Николай Павлович стал пользоваться ванной и значительно реже баней. При этом их приготовление оплачивалось и имело стандартные расценки: ванна обходилась императору в 25 рублей, а баня — в 100 рублей ассигнациями. В 1841 г., когда ассигнации были пересчитаны на серебро, одна ванна стоила 7 рублей 15 копеек серебром, впоследствии эту сумму округлили до 8 рублей серебром. Оплачивалось только «ношение воды», поскольку до 1838 г. в Зимнем дворце водопровода не было. Для дворцовой прислуги это был важный источник доходов, и все было «поделено». Как правило, готовили ванны и бани либо камердинеры, либо дворцовые инвалиды. При этом следует иметь в виду, что тогда инвалидами называли обычных военных пенсионеров, которые выполняли при императорских дворцах хозяйственные обязанности.

В 1830-х гг. император Николай Павлович в зимние месяцы мылся в ванной один-два раза в месяц. Например, за весь 1833 г. император 11 раз (раз в феврале, два раза в марте, три раза в мае, два раза в июне, по разу в октябре, ноябре и декабре) мылся в ванне и четыре раза в бане (по разу в феврале, мае, июле и августе)⁵⁰. Если попытаться как-то объяснить эту периодичность, то можно предположить, что ванна и баня в феврале потребовались 37-летнему императору в связи с активным участием в череде дворцовых балов и маскарадов. Летом император мылся чаще, чему способствовали и жара, и пыль на традиционных маневрах в Красном Селе. С наступлением осени Николай Павлович ограничивался одной ванной в месяц. Обращает на себя внимание то, что царь вообще не мылся в январе, апреле и сентябре.

Но следует иметь в виду, что когда Николай I возвратился с семьей в отстроенный после пожара Зимний дворец, то там была уже проложена единая водопроводная сеть, и необходимость платить «за носку воды» просто отпала. Воду изредка носили, когда ломалась сантехника или когда император находился в резиденциях, не оборудованных водопроводом. Поэтому резкое снижение фиксированных данных говорит только о том, что дворцовый комфорт вышел на новый уровень, а не о том, что император стал реже мыться.

Во-вторых, еще до пожара в декабре 1837 г. на половине Николая Павловича, видимо, предпринимались какие-то попытки механизировать процесс «носки воды» для ванны императора. Об этом свидетельствуют счета за 1836–1837 гг. Так, в декабре 1836 г. бандажнику Остерлову была уплачена «за трубу с насосом» довольно крупная сумма в 360 рублей. Видимо, конструкция была «сырая», и ее требовалось постоянно ремонтировать, поэтому уже в феврале 1837 г. перчаточнику Остерлову за ремонт «рукава к насосу» было уплачено 30 рублей, а в мае он вновь «поправлял трубу» за 35 рублей. Потом пришла очередь механики: в июне «физик Гоипини», видимо, поменял насос за 333 рубля; в июне «оптика Боде за починку газовой огненной горелки» было уплачено 29 рублей, а в сентябре механик Роспини (ранее в документах он проходил как Гоипини) «за починку насоса» получил 65 рублей⁵¹. Обращение к бандажнику или перчаточнику при установке трубы свидетельствует о том, что труба была гибкой и, видимо, изготовлена из кожи. А факты ремонта технической части посредством физика, оптика и механика говорят о том, что в целом конструкция для снабжения царской ванной невской водой оказалась крайне неудачной. Скорее всего, в подвале был установлен насос, который по гибкой кожаной трубе закачивал воду на третий этаж Зимнего дворца в ванну царя. Эта вода подогревалась огненной горелкой.

В-третьих, после монтажа в Зимнем дворце водопроводной сети, подведенной и к ванной императора, из его гардеробных книг исчезли счета «за носку воды». Ванная благоустраивалась, и в июне 1839 г. механику Роспини было уплачено за термометры. Позже счета «за носку воды» встречаются,

но этими деньгами оплачивались ванны на Елагином острове, в Царском Селе, Александрии, где водопровод еще не был проведен.

Весной 1842 г. Николай Павлович стал обустроить Коттедж в Александрии, что, видимо, было связано с приездом тестя — короля Пруссии. В мае 1842 г. механик Вестберг получил 200 рублей за установку «березового шкапа, находящегося в Александрии», а в июле он установил в Коттедже еще один «купальный шкап для его величества короля прусского» за 35 рублей. Такая дешевизна, скорее всего, объясняется тем, что сантехнические коммуникации уже проложили, и требовалось установить только «шкап», или по современным стандартам — душевую кабину. В сентябре механику за починку ваннных термометров уплатили 11 рублей, а в декабре «за поправку купального шкапа» — 50 рублей⁵².

С этого времени Николай I платил из своих гардеробных сумм не за банальную «носку воды для ванны», а за сантехнические работы. И обходилось это ему довольно дорого. Примечательно, что все сантехнические работы из года в год повторялись: либо конструкции этих купальных шкапов были несовершенны, либо комплектующие и работа оставляли желать лучшего.

В 1843 г. механик Вебстерг дважды переделывал купальный шкап в Александрии (июнь — 60 рублей и декабрь — 21 рубль), ремонтировал сантехнику в Зимнем дворце (ноябрь — 21 рубль), переделывал купальный шкап в Собственном (Аничковом) дворце (декабрь — 25 рублей).

В 1844 г. Вестберг продолжал неустанно трудиться на поприще дворцовой сантехники: в очередной раз ремонтировал термометры, переделывал купальный шкап «для его величества в собственном дворце и Александрии с доставкой на место всего» и вновь реконструировал «по высочайшему повелению бронзовую ванну, находящуюся в комнате его величества, что в собственном дворце»⁵³. В 1844 г. был привлечен новый специалист — медных дел мастер Юргенс, который установил новый медный ящик с трубами и починил краны в купальном шкапу.

В 1845 г. сантехнических работ стало значительно меньше: в апреле механик Вестберг в очередной раз получил 50 рублей «за переделку ван-

ного шкапа на даче Александрия» и еще 50 рублей «за поправку купальной машины в комнате собственного дворца». В 1846 г. Вестберг отремонтировал ванны в Зимнем дворце и чинил купальный шкап в собственном дворце; в 1847 г. был дважды поправлен шкап в Зимнем дворце; в 1848 г. «рабочим людям за носку купального шкапа в Александрии» были уплачены сущие пустяки — всего 2 рубля 25 копеек. И в сентябре 1854 г. «слесарю при даче Александрии Якову Рыжникову» выплатили наградные — 15 рублей, что стало последней по времени «сантехнической платой», выданной из гардеробных сумм Николая I.

Вместе с тем встречались и разовые расходы: в 1834 г. жестянщику «за сделанную для его величества в Красном Селе ванну из белого железа» было уплачено 140 рублей; в 1835 г. у купца Иконникова оптом приобретено 50 аршин фламандского полотна «для ваннх простынь его величества» за 150 рублей; в 1842 г. жестянщику уплачено за ножную ванну 8 рублей 57 копеек.

Упомянув о сантехнических работах в Коттедже, построенном в 1829–1830 гг. в петергофском парке Александрия, следует иметь в виду, что сантехнические коммуникации в нем были запланированы еще на стадии строительства. В нескольких комнатах Коттеджа были помещены медные ванны, и воду в них первоначально носили. Специально для императрицы Александры Федоровны в 1829 г. в мастерской Трискорни — выходцев из Италии, выполнявших заказы для Петербурга, изготовили ванну, высеченную из цельного блока каррарского мрамора, стоимость которой составила 2500 рублей⁵⁴.

Во второй четверти XIX в. начался активный процесс разграничения парадных и личных покоев во дворцах. Если ванная комната в Зимнем дворце демонстрировалась и описывалась в путеводителях, то на личной даче Николая I — в Коттедже в петергофском в парке Александрия ванна, вырубленная из куска каррарского мрамора, была установлена в туалетной комнате рядом со спальней, в нише под диваном, то есть для ванны не было выделено специального помещения, поэтому ее тщательно прятали и декорировали. Это стало проявлением того, что буржуазный быт, ори-

ентированный на максимальную комфортность и удобства в повседневной жизни, постепенно проникал и во дворцы⁵⁵.

Об этой же тенденции свидетельствовало и расположение в Зимнем дворце ванной комнаты жены Александра II — императрицы Марии Александровны. Ванная (зал № 345) была оборудована в комплексе личных покоев — между уборной (зал № 168) и спальней императрицы (зал № 307). Эти помещения были закончены к моменту ее свадьбы с цесаревичем Александром Николаевичем в апреле 1841 г., и тогда же для будущего императора Александра II была устроена собственная баня на его жилой половине. Обращает на себя внимание, что ванная из элемента парадного интерьера превратилась уже в сугубо личное помещение, ежедневно востребованное, о чем свидетельствует ее расположение между спальней и уборной, что во многом было связано с изменившимися представлениями о гигиенических нормах. Ванная представляла собой небольшое помещение, в котором наряду с диваном и камином находилась белая мраморная ванна⁵⁶. Как и любая сантехника, она периодически приходила в негодность, и у дворцовых мастеровых бывало много работы: в 1854 г. они ремонтировали ванную на половине императрицы, а в 1856 г. роскошная ванна, установленная в 1841 г., лопнула, и ее пришлось заменить на новую, попутно обновив все трубы для подводки воды.

Ванными комнатами оборудовались помещения не только первых лиц, но и обслуживающего персонала. Так, во фрейлинском коридоре Зимнего дворца были сооружены две ванные комнаты — большая и малая. Согласно описям, в большой ванной стены были обиты ситцем, на полу — веревочный мат, там имелись мягкий диван, обитый ситцем, стенное зеркало и четырехугольный стол⁵⁷.

Наряду с ванными в императорских резиденциях оборудовались и бани. Фактически, начиная с первой хозяйки Зимнего дворца, у всех российских императоров были свои бани. Очень любил баню Александр III. Во дворцах, где он жил, баня являлась необходимейшей принадлежностью. Когда в 1866 г. наследник Александр Александрович женился на датской принцессе Дагмар и для них ремонтировали Аничков дворец, то в его подвале была

устроена баня⁵⁸. В 1879 г. в Зимнем дворце для цесаревича Александра Александровича также была оборудована собственная баня, хотя во дворце он останавливался крайне редко. Царь очень любил париться по-русски, в компании приятных ему людей, он хорошо понимал, что можно «угостить баней», и любил о ней говорить, прекрасно разбираясь во всех тонкостях.

Один из мемуаристов упоминал, что в Аничковом дворце у императрицы Марии Федоровны «не было особой ванной комнаты, приходилось, как передавали, ванну вносить в спальню»⁵⁹. Однако позже ванная комната для нее была оборудована, что значится в дворцовой описи.

Устраивались бани и в пригородных дворцах. Еще в 1795 г. в Александровском дворце Царского Села для будущего императора Александра I соорудили баню, которую по традиции разместили в подвале. Для этого было приказано «позади опочивальни свод разобрать и сделать деревянную, спокойную лестницу к бане»⁶⁰.

В 1895 г., когда в Зимнем дворце начались работы по оборудованию личных покоев Николая II и его семьи, в них было предусмотрено сооружение бассейна, который находился в западной части дворца между северо-западным ризалитом и Салтыковской лестницей, на антресолях первого этажа. В январе 1895 г. Николай II записал в дневнике: «Наши будущие апартаменты в Зимнем отделяются, Аликс и я принимаем деятельное участие, вмешиваясь в каждую мелочь»⁶¹.

1 января 1896 г. он записал в дневнике: «Попололся с наслаждением в моей ванне и после кофе засел за несносные телеграммы»⁶². В это время ванная как часть парадного дворцового интерьера окончательно изжила себя. Как писал историк Петербурга П. Н. Столпянский: «Если при Николае I ванная представляла собой действительно произведение архитектора-художника, то при Николае II эта ванная превратилась в обычную, свойственную хорошему тону ванную комнату»⁶³.

Однако уже в 1898 г. царский бассейн Зимнего дворца был капитально перестроен. В мае была составлена смета на «переустройство мраморного бассейна» на сумму 13 083 рубля, которую подписал дворцовый архитектор Н. Крамской. Предполагалось увеличение размеров: длина сторон нового

квадратного бассейна составляла около 4 метров (5 аршин 8 вершков), а глубина 165,5 см (2 аршина 5 вершков), и соответственно менялись объемы баков для холодной и горячей воды. Кроме того, была усовершенствована система вентиляции. Поскольку бассейн располагался на антресолях первого этажа северо-западного ризалита, то после демонтажа старого бассейна в капитальных стенах были укреплены новые металлические балки перекрытий. Затем соорудили непроницаемый железобетонный чехол, который облицевали мрамором⁶⁴. Таким образом, ванные и бани являлись важной и необходимой частью повседневной жизни императорских дворцов.

В Гатчинский дворец на постоянное жительство семья Александра III переехала в конце марта 1881 г. По мере того как царская семья обживалась на антресольном этаже Арсенального каре дворца, там была установлена вся необходимая сантехника. Следует отметить, что до 1881 г. семьи Николая I и Александра II жили на первом этаже Арсенального каре, и там к 1880-м гг. сохранились три ванные комнаты: императриц Александры Федоровны (комната № 10, рядом с Дубовым кабинетом), Марии Александровны (комната № 22) и Александра II (комната № 19), располагавшиеся рядом с их кабинетами. Видимо, эти императорские ванные комнаты так и использовались на высочайшем уровне. На антресольном этаже для детей были оборудованы еще три ванные комнаты: Ксении (№ 14), Георгия (№ 30) и Михаила (№ 25).

Иногда эти ванные комнаты, отделанные как роскошные гостиные, использовались не по назначению. Великая княгиня Ольга Александровна упоминала, что семья «без гостей» обедала в Арсенальном корпусе в «просторной ванной комнате на первом этаже, выходящей окнами в розовый сад». Это была ванная комната императрицы Александры Федоровны. У одной из стен стояла огромная мраморная ванна, позади которой были укреплены большие зеркала, также в комнате стояли горшки с разноцветными азалиями⁶⁵.

Облик ваннх комнат Гатчинского дворца совершил ту же эстетическую эволюцию, что и в Зимнем. Если ванная императрицы Александры Федоров-

ны на первом этаже Гатчинского дворца была отделана в стиле рококо: с трех сторон окружена зеркалами с богатыми портьерами, затянутыми материей стенами и портретами на них, то ваннные комнаты семьи Александра III — просто утилитарные помещения со всеми удобствами.

Ванная комната императрицы Марии Александровны носила переходный характер, соединяя две эпохи. Это была обычная светская гостиная с комфортными диванами и креслами, изящными столиками, при этом сама ванна скрывалась под диваном, не нарушая общего изящества гостиной.

Судя по сохранившемуся акварельному изображению, ванная комната Александра II находилась в одной из проходных комнат дворца, но собственно сама ванна была отделена от остальной части комнаты декоративной застекленной стеной.

В Гатчинском дворце вплоть до 1941 г. сохранялась ванная комната младшего брата Николая II — великого князя Михаила Александровича. Сама ванна была изготовлена из обычного цинка с двумя медными кранами и помещена в футляр из простого дерева. В этой же комнате был установлен простой умывальник с двумя медными кранами — холодной и горячей воды⁶⁶. Ванна Ксении Александровны также была цинковой в деревянном футляре с крышкой и двумя кранами. Там же находилось биде красного дерева с фарфоровой ванночкой⁶⁷. Это были уже совершенно обычные ванны, которые не имели ничего общего с роскошными, парадными ванными комнатами времен Николая I.

Надо отметить, что о ваннных комнатах и бассейнах начала XX в., сугубо утилитарных помещениях, сохранилось очень мало сведений, фотографий и описаний. Тем ценнее описание бассейна Александровского дворца Царского Села, сделанное в конце 1920-х гг. Кроме того, сохранились фотографии этого помещения.

В Александровском дворце Царского Села ремонтные работы по оборудованию жилых комнат молодой императорской четы велись практически одновременно с работами в Зимнем дворце — в 1896 г. Тогда, одновременно с сооружением бассейна Зимнего дворца, был сделан бассейн и в Александр-

ровском дворце Царского Села — по особому желанию Николая II, видимо, навеянному европейскими поездками. Впервые царь купался в бассейне Александровского дворца 19 октября 1896 г. Именно в этот день Николай II и императрица Александра Федоровна приехали рано утром в Царское Село из Германии: «Радовался своей великолепной новой ванне, еще обширнее, чем в Зимнем». Через день он вновь упомянул о своем бассейне: «С великим удовольствием купаюсь, полощусь и плаваю в своей новой громадной ванне». Спустя некоторое время новизна ощущений стерлась, тем не менее царь периодически продолжал упоминать о своем царскосельском бассейне. В дневнике в декабре 1896 г., будучи в Царском Селе, он записал: «По вечерам радуюсь в своей писсине и катаюсь в пробковой лодке, которую получил на именины от Аликс». Таким образом, в январе 1896 г. царь «обновил» бассейн в Зимнем дворце, а осенью того же года он испытал бассейн (писсину) в Александровском дворце Царского Села.

Бассейн в Александровском дворце Царского Села, согласно перечню дворцовых помещений, располагался в уборной (№ 65), которая находилась на первом этаже императорской половины в левом корпусе. Ее интерьер в мавританском стиле разработал архитектор Мельцер, стены были обшиты панелями кленового дерева. Он предусмотрел в интерьере много интересных деталей, включая стеклянные электрические фонари, стилизованные под старинные мавританские масляные лампы, а поскольку помещение имело повышенную влажность, то была сделана усиленная электроизоляция. Мельцер также облицовал верхний пояс бассейна великолепными старинными турецкими кафельными плитками. Помещение разделяла на две части деревянная решетка, украшенная сложным орнаментом в арабском стиле. Кроме того, была предусмотрена плотная занавеска, отделявшая бассейн от остальной части уборной.

Сам бассейн представлял собой огромную емкость, вмещавшую до 7000 ведер, расположенную на возвышении. Оттуда деревянная дверь со стеклянными филенками вела в царский WC. Толстый шнур страховал от случайного падения в бассейн. В подвале дворца был расположен мощный гидравлический насос, который быстро заполнял бассейн водой. обслужи-

вали бассейн царя два человека: один в подвале нагревал и подавал горячую воду, а второй обеспечивал безупречное санитарное состояние бассейна.

Не только Николай II любил этот бассейн, дети тоже были очень рады, когда отец позволял им поплескаться. В феврале 1907 г. ночью в бассейне лопнули изразцы, и царь отметил в дневнике, что «на несколько дней я буду лишен удовольствия купаться».

Рядом с бассейном располагался мягкий диван, обитый лосиной замшей, поблизости от него — умывальник. Поскольку император большое значение придавал своей физической форме, то в этой же комнате находился турник, запечатленный на фотографии 1916 г. Обязательной составляющей всех интерьеров Александровского дворца были иконы: в уборной с левой стороны от двери также располагался киот, а рядом с ним были развешаны пасхальные яйца. У тех же дверей справа находилась стойка для двух тульских винтовок, там же — вышитая ткань с двуглавым орлом, вероятно, работа императрицы или одной из девочек. На специальной витрине перед окном в ванной комнате Николай II хранил свою коллекцию портсигаров работы мастеров фирмы К. Фаберже. Вся мебель в помещении была выполнена из дуба и березы. На столике в уборной находилась бытовая новинка того времени — электрический фонарь цилиндрической формы, рядом — электрический звонок для вызова слуг. Найденные царем подковы были прикреплены одна над дверью, другая — в стойке для тросточек. На стенах уборной находились работы дочерей: рисунок Анастасии «Цветы» с надписью «Моему золотому папе от Анастасии», подаренный отцу на Пасху 1917 г., и зимний пейзаж Марии «Ели в снегу», также датированный 1917 г. В этой комнате царь совершал туалет, занимался гимнастикой и пил чай.

У императрицы Александры Федоровны была своя ванна, не серебряная и не мраморная, а самая обыкновенная старинная ванна, помещенная в нишу. В дневное время она драпировалась занавеской из кретона⁶⁸.

На втором этаже Александровского дворца, где располагались комнаты детей Николая II, также имелось несколько ванн. Для четырех великих княжон была устроена одна уборная (комната № 9): у стены стояла посеребренная ванна, в которой девочек поливали из обыкновенной лейки во время

купания. Ванна была отделена от комнаты занавеской из ситца, подвешенной на кольцах на никелированный стержень.

Няня-англичанка в воспоминаниях отмечала, что кроме этой ванны из «чеканного серебра» была и другая — маленькая серебряная. Ее использовали для купания грудных детей. Примечательно, что на этой ванне гравировались имена всех детей императорской фамилии, которых в ней купали. Няня упоминала, что, вероятно, эта ванна появилась при Николае I, и она видела на ней имена Александра II и его сестры Марии Александровны, впоследствии герцогини Эдинбургской. Последнего в этой ванночке купали цесаревича Алексея.

Можно констатировать, что совершенствование санитарно-технической инфраструктуры императорских дворцов способствовало изменению представлений в обществе об уровне повседневной санитарии и делало жизнь более комфортной.

Дворцовая канализация

Поскольку в императорских дворцах жили и работали тысячи людей, существовала не только парадная имперская, но и сугубо бытовая жизнь, в том числе и такая интимная, как туалетная. Ни в дореволюционной, ни в советской литературе, посвященной истории строительства Зимнего дворца, ни словом не упоминается о развитии его канализационной системы. Последнее время эти вопросы как часть повседневной бытовой истории стали затрагиваться исследователями.

Специальных туалетных комнат в сегодняшнем понимании в XVIII в. не было. То, что в перечне дворцовых покоев называется уборными, или туалетными комнатами, предназначалось для убора лица, прически и прочего. Это было место, где после сна приводили себя в порядок перед выходом. Жена императора Павла I — императрица Мария Федоровна описала свою туалетную комнату в Большом Павловском дворце: «Туалетная комната очень красивой формы; углы закруглены, стены отделаны стюком, плафон сводом,

расписанный в виде беседки из роз; стены побелены с видами и рамами из роз; очень красивые рисунки двери... мебель белая лакированная, туалет из стали, тульской работы; два красивых комода⁶⁹. В туалетной комнате императрицы Марии Федоровны также находился стол для умывания со стеклянным тазом, на котором стоял изящный кувшин для воды.

Во второй половине XVIII в. в Англии начали разрабатываться комбинированные бытовые предметы мебели, снабженные раковиной с краном и выдвигающимся снизу биде. Известен литературный анекдот, связанный с проникновением в повседневную жизнь аристократии биде. Состоятельная провинциальная семья приобрела изготовленный в Англии комплект мебели, включавший биде. Дамы долго обсуждали, для чего нужен столь странный предмет. В конце концов, биде использовали для того, чтобы в нем подать уху на одном из приемов.

В описании уборной комнаты Александра II в Большом Екатерининском дворце Царского Села упоминается маленький комод близ дивана «с откидной верхней крышкой, закрывающей скромный фарфоровый умывальный прибор»⁷⁰. В Зимнем дворце в кабинете Александра II также находилось «биде красного дерева с крышкой»⁷¹. В конце 1880-х гг. в уборной комнате Александра III в Зимнем дворце наряду с туалетным столиком с тремя ящиками был и большой умывальный стол красного дерева с доской из белого мрамора, с двумя ящиками и «станок» для полотенец. В перечне предметов зафиксировано также большое четырехугольное биде на роликах, с фаянсовой ванной и губницей⁷².

Во время коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. значительные средства выделялись на реконструкцию помещений, которые были включены в программу торжеств. В основном работы выполнял поставщик императорского двора завод Сан-Галли. В числе прочего в Большом театре было установлено 35 ватерклозетов, семь писсуаров и 15 желобов, семь электрических вентиляторов, семь мраморных умывальников — всего на 14 764 рубля⁷³.

Для интимных надобностей предназначались судна и ночные горшки, которые обычно находились в спальнях или маленьких служебных комнатах.

«Судном» описи называют различные предметы в виде комода или шкафчика, в них ставились стеклянные или фаянсовые «горшки или стаканы уринальные» мужские и женские⁷⁴.

В качестве мобильных ночных ваз в аристократической среде использовалось бурдалю — фарфоровое подкладное судно, получившее название по имени знаменитого французского проповедника Бюрдалю: поскольку от его пламенных проповедей было трудно оторваться, дамы носили с собой эти фарфоровые сосуды. В царскосельском и петергофских музеях сохранилось несколько таких приборов. Как правило, на донышке бурдалю помещались игривые рисунки и надписи, соответствовавшие нравам галантного XVIII в. Так, на петергофском бурдалю был изображен глаз и рядом на французском языке надпись: «Он тебя видит, шалунишка!»⁷⁵.

Ночные горшки, естественно, были у детей. В июле 1810 г. столярный мастер Иван Шилинг «за сделанную работу — один ночной стул с принадлежностями к оному прибором и две подушки замшевые» получил 90 рублей. Еще 36 рублей ему уплатили за три медных вылуженных горшка⁷⁶. Ночные горшки, стоявшие под кроватями, были в широком употреблении и у взрослых. Например, из документов гардеробной суммы Николая I известно, что в 1840 г. столяр Бобков изготовил «дорожное судно» за 18 рублей, а жестянщику Рикену «за починку и лужение ночных горшков» было уплачено 5 рублей 90 копеек⁷⁷.

Мобильными туалетами разных конструкций пользовались вплоть до конца XIX в. В Гатчинском дворце до 1941 г. хранилось «походное судно» императрицы Марии Александровны, которое представляло из себя «складное кресло с зеленой кожаной подушкой, луженый медный горшок с крышкой и обтянутым замшей съемным сиденьем. Чехол для вьюка кожаный с монограммой «М. А.» под короной»⁷⁸.

При Екатерине II в жилой части Зимнего дворца системы канализации не было. В покоях самой императрицы был устроен специальный чуланчик: по легенде, привезенный А. В. Суворовым из Варшавы трон польских королей — национальная святыня Польши — по распоряжению императрицы был превращен в стульчак с пробитой в центре трона дырой⁷⁹.

Такие же чуланчики были устроены во всех жилых половинах. Император Николай I, вспоминая свое детство, отметил, что в его спальне «рядом со шкафом, стоящим с правой стороны, находилась узкая одностворчатая дверь, которая вела к известному месту»⁸⁰.

Можно с уверенностью утверждать, что начало канализационной системе было положено в кухонном комплексе дворца. При этом, видимо, сточные воды сбрасывались непосредственно в Неву, ниже по течению от дворцового водозабора. Из документов известно, что на кухне находились «деревянные машины с чугунными барабанами и гириями для очищения воздуха... машина для спуска нечистой воды... ящики-холодильники с медными кранами для хранения льда»⁸¹. К началу XIX в. сточная канализация стала неотъемлемой частью дворцовых кухонь.

Создание локальных канализационных систем в жилых покоях в императорских дворцах началось после 1826 г. В Александровском дворце Царского Села в 1826 г. машинист Клейворт, по-видимому, впервые сделал два ватерклозета с двумя медными насосами, установил две ручнойные фаянсовые чаши и четыре соснового дерева водохранилища, обложенных внутри свинцом⁸².

Единая канализационная система в Зимнем дворце была устроена в ходе его реконструкции после пожара 1837 г. В смету, выделенную на восстановление дворца, были заложены специальные средства на «устройство водопроводов и ватерклозетов» в сумме 80 000 рублей⁸³ — очень крупная сумма по тем временам. Но поскольку еще до пожара 1837 г. в подвале находилась машина для накачивания воды в деревянный резервуар, можно предположить, что эти запасы воды использовались для нужд локальной канализации, которая могла быть в жилом, северо-западном ризалите императорской семьи. Подобные местные усовершенствования вполне вписывались в историю дворца с его бесконечными перестройками. Для обслуживания новых инженерных сетей дворца с 1840 г. была создана специальная мастеровая рота, в составе которой числились «мастер, подмастерье, двое мастеровых и два ученика»⁸⁴. Решение этой проблемы являлось жизненно необходимым, поскольку обычаи русских монархов предполагали

многочисленные приемы и балы, а свободные нравы XVIII в. уже были не в ходу. Видимо, эта деликатная проблема решалась не только на уровне повседневной жизни обитателей Зимнего дворца, но и для многотысячных дворцовых приемов. Барон А. И. Дельвиг вспоминал, что на новогоднем балу в 1832 г. было около 2,5 тысяч приглашенных⁸⁵. Можно с уверенностью утверждать, что уже в 1840-х гг. эта деликатная проблема успешно решалась ватерклозетной машиной и дворцовыми сантехниками.

Надо заметить, что в Зимнем дворце были установлены серийные фаянсовые унитазы. При этом в Букингемском дворце в 1850-х гг. для королевы Виктории действительно установили золотой унитаз⁸⁶.

Вместе с тем в жилых комнатах императорских дворцов долго оставались в ходу привычные ночные «шкафики». В 1840 г. купец Василий Бобков поставил в Александровский дворец «судновое кресло» на колесах, обитое алым сафьяном с замшевой подушкой и фаянсовым горшком⁸⁷. В Зимнем дворце на «антресолях над камердинерской комнатой» в личных покоях Александра II был «шкафик ночной ясеневое дерева об одной дверце с одним ящиком»⁸⁸, там же император мог помыть руки в «умывальном шкафу красного дерева о двух дверцах с одним ящиком с верхней подъемной крышкой, без задней стенки»⁸⁹. В спальне императрицы Марии Александровны также был «шкафик ночной» палисандрового дерева с одной дверцей, со вставленными железными листами в верхней части и филенках, которые были окрашены под черепаху во вкусе Буль⁹⁰. В поезде императрицы для заграничных путешествий, несмотря на наличие ватерклозетов, также в перечне заказанных предметов упоминается и о «белых с позолотою ночных фарфоровых сосудах»⁹¹. В описи комнатного имущества Зимнего дворца на половине Александра III в 1888 г. значился «шкафик ночной красного дерева с одним ящиком с дверцею и с доскою белого мрамора за 175 рублей»⁹². Любопытно, что эти предметы повседневного обихода, скорее всего, покупались партиями и размещались по различным дворцовым помещениям. Так, при швейцарской в подъезде его величества в Зимнем дворце также значился «шкафик ночной с доскою белого мрамора, обделанный внутри мрамором», за те же 175 рублей.

В начале 1860-х гг. ватерклозетами были оборудованы и придворно-служительские дома⁹³. Соблюдались санитарные нормы по обслуживанию ватерклозетов, дворцовое ведомство даже закупало крупные партии ароматических жидкостей «для устранения дурного запаха в отхожих местах»⁹⁴.

К 1894 г. существовавшая в Зимнем дворце канализация, отводившая грязную воду в Неву, пришла в такое состояние, что вода из Невы стала беспрепятственно проникать в подвалы дворца. Поэтому для избежания заражения воды в водоприемных трубах, питающих дворец, было признано необходимым перестроить канализацию и направить стоки грязной воды в р. Мойка через фильтрационные колодцы⁹⁵.

В Аничковом дворце после его перестройки в 1866 г. для цесаревича Александра Александровича и его жены Марии Федоровны на первом этаже на половине великого князя был устроен ватерклозет, который находился рядом с его рабочим кабинетом. Также недалеко от покоев наследника на втором этаже Аничкова дворца находились уборная, ванная, ватерклозет и собственная кухня⁹⁶. Самое большое число ватерклозетов в Аничковом дворце располагалось в наиболее населенных частях, в подвале и на третьем этаже во фрейлинском коридоре. В марте 1881 г. Александр III перенес свою резиденцию в Гатчинский дворец, и в 1882 г. там было начато устройство канализации и водопровода. Эти работы удалось закончить к началу 1884 г., что обошлось казне в 98 052 рубля⁹⁷.

В Екатерининском дворце Царского Села на половине Александра II в Зубовском флигеле также были предусмотрены удобства. В 1848 г. в туалетной (уборной) и камердинерской установили ватерклозеты. Архитектору Монигетти предписывалось сделать потайную дверь, ведущую в камердинерскую из кабинета царя, «заподлицо с обоями»: в камердинерской установили перегородку в виде трех ясеневых шкафов, верхняя часть которой была застеклена матовым стеклом, а узкая дверь в перегородке позволяла незаметно проскользнуть в ватерклозет.

В уборной поставили две печи: одну — в восточном, другую — в западном углу, рядом с маленькой дверью в камердинерскую. Внешне они ничем не отличались друг от друга, однако печь в западном углу была лож-

ной, поскольку за ней находился ватерклозет, который со стороны уборной приказали «окрасить оные под изразцы, подобно печи»⁹⁸.

В Александровском дворце Царского Села туалет Николая II находился в уборной, где был бассейн. Его оборудовали по последнему слову достижений сантехники того времени. А на стенах в WC императора были развешаны рисунки и фотографии: карикатура на Николая II, сидящего в автомобиле; портрет Александры Федоровны, который в 1897 г. в технике акварели написала старшая сестра императрицы — великая княгиня Елизавета Федоровна.

Санитарно-техническая инфраструктура императорских дворцов совершенствовалась, добавляя удобства в жизнь его обитателей.

Дворцовые лифты

В Зимнем дворце парадная Иорданская (Посольская) лестница была незаменима для пышных дворцовых приемов, но ежедневный подъем даже на второй этаж дворца для немолодых и подчас не очень здоровых людей требовал значительных усилий, поэтому и появились подъемные машины, или лифты.

В XVIII в. в петергофском павильоне Марли и царскосельском павильоне Эрмитаж были смонтированы подъемные столы, которые накрывались прислугой на первом этаже и по сигналу уже сервированными поднимались на второй этаж, где хозяева могли отдыхать, не стесняясь слуг. В 1793 г. механик И. П. Кулибин спроектировал и установил в Зимнем дворце подъемную машину для Екатерины II, у которой были больные ноги.

Во второй половине 1820-х гг. в центре северо-западного ризалита Зимнего дворца, где жила императорская семья, рядом с лестницей была установлена подъемная машина, связавшая все три этажа дворца. Она действовала вплоть до пожара 1837 г. Открытая шахта лифта начиналась на первом этаже, проходила мимо второго, где находились покои императрицы Александры Федоровны, и заканчивалась в кабинете императора Николая I

на третьем этаже дворца. Дверь с тамбуром в лифт в кабинете императора была решена в виде обычного шкафа, что являлось характерным для того времени интерьерным решением — аналогично, в шкаф, был убран и «купальный снаряд» императора. Правящие особы не пренебрегали удобствами, но поскольку облик технических и бытовых новинок дисгармонировал со сложившимся видом классицистических интерьеров императорского кабинета, их стремились убрать в шкафы. Механизм лифта был изготовлен на Колпинском заводе, он приводился в действие вручную, специально приставленными к лифту рабочими.

В 1838 г. был установлен новый лифт, разработанный инженером полковником А. А. Фуллоном: подъемный винт был прикреплен снизу к открытой платформе, и усовершенствованная конструкция действовала по принципу вертикального поршня; люлька была выполнена из красного дерева с медной решеткой, дверцей и поручнями; внутри находилось кресло красного дерева, обитое красным сафьяном. Машина также приводилась в действие вручную, специальная зубчатая передача передавала движение на винт подъемной машины, который снизу подталкивал платформу с люлькой. По проекту 1838 г. подъемная машина связывала уже не три, а только два нижних этажа жилой половины императорской семьи и предназначалась в первую очередь для императрицы и других женщин⁹⁹. На сегодняшний день лифт с зубчатой передачей сохранился лишь в Фермерском дворце в петергофском парке Александрия.

К 1853 г. подъемные машины были установлены в трех помещениях Зимнего дворца: первый лифт вел в комнаты ее величества, его обслуживали шесть человек; второй находился в подъезде ее величества, при нем состояли четыре человека; третий — в подъезде министра императорского двора, и его обслуживали четыре человека¹⁰⁰. Эти лифты существовали в Зимнем дворце вплоть до начала 1860-х гг. Устанавливались подъемные машины и в пригородных дворцах: так, в Гатчинском дворце первый лифт появился в 1854 г.

По мере износа и морального старения эти механизмы периодически заменялись: в 1860 г. был разобран старый лифт в подъезде министра им-

ператорского двора, а в 1861 г. началась массовая установка новых лифтов в главных подъездах дворца. Всего были сооружены четыре новых лифта: в собственном их величеств подъезде, на половине покойной императрицы Александры Федоровны, половине наследника и в подъезде министра императорского двора. Эти конструкции были сравнительно дешевы и обошлись казне всего в 500 рублей. За лифтами внимательно следили и периодически ремонтировали: в 1868 г. механику «за ремонт и управление четырех подъемных машин» было уплачено 700 рублей¹⁰¹.

В 1860-х гг. в Зимнем дворце использовались две основные конструкции подъемных машин. Более вместительные лифты по-прежнему приводились в движение за счет мускульной силы рабочих, и эта схема работала на протяжении 60 лет, вплоть до середины 1880-х гг. Так, еще в 1882–1883 гг. в здании Старого Эрмитажа и в Комендантском подъезде были установлены именно такие лифты¹⁰². При подъемной машине в комнаты ее величества работали шесть человек в три смены, в подъезде ее величества — четыре человека в две смены, а в подъезде министра императорского двора — четыре человека также в две смены.

Все механические работы заказывались дворцовой администрацией заводу Сан-Галли и обошлись дворцовому ведомству в 9000 рублей, при этом завод предоставил на установленные подъемные машины гарантию на два года. На таком лифте в декабре 1877 г. поднимались на половину императрицы Александр II и великий князь Сергей Александрович: «Мы дома и поднимаемся по машине с Папа́ к Мама́»¹⁰³.

Единственный лифт с подобной схемой подъема сохранился до наших дней в Фермерском дворце в Александровском парке Петергофа. Плетеная подъемная кабина, находившаяся на винте подъемной машины и приводимая в движение рабочими, плавно поднимала императора на второй этаж дворца. В настоящее время в Петергофе ведутся реставрационные работы по восстановлению механических столов-лифтов в павильоне Марли.

Наряду с вместительными подъемными машинами использовались и более компактные подъемные стулья, которые приводились в действие гидроприводом. Для этого механизма в 1862 г. был специально проложен

особый водопровод — «для подъемного стула государя императора», что обошлось казне в 1400 рублей. Аналогичное устройство — машинно-подъемный стул — было установлено в 1871 г. в подъезде министра императорского двора. При пользовании им требовалась известная осторожность, поскольку подъемный стул не был защищен от направляющих, по которым он скользил, — можно было наблюдать, как люлька поднимала вверх своих пассажиров. Одна из воспитанниц Смольного института, вспоминая свой визит в Зимний дворец, оставила описание такого «вознесения»: «Великие княжны предупредительно посадили ее¹⁰⁴ в кресло императрицы, поднимающееся посредством машины на самый верх. Наследник стал позади нее. «Бабушка» казалась восходящею на небеса, а наследник был как бы ее ангелом-хранителем. Мы бежали по лестнице, и я старалась идти наравне с «восходящими», — нам так весело было на них смотреть».

Иногда такая открытая конструкция становилась причиной несчастных случаев: в 1880-х гг. императрица Мария Федоровна травмировала ногу, после того как она попала между люлькой и неподвижными конструкциями лифта; в феврале 1904 г. в Зимнем дворце подъемной машиной был задавлен до смерти «несчастный машинист по собственной неосторожности». А когда в феврале 1880 г. народоволец Степан Халтурин взорвал фугас в подвале Зимнего дворца, комендант дворца генерал-майор Дельсаль застрял в лифте, поскольку во время паники одного служителя, который его поднимал, контузило, а другой с испугу убежал.

В середине 1880-х гг. подъемные машины на ручной тяге начали заменять лифтами, оснащенными гидравлическим приводом. Весной 1886 г. такая машина была установлена на лестнице его величества. В скупом описании конструкции указывалось, что «верхняя часть цилиндра машины укреплена на паре железных рельс». В подъезде ее величества цилиндр машины был углублен в грунт, и «перестановки его не было сделано за последние 20 лет... для более правильного движения люльки, и переделан пол люльки из деревянного в металлический»¹⁰⁵. Внутри подъемной люльки была установлена откидная скамейка красного дерева на бронзовых петлях и кронштейнах; двери подъемной машины представляли собой две позолоченные бронзовые

решетки. Изнутри люлька подъемной машины была затянута чехлом из небеленого холста, а снаружи рама люльки покрыта чехлом из клеенки¹⁰⁶.

В конце XIX в. лифты стали привычными в быту не только во дворцах, но и в домах зажиточной буржуазии Петербурга.

В 1904 г. тягу лифтов на гидравлическом приводе в подъездах императрицы и Малого Эрмитажа пытались увеличить за счет устройства добавочной напорной трубы к водяному баку подъемной машины, но в связи с войной работы были перенесены на следующий год¹⁰⁷.

Во время коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. фирма Сан-Галли занималась установкой лифта в Большом Кремлевском дворце. В качестве привода подъемника использовался электромотор. Работы в соответствии с контрактом были выполнены с 8 февраля по 15 апреля 1896 г. и обошлись казне в 4840 рублей¹⁰⁸.

После Русско-японской войны и Первой русской революции 1905–1907 гг. началось постепенное обновление лифтового хозяйства Зимнего дворца. Гидравлические лифты стали заменять машинами на электрической тяге от аккумуляторных батарей. В 1913 г. по проекту инженера А. Штиглера (техническая контора инженера Р. Э. Эриксона) на Советском подъезде Эрмитажа был сооружен лифт с электроподъемной машиной, установленной на чердаке дворца. Лифтовая шахта проходила через три этажа, высота подъема составляла 16 метров¹⁰⁹.

Пожалуй, самым большим технологическим прорывом в уровне комфорта императорских резиденций стало строительство Ливадийского дворца в Крыму, который был заложен 23 апреля 1910 г., а 14 сентября 1911 г. архитектор Н. П. Краснов закончил строительство. Дворец построили с невероятной скоростью — за полтора года. При этом архитектору была предоставлена полная свобода в ведении хозяйственной деятельности, десятки столичных фирм работали по его заказам. Если говорить только о технических приспособлениях, то они оказались беспрецедентны даже для уровня императорских резиденций. Была сделана подводка не только горячей и холодной воды, но и морской. Во дворце установили несколько лифтов: кроме обычных внутридомовых в кухонном корпусе дворца оборудовали

еще три лифта — лифт-транспортёр для подачи блюд в саму резиденцию, лифт для дров и для угля. Ежегодно выделялись значительные ассигнования на освещение (23 135 рублей), на выделку льда (5250 рублей), на отопление (38 374 рубля).

Когда в 1905 г. Николай II переехал из Зимнего в Александровский дворец Царского Села на постоянное жительство, там уже был установлен лифт. Поскольку императрица Александра Федоровна страдала от болезни ног, для нее еще в ходе ремонта Александровского дворца в 1895–1896 гг. на собственной половине был сооружен гидравлический лифт, который связывал апартаменты императорской четы на первом этаже с комнатами дочерей на втором. После окончательного переезда в 1905 г. императорской семьи во дворец на свитской половине был сооружен электрический лифт. Обе подъемные машины связывали только первый и второй этажи дворца. Лифты во дворце, как и всё электричество и воду, отключили 13 марта 1917 г.¹¹⁰

Освещение дворцов

Наряду с другими инженерными коммуникациями менялись и системы освещения Зимнего дворца. На протяжении всей дореволюционной истории Зимний дворец освещался свечами, чаще всего сальными и восковыми. Сальные свечи были не ароматны, и поэтому их использовали в хозяйственных помещениях дворца или для дежурного ночного освещения парадных залов. После окончания роскошных балов расставляли через комнату сальные свечи «в жестяных, длинных, наполненных водою подсвечниках»¹¹¹. Восковые свечи использовались во время балов и других торжественных церемоний, но они были недолговечны, поскольку быстро оплывали, и их приходилось часто менять.

При дворе сложились определенные нормы расходования свечей, зависящие от положения того или иного лица. Так, во времена Николая I фрейлине полагались на день четыре ординарные белые свечи, одна желтая ночная свеча и три сальные¹¹². Свечные нормы были установлены даже для

детей Николая I. Одна из дочерей императора вспоминала, что «для освещения наших рабочих комнат полагалось каждой по две лампы и шесть свечей — две на рабочий стол, две воспитательнице и две на рояль»¹¹³.

По мемуарным свидетельствам, в XVIII в. во время дворцовых праздников, для того чтобы осветить огромные залы, дополнительно сооружались специальные пирамиды, на которые устанавливалось «до трех тысяч свечей белого воску»¹¹⁴. В ходе ремонтных работ в Зимнем дворце после пожара 1837 г. было предусмотрено увеличение количества свечей в люстрах¹¹⁵. В Николаевском зале Зимнего дворца могло гореть одновременно до 4000 свечей. Естественно, это поднимало температуру в зале, на стенах оседала копоть. Чтобы ускорить процедуру замены сотен восковых свечей в люстрах, использовались специальные жестяные трубки с подпружиненными доньшками для облегчения извлечения огарков. Как основное средство освещения свечи использовались в Зимнем дворце до начала 1860-х гг. Французский писатель Теофил Готье, вспоминая бал в Зимнем дворце в 1860 г., оставил одно из последних описаний их использования: «Бесчисленное множество свечей стояло в канделябрах на карнизах... целые потоки света наполняли будто волшебством громадную залу»¹¹⁶.

Поскольку дворец ежедневно расходовал огромное количество свечей, то в его хозяйственных структурах была специальная свечная кладовая, где хранились восковые, стеариновые, сальные, белого воска (фунтовые), французские, московские, английские ночные свечи (восковые и сальные). Судя по годовой ведомости расходов свечной кладовой, больше всего использовались стеариновые¹¹⁷ и сальные свечи¹¹⁸. За 1868 г. на покупку всех видов свечей для Зимнего дворца было израсходовано 34 442 рубля¹¹⁹, а всего же на освещение дворца за этот год было потрачено 122 993 рубля (при смете в 107 382 рубля, то есть расходы оказались значительно превышены)¹²⁰.

Дворцовая администрация пыталась экономить на освещении — эта политика получила название «экономии на свечных огарках», что периодически порождало скандалы. Дело в том что по давней дворцовой традиции свечи, прогоревшие более чем наполовину, доставались лакеям, которые, продавая огарки, зарабатывали неплохие деньги. Поэтому они сознатель-

но подолгу не гасили свечи в помещениях, даже если там никого не было. Министр императорского двора П. М. Волконский пытался бороться с этой традицией, поручив гасить свечи арапам, поскольку «они были гораздо честнее. Обязательнее всех был красивый арап Кайтан, он всегда стоял у ручки государыни. Он гасил свечи, за это ему отомстили: обвинили его сына Ивана, что он что-то украл, его послали в Кронштадт, где он был барабанщиком»¹²¹.

Зарабатывали на свечных огарках не только лакеи, но и другие чины двора. Широко известен пример, когда во времена Екатерины II одна из камер-фрейлин на протяжении своей двенадцатилетней службы собирала и продавала огарки и сэкономленные свечи, и в результате набралась сумма, достаточная для того, чтобы «ко времени свадьбы с генералом Турчаниновым, секретарем кабинета ее величества», заказать себе серебряный сервиз.

Периодически бунтовали даже фрейлины, когда им пытались вместо белых свечей навязать желтые. Как вспоминала одна из фрейлин, «вся молодежь поднялась из-за свечей — отцы поднялись на нас. Графиня Сухтелен пришла ко мне и сказала: «Пусть, наконец, молодежь потребует хороших свечей, пусть, наконец»... Я думаю, что такой войны не было во всем свете»¹²².

Позже, несмотря на переход к газовому освещению, а затем и к электрическому, во дворце продолжали широко использовать свечи. Согласно описи казенным вещам, находившимся на половине Александра II, в каждой из комнат были канделябры и люстры со свечами — как правило, парные канделябры, имевшие от четырех до семи рожков. Непосредственно в кабинете императора находилась пара канделябров на семь рожков. Но если канделябры были во всех комнатах, то люстры со свечами только в некоторых. Так, из восьми помещений¹²³ жилой половины императора люстры, оборудованные под восковые свечи, были только в четырех¹²⁴, при этом самым освещенным помещением являлась приемная, в которой могло гореть 72 свечи, далее шла библиотека — 48 свечей, кабинет — 38 свечей и учебная — 36 свечей. Одновременно со свечами использовались карсельские масляные лампы с часовым механизмом. Керосин во дворцах по причине его пожароопасности использовать было категорически запрещено, поэтому

в лампы заливали ароматизированное растительное масло. Один из друзей детства Николая II писал, что в Аничковом дворце «лампы были необычайно занятные и затейливые, с каким-то механизмом, похожим на часовой. Масло наливалось душистое, и в комнатах всегда стояло амбре»¹²⁵.

В начале 1860-х гг. на смену свечам пришли газовые рожки. Впервые вопрос об их монтаже в Зимнем дворце встал в 1850-х гг. при сооружении Нового Эрмитажа, но предложение архитектора Людвиг Кленце об установке газовых фонарей в музейных залах было отвергнуто Николаем I из-за возможности пожара. 31 января 1851 г. царь утвердил план освещения Нового Эрмитажа, предусматривающий 9949 люстр со свечами¹²⁶. Это было огромное хозяйство, поэтому для содержания его в надлежащем порядке и обслуживания в мастерской роте Зимнего дворца работали 12 человек «по кровельному, фонарному и ламповому делу»¹²⁷.

С весны 1861 г. началась организационная подготовка к оснащению Зимнего дворца газовым освещением. 25 мая обер-гофмаршал граф Шувалов направил предписание заведующему Зимним дворцом инженеру генерал-майору Кубе разработать проект освещения дворца газовыми иллюминаторами, а уже 18 июня Кубе сообщил графу Шувалову о проведенном тендере, в котором приняли участие два подрядчика — прусский подданный инженер-механик Луи Запс и некий господин Шишко. Дворцовые «генералы от котлет» старались считать деньги, поэтому генерал Кубе обращал внимание обер-гофмаршала на то, что проект Запса более выгоден, поскольку должен был обойтись дворцовому ведомству в 4960 рублей против 6200 рублей Шишко. Из проекта Запса следовало, что он обязуется «произвести... хорошее освещение со всевозможной экономией», подчеркивая, что надзор, контроль и все работы будут производиться из своего жалованья, которое он просил установить в 170 рублей серебром в месяц. Кроме этого, он просил казенную квартиру вблизи Зимнего дворца с казенным отоплением и освещением. Запс предлагал заключить контракт сроком на пять лет. В штат своей новой службы он намеревался набрать 11 человек, из них только шестеро должны были следить за газовыми горелками в Зимнем дворце, а остальные — контролировать другие дворцовые помещения. Всего он пред-

полагал установить во дворце 1670 горелок, из которых ежедневно должно было задействоваться 554. Все предложения Запса были приняты в ноябре 1861 г., и контракт с ним подписали на три года.

С учетом потенциальной возможности взрыва газа Запсом были разработаны жесткие правила пользования газовым оборудованием в Зимнем дворце. Согласно им на смену ламповщикам приходили фонарщики; ключи, которыми открывались краны газовых горелок, были изготовлены, как часовые, чтобы «никто не мог без ключа открыть краны горелок», при этом для каждой «дистанции» газовых труб был особый ключ, а ключ от главного распределительного газового крана находился только у Запса. Газ для освещения поставлялся во дворец Петербургским газовым обществом. Показания об израсходованном газе снимались один раз в месяц, а оплата за него производилась раз в три месяца. В подвалах было установлено 38 газометров, но при иллюминации города давление газа в трубах падало, и газовые рожки гасли.

Однако после того как Запс начал работать во дворце, в его проекты были внесены некоторые коррективы: вместо планировавшихся 1670 газовых рожков было установлено 1640, из них в ежедневном употреблении вместо планируемых 554 горелок обычно использовалось 410. К тому же за Запсом приглядывали: в ноябре 1861 г. «для постоянного надзора» за газовым освещением был назначен поручик служительской команды Зимнего дворца Ефимов¹²⁸.

В газетах упоминалось, что газовые рожки «особого усовершенствования» производили чрезвычайный эффект, освещая парадные комнаты дворца. Но наряду с газовыми рожками продолжали использоваться свечи. На фотографии кабинета императрицы Марии Федоровны, сделанной в середине 1870-х гг., на ее столе видны два канделябра на две свечи. В мемуарной литературе упоминается, что после взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 г., организованного С. Халтуриным, умирающей императрице Марии Александровне сказали, что это был взрыв газа. В первые дни после взрыва в официальной прессе также сообщалось, что главной причиной взрыва являлся газ и в результате «было попорчено несколько газовых труб».

Содержать газовое хозяйство в порядке было довольно хлопотным делом. Кроме того, имелись проблемы и гигиенического характера. Так, в личных комнатах страдавшего астмой императора Александра II газовое освещение не использовалось вообще, и в описи предметов значатся только люстры и канделябры под свечи.

После 1881 г. Зимний дворец стал исключительно официальной резиденцией русских монархов, поскольку император Александр III предпочитал жить либо в Гатчинском, либо в Аничковом дворцах. Но личные комнаты монарха были в постоянной готовности принять его и всю его большую семью.

С 1883 по 1892 г. при Александре III в Зимнем дворце под руководством дворцового архитектора Н. А. Горностаева начались ширококомасштабные строительные работы: был проведен ремонт металлических стропил здания, усовершенствованы отопительная и вентиляционная системы, установлено электрическое освещение¹²⁹. Тем не менее это новшество не привело к полной ликвидации старых осветительных приборов, убрали только газовые рожки, поэтому электрический свет и свечи соседствовали в Зимнем дворце вплоть до 1917 г.

Вообще впервые электрическое освещение начали использовать в Гатчинском дворце, который с конца марта 1881 г. превратился в главную императорскую резиденцию. Необходимо подчеркнуть, что одним из инициаторов электрификации Гатчинского дворца был Александр III, начавший эти работы еще летом 1881 г. Электрификацией Гатчинского дворца занимался лейтенант Смирнов, который командовал отрядом моряков-минеров, присланных для предотвращения возможных подкопов и взрывов. Александр III лично интересовался этими работами, неоднократно выслушивая доклады моряка¹³⁰. Сначала было установлено электрическое освещение вокруг дворца и по периметру гатчинского парка — эти меры были связаны с организацией охраны императора.

История электрификации Гатчинского дворца имела довольно необычное продолжение. Охрана, всячески демонстрируя свое рвение и, видимо, опасаясь каких-либо нежелательных воздействий нового освещения на здоровье императора, в октябре 1883 г. установила электрические лам-

почки (25 штук) на квартире начальника царской охраны генерал-майора П. А. Червина, а 29 декабря его квартиру посетил Александр III, и, найдя освещение комфортным, а здоровье своего телохранителя не пошатнувшимся, император распорядился установить электрические лампочки в своем рабочем кабинете Гатчинского дворца. В результате осенью 1884 г. в кабинете Александра III появилось электрическое освещение — две лампы на рабочем столе, поначалу запитанные от аккумуляторов. Параллельно с этими работами с 15 ноября 1884 г. была начата прокладка электрического освещения и в других помещениях дворца — комнатах цесаревича Николая и его младшего брата Георгия.

После завершения этих работ Александр III распорядился, чтобы лейтенант Смирнов представил соображения по поводу электрификации всего дворца. Пояснительная записка была представлена царю 16 апреля 1885 г., и после ее одобрения Александром III начались прокладка электрической сети внутри Гатчинского дворца и строительство электростанции.

14 ноября 1885 г. состоялось открытие электрического внутриворцового освещения. В ходе проделанных работ в Гатчинском дворце было установлено 1050 ламп накаливания, для одновременного горения которых требовалось до 50 кВт электроэнергии. Дворцовая электрическая сеть была соединена с электростанцией тремя магистральными проводами, уложенными в землю.

По принятому издавна порядку новые детали дворцовых интерьеров утверждались лично Александром III. Все образцы новой бронзы для электрического освещения (стенники, подвесы, столовые лампы, люстры, фонари и т. д.) выполнялись по эскизам рисовальной школы Общества поощрения художников. Поначалу лампы накаливания закупались на отечественных предприятиях¹³¹, но скоро их пришлось заменить лампами иностранных поставщиков, поскольку отечественные быстро перегорали.

Все это время лейтенант Смирнов лично докладывал Александру III о новинках электрического освещения и планировал новые работы, в результате чего к 1890 г. в Гатчинском дворце было установлено 1910 ламп и 20 фонарей с вольтовой дугой, а к 1894 г. — 2236 ламп и 29 фонарей¹³².

Впоследствии в Гатчинском, как и в других императорских дворцах, вплоть до 1917 г. соседствовали различные осветительные приборы. Наряду с традиционными осветительными приборами, в том числе и карсельскими лампами, в перечне утраченных ценностей Гатчинского дворца упоминаются и «лампа настольная электрическая», «лампочка спиртовая», «фонарь масляный 4 шт.», подсвечники, «фонарь электрический на потолок».

Впервые, в Зимнем дворце система электрического освещения, смонтированная инженером дворцового управления В. Л. Поповым, была опробована 22 декабря 1884 г. Работы начались в сентябре 1884 г., были составлены проект освещения и смета необходимых затрат. Предполагалось устроить электрическое освещение в Помпеевской галерее (72 лампы накаливания) и в садике Эрмитажного павильона. Работы по монтажу лампочек и проводки были поручены фирме Сименса. Питание должно было идти от двух локобилей, каждый из которых рассчитан на 40 лампочек. Садик Эрмитажного павильона предполагалось освещать десятью хрустальными матовыми фонарями, которые были доставлены со Стекланного завода.

Во время рождественского бала 10 января 1885 г. в Зимнем дворце новое освещение было впервые продемонстрировано широкой публике. Поскольку все прошло удачно, немедленно были начаты работы по монтажу проводки в Николаевском и Аванзале. Оно было показано уже на балах 17, 27 и 31 января 1885 г., а 3 февраля аналогичный проект был осуществлен в Елагино-островском дворце. На работы было затрачено чуть более 11 000 рублей. Новшество произвело впечатление на столичный бомонд, и было решено в целях сокращения затрат приобрести для Зимнего дворца собственный локобиль¹³³.

В октябре 1886 г. министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков направил записку Александру III, в которой предлагал продолжить работы по внутреннему и внешнему освещению Зимнего дворца. В результате в 1886 г. были освещены Салтыковская лестница, Собственный вестибюль, Темный коридор, Ротонда, Арапский зал, апартаменты покойной императрицы Александры Федоровны, Аванзал, Концертный и Николаевский залы, верхняя часть Иорданской лестницы, Помпеевский зал¹³⁴. На огром-

ных бронзовых люстрах в парадных залах были установлены лампочки, стилизованные под свечи, — они хорошо видны на одной из фотографий Георгиевского зала, сделанной с хоров.

Электрическое освещение в дворцовых интерьерах производило незабываемое впечатление. Граф С. Д. Шереметев, описывая эрмитажный бал, состоявшийся 12 февраля 1887 г., упоминал, что «новое освещение эдиссоновскими лампочками ослепительно и хорошо тем, что не греет»¹³⁵. В прессе, писавшей о бале в Зимнем дворце в 1890 г., упоминалось, что кроме «люстр и канделябров освещает залы бордюр из 1000 лампочек, которым обведены карнизы хор вверху... Тропический сад освещается сверху, точно лунным светом, большим электрическим матовым фонарем»¹³⁶.

В личных покоях Александра III в Зимнем дворце все низовое освещение (лампы на столах и канделябры) было выведено в особую цепь, для питания которой на электрической станции в специальном помещении установили два аккумулятора. При монтаже электропроводки старались привлекать русских специалистов и использовать отечественные материалы.

Но при этом наряду с электрическим освещением во дворце продолжали использоваться и привычные свечи: электрические люстры выполняли функцию общего освещения, а канделябры со свечами — интимного, местного. Все четырнадцать личных комнат Александра III в Зимнем дворце¹³⁷ были оборудованы электрическими люстрами, но количество лампочек в них было разным: в большинстве помещений были установлены люстры на шесть — восемь лампочек, а самая большая люстра — на 30 лампочек находилась в кабинете Александра III. При этом канделябры под свечи стали не такими громоздкими, а число рожков уменьшилось до трех — четырех. В сугубо личных помещениях, в уборной и ванной, были небольшая люстра на шесть лампочек и скромные медные бра на два рожка¹³⁸.

Работы закончили к началу 1887 г., к очередным дворцовым балам. 1 января 1887 г. было открыто уличное освещение вокруг дворца. Опыт оказался удачным, и летом того же года газовые фонари вокруг дворца убрали. В 1887–1888 гг. электрическое освещение в Зимнем дворце было проложено в служебные помещения, и газовое освещение во дворце полно-

стью демонтировали. Для того чтобы обеспечить дворец электричеством, в начале 1888 г. по проекту инженера В. Л. Попова была построена в малом дворе здания Нового Эрмитажа стационарная электрическая станция на постоянном токе. Через шесть лет архитектор А. Ф. Красовский сделал малую электростанцию уже на переменном токе во дворе здания Эрмитажного театра, которая обеспечивала освещение зрительного зала и фойе театра. Эта электростанция просуществовала вплоть до 1945 г.

В конце 1894 г. в связи с предполагавшимся переездом в Зимний дворец Николая II произвели модернизацию электрического освещения. Новые электрические люстры и бра, часть которых изготовлялась по чертежам архитектора Р. Ф. Мельцера, были обильно украшены хрустальными подвесками. В личных императорских покоях преобладало местное, интимное освещение, на стенах висели многочисленные бра со стеклянными и матерчатыми колпаками, выполненными в стиле модерн, а на столах были установлены массивные электрические лампы. Вместе с тем свечи по-прежнему находились в повседневном употреблении.

Вслед за Гатчинским и Зимним дворцами началась электрификация и других императорских резиденций. Зимой 1887 г. было проведено временное электрическое освещение в Александровском дворце Царского Села. Там установили 500 ламп накаливания, которые запитывались от локомотива. Постоянная проводка в Большом Царскосельском и Александровском дворцах была закончена к 1890 г. В июле 1887 г. приступили к электрическому освещению Петергофского дворца.

Осенью 1886 г. начали проводить электрическое освещение в Аничковом дворце. В уборной царя и прилегающих коридорах установили пять электрических ламп. Затем, в 1888 г. для балов в Аничковом дворце было установлено 700 ламп, для запитывания которых близ дворца построили электростанцию. 26 марта 1890 г. был утвержден комплексный проект освещения Аничкова дворца на 5000 ламп, предусматривающий строительство собственной электростанции. Для того чтобы не беспокоить обитателей резиденции, электрическое освещение ночью работало от огромной батареи аккумуляторов, дававшей ток в 110 вольт и располагавшейся в подвале под машинным залом. 24 мая

1890 г. начались подготовительные работы, и уже с 21 ноября электрическое освещение Аничкова дворца стало действовать постоянно.

К 1920-м гг. электрическое хозяйство Зимнего дворца обветшало, поэтому началась замена электропроводки. К 1936 г. переоборудовали электропроводку Большого Эрмитажа, но общее состояние электрохозяйства музея, согласно акту межведомственной комиссии от 23 марта 1936 г., «было чрезвычайно неблагополучно» и требовало «полной реконструкции». Однако этим работам помешала война, и они были закончены только во второй половине 1960-х гг., после издания в 1966 г. специального постановления Совмина СССР «О проведении реконструкции энергохозяйства музея», на что Эрмитажу выделялось 6 миллионов рублей.

Отопление императорских резиденций

Одно из центральных мест в инженерной инфраструктуре Зимнего дворца занимала отопительная система. Долгое время единственным видом отопления дворца были печи, камины и небольшие таганки. При начале строительства дворца были составлены чертежи 17 каминов, которые впоследствии заказали в Италии из караррского мрамора и в 1758 г. доставили в Зимний дворец¹³⁹.

Как известно, эффективность каминов как источников тепла невысока, и поначалу в Зимнем дворце в морозные дни было весьма неуютно. Печей не хватало, и в огромных парадных залах было холодно. Так, 27 декабря 1779 г. был отменен бал во дворце «по случаю великой стужи»¹⁴⁰. Поэтому отопительная система, которая должна была обогреть огромный дворец, использовалась весьма интенсивно и периодически обновлялась. Так, в 1827 г. круглые печи Кваренги из-за их ветхости заменили новыми. Однако спустя год, во время очередного ремонта комнат наследника великого князя Александра Николаевича, О. Монферрану было приказано разобрать только что установленные новые печи и воссоздать круглые печи Кваренги¹⁴¹. Видимо, это диктовалось привычкой к определенному облику дворцовых залов.

Интенсивное использование многочисленных печей в царских дворцах в суровые зимы и беспорядочная перестройка дворцовых залов приводили к пожарам. Вечером 17 декабря 1837 г. в Зимнем дворце начался пожар, который удалось окончательно потушить только к 20 декабря. По воспоминаниям очевидцев, зарево было видно за 50–70 верст от Петербурга. От дворца остались только наружные стены, часть внутренних капитальных стен, сводчатые перекрытия подвалов и некоторое количество сводчатых перекрытий на первом этаже¹⁴². 29 декабря 1837 г. была создана комиссия по возобновлению разрушенного дворца, которую возглавил гофмаршал двора князь Волконский. Несмотря на страшные разрушения, уже 25 марта 1839 г. состоялось освящение Большой дворцовой церкви и всего возобновленного дворца. При этом необходимо отметить, что Николай I лично наблюдал за ходом восстановительных работ, задавая невероятно высокие темпы, он также просматривал и утверждал все проектные чертежи, не раз вмешивался в уже готовые проектные решения.

С учетом произошедшей трагедии в ходе восстановления дворца печное отопление было заменено на воздушное, разработанное инженером Н. А. Аммосовым. На «устройство пневматического отопления» в смету было заложено 258 000 рублей¹⁴³. Впервые печи его конструкции были установлены в казармах лейб-гвардии Павловского полка в 1835 г., там они хорошо себя зарекомендовали, да и традиционное печное отопление после страшного пожара вызывало недоверие. По поручению комиссии по возобновлению Зимнего дворца знаменитый химик Г. И. Гесс, преподававший в Технологическом институте, провел всестороннюю экспертизу пневматических печей конструкции Н. А. Аммосова. По словам конструктора, экспертиза была тщательной и придирчивой, и в результате появилось заключение, что его печи безвредны для здоровья¹⁴⁴. В подвалах дворца были установлены 86 пневматических печей, а в самом Зимнем — 55 больших и 29 малых, еще две большие печи находились в Эрмитаже под Рафаэлевыми ложами и две малые — в Придворном манеже. Нагреваемый печами воздух поднимался по жаровым каналам в парадные залы и жилые комнаты. Места выхода отопительных каналов завершались медными решетками на душ-

никах, выполненными по рисункам архитектора В. П. Стасова. У инженера Аммосова сохранились чертежи отопительной системы, на которых стояла «виза» министра императорского двора: «Высочайше утверждено 10 апреля 1838 г.»¹⁴⁵ Любопытно, что Аммосов по настоянию В. П. Стасова пытался внести изменения в конструкцию печей в 1839 г., и вместо металлических труб поставили глиняные, но, убедившись, что они очень медленно нагревают воздух и при усиленной топке трескаются и пропускают дым, он вновь вернулся к металлическим трубам¹⁴⁶. С весны 1839 г. печи и камины сохранялись в Зимнем дворце в основном как привычный элемент парадных интерьеров¹⁴⁷. За устройство пневматических печей в Зимнем дворце Н. А. Аммосов был награжден золотой медалью и получил 1500 десятин земли, а также личное одобрение Николая I.

В дворцовой мастерской роты самый большой штат специалистов был занят именно на обслуживании системы отопления: печным и каменным делом во дворце занимались «мастер, два подмастерья, восемь печников и шесть учеников»; трубочным делом ведали «мастер, подмастерье, три трубника и два ученика», а чисткой труб — «мастер, два подмастерья, двенадцать трубочистов и семь учеников»¹⁴⁸.

Несмотря на огромные затраты у аммосовской системы отопления был выявлен ряд недостатков. Уже в начале 1840-х гг. бытовало мнение, будто эти печи пересушивают воздух, что вредит здоровью — причем здоровью царских детей. Об этом упоминала дочь Николая I — Ольга Николаевна, которая писала, что в Зимнем дворце «устроили новое отопление, подобие центрального, которое совершенно высушило воздух. Чтобы устранить этот недостаток, к нам в комнаты внесли лоханки со снегом и водой, и я думаю, что это произвело очень неблагоприятное действие на наши легкие»¹⁴⁹. Дело в том что в декабре 1840 г. Ольга Николаевна заболела «сильным кашлем», и по настоянию врачей Маркуса и Рауха ее в феврале 1841 г. перевели в Аничков дворец ввиду того, что сухой воздух Зимнего дворца ей вреден. Николай I согласился с предложениями медиков, и «вся семья с восторгом переселилась в любимое гнездышко. По прошествии одной недели мой кашель исчез. После этого призвали специалистов, чтобы исследовать свойства

воздуха в Зимнем дворце, и выяснилось, что содержание влажности в нем слишком недостаточно как для людей, так и для растений. Построили всюду камины, но и в Аничковом приделали к печам сосуды с водой¹⁵⁰.

Действительно, конструктора печей Аммосова пригласили в Зимний дворец в марте 1841 г., где он измерял влажность воздуха во всех дворцовых помещениях, при этом отклонений от нормы не выявили, а таблицы измерений влажности были опубликованы. Тем не менее эти слухи оказались необычайно живучи, поскольку чиновник Министерства императорского двора В. С. Кривенко в записках упоминал, что величавый Зимний дворец «совершенно не подходил для частной жизни. Александр II, больной эмфиземой легких, страдал от аммосовского отопления, от сухого, нагретого сильно воздуха, от плохой вентиляции; в спальне его форточки плохо затворялись, по ночам комната выстывала»¹⁵¹. Поэтому, начиная с 1863 г. в Зимнем дворце начали создавать новую локальную систему отопления, которую закончили к середине 1870-х гг. В ее основу были положены огневоздушные печи конструкции И. К. Кроля и Смирнова. Эта система отопления монтировалась в северном крыле Зимнего дворца на протяжении лета 1876 г. Великий князь Сергей Александрович в дневнике отметил, что несмотря на холодную весну, семья готовилась к переезду «на дачу», в Царское Село, поскольку «будут весь этот фасад дворца переделывать для нового отопления». А когда семья в конце октября вернулась в Зимний дворец, то все комнаты уже были «с новым отоплением»¹⁵². Средства, ежегодно затрачиваемые на отопление, составляли значительную часть ежегодного бюджета Министерства императорского двора: так, в 1868 г. на отопление Зимнего дворца было потрачено 173 567 рублей (по смете 173 650 рублей)¹⁵³.

К началу 1880-х гг. в Зимнем дворце функционировали две системы отопления: Аммосова и Кроля (чугуннореберные печи). Александр III был недоволен обеими. По его мнению, обогревание производилось неравномерно, воздух был очень сухой, при топке создавался сильный шум. Поэтому было принято решение о монтаже новой локальной системы водяного отопления, одновременно установили водяные калориферы для введения свежего воздуха с соответствующей вентиляцией и увлажнением и прочистили жаровые

каналы. В одном из внутренних световых дворики западной части Зимнего дворца была сооружена котельная, а на крыше дворца, за башенкой оптического телеграфа над собственным подъездом, — вентиляционная башня, которая внесла заметный диссонанс в привычный архитектурный облик. Эти работы обошлись казне в 189 511 рублей¹⁵⁴.

Таким образом, к 1917 г. в Зимнем дворце параллельно работали три технически различные системы отопления, не объединенные в общую сеть. С 1840-х гг. в Зимнем дворце действовали пневматические печи Н. А. Аммосова, обогревавшие большую часть дворца. В 1860–1870-х гг. была создана локальная система огневоздушных печей для личных покоев императора Александра II, страдавшего астмой, и его жены — императрицы Марии Александровны, болевшей туберкулезом. С конца 1880-х гг. северо-западный ризалит Зимнего дворца и здание Нового Эрмитажа обогревались системой центрального водяного отопления, созданного инженером Войницким.

В 1920-х гг. в Зимнем дворце начались работы по превращению его в музейное здание, в результате чего искажавшая пропорции дворца вентиляционная башня над собственным подъездом, установленная в 1880-х гг., и трубы котельных во внутренних световых дворики были разобраны¹⁵⁵. Удалили также до 100 отопительных приборов (печей, плит, очагов и каминов). Катастрофическое наводнение 1924 г. привело к затоплению всех подвалов дворца, фактически разрушив действовавшую отопительную и вентиляционную системы: воздухопроводы наполнились водой, изоляция труб размокла. Во дворце появилась устойчивая сырость, поэтому началась немедленная реконструкция отопительной и вентиляционной систем. К зиме 1925 г. аммосовские печи наскоро отремонтировали. Старая система воздушного отопления, устроенная в 1860–1870-х гг. в покоях императора Александра II, и центральное водяное отопление бывших комнат Николая II были восстановлены к концу 1924 г. А в ходе реконструкции инженерных коммуникаций дворца в 1933–1939 гг. водовоздушную систему отопления подключили к городской сети: в нее входили две системы — зданий Эрмитажа и прежних комнат половины Николая II. После 1945 г. в ходе восстановления Зимнего дворца были демонтированы железные дымовые трубы и конструкции

котельной, обеспечивавшие теплом некогда половину Николая II, а также кирпичная труба, остававшаяся от отопительной системы, устроенной в 1860–1870-х гг.

В Александровском дворце Царского Села система отопления развивалась своим путем. Она формировалась в несколько этапов, и это проявилось в том, что в небольшом дворце вплоть до 1917 г. не было создано единой системы отопления. В 1842 г. в Александровском дворце появилось отопление Аммосова, которое просуществовало до конца 1890-х гг. Печное отопление во дворце начали заменять на паровое на императорской половине в ходе ремонта 1896 г. В результате в подвале дворца были сооружены три котельные: для отопления личных апартаментов Николая II и Александры Федоровны и детской половины, для подогрева воды для бассейна Николая II и водогрейный котел ванного помещения детской половины.

В 1901 г. фирма Сан-Галли провела центральное отопление в парадных залах Александровского дворца. Это была довольно совершенная для своего времени система, по крайней мере температуру в парадных залах можно было менять, позвонив по телефону в котельную.

В силу того, что рядом с дворцом большую котельную располагать было неэстетично, специалисты Сан-Галли пошли по пути сооружения миниатюрных котельных в подвальных помещениях дворца. Так, был смонтирован котел водяного отопления для угловой гостиной Александры Федоровны и двух библиотечных зал; котел водяного отопления «зала Горы», библиотеки и кладовых под Открытым залом; котел водяного отопления Полукруглого и Портретного залов и котел водяного отопления Большого бильярдного зала с гостиной (в которой находилась походная церковь) и Третьего подъезда. Всего в 1901 г. было сооружено четыре котла водяного отопления. В результате для размещения семи отопительных котлов, установленных в 1896 и 1901 гг., было занято девять помещений, что составляло 8% площади подвалов дворца.

Но и при такой локальной отопительной системе некоторые из важных дворцовых помещений продолжали обогреваться печами и электрическими грелками. Так, спальня наследника на детской половине (второй этаж)

отапливалась именно таким способом. Жаровые печи, расположенные в подвале, давали тепло в парадные подъезды дворца. Печами обогревались все помещения правой части подвала. Кроме того, в подвале было расположено еще несколько водогрейных котлов, которые обслуживали кухни Александровского дворца.

Дворцовые средства связи

На протяжении веков скорость распространения информации определялась выносливостью фельдъегерей и их лошадей. В XIX в. начался процесс обновления средств связи, и почти все новшества появлялись прежде всего именно во дворцах.

Николай I как человек с инженерным образованием уделял этому вопросу первостепенное внимание. Фактически одновременно в Зимнем дворце император лично опробовал две новаторские для того времени системы связи.

Во-первых, в 1832 г. подземная телеграфная линия связи соединила Зимний дворец и Министерство путей сообщения. Идея проволочного телеграфа принадлежала чрезвычайно разностороннему человеку — П. Л. Шиллингу. После первых удачных опытов Николай I поручил ему провести линию связи между Зимним дворцом и Кронштадтом, однако Шиллинг умер в 1837 г., не осуществив этого проекта. У него нашлись последователи, которые в 1841 г. установили телеграфную связь между Зимним дворцом и зданием Главного штаба, после чего телеграф на долгие годы стал основным средством связи. На протяжении 1840-х гг. Зимний дворец был связан телеграфными линиями не только со всеми пригородами, но и с крупнейшими городами России.

Во-вторых, в 1833 г. в Зимнем дворце, на башне северо-западного ризалита начал действовать оптический телеграф (гелеотелеграф), который обеспечивал связь между Санкт-Петербургом и Варшавой. В солнечную погоду информация через сеть вышек проходила из конца в конец за час-полтора. В начале 1840-х гг. оптический телеграф был заменен обычной телеграфной

связью, аппаратуру которой разместили в той же башенке на крыше Зимнего дворца. Согласно Положению об управлении императорским Зимним дворцом все входы на чердак охранялись, и телеграфисты проходили в свою башенку по особым пропускам¹⁵⁶.

В-третьих, в 1855 г. в Кремлевском дворце была устроена «особая станция действия по телеграфу». В высочайшем решении подчеркивалось: существующая телеграфная станция находится в «6 верстах 160 саженьях от Кремлевского дворца», что вызывает затруднения с оперативной передачей телеграфных сообщений во время высочайшего пребывания в Москве¹⁵⁷.

Следует подчеркнуть, что телеграфные станции были развернуты во всех императорских резиденциях, решая вопросы оперативной связи, необходимой российским монархам. Например, по штатам 1869 г. в Аничковом дворце телеграфную станцию обслуживали начальник и два сигналиста. Поскольку пункт связи носил режимный характер, то, несмотря на существовавшую охрану императорского дворца, существовала отдельная штатная единица сторожа при телеграфной станции¹⁵⁸.

С 1850-х гг. в Зимнем дворце были сделаны первые попытки усовершенствовать внутриворцовую связь. Обычные колокольчики как главный способ сигнализации внутри дворца сохранялись, но в 1853 г. мастер Риккерт проложил «гуттаперчивую слуховую трубу для передачи переговоров с верхнего этажа в подвал на половине ее величества»¹⁵⁹, которая, видимо, была сделана по схеме корабельных слуховых труб, соединявших капитанский мостик и машинное отделение. Сейчас трудно сказать, какие причины побудили соединять такой «связью» жилые помещения императрицы Александры Федоровны и дворцовый подвал. Такой же слуховой трубой, или воздушным телефоном, был оборудован и рабочий кабинет Николая I на первом этаже Зимнего дворца.

С начала 1860-х гг. проблема оперативной связи внутри дворца приобрела новое качество, поскольку в правительственных кругах всерьез рассматривался вариант «революционного возмущения» и попытки захвата «толпой» Зимнего дворца¹⁶⁰. Не исключалась и попытка дворцового переворота накануне готовящейся отмены крепостного права в России. Поэтому

в 1860 г. было принято решение оборудовать Зимний дворец электровонками — гальваническими колокольчиками, которые должны были связать подъезды дворца с главной гауптвахтой, где находился дворцовый караул¹⁶¹.

Параллельно с прокладкой линий гальванических колокольчиков начали устраивать телеграфные линии внутри дворца, что также было связано с обеспечением личной безопасности императора. Так, в 1860 г. в резиденцию были допущены представители фирмы «Сименс и Гальске» для устройства телеграфного сообщения между кабинетом Александра II и дежурной комнатой, в которой находился гвардейский караул¹⁶². В результате этих работ в кабинете Александра II на одном из столов был установлен буквенный телеграфный аппарат¹⁶³. Для оперативной связи использовался также телеграф Царскосельского дворца.

К телеграфной связи привыкли настолько, что ее использовали и для повседневных нужд. В 1868 г. внутрдворцовая телеграфная сеть была расширена¹⁶⁴, а в 1870 г. электрические звонки связали подъезд императрицы и Комендантский подъезд с главной гауптвахтой¹⁶⁵. За этой сетью внимательно следили и поддерживали ее в работоспособном состоянии, проводя профилактические работы¹⁶⁶. В конце 1876 г. в комнатах Александра II для лечения астмы была сооружена барокамера — «колокол для сгущения воздуха», для связи с императором во время процедур в герметичном колоколе установили буквенный телеграфный аппарат¹⁶⁷.

Телеграфную сеть, проложенную в Зимнем дворце, начали постепенно демонтировать в первой половине 1880-х гг. К этому времени Зимний перестал быть постоянной жилой резиденцией русских монархов — в конце марта 1881 г. Александр III с семьей переехал в Гатчинский дворец, где в конце того же года были протянуты первые телефонные линии. Эти технические новшества, как и в начале 1860-х гг., использовались прежде всего охраной дворца.

В первой половине 1880-х гг. начался процесс телефонизации страны, первые аппараты появились в 1881 г. Для сравнения: первая городская телефонная станция была введена в эксплуатацию в США в 1878 г., в Париже — в 1879 г., в Берлине — в 1881 г.¹⁶⁸ Первоначально в Петербурге провода

были проложены стоечно-воздушной сетью. Все телефонное оборудование производилось в Петербурге на заводах «Эриксон» (ныне «Красная заря»), «Гейслер» и «Сименс и Гальске».

С 1882 г. была начата телефонизация помещений Зимнего дворца, которой занималась фирма «Сименс и Гальске». При этом вплоть до 1917 г. электрические звонки как средство сигнализации продолжали сохраняться: в спальне Николая II в Александровском дворце на столике у кровати была тревожная кнопка звонка в караульную комнату. Другие, не столь важные кнопки электрических звонков были оформлены «по-царски»: например, бриллиантовая кнопка связывала с детской, жемчужная — с прислугой, рубиновая — с лакейской¹⁶⁹. При строительстве нового Ливадийского дворца в Крыму также была устроена электрическая «тревожная» сигнализация: в спальне императорской четы установили «тревожную» кнопку (№ 11), которая связывала ее с караульным помещением и дежурным офицером. По «тревожному» сигналу они должны были немедленно прибыть в императорскую спальню.

Телефонные линии появились и в других императорских резиденциях. Николай II, будучи цесаревичем, 25 января 1890 г. записал в дневнике: «Велел сделать у себя на письменном столе телефон, говорил через него с Сергеем»¹⁷⁰.

В конце XIX — начале XX в. телефонная связь стала привычной и необходимой. Как это ни удивительно, один из чиновников Министерства двора, писавший свои мемуары в начале XX в., употребил вполне современный термин «висеть на телефоне». По его словам, чиновники при Александре III «писали мало, но зато им приходилось, что называется, висеть на телефоне»¹⁷¹.

Во время коронации Николая II в 1896 г. было введено много новшеств: например, в Москве развернули временную телефонную станцию, всего установили 166 телефонных аппаратов фирмы Белла. О реальной степени влияния первых лиц страны наглядно говорит «Список телефонных аппаратов»: телефон за № 1 был установлен Николаю II, № 5 — дворцовому коменданту П. П. Гессе, № 6 — начальнику дворцовой полиции генералу Е. Н. Ширинкину. Развертывала и контролировала эту телефонную сеть

дворцовая полиция, а решение о возложении на дворцовую полицию обязанностей по обеспечению первых лиц страны телефонной спецсвязью принял лично генерал П. А. Черевин¹⁷².

С этого времени периодически выпускались телефонные справочники с номерами первых лиц страны: как правило, их номера были очень короткими и определялись либо степенью влияния этих лиц, либо их влиянием в дворцовом ведомстве. В 1915 г. коммутатором Зимнего дворца был издан под грифом «секретно» «Список абонентов дворцовой телефонной сети на 1915 г.», в котором стояло всего 100 номеров — как домашние, так и служебные. В первую десятку входили: председатель Совета министров (№ 1), министр внутренних дел (№ 2), министр императорского двора (№ 3, домашний номер), военный министр (№ 4, домашний номер), морской министр (№ 5), министр иностранных дел (№ 6), великий князь Николай Николаевич (№ 7), дворцовый комендант (№ 8, домашний номер), начальник дворцовой полиции (№ 9), инспектор императорских поездов (№ 10)¹⁷³.

В Александровском дворце Царского Села телефонная станция находилась в подвале, и там постоянно дежурили два чиновника дворцовой полиции, которые прослушивали все телефонные разговоры. Кроме того, в подвале были установлены две телефонные будки для желающих позвонить. Летом 1915 г. по представлению начальника дворцовой полиции Б. А. Герарди на три человека был увеличен состав дежурных полицейских надзирателей на дворцовой телефонной станции, поскольку действующие дежурные не успевали «контролировать некоторые разговоры»¹⁷⁴.

В самом Александровском дворце, судя по описям и фотографиям, телефонов было мало. По крайней мере, в двух кабинетах Николая II (в старом и новом) телефонов не имелось — видимо, в деловой практике первых лиц тогда было принято выслушивать только личные доклады. Единственный телефон на половине царя находился в камердинерской, которая располагалась на антресолях, над личными комнатами.

Однако время диктовало свои условия, и Николай II, несмотря на нелюбовь к телефонной связи (Вырубова отмечала, что царь телефон «ненавидел

и никогда не употреблял сам»), все чаще им пользовался. По крайней мере, в 1914 г. Вырубова «часто заставляла государя у телефона», по которому он «вызывал министров и приближенных». Тем не менее в кабинетах царя аппарат так и не появился, и он продолжал говорить по телефону из дежурной комнаты камердинера¹⁷⁵.

В покоях императрицы телефонных аппаратов было больше. В Палиандровой гостиной Александры Федоровны на полушкафу у задней стены были установлены два телефонных аппарата (один из них соединялся со Ставкой Верховного главнокомандующего русской армией в 1914 г.), в Сиреневом кабинете, где большую часть дня проводила императрица, стоял стол с еще одним телефоном. При этом фрейлина, близкая к императрице, упоминала, что «она всегда предпочитала писать и не любила общение по телефону. Друзья и придворные получали записки»¹⁷⁶. На втором этаже Александровского дворца, на детской половине, имелся только один телефонный аппарат, расположенный в проходной комнате рядом с буфетом. При этом телефон был убран в шкаф¹⁷⁷.

В конце февраля 1917 г. Александровский дворец оказался отрезан от внешнего мира. Организаторы Февральской революции 1917 г. прекрасно понимали значение средств связи, однако случались «проколы». Дело в том что были отключены только городские телефоны, а прямая телефонная спецсвязь, соединявшая Александровский и Зимний дворцы, продолжала работать. Мемуаристка отметила: «С обитателями Зимнего дворца мы все еще могли беседовать по частной телефонной линии, хотя обычные телефоны уже давно отключили»¹⁷⁸.

С конца 1880-х гг. все императорские резиденции были оборудованы спецсвязью. По инструкциям охраны, после прохода кого-либо из членов императорской фамилии дворцовые городские немедленно отзванивались дежурному офицеру — телефоны находились в специальных будках. Эта охрана страшно раздражала императрицу Александру Федоровну. В конце 1913 г., после того как новым дворцовым комендантом стал В. Н. Воейков, она попросила его убрать будки с телефонами. Тот выполнил ее просьбу, но только наполовину. Весной 1914 г. часть будок городских (всего 11 будок) в

Ливадийском парке была убрана. Александра Федоровна сочла необходимым поблагодарить дворцового коменданта В. Н. Воейкова за это, однако вскоре великая княжна Анастасия увидела, что после прохода императрицы городской подошел к одному из деревьев, на котором оказался телефон, и сделал очередной доклад. Императрица была крайне недовольна: «Я вас просила убрать будки с телефонами, а вы убрали только будки». Надо заметить, что кроме деревьев телефоны были размещены и в специальных нишах, выдолбленных в стенах, которые закрывались деревянными створками под цвет стены¹⁷⁹.

После того как началась Первая мировая война, система дворцовой телефонной связи получила дальнейшее развитие. Во-первых, в 1914 г. была проложена прямая телефонная линия, соединившая Александровский дворец Царского Села со Ставкой Верховного главнокомандования в г. Могилеве. Приемная станция линии располагалась в лицейском флигеле. Этой телефонной линией постоянно пользовалась императрица Александра Федоровна в годы войны — возможно, именно этот телефонный аппарат стал источником слухов, что императрица является шпионкой и по прямому телефонному проводу разговаривает с Берлином. После Февральской революции 1917 г. в Александровский дворец даже приезжала специальная комиссия для проверки этих слухов — конечно, они не подтвердились. Во-вторых, для предотвращения обрыва линий связи в случае авиационной атаки Александровского дворца все телефонные провода были уложены под землей в бронированном кабеле. Там, где они тянулись по стенам, провода замуровывались в специально выдолбленные каналы. В-третьих, для дворцового коменданта В. Н. Воейкова была проложена личная, дублирующая телефонная сеть с коммутатором на 50 номеров.

В 1905 г. появились средства радиосвязи — радиостанциями были оборудованы прежде всего императорские яхты. Однако к этой новинке поначалу относились без особого доверия, предпочитая привычные, проводные средства связи. Радиостанцию использовали крайне редко и иногда «не по назначению». Так, в 1907 г., когда императорская семья находилась на отдыхе в шхерах, в Петербург была отправлена радиограмма с поздравлениями в день свадьбы Карла и Лили Ден: «Эта радиограмма, как мы впо-

Часть 4. Окружение российских монархов

следствии узнали, вызвала множество разговоров и завистливых взглядов, поскольку связь по радио тогда еще находилась в зачаточном состоянии и, как все полагали, должна применяться лишь для важных официальных сообщений»¹⁸⁰.

Тогда руководители дворцового ведомства не могли знать знаменитого афоризма Уинстона Черчилля — «кто владеет информацией, владеет властью», но прекрасно понимали важность средств связи и постоянно ее совершенствовали.

Императорская кухня

В жизни императорских резиденций кухни занимали важное место, как и всё, связанное с организацией процесса питания. Это был довольно громоздкий механизм, в котором участвовали сотни людей, и деятельность их регламентировалась как инструкциями и положениями, так и негласными традициями «по образцу прошлых лет».

Организация питания в императорских резиденциях всегда выходила за рамки чисто утилитарных задач. Царские трапезы были важнейшей специфической формой общения императорской семьи со своим окружением. Кроме того, был очень важен особый характер этого общения, который позволял обсуждать и подчас принимать решения в неформальной обстановке. Сам факт приглашения к царской трапезе всегда высоко ценился в России, поскольку свидетельствовал о приобщении к «ближнему кругу» царя. Для мемуаристов фиксация кулинарных пристрастий или повседневного меню первого лица государства была стандартным «пунктом» в их писаниях. Например, о Екатерине II современники вспоминали: «Вседневный обед государыни не более часа продолжался. В пище она была крайне воздержана. Никогда не завтракала и за обедом не более как о трех или четырех блюд умеренно кушала: из вин же одну рюмку рейнвейну или венгерского

вина пила; и никогда не ужинала»¹⁸¹. Другие детализировали «вседневное» меню императрицы, упоминая, что по утрам она пила крепчайший кофе, делясь сливками и сухарями с любимой левреткой. Обед Екатерины II был достаточно незатейливым — говядина с соленым огурцом, вишни и яблоки, рюмка мадеры или рейнвейна и распущенное в воде смородиновое желе. Обычно она не ужинала, за исключением праздничных дней, и не оставалась за столом более часа¹⁸².

В рассматриваемый нами период XIX — начала XX в. императорские кухни находились в компетенции обер-гофмаршала, который возглавлял гофмаршалскую часть Министерства императорского двора¹⁸³. В ведение этого подразделения входили составление меню завтраков, обедов и ужинов, приготовление стола, само хозяйство дворцов, в том числе заготовка и хранение продуктов для членов императорской семьи. Гофмаршальская часть являлась важным и влиятельным подразделением придворного ведомства. Царские кухни традиционно были сложным и отчасти стихийным механизмом. Порядок «на кухне» начал наводить Павел I, а продолжил эту практику педантичный Николай I, при котором императорская кухня приобрела законченный характер и прочные традиции, в целом сохранявшиеся до 1917 г.

Одной из важнейших обязанностей Гофмаршальской части было обеспечение стола императорской семьи, который стоял вне категорий. Следует подчеркнуть, что императорский стол обслуживался исключительно придворными служителями. Что касается других столов, то по высочайше утвержденному 30 декабря 1796 г. Придворному штату¹⁸⁴ их число было ограничено тремя классами.

К первому классу придворных столов относился так называемый гофмаршальский стол (или кавалерский) для дежурных офицеров и гостей двора. В эту же категорию входили стол обер-гофмейстерины, от которого кормились жившие при дворе фрейлины, и стол начальника кавалергардских рот. Весьма немаловажным было и то, что по статусу гофмаршальского стола Придворным штатом 1796 г. предусматривалось, что «всякому, для кого стол назначен, позволено иметь гостей, а содержатель по числу оных стол сервировать обязан».

Со временем круг питавшихся за гофмаршалским столом неоднократно менялся. Блюда, приготовленные по категории этого стола, подавались самому гофмаршалу, министру императорского двора, когда он находился в Петербурге, обер-гофмейстерским и свитским фрейлинам. Имели также право получать довольствие с этого стола военные, дежурившие при Николае II, и офицеры, несшие в этот день караульную службу при дворце. Лица, представлявшие императорской чете и не удостоившиеся личного приглашения к высочайшему столу, завтракали за столом гофмаршала в его присутствии¹⁸⁵.

Одной из производных от статуса стола стало широко бытовавшее понятие гофмаршалского завтрака. Так, согласно мемуарам, в 1877 г. «во дворце после представления свиты последовал фамильный завтрак, а для всей свиты — гофмаршалский»¹⁸⁶.

Во времена Александра III после доклада императору в его рабочем кабинете Гатчинского дворца, посетителя, «прежде чем отпустить... из кабинета с милостивым пожатием руки, государь, подойдя к рабочему столу, надавил ногой находившуюся под ним пуговку, должно быть, от электрического звонка... это послужило сигналом, чтобы предложили ему позавтракать, когда он выйдет из кабинета. Так и было сделано. Завтрак был вкусный и сытный, водка в маленьких графинчиках, с расчетом по две рюмки на одного с *vis-à-vis*, и две порционные бутылочки: красного и еще какого-то крепкого вина, хереса или мадеры. За общим столом... сидели всего три или четыре osoby. Должно быть, это были дежурные придворные чины, в форме исключительно военной»¹⁸⁷. Это описание гофмаршалского стола дано «разовым» докладчиком, которого чем бы ни накормили во дворце, все было замечательным.

Завсегдатаи императорских резиденций оценивали качество гофмаршалского стола достаточно противоречиво. С одной стороны, крупный чиновник Министерства двора генерал А. А. Мосолов считал, что гофмаршалский стол «мало чем отличался от стола государя. Может быть, подавали немного меньше фруктов и ранних овощей». Действительно, было бы странно, если бы плохо кормили руководителя канцелярии министра

императорского двора или гофмейстера, который ведал императорской кухней. С другой стороны, С. Ю. Витте придирчиво заметил, что «ели при дворе сравнительно очень скверно. Я не имел случая часто бывать за столом императора, но что касается так называемого гофмаршальского стола, то за этим столом так кормили, что, можно сказать, почти всегда, когда приходилось там есть, являлась опасность за желудок»¹⁸⁸. Возможно, такая критическая оценка качества блюд гофмаршальского стола была связана с тем, что честолюбивый мемуарист «не имел случая часто бывать за столом императора».

Были и те, кто не желал садиться за гофмаршальский стол по «политическим» соображениям. Например, председатель второй Государственной думы, один из создателей партии кадетов Ф. А. Головин был принят императрицей Александрой Федоровной в 1907 г. «по должности». И оппозиционному политику предложили отобедать за гофмаршальским столом в Большом Екатерининском дворце: «После приема у государыни камер-фурьер доложил мне, что готов завтрак, но я не счел нужным завтракать без хозяев и уехал на вокзал»¹⁸⁹. Политик просто не знал, что «хозяева» никогда и не появлялись за гофмаршальским столом.

Ко второму классу относились столы для караульных офицеров, дежурных секретарей и адъютантов, дежурных камер-пажей и пажей, некоторых других лиц. Князь П. А. Кропоткин, который в молодые годы обучался в Пажеском корпусе и часто бывал при дворе, упоминал, что «каждый раз, когда мы бывали во дворце, мы обедали и завтракали там»¹⁹⁰.

К третьему классу (общая столовая) относились столы для старших слугителей двора (камер-юнкеры, камердинеры, официанты и ливрейные лакеи). При этом у каждого класса столов была своя кухня, с разным ассортиментом и качеством продуктов, со своими расценками поперсонного питания.

В Зимнем дворце постоянно или временно находились тысячи людей, которых надо было кормить, поэтому кухни занимали значительные площади в цокольном и первом этажах.

Прежде чем говорить о «географии» императорских кухонь, необходимо отметить два важных момента. Во-первых, традиционно наряду с гастроно-

мической составляющей большое значение имел вопрос безопасности питания с точки зрения государственной охраны. Ведь редко о ком из русских монархов XVI–XVIII вв. не говорили, что они отравлены — по легендам, травили их либо питьем, либо яствами. Поэтому в сфере ведения служб, отвечавших за безопасность царей и императоров, кухня входила традиционно. В первой половине XIX в. ситуация изменилась: эпоха дворцовых переворотов ушла в прошлое; указ Павла I «Об императорской фамилии» 1796 г. восстановил жесткую преемственность власти по мужской линии; не менее важным было и то, что Павел I оставил после себя четырех сыновей. Таким образом, к началу правления Николая I кухня как фактор риска утратила свое значение и контролировалась лишь по традиции. Так, в Зимнем дворце с конца XVIII в. одновременно работало несколько кухонь — для каждого из живущих во дворце членов императорской фамилии. При этом дань этой традиции была настолько устойчивой, что вплоть до 1917 г. на нее никто не покушался.

Во-вторых, на протяжении десятилетий хозяйственные подразделения дворца пытались решить сложную техническую задачу: приготовленные блюда требовалось как можно быстрее подавать на стол, а следовательно, кухня должна была находиться непосредственно во дворце, но в то же время постоянно существовало стремление вывести кухню с ее чадом, запахами и суетой за пределы парадной резиденции. Елизавета Петровна, а за ней и Екатерина II пытались решить эту проблему в Зимнем дворце. Елизавета Петровна издала распоряжение, а Екатерина II в марте 1763 г. его подтвердила — о выведении из Зимнего дворца кухонь и различных служб: «Во дворце кухням не быть, только для разогревания кушаний, ибо от тех кухонь в том дворце будет происходить великая нечистота и нехороший дух»¹⁹¹. Однако императорские кухни так и остались в Зимнем дворце, несмотря на «великую нечистоту и нехороший дух».

Самый большой кухонный комплекс Зимнего дворца — императорский располагался в помещениях первого и полуподвального этажей, сгруппированных вокруг внутреннего дворика северо-восточного ризалита. До сих пор бытует старое название этого дворика — Кухонный, в преж-

ние времена его нередко именовали также Черным, а теперь это название проезда между Зимним дворцом и Малым Эрмитажем. В подвале кухни хранились продукты, вода, уголь, дрова, лед, а также находились жилые помещения.

Названия помещений кухни отражали их функциональное предназначение: пирожная, мундкохская, или собственная кухня его императорского величества, супермейстерская, расходная кухня, портомойня. Далее вдоль Расстрельевской галереи, под залами Военной галереи героев 1812 г. располагались помещения кухни императрицы Марии Федоровны (жены Павла I). Следует особо отметить, что повара переезжали из дворца во дворец вслед за своими хозяевами — соответственно, в каждой из резиденций было несколько помещений, предназначенных под кухни. На этих кухнях повара работали по сложному графику, готовя еду только для своих господ.

Надо подчеркнуть, что персонал, работавший во дворце (придворно-служители), подбирался очень тщательно. Не редким было наследование должностей детьми, выросшими и воспитанными при дворце, это была каста и достаточно закрытая. Поэтому занятие штатной должности, как правило, являлось результатом длительной службы и высоко ценилось персоналом.

На кухне, как и в других дворцовых частях, существовала своя иерархия штатных должностей. При этом некоторые из дворцовых частей, формально не входя в состав кухни, были непосредственно связаны с ней своими прямыми функциональными обязанностями. Например, персонал мундшенкской части («мунд» — рот, то есть буквально «подающие в рот», накрывающие обеденный стол) насчитывал шесть мундшенков, 12 помощников и 12 работников — всего 30 человек. В кофешенскую часть (приготовление кофе, чая и шоколада и, соответственно, обслуживание) входили шесть кофешенков, 12 помощников, 12 рабочих — всего 30 человек. В тафельдекерскую часть (накрывали и сервировали столы) входили шесть тафельдекерей, 12 помощников и 12 рабочих — всего 30 человек. Можно только догадываться, какой высочайшей квалификацией должны были обладать эти люди, прошедшие ступенька за ступенькой всю иерархическую лестницу своей части.

Императорская кухня была большим и сложным механизмом. Ее структура включала в себя три части, сфера ведения каждой из которых определялась ее специализацией.

Кондитерская часть

Первая — кондитерская часть, где работали, соответственно, кондитеры (четыре человека), их помощники (восемь человек) и работники (восемь человек) — всего 20 человек. Продукция кондитерской части пользовалась большим спросом на всех уровнях: например, в 1850-х гг. для собственного стола императрицы Александры Федоровны из кондитерской ежедневно отпускаясь конфеты (две тарелки на 1 рубль 72 копейки в день) и мороженое (две тарелки на ту же сумму).

Естественно, что для продукции кондитерского цеха в придворных сервизах были предусмотрены особые предметы. Так, в 1776 г. Екатерина II заказала сервиз на Севрской мануфактуре на 60 персон, состоящий из 800 предметов: в этом сервизе было 10 ваз для льда с ручками в виде замерзшего фонтана и 116 чаш для мороженого. Кроме того, в комплект сервиза входило 12 специальных подносов, на каждом из которых умещалось по семь чаш с мороженым, и восемь подносов для шести чаш¹⁹².

Мемуаристы не обошли добрым словом продукцию мастеров кондитерской части, особенно много упоминаний о конфетах и леденцах. Разнообразные кондитерские изделия были обязательной завершающей частью, будь то официальные торжественные обеды или повседневные трапезы. Кроме того, во время любых дворцовых балов выставлялись буфеты, которые предлагали «царское угощение», по большей части, естественно, приготовленное на императорской кухне. Эта практика «царских гостинцев» совершенно не считалась моветоном. По традиции «царские гостинцы» принято было брать со стола, когда императорская фамилия уже удалась из обеденной залы, — и брали очень и очень многие, вне зависимости от чинов и рангов. Один из мемуаристов писал: «Было в обычае, что приглашенные к обеду лица, как

только удалялась царская фамилия, брали со стола фрукты, дабы повезти своим семейным гостинцу с царского стола». Другой отмечал, как в годы его молодости после воскресного обеда у великого князя Михаила Павловича «при отъезде из дворца кадетские кивера наполнялись конфетами»¹⁹³.

Любопытно, что «борьба за царские гостинцы» шла не только среди мещан, но и среди аристократов, которые свободно могли купить подобное лакомство в любом кондитерском магазине — просто обычай привозить из дворца «царские гостинцы» существовал в аристократической среде издавна.

Граф В. А. Соллогуб вспоминал, что когда его бабушка — кавалерственная дама Е. А. Архарова возвращалась с обеда при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны, «весь дом ожидал нетерпеливо ее возвращения. Наконец грузный рыдван вкатывался во двор. Старушка, несколько колыхаясь от утомления, шла, опираясь на костыль. Впереди выступал Дмитрий Степанович, но уже не суетливо, а важно и благоговейно. В каждой руке держал он тарелку, наложенную фруктами, конфетами, пирожками — всё с царского стола. Когда во время обеда обносился десерт, старушка не церемонилась и при помощи соседей наполняла две тарелки лакомою добычею. Гоффурьер знал, для чего это делалось, и препровождал тарелки в пресловутый рыдван. Возвратившись домой, бабушка... садилась в свое широкое кресло, перед которым ставился стол с бронзовым колокольчиком. На этот раз к колокольчику приставлялись и привезенные тарелки. Начинаясь раздача в порядке родовом и иерархическом. Мы получали плоды отборные, персики, абрикосы и фиги и ели почтительно и жадно. И никто в доме не был забыт, так что и Аннушка кривая получала конфекту, и Тулем удаивался кисточкою винограда, и даже карлик Василий Тимофеевич откладывал чулок и взыскивался сахарным сухариком».

Нечто подобное описывал и директор Пажеского корпуса генерал от инфантерии Н. А. Епанчин спустя более чем сто лет: «Александр III был весьма бережлив в расходовании народных денег, и его внимание привлекали даже небольшие расходы в придворном обиходе. Так, государь обратил внимание на значительное количество фруктов, конфет и вообще угощения во время приемов во дворце. Иногда приглашенных было немного, а расход на угощение

выводился очень большой. Государь как-то в беседе с К. П. Победоносцевым упомянул, что по случаю небольшого приема, бывшего недавно во дворце, было показано в счете Гофмаршальской части множество фруктов, конфет и прочего, но что, разумеется, гости не могли уничтожить все это количество. Особенно государь обратил внимание на расход фруктов, считая, что едва ли гости могли съесть несколько штук. На это Победоносцев объяснил государю, что такой расход возможен. Так, например, он сам съел один апельсин, но взял с собою другой и грушу для Марфиньки — его приемной дочери. Многие гости так делают, привозя детям из дворца какое-нибудь лакомство — как бы царский подарок. Государь не знал этого обычая и успокоился. Я сам держался такого обычая и привозил нашим детям, когда они были маленькие, «царские гостинцы»... Особенно детям нравились конфеты придворной кондитерской, да и не одним детям. Эти конфеты имели особый вид — это были леденцы, которые изготовлялись из настоящего фруктового или ягодного сока, а не из эссенций. Иногда конфет во дворце не подавали: например, за завтраком в день Крещения 6 января к этому завтраку а la fourchette приглашались офицеры, участвовавшие в крещенской церемонии»¹⁹⁴.

Княгиня Л. Л. Васильчикова также упоминала, что в детстве она любила смотреть, как одевается ее мать, отправляясь на придворные балы и спектакли, и «мечтала о том, когда я сама подрасту, смогу носить такие красивые драгоценности и набивать себе карманы вкусными леденцами с желтой, красной и синей бахромой, которые нам привозили из Зимнего дворца»¹⁹⁵. Таким образом, «царские гостинцы» высоко ценились не только за великолепное качество, но и за саму их принадлежность к царскому дому.

Вина и пития

Вторая часть императорской кухни занималась «винами и питиями». Ее возглавлял смотритель, у которого были три помощника, делопроизводство вели два писца, а тяжелый труд выполняли работники (восемь человек) — всего 14 человек.

Эта кухонная часть, безусловно, занимала важное место в повседневной жизни императорских резиденций. Понятно, что знатоков и любителей хорошего спиртного при русском императорском дворе традиционно хватало. О внимании к этой части кухонного комплекса говорит то, что в бюджете двора расходы на приобретение спиртного всегда шли отдельной строкой.

Документы 1852 г. свидетельствуют о сохранении традиции пушкинской эпохи начинать обед с сухих вин, а заканчивать холодным шампанским, впрочем, его могли подавать и по требованию гостей перед жарким. Шампанское, естественно, подавалось со льда.

Конечно, императорский погреб располагал самым широким ассортиментом напитков. В 1849 г. только шампанского из погребов Зимнего дворца было выпито 2064 бутылки, в том числе для его величества было выдано 950 бутылок, из коих 213 употребили в январе, во время новогодних праздников. Наиболее популярными марками были «Медок» (красное бордосское вино из района Медока), «Мадера», шампанское разных марок, популярный среди фрейлин «Барзак» (белое бордосское вино из Ле-Бланша), «Шато-Лафит» (бордосское), испанский «Херес», «Го-Сотерн» (белое бордосское вино), «Сен-Жульен» и другие сухие бордосские вина¹⁹⁶. Большую часть этих вин покупали через Английский магазин — первый универсальный магазин столицы, находившийся на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы.

В императорских погребах хранились большие запасы коньяков, водок («французской», «сладкой Ланга», «водки Асорта» водочного заводчика Гартоха), а также измеряемого ведрами (в бочках) «простого вина», то есть хлебной водки, которую выдавали «в порцию» нижним чинам.

В конце 1880-х гг. в дворцовых ведомостях четко фиксировалось, сколько и каких напитков заказывалось в повседневном обиходе императорской семьи. Так, на праздничный предновогодний обед 31 декабря 1885 г. «к собственному обеду с гостями» было заказано 25 бутылок различных алкогольных напитков: пять бутылок вина (две «Мадеры», одна «Хереса» и две «Шато-Лафита»), бутылка шампанского «Цесаревич», две бутылки

с экзотическими напитками с родины императрицы Марии Федоровны («Шлос» и «Аквивит датский») и три бутылки различных водок («Датский джин», кюмель «Кристалль» и «Английская горькая»). На десерт были поданы четыре бутылки ликеров («Чая японского», «Кофейной эссенции», «Шар-треза» и «Мараскина») и даже самодельная наливка от флигель-адъютанта графа С. Д. Шереметева. Кроме спиртных напитков к столу были поданы пиво (три бутылки), хлебный (три бутылки) и яблочный квас (две бутылки). Также предлагались сельтерская и содовая вода¹⁹⁷.

В обычные дни все было гораздо скромнее. Так, уже 1 января 1886 г. к «собственному обеду» было подано всего 10 бутылок: четыре бутылки различных вин (две «Шато-Лафита», по одной «Мадеры» и «Хереса»), бутылка шампанского «Цесаревич», бутылка пива и три бутылки кваса. 17 января 1886 г. к царскому столу в течение всего дня (завтрак, обед и ужин) было подано 11 бутылок, причем спиртного только четыре (по две французского шампанского «Брон-Мутон Сегеж» и мадеры «Крона»), а в остальные семь — различный квас (три яблочного и четыре хлебного кваса).

Напитки могли подаваться по требованию и вне стола, по официальной формулировке «в продолжение дня». Так, 2 января 1886 г. на «собственный завтрак» и «в продолжение дня» были заказаны бутылка «Английской горькой», две бутылки вина («Шато-Лафит» и «Мадера» 1883 г.) и бутылка портвейна «Регенсберг» 1859 г. — всего пять бутылок.

Поскольку в царской семье подрастали мальчики, то спиртное заказывали и они. Например, 1 января 1886 г. в комнаты цесаревича Николая, которому шел 18-й год, было подано по его просьбе две бутылки вина («Шато-Лафит» и «Мадера»), 14 бутылок квасу (12 яблочного и две хлебного) и одна бутылка пива¹⁹⁸. Видимо, в этот день молодежь «отходила» от гуляний. 17 января 1886 г. цесаревичу подали «Лафит № 2» 1883 г. и шампанское «Эль-Бас».

При императорском дворе было установлено «винное довольствие» и для отдельных персон, которые пользовались правом заказывать себе спиртное из дворцовых подвалов в собственные комнаты. Персоны были совершенно разного уровня. Так, камер-юнгфера Марии Федоровны ежед-

невно заказывала себе по бутылке «Шато-Лафита» и пива. Фельдшер Чекувер, которого высоко ценил Александр III, с 1 по 17 января 1886 г. выпил 32 бутылки пива и четыре бутылки «Английской горькой» — в среднем по две бутылки в день.

Следует отметить, что традиция щедрого «винного довольствия» придворных сложилась еще в XVIII в. По словам графа Ф. Г. Головкина, камер-юнкера при дворе императрицы Екатерины II: «Неуместная щедрость препятствовала сбережениям, которые сами по себе казались малозначительными, но взятые вместе заслуживали самого серьезного внимания. Я раз присутствовал при предложении, сделанном императрице обер-гофмаршалом князем Барятинским и касавшемся отмены весьма разорительного, хотя и пышного обычая, подробности которого покажутся даже мало правдоподобными, а именно: при каждой смене службы, то есть через две недели, в комнату каждого из придворных приносили по две бутылки известных марок столового вина и по одной бутылке всякого сорта ликеров, что, насколько мне помнится, составляло шестьдесят бутылок на каждого, не считая английского пива, меда, минеральных вод и прочего. Это расточительство было тем более вопиющим, что никто из нас не дотрагивался ни до каких напитков, кроме шампанского, смешанного с сельтерской водой, которое мы пили в жаркие дни, так что этот обычай приносил пользу только прислуге. Императрица сначала терпеливо выслушала речь Барятинского, а потом оборвала его словами: «Я вас прошу, милостивый государь, никогда не предлагать мне экономии свечных огарков; это, может быть, хорошо для вас, но мне это не приличествует».

При императорском дворе ежемесячно подводились итоги расхода спиртных напитков за месяц. Так, за первую половину января 1886 г. (с 1 по 17 число) было выпито 808 бутылок различных напитков. Из них «Шато-Лафита» — 39, мадеры «Крони» — 49, очищенного вина (проще водки) — 118 бутылок и пива — 602 бутылки. Как свидетельствуют беспристрастные документы, абсолютными лидерами при императорском дворе времен Александра III были «простонародные» водка и пиво. Или водка с пивом. За это же время было израсходовано 39 бутылок 95% спирта, который шел

на хозяйственные нужды, в основном на спиртовки для подогрева кушаний. Ну и наверняка спирт не обходила своим вниманием прислуга.

Шампанское пили разных сортов. Но если за «собственным столом» в 1880-х гг. преобладало отечественное шампанское «Цесаревич», то на публичных балах отдавали предпочтение французским маркам. Император Александр III не стремился навязывать свои вкусы утонченному столичному бомонду. Надо заметить, что шампанское носило марку «Цесаревич» не случайно. При дворе Александра II пили в основном иностранные вина и шампанское, но Александр III, будучи еще цесаревичем, всячески поддерживал отечественных винопроизводителей, в том числе идею разведения виноградников в Причерноморье и Крыму и опыты по выделке шампанского. Став императором, он буквально насаждал в своем окружении отечественные вина и шампанское. Поэтому шампанское, названное в честь наследника Александра Александровича — «Цесаревич», постоянно присутствовало на его столе. Так, на больших балах в январе 1886 г. была выпита 351 бутылка французского шампанского («Генри-Гуле» — 112 бутылок, «Генри-Гуле Сек» — 180 бутылок и «Руинар» — 59 бутылок), а отечественного шампанского «Цесаревич» только 16 бутылок. Можно не сомневаться, что это шампанское было выпито именно за царским столом. Из вин предпочитали мадеру различных сортов («Мадера № 3» — 14 бутылок, «Мадера № 1» — 87, «Мадера» — 29; всего 130 бутылок) и различные вина «Шато» («Шато-Лафит Сегеж» — шесть бутылок, «Шато Розин» — 204, «Шато Икем» — одна и «Эрмитажное» белое вино — 91 бутылка).

Крепкие напитки на столах присутствовали, но немного. Видимо, их ставили «на любителя». На все многолюдные балы в Зимнем дворце в первой половине января 1886 г. было выставлено на столы всего 12 бутылок коньяка и водки (рома — три, коньяка — три, «Английской горькой» — две, бутылка «Столовой водки» и очищенного вина — три). Пиво на балах пили тоже только любители, поскольку его на столах было всего пять бутылок¹⁹⁹.

По традиции, существовавшей с незапамятных времен, все недопитое поступало в полное распоряжение дворцовой прислуги, даже если бутылка оставалась не вскрытой. С этим даже не пытались бороться. Можно только

представить себе «доходы», которые дворцовая прислуга в соответствии со своей «табелью о рангах» распределяла после многотысячных придворных балов.

В конце года обязательно составлялась общая ведомость наличия спиртных напитков в императорских винных погребах, согласно которым наибольшей популярностью пользовались бордосские красные и пенистые вина: «Медок», «Ст. Жюльен», «Шато-Марго», «Шато-Лафит», «Шато-Леовиль», «Бран-Мутон», «Бран-Рояль». Из бордосских белых вин чаще всего пили «Шато-Икем». Очень мало пили десертные вина и херес. Не были популярными и крепкие напитки.

В императорском погребе были и отечественные вина и шампанское, но мало. Есть отдельные указания на бутылки, поставленные из погреба князя П. М. Волконского из Ливадии, вина «переделанные из крымского, собственного разлива», «Крымское простое». Среди 22-х сортов шампанского упоминается и шампанское «Цесаревич», помимо него еще три сорта шампанского поставлялись из виноградарников Ливадии²⁰⁰. В начале царствования Александра III качество этих напитков оставляло желать лучшего, но в первой половине 1890-х гг. они уже на равных конкурировали с лучшими марками европейских вин.

Как правило, всё, что производили виноделы в удельных имениях, потреблялось в императорских резиденциях. Отчасти это было связано с политикой. По свидетельству великого князя Александра Михайловича, «министерство уделов всегда воздерживалось делать надлежащую пропаганду удельному шампанскому «Абрау-Дюрсо», так как опасалось, что это могло бы вызвать неудовольствие во Франции, которая была союзницей России»²⁰¹.

Наряду с благородными винами, шампанским и различными крепкими напитками при императорском дворе пили много пива. На поставки элитных сортов пива заключались контракты сначала с Абрахамом Кроном — родоначальником современного пивоваренного предприятия имени Степана Разина, а после его смерти — с его сыном Федором Абрамовичем Кроном. На некоторые марки пива, кваса и меда заключались контракты с И. М. Глушковым, Е. С. Шпилевым, Платоном Синебрюховым и Арта-

моновым. Мед и лимонад предписывалось подавать преимущественно на маскарадах²⁰².

Судя по счетам, в 1880-х гг. одним из основных поставщиков пива и меда к императорскому двору являлся завод «Бавария», откуда ежемесячно привозились крупные партии во все дворцовые погреба. По этим поставкам можно даже проследить «географию» перемещений высочайшего двора из одной резиденции в другую²⁰³. Так, больше всего пива было выпито в 1890 г. в Зимнем дворце (10 555 из погреба и 5935 из буфета — всего 16 490 бутылок). Это вполне объяснимо, поскольку Зимний дворец оставался парадной резиденцией русских императоров, и самые многолюдные балы и приемы устраивались именно там. При этом максимальное количество выпитого пришлось на январь, февраль и сентябрь 1890 г. Из погреба пиво подавалось к императорскому столу и гостям. Из буфета пиво отпускалось тем, кто жил на половинах Зимнего дворца постоянно и во время традиционных январско-февральских сословных балов.

Вторую позицию занимает погреб Гатчинского дворца, куда за 1890 г. завод «Бавария» поставил 15 295 бутылок. Это тоже объяснимо, поскольку с марта 1881 г. этот дворец стал постоянной резиденцией Александра III, и большую часть года высочайший двор находился именно там. Соответственно, самые крупные поставки пришлись на апрель, май, октябрь, ноябрь и декабрь, то есть время, когда там жила царская семья со своим многочисленным окружением.

Третья позиция по количеству выпитого пришлась на Петергофский погреб — 9485 бутылок, так как в июле и августе царская семья жила в Петергофе. Как правило, июль — самый жаркий месяц в Петербурге, и значительные поставки пива были вполне оправданными.

В эти же месяцы пика достигли поставки в императорский буфет на Балтийском вокзале (4500 бутылок) и Красносельский дворец (2975 бутылок) — всего 7475 бутылок. Все эти бутылки были поставлены и, видимо, употреблены также в два летних месяца — июль и август. В это время многочисленные сановники и военные регулярно ездили с Балтийского вокзала в два места: в Петергоф, ко двору, и в Красное Село, где в это время ежегодно

проводились учения войск Петербургского военного округа. После маневров на Красносельском поле пропыленные офицеры с удовольствием пили холодное пиво. Естественно, пиво было самым востребованным напитком и в императорском буфете Балтийского вокзала. Именно в эти два летних месяца и выпивалось максимальное количество пива: в июле — 6685 бутылок, в августе — 9375 бутылок.

Кухонная часть

Третьим и самым крупным подразделением императорской кухни была кухонная часть, на которой трудились по штату 143 человека. Ее структура была сложной: метрдотелей главной кухни — четыре человека; метрдотелей расхожей кухни — два человека; поваров, их называли по придворной терминологии кохами, — 10 человек на весь придворный штат. Бакмейстеры (шесть человек) были специалистами по запеканию, а братмейстеры (четыре человека) — специалистами по приготовлению жаркого. Имелись и другие специалисты: шесть скатерников, четыре пекаря, два пекарных подмастерья, 22 младших повара, четыре хлебника, а также 35 учеников старших поваров, 12 учеников младших поваров и девять простых работников. Кроме того, кухонный персонал постоянно «усиливали» присланными работниками (12 человек).

Особое положение на кухне занимали мундкохи (10 человек) — повара, готовившие исключительно для императорской семьи. Их должность была вершиной придворной поварской карьеры. На кухне существовала также должность смотрителя, контролировавшего не только деятельность всей кухни, но и соблюдение санитарных и режимных мер.

Периодически кухни ремонтировались, что было связано с обновлением кухонного инвентаря и другими техническими проблемами: например, в феврале 1818 г. приняли решение о переделке кухонь на императорской половине Зимнего дворца из-за того, что тяга печей была плохой и очаги дымили. На ремонт были отведены жесткие сроки — 2,5 месяца, то есть время,

когда весь двор выезжал в пригородные резиденции. Работами руководил архитектор В. П. Стасов. Однако ремонт кухонь императора Александра I и вдовствующей императрицы Марии Федоровны оказался неудачным, поскольку кухонные очаги продолжали дымить. Известный архитектор, попавший под следствие, оправдывался тем, что за неимением времени трубы очагов не были должным образом опробованы и просушены²⁰⁴.

В период царствования Николая II традиция собственных кухонь сохранилась в полной мере. В Александровском дворце Царского Села, который с 1905 г. стал постоянной императорской резиденцией, кухонные помещения располагались в отдельном здании поблизости от дворца (Кухонный корпус) и в подвальном помещении самого дворца. В основном готовили для императорской семьи в Кухонном корпусе. От него для сообщения с дворцом в 1902 г. был построен специальный подземный туннель, который тщательно охранялся. Это было связано с тем, что до Николая II жилые комнаты императорской семьи находились в правом флигеле дворца, и готовые кушанья носили в резиденцию через обширную лужайку. В 1896 г. императорскую жилую половину перенесли в левый флигель, и новым хозяевам резиденции нежелательно было наблюдать из своих окон бесконечную беготню слуг между кухней и дворцом.

Кроме того, в подвале дворца было девять обширных помещений, отведенных для малых кухонь и буфетов. В собственном буфете их величеств варили кофе, кипятили молоко, сливки и шоколад, а в собственной «приспешной» кухне²⁰⁵ готовили блюда, которые надо было подавать на стол только в горячем виде. Для этого в подвальной кухне имелись очаг, пирожная духовая печь, где на Масленицу пекли блины, котел для нагревания воды, вертел и рошпор для приготовления шашлыков на березовых углях.

Несколько буфетов и кухонь обслуживали свиту и прислугу (буфет камер-юнгфер и комнатных девушек; буфет офицеров Сводного полка; собачья кухня; расхожий буфет, или кафешенская; гофмаршальская кухня; столовая; помещение для отпуска вина).

На императорской яхте «Штандарт» также была прекрасно оборудованная отдельная царская кухня-камбуз, оборудованная по последнему

слову техники того времени: электроплита, особая паровая хлебопекарня, электрожаровня с вертелом, отдельное помещение для хранения продуктов. Работали на этой кухне 25 человек поваров и их помощников.

Ключевые работники кухонной части сопровождали императора во всех его передвижениях по стране и за границей. Периодически поварам приходилось работать в форс-мажорных обстоятельствах (жара и полевые условия), но, судя по упоминаниям мемуаристов, они сохраняли необходимый уровень требований. Так, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Александр II завтракал и обедал со всей свитой в палатке, вмещавшей 40–50 человек. Хотя стол был очень простой (за обедом четыре блюда), современник отметил: «По большей части нас кормили хорошо»²⁰⁶.

Таким образом, можно констатировать, что императорская кухня была сложной структурой, в рамках которой существовала жесткая иерархия должностей и специализаций. Организационно дворцовая кухня была построена по западным образцам, включая всю терминологию штатных должностей. Как правило, занятие штатной должности являлось результатом многолетней подготовки. Поэтому утверждения некоторых авторов, что «дежурная смена поваров и их помощников назначалась ежедневно таким образом, что те узнавали о назначении в самый последний момент»²⁰⁷, несостоятельны и не подтверждаются архивными документами.

Организация процесса питания

и его стоимость

Организация процесса питания была строго регламентирована и имела свои нюансы, что определялось личными вкусами и привычками самодержцев, европейскими стандартами и исторически сложившимися традициями. Со времен Павла I по Штату от 30 декабря 1796 г. предусматривались три категории (разряда) столов, о чем уже писалось выше. Однако Положением от 26 октября 1833 г. столы для придворных и придворнослужителей были разделены на шесть разрядов, а по Положению от

15 марта 1852 г. — на пять разрядов. Императорский стол, стоявший вне категорий, отличался от столов первых категорий качеством и количеством фруктов, десертов и вин.

Характерной особенностью императорской кухни являлось то, что повара и весь обслуживающий персонал были подведомственны гофмаршальской части, отвечавшей за организацию питания, а метрдотели, которые определяли кухонную стратегию, нанимались по контракту. Периодически этот порядок меняли — как правило, с целью борьбы со злоупотреблениями. Тогда кухня переводилась под полный контроль гофмаршальской части, с поставщиками заключались долгосрочные контракты и т. д. Но эти меры приводили только к росту злоупотреблений на кухне, и поэтому в 1852 г. от данной практики отказались²⁰⁸. Свидетельством хозяйственной самостоятельности метрдотелей было то, что на дворцовой кухне с 1860 г. обучались поварскому искусству все желающие²⁰⁹. Вплоть до 1917 г. императорская кухня, в целом подчиняясь гофмаршальской части, оставалась хозяйственно независимым подразделением императорского двора под непосредственным руководством метрдотеля. При этом штатное расписание, дисциплинарные, санитарные и режимные вопросы подлежали жесткому контролю гофмаршальской части Министерства императорского двора. Таким образом, императорские кухни в их гастрономической и хозяйственной составляющих были фактически отданы на откуп ведущим кулинарам столицы.

Поскольку императорский двор строился по иерархически должностному принципу, то и средства, отпускаемые на питание «особам и лицам», были различными. Со времен Павла I были установлены жесткие квоты для всех категорий столов, которые и определяли качество питания. Однако к 1826 г. достойно прокормить царскую семью на квоты, назначенные Положением 1796 г., было уже трудно. Поэтому метрдотели постоянно перерасходовали средства, отпущенные на питание царской семьи. Если при Александре I с этим мирились, то Николай I с его стремлением к порядку последовательно боролся. 16 июня 1826 г. метрдотелям был передан высочайший приказ «со строгим подтверждением» соблюдать указанные расценки: им пригрозили, что перерасходованные средства не будут оплачены дворцовым ведомством,

но при этом продолжали требовать, чтобы готовили кушанье «самое лучшее и без недостатка»²¹⁰.

В конце концов, царя все же убедили пересмотреть денежные квоты 1796 г. При этом следует иметь в виду, что 1826 г. был очень «горячим» для Николая I временем: первая половина года — следствие по делу декабристов и их казнь, вторая половина — структурная перестройка управленческого аппарата. Удивительно, что в это время император нашел возможность для личного решения «кухонных вопросов». В результате в декабре 1826 г. Николай I лично определил размеры «трактования», то есть денежных квот, отпускаемых на пищевое довольствие каждого из членов императорской фамилии и их окружения. Министр императорского двора в записке к гофмаршалу Нарышкину подчеркивал, что он получил от «государя императора собственноручную его величества записку о положении, в какую цену должны быть столы для их императорских величеств, для детей их величеств и для разных чинов»²¹¹.

Согласно личной росписи Николая I, на каждого из монарших супругов в сутки выделялось по 25 рублей, то есть пропитание императора и императрицы обходилось казне в 50 рублей в день, если они кого-либо приглашали к своему столу, то гостей кормили из того же расчета²¹² — сумма по тем временам весьма значительная, и император мог требовать от метрдотеля, чтобы «кушанье было самое лучшее и без недостатка»²¹³. Эта сумма включала в себя и спиртное. Хотя сам Николай I совершенно не пил спиртного, он не считал нужным ограничивать в этом отношении свое окружение. Так, в 1826 г. по ведомости мундшенкской части за 17 дней только три фрейлины употребили 95 бутылок различных напитков: «Мальвазии старой» — три, «Мадеры» — три, «Венгерского» — 16, «Сентульену» — 14, водки «Люксовой» — четверть бутылки в день, пива второго сорта — 15, меду белого — 10, меду клюквенного — 10, кислых «штей» — 20 бутылок; итого — 36 бутылок разного вина и четыре бутылки водки²¹⁴.

На детей императора также отпускалось по 25 рублей в сутки. Лично царем были определены и денежные квоты многочисленного персонала, обслуживавшего царских детей. На стол руководителей воспитательного

процесса — генеральши Барановой, полковницы Тауберт, полковника К. Мердера — отпускалось по 20 рублей в сутки. Собственно обслуживающий персонал кормили несколько скромнее: трех англичанок-нянь и трех камер-юнгфер — на 15 рублей, трех дежурных камердинеров, гоффурьера и трех камердинеров их высочеств — на 7 рублей²¹⁵. Итого, по подсчетам самого императора, в сутки стол императорской половины стоил 261 рубль²¹⁶.

Конечно, царским детям должно было хватать всего, однако в воспоминаниях дочери Николая I проскальзывают упоминания, что иногда за детским столом возникали перепалки: «Обедали мы, будучи совсем маленькими, каждый отдельно, с нянькой, позднее же я обедала вместе с сестрою. Обыкновенно это давало повод к частым спорам между детьми и даже между англичанками из-за лучшего куска»²¹⁷. В середине 1830-х гг. на 25 рублей ассигнациями детям готовили «неизменное рыбное блюдо с картофелем», позже стали готовить «суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое»²¹⁸.

В 1835 г. было определено ежегодное финансирование двора будущего императора Александра II: так, только «на стол цесаревича с приглашенными гостями в год» отпускалось 51 310 рублей; «на столы состоящих при цесаревиче лиц» — 43 690 рублей; «на водки, вина, питья и прочее» — 62 500 рублей; «на десерт, фрукты и прочее» — 20 000 рублей; при этом общие расходы по содержанию двора цесаревича составляли 327 000 рублей в год. Стоит отметить, что тогда разрешалось переводить деньги из статьи в статью, но оговаривалась невозможность превышения общей суммы²¹⁹.

В конце 1830-х гг. 25 рублей ассигнациями были пересчитаны на 25 рублей серебром, то есть фактически финансирование детского стола увеличилось в три раза. Таким образом, стол великих княжон составляли: «одно блюдо на завтрак, четыре блюда в обед в три часа и два на ужин в восемь часов. По воскресеньям на одно блюдо больше, но ни конфет, ни мороженого»²²⁰.

Постепенно сложился круг лиц, которых постоянно приглашали к императорскому столу. В январе 1827 г. рядом с императором Николаем I столовались министр императорского двора П. М. Волконский, генерал-адъютант барон И. И. Дибич, дежурные адъютант и флигель-адъютант,

лейб-медик Я. Виллие, прусского двора фрейлина Вильдермет и госпожа Пит. При императорском столе также находились камер-фрау Клюгель, три камер-юнгферы и два камердинера царской семьи, а обслуживали стол и находились рядом в ожидании приказаний шесть официантов, четыре фельдъегеря, четыре дежурных арапа и вестовой.

Положение, введенное в декабре 1826 г., не остановило борьбу «за кухню». Метрдотели, не привыкшие к мелочной опеке, продолжали вести дело так, как они считали нужным. Уже в феврале 1827 г. гофмаршал Нарышкин вновь попытался навести на кухне порядок, поскольку метрдотели в рамках отпущенных сумм перераспределяли стоимость и качество блюд. Гофмаршал докладывал императору: «Метрдотели главной половины хотя и не выходят» из указанных сумм, «но готовят первые в лучшем виде, чем можно приготовить их из этой суммы, которая назначена для оных, для чего готовят припасы от прочих столов, от чего произошли жалобы». В результате было принято решение: «Под опасением строгой ответственности, дабы они впредь ни под каким видом не осмеливались позволять себе таковых самопроизвольных распоряжений и готовили столы как высочайшие, так и прочие точно в ту сумму, которая высочайше определена... в противном же случае будут отвечать за малейшее упущение»²²¹.

Надо заметить, что Николай I не был скуп, просто он любил порядок в немецком понимании — кровь матери-немки и германофильство отца в борьбе «за кухню» проявились в полной мере. В то же время царь, не скупясь, заботился о тех, кто приходил к нему на ранние доклады: так, в январе 1827 г. он распорядился, чтобы для флигель-адъютантов и докладчиков на завтрак с кухни ежедневно доставляли двух пулярок, двух рябчиков, язык и телячью печенку — этот завтрак обходился в 7 рублей 73 копейки²²². Кроме того, поскольку рабочий день Николая I начинался очень рано, царь, предполагая, что его министры не успели позавтракать, распорядился подавать угощение и для ранних докладчиков.

Со временем инфляция способствовала тому, что реальные суммы на питание постепенно уменьшались, и метрдотели были вынуждены урезать число блюд, ассортимент становился более скромным. Руководство гоф-

маршальской части спокойно относилось к уменьшению покупательной способности рубля, считая, что квоты на питание, заложенные Положением 1826 г., имеют достаточный «запас прочности» для обеспечения царского стола всем необходимым. Сокращение числа блюд делалось также для того, чтобы у метрдотелей не было соблазна присваивать выдаваемые им деньги или заказывать на кухне излишнее количество блюд и закусок, вин и десерта, поскольку всё, что не съедалось за столом, по традиции поступало в собственность прислуги и самой кухни.

Поэтому все последующие положения только официально закрепляли сокращение ассортимента при сохранении денежных квот 1826 г. Например, в Положении от 26 октября 1833 г. на питание выделялись те же 25 рублей, но число блюд было официально сокращено: одно блюдо подавалось на завтрак, четыре блюда — на обед в 15 часов и два блюда — на ужин в 20 часов. В 1834 г. были сокращены суммы, отпускаемые на гостей за императорским столом.

Тем не менее стремление к экономии не должно было нанести ущерб престижу императорской власти. И к 1841 г. «стихийно» число обеденных перемен достигло уже десяти блюд: суп, пирожки, холодное, говядина с приправой или зеленью, соус из рыбы, соус из живности, зелень, жаркое («и к оному салат»), молочное или хлебное желе либо крем. Также увеличилось число перемен для ужина: суп, холодное, соус из рыбы. Поэтому в очередном Положении, принятом в 1841 г., вновь предлагалось рассмотреть нормы «по уменьшению суммы на столы и возвышению цен». В результате число обеденных перемен было официально сокращено с десяти до восьми блюд: суп, пирожки, говядина с приправой или зеленью, соус из рыбы, соус из живности, жаркое, молочное или хлебное желе либо крем. При этом если не считать соусы и десерт, обед состоял из супа с пирожками, говядины и жаркого. На одно блюдо меньше стали подавать и на ужин: суп, соус из рыбы или холодное из рыбы. А на десерт фрукты и вино подавались в комнаты только по запискам дежурных камер-фурьеров.

Очередное сокращение в расходовании средств на императорский стол последовало по Положению от 9 марта 1848 г. Согласно этому документу

обеденный стол для императора должен был обходиться всего в 15 рублей ассигнациями (4 рубля 28 копеек серебром), а содержание гостей уменьшилось с 20 (5 рублей 72 копейки серебром) до 15 рублей ассигнациями. Предписывалось «ужинов же вовсе не иметь, а в случае требования отпускать суп и компот»²²³.

По последнему Трактованию от 15 марта 1852 г. для императора и великих князей предусматривались завтрак из четырех перемен, ужин из пяти, обед из шести, включая один или два супа, либо «взамен оного сало, ботвинью или щучину»²²⁴. Для императорского стола деньги метрдотелям выдавались из расчета 9 рублей 20 копеек серебром в день, в том числе на завтрак — 1 рубль 50 копеек, на обед — 4 рубля 65 копеек и на ужин — 3 рубля 20 копеек серебром, но в случае «когда спросится на ужин только суп и компот, полагать на персону 1 рубль 50 копеек»²²⁵.

Во второй половине XIX в. финансовая регламентация деятельности императорской кухни сохранялась в полной мере. Буквально с рождения каждого царского ребенка ставили на довольствие, и каждому из царских детей полагался свой кухонный штат. Когда в 1859 г. был сформирован штат цесаревича Николая Александровича (Никсы), в него вошли семь человек: метрдотель, мундкох, кох, старший и младший ученики коха, хлебник и его ученик. Что касается расходов, то «на стол наследника с приглашенными гостями и чинами, при нем состоящими», отпускалось 27 142 рубля 85 копеек; на сахар, кофе, сливки по кофешенской части — 8571 рубль 43 копейки; на разную провизию и хлеб по тафельдекерской части — 4714 рублей; на водки, вина, пития по мундшенкской части — 17 857 рублей 15 копеек; на десерт, фрукты и прочее по кондитерской части — 5714 рублей²²⁶.

Расходы на малолетних великих князей были несколько скромнее. Когда в 1875 г. будущему Николаю II исполнилось семь лет, на него персонально работали два повара, и «на стол его императорского высочества... с приглашенными гостями» отпускалось 7600 рублей в год, а на вино, водку и прочие пития — 5230 рублей. Семилетний мальчик, конечно, вино и водку не пил, но у него были офицеры-воспитатели. У младшего брата будущего императора — великого князя Георгия Александровича, которому еще не

исполнилось семи лет, также были два повара, но на «вино, водку и прочие пития» отпускалось только 1743 рубля. При этом у младшей сестры братьев при тех же двух поварах «на водку» отпускалось 2389 рублей²²⁷. Когда Георгию Александровичу исполнилось семь лет, на его стол стали отпускать «на водку» те же 5230 рублей, что и у его старшего брата²²⁸. Суммы «на водку» зависели от статуса и численности обслуживающего штата, который водку и вино потреблял весьма охотно.

В 1857 г., в начале правления Александра II, новым обер-гофмаршалом графом Шуваловым была проведена очередная «кухонная реформа»: в целом система отношений между метрдотелями и гофмаршальской частью была сохранена, только поменялись поперсонные расценки.

По сложившейся традиции императорская кухня сдавалась метрдотелям — как правило, иностранцам. При этом по условиям контракта в их распоряжение бесплатно предоставлялись помещения, дрова, освещение, посуда, повара, кондитеры и всякого рода работники. Провизию метрдотели приобретали за свой счет, а плату получали поперсонно: например, за завтраки для взрослых членов императорской семьи, а также для иностранных принцев и принцесс на кухне «брали» по 1 рублю 50 копеек серебром с персоны, за обед — по 4 рубля 65 копеек, а за ужин — по 3 рубля 20 копеек. Для малолетних великих князей и княжон завтрак обходился в 1 рубль 20 копеек, обед — в 3 рубля, а ужин — в 2 рубля. Таким образом, разница между «большими» и «маленькими» персонами за завтрак составляла 30 копеек, за обед — 1 рубль 65 копеек, за ужин — 1 рубль 20 копеек, что было связано не только с количеством блюд, но и с тем, что в расценки закладывалась стоимость спиртного, которого дети, естественно, не пили. Эти расценки действовали на протяжении всего периода царствования Александра II.

В начале правления Александра III по традиции на кухне был проведен пересмотр расценок: опять-таки пытались экономить, поскольку был взят курс на удешевление содержания императорского двора. На кухне это проявилось в том, что на смену иностранным винам и шампанским постепенно пришли отечественные, также было запрещено заказывать за границей обычные продукты — картофель, свинину и сало²²⁹.

Конечно, на кухне не обходилось без злоупотреблений. И хотя это было неистребимо, отдельные кампании по борьбе с этой проблемой периодически проводились. До нас дошло несколько рассказов, в которых рисуются типичные нравы царской кухни. Так, при Александре III его лейб-хирург Г. И. Гирш кормился по расценкам гофмаршальского стола. В начале его службы в середине 1860-х гг. к нему в Петергоф приехали из Петербурга несколько знакомых, и Гирш решил угостить их чаем. Не имея своего хозяйства, он спросил гоффурьера, можно ли сервировать чай для его гостей. Тот ответил, что это вполне возможно, и в назначенное время был подан чай с печеньями, фруктами, конфетами и шампанским, чего Гирш вовсе не просил. На его замечание гоффурьер ответил, что так принято, такие угощения имеют каждое свой номер, а Гирш, по своему желанию, имеет полное право их получать. Однако через некоторое время гофмаршал граф П. К. Бенкендорф при случае шутя намекнул Гиршу, что он, по-видимому, очень любит фрукты, конфеты, шампанское, так как каждый день ему подается угощение номер такой-то. Оказалось, что те, кому это было выгодно, выводили ежедневно в расход на имя Гирша известный номер с того дня, как он попросил чай для своих знакомых.

Мемуаристы упоминают о подобных ситуациях и во времена Николая II. Побывавший однажды на высочайшем завтраке в Петергофе директор Пажеского корпуса Н. А. Епанчин зашел к своему товарищу по Преображенскому полку — дворцовому коменданту генерал-адъютанту П. П. Гессе. Епанчин писал: «Гессе сказал мне, что он сильно раздражен тем, к чему бы давно следовало привыкнуть. «Вот ты был на завтраке. Как ты думаешь, что может стоить завтрак? Рублей десять или что-нибудь в этом роде, а выведут в расход много раз больше». Нужно было иметь честность Гессе, чтобы волноваться по такому поводу, а ведь это случалось ежедневно. Притом государь и его семья отличались простотой жизни и довольствовались самым скромным столом».

Экономия по кухне мало затронула собственный императорский стол, хотя были изменены расценки подававшихся блюд. С 1882 г. завтрак обыкновенный на четыре персоны из четырех блюд обходился в 12 рублей, то есть

по 3 рубля на персону против 1 рубля 50 копеек ранее. За каждую лишнюю персону, приглашенную к императорскому столу, приплачивалось по 3 рубля.

Обед обыкновенный на четыре персоны из пяти блюд стоил 16 рублей, то есть по 4 рубля на каждого обедающего. За каждую лишнюю персону, приглашенную к столу, доплачивалось по 4 рубля. Следовательно, стоимость обеда на человека уменьшилась с 4 рублей 65 копеек до 4 рублей.

За ужин обыкновенный из одного блюда на четырех человек и менее платили за каждого по 1 рублю 50 копеек. Если к ужину приглашалось свыше четырех человек, то за каждую особу платили по 1 рублю. За ужин, состоящий из трех блюд, с персоны брали по 3 рубля. Даже сэндвичи, которые могли заказать дополнительно, обходились по 5 копеек за штуку. Следовательно, стоимость ужина с 3 рублями 20 копеек сократилась до 1 рубля (ужин из одного блюда) или 3 рублей (ужин из трех блюд)²³⁰.

Десерт имел свои расценки. Определялась и стоимость блюд, подаваемых к столу. Так, в 1880-х гг. блюдо мороженого для высочайших столов на 10 персон стоило 4 рубля; для четырех или пяти персон большая тарелка обходилась в 2 рубля 86 копеек; для трех персон малая тарелка — 1 рубль 72 копейки. Завтраки, обеды и ужин по категории «экстра» заказывались по особому соглашению с заведующим кухней.

Таким образом, «поесть» императору по расценкам 1881 г. стоило 9 рублей 35 копеек, а по расценкам 1882 г. — 10 рублей, завтрак стал более плотным.

При заказах завтраков, обедов и ужинов существовали многочисленные нюансы. Так, за обед, заказанный до 12 часов дня, ничего не уплачивалось сверх установленной таксы, с двенадцати до четырех часов дня доплачивалась половина стоимости, а после четырех часов «за срочность» сумма обеда удваивалась. За отказанный завтрак не уплачивалось лишь в случае предупреждения накануне. Были учтены различные житейские ситуации, когда императорская чета завтракала отдельно: если императрица завтракала отдельно от его величества, но в одном дворце, то стоимость завтрака не менялась, однако если в состав завтрака входили блюда, которые дважды подать невозможно, то уплачивалась полуторная цена, то есть 18 рублей,

но в этом случае за лишних персон, до восьми лиц, особой платы уже не производилось.

Для несовершеннолетних великих князей Николая и Георгия Александровичей в 1882 г. завтрак на четыре персоны обходился по 3 рубля с человека; обед на четыре персоны — по 4 рубля с человека, а за каждую приглашенную персону сверх того платили по 2 рубля за завтрак и по 3 рубля за обед. Для малолетних Михаила и Ксении завтрак и обед стоили по 5 рублей, и на непредвиденные расходы предполагалось тратить до 50 рублей в сутки. Таким образом, детей стали кормить значительно лучше: на завтрак денег стали отпускать на 1 рубль 80 копеек и на обед на 1 рубль больше.

В 1885 г. была предпринята очередная попытка провести на императорской кухне радикальные реформы: поперсонная оплата отменена; вновь возвращен порядок, действовавший на дворцовых кухнях до 1852 г., когда все продукты приобретались не метрдотелями, а непосредственно за счет двора гофмаршальской частью и «в количестве, действительно необходимом для фактического довольствия», — сама эта формулировка предполагала, что метрдотели «приворочивали», приобретая излишние продукты. Но несмотря на все усилия начальника Главного дворцового управления генерала К. К. Гернета, организовать при этой системе правильный контроль хранения и распределения продуктов так и не удалось, поскольку «повара и работники стали смотреть на провизию как на доставшуюся на их долю добычу»²³¹. Поэтому от «кухонного эксперимента» отказались, и «поварская антреприза» и оплата по персонам, существовавшая с 1852 по 1885 г., сохранялись вплоть до 1917 г.

После больших балов и других праздников, предполагавших устройство обеденных столов на несколько сотен, а то и тысяч человек, дворцовые повара рассматривали «остатки» со столов как законную «добычу». Няня-англичанка Маргарет Эггер посетила дворцовую кухню во время сезона балов в начале 1901 г. По ее свидетельству, кухня была заполнена владельцами гостиниц и ресторанов, которые на корню скупали предполагавшиеся деликатесные «остатки» с императорского стола. Это были своеобразные фьючерсные

сделки, с известной долей риска, поскольку никто не знал, сколько таких «остатков» будет по факту. Однако рестораторы сознательно шли на риск, ведь императорская кухня была эталоном в Петербурге, и кроме того, многие деликатесы стоили баснословных денег, так как выписывались из-за границы, а их «остатки» продавались с императорской кухни по вполне приемлемым ценам.

При Николае II изменения, безусловно, происходили, но они также были связаны только с поперсонными расценками и числом подаваемых к столу блюд. Один из мемуаристов, описывая повседневную жизнь царской семьи в конце 1890-х гг., утверждал, что на завтрак подавали четыре блюда, а обязательной составляющей как завтрака, так и обеда был суп, обед же состоял из шести блюд²³².

Поскольку продукты и услуги имели свою цену, то высочайший стол в течение года обходился в конкретную сумму, и эти расходы заранее закладывались в бюджет Министерства императорского двора. В 1868 г. «на стол их величеств со свитою на продовольствие» было заложено 464 202 рубля. Отдельной статьёй проходили расходы «на покупку водок, вин и питий»: здесь старались экономить — по смете было заложено 60 000 рублей, но реально потрачено 43 294 рубля, соответственно экономия вышла в 16 705 рублей²³³. При этом общие расходы по Придворной конторе составили 2 718 812 рублей, следовательно, расходы на питание и напитки — более полумиллиона рублей (507 496 рублей или 18,66%).

На протяжении XIX в. в целом прослеживалась тенденция к более экономному содержанию императорского двора, но при этом внешняя сторона парадных обедов оставалась без изменений. Однако все попытки экономии были малоэффективными, что проявлялось в «стихийном» увеличении перемен, подаваемых к столу. Как правило, все «кухонные реформы» сводились к увеличению денежных квот, выделяемых в соответствии со статусом той или иной персоны. Внешний антураж императорских столов при всех сокращениях сохранял привычную роскошь: например, в повседневной практике было обычным использование золотых подтарельников, на которые ставили роскошную фарфоровую посуду.

Безопасность и режимные меры на императорских кухнях

Немаловажным является вопрос безопасности императорской кухни. Так, из архивных документов не просматривается, что над кухней и порядком приготовления блюд для императорского стола был установлен какой-либо особый контроль. Специально приставленный к кухне унтер-офицер являлся «оком» гофмаршала и контролировал общее санитарное состояние кухонь²³⁴, а также порядочность метрдотелей в расходовании отпущенных денежных средств.

Отчасти к вопросам безопасности можно отнести изменения в составе лиц, обслуживавших императорский стол. Сначала за столом прислуживали камер-пажи, а при Александре I их сменили официанты в перчатках, благонадежность которых, безусловно, тщательно проверяли. Как писала одна из фрейлин: «Обед был *in floqui*, за каждым двумя стульями был официант, напудренный, мундир весь в галунах с орлами и в шелковых чулках. За государыней — камер-паж»²³⁵. Кроме того, 30 августа 1856 г. при коронации Александра II был введен новый придворный чин — оберфоршнейдер, обязанностью которого было следить за императорской кухней и сопровождать подносимые к царскому столу блюда под эскортом двух офицеров кавалергардского полка с обнаженными палашами, разделявать мясо и наполнять тарелки императорской четы²³⁶. Утверждения ряда авторов о том, что «члены императорской фамилии несли постоянное дежурство на кухне»²³⁷, просто нелепы и, естественно, не подтверждаются документами.

Тем не менее известны эпизоды, когда продукты, поставляемые к императорскому столу, проверялись методом «химического разложения». Осенью 1852 г. придворный аптекарь Э. Лоренц сообщал управляющему Придворной медицинской частью Я. Виллие, что исследованные им продукты «совершенно без всякой для здоровья вредной примеси»²³⁸. Николай I иногда подчеркнуто любил опуститься до мелочей повседневности — видимо, именно с этим связано его распоряжение в феврале 1853 г. провести

химическое исследование ряда продуктов, которые поставлялись для «стола при высочайшем дворе»: уксуса, оливок, каперсов, французских фруктов в бутылках и пикулей. Причем распоряжением царя подлежали исследованию все места, «где производится продажа пикулей»²³⁹, скорее всего это было связано с постепенным распространением консервов и первыми случаями ботулизма — исследовались прежде всего продукты, подвергшиеся консервированию. Поскольку на то была высочайшая воля, аптекари, проводившие химические исследования, отчитывались перед управляющим Придворной медицинской частью действительным тайным советником и кавалером Яковом Виллимовичем Виллие. В результате проделанной работы аптекари пришли к выводу, что в проверенных продуктах «вредного для здоровья быть не может»²⁴⁰.

Надо заметить, что в то время с консервами, которые только начали входить в повседневную жизнь, было много проблем. Так, в 1863 г. метрдотель Сегера сообщал из Ливадии, что «провизия в жестянках оказалась большею частью негодною к употреблению»²⁴¹. В конце 1870-х гг., когда террористическая угроза, направленная против Александра II, возросла как никогда, химическое исследование продуктов было связано уже с обеспечением безопасности царской семьи: так, в 1878 г. появилось распоряжение об «исследовании водки и конфет», подаваемых к императорскому двору²⁴².

Иногда вводились ограничения на продукты: например, в августе 1848 г. во время эпидемии холеры «за обедом по особому повелению государя не подавали ни стерлядей, ни трюфелей, ни мороженого — из предосторожности против холеры»²⁴³.

Особое питание для членов императорской семьи назначалось только по рекомендации врачей. В 1835 г. по настоянию лейб-медиков цесаревичу было составлено специальное меню завтраков и обедов²⁴⁴: поскольку наследника Александра Николаевича поднимали и кормили завтраком в 6 часов утра, а обедал он только в 16 часов, медики сочли, что это слишком большой перерыв для «16-летнего желудка, имеющего питать юношу высокого роста». Поэтому наследника стали кормить в 11 часов вторым завтраком из двух блюд, приготовленных «обыкновенным, простым способом». Для

жены Николая I — императрицы Александры Федоровны предусматривалось особое «диетное кушанье», обходившееся в 4 рубля 28 копеек серебром в день, что составляло в то время большие деньги. В чем заключалось это питание, из источников неясно.

Несмотря на санитарный контроль, на дворцовых кухнях периодически случались скандалы, становившиеся предметом расследования со стороны министра императорского двора. Так, в 1847 г. на императорский стол была подана форель «дурного качества»²⁴⁵ — имелось в виду, что рыба пахла тинной. Это вызвало сильное раздражение Николая I и вылилось в следственное дело. Иногда такие скандалы приобретали политический характер, поскольку бросали тень на императорскую фамилию. Например, в 1861 г. имама Шамиля, два десятилетия ведшего войну против России, накормили в Красном Селе «дурно приготовленным обедом»²⁴⁶.

Поскольку «режимные» вопросы питания высочайших лиц были тесно связаны с поставками продуктов ко двору, то эти каналы контролировались службами безопасности. Анализ архивных документов показывает, что круг поставщиков императорского двора подбирался тщательно и был весьма стабилен. Утверждения некоторых авторов, будто «большинство поставщиков продовольствия даже не подозревали, что у них закупают продукты для царского стола»²⁴⁷, как минимум не соответствуют действительности. Но надо признать, что по мере роста террористической угрозы первым лицам империи продукты питания для императорского стола старались привозить либо непосредственно из придворных хозяйств, либо закупать у многократно проверенных поставщиков. Например, свежие фрукты и виноград поступали из дворцовых ропшинских оранжерей. Поставляли фрукты и купцы: например, Елисеевы. Молочные продукты доставлялись с собственных елагиноостровской и царскосельской молочных ферм.

Все вновь построенные императорские резиденции немедленно начинали обростать хозяйством, главной задачей которого было обеспечение кухни собственными продуктами. Когда в 1860-х гг. императрица Мария Александровна начала регулярно посещать крымскую Ливадию, возник вопрос о продовольствии: всем было понятно, что возить из Петербурга

продукты за 2,5 тысячи верст немыслимо, поэтому всё необходимое приобреталось на месте. Во время первого визита императрицы в Ливадию в 1861 г. молоко покупали у немецких колонистов, но в последующие годы там была построена своя ферма, для которой купили 30 коров по 24 рубля²⁴⁸. Кухонную посуду для Ливадии изготовили в Петербурге.

Если царская семья покидала Петербург, продукты все равно везли из столицы. Во время путешествия Александра III по финляндским шхерам в августе 1888 г. считалось нормальным передавать из Петербурга с фельдъегерем, который ехал к царю, «чайный хлеб, фрукты, цветы, молочных скот с царскосельской фермы»²⁴⁹; или когда гофмаршал князь В. С. Оболенский телеграфировал из финского г. Або полковнику Гернету: прислать с очередным фельдъегерем 200 бутылок²⁵⁰, 50 штук апельсинов и три окорока вареной ветчины²⁵¹. При этом весовые характеристики этих «посылок» были весьма значительны: 4422 кг, 573 кг, 4045 кг.

Во время отдыха Николая II в финских шхерах свежие продукты привозились из Петергофа на миноносцах. Начальник императорских имений Массандры и Ливадии Н. Н. Качалов «рассказывал, какое огромное количество яиц, молока, сливок и масла требуется ежедневно для двора, а теперь для высылки в Севастополь, пока там царская семья будет находиться на рейде»²⁵².

Такая же практика сохранялась при заграничных поездках императора. Все продукты по возможности везли с собой. За ценой не стояли, поскольку речь шла о безопасности первых лиц страны. Правда, бывали и причуды: так, жена Николая I — императрица Александра Федоровна высоко ценила невскую воду, которую ей возили специальные курьеры даже в Ниццу²⁵³.

Поскольку кроме Александры Федоровны невскую воду за границу никто не выписывал, то об этом эпизоде несколько подробнее. В августе 1845 г. императрица Александра Федоровна в сопровождении дочери выехала на лечение в Палермо. Местная вода ей категорически не понравилась, поэтому из Петербурга каждый день особые курьеры привозили бочонки невской воды, уложенные в специальные ящики, наполненные льдом. Зная это, многие жители Ниццы старались добыть разными путями хоть рюмку невской воды, чтобы иметь понятие о такой редкости. Опытные курьеры

прихватывали с собой лишний бочонок и распродавали воду стаканами и рюмками, чуть не на вес золота²⁵⁴.

В Италии российская императрица жила на широкоую ногу. Кроме привозной невской воды в Палермо из России выписали печников, которые поставили печи: «Русские пекари выпекали наш хлеб, ничто не должно было напоминать Мама́, что она вдалеке от России»²⁵⁵. Также при Александре Федоровне в Италии ежедневно накрывались столы на несколько сотен человек, при этом гости могли унести с собой весь прибор, в том числе и серебряный стаканчик с вырезанным на нем вензелем императрицы. Всё это могла себе позволить только Александра Федоровна, которой Николай Павлович ни в чем не отказывал.

Находясь вне резиденций, монархи по возможности, если это не нарушало приличий, старались «чужого» не есть. Данная практика сложилась еще в XVIII в. Так, в 1826 г. императрица Мария Федоровна, находясь на экзамене в Екатерининском институте, завтракала блинами на Масленицу. По свидетельству мемуариста: «Этот завтрак привозился придворными кухмистерами, и блины точно пекли на славу во дворце»²⁵⁶.

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. был усилен контроль над приготовлением пищи, подаваемой к императорскому столу. Прямых указаний на это нет, но встречаются упоминания, что у Николая II было «собственное» спиртное, которое никому за столом не предлагалось: так, на «Штандарте» он пил только сливовицу, получаемую из Польши, из имения великого князя Николая Николаевича (младшего); во время обеда перед царем стояла бутылка «собственного его императорского величества портвейна», из которой наливали только ему²⁵⁷. Вместе с тем мемуаристы в один голос утверждают, что они не помнят «случая, когда бы императорскому величеству подавали что-либо отдельно от того, что полагалось всем»²⁵⁸.

По традиции все императоры снимали пробы из котла с солдатской пищей. В Александровский дворец такие пробы приносили ежедневно, по очереди от различных подразделений охраны. Естественно, по русской традиции это были не простые пробы. По свидетельству мемуариста, для пробы все бралось «с общего котла, но с хитрецей. В серебряные царские

судки добавлялись разные специи, всё сдабривалось сметаной, подливой, и, безусловно, матросские щи выглядели уже первоклассно»²⁵⁹. Примечательно, что судки с «царской пробой» пломбировались.

Качество блюд

Блюда, приготовленные на императорской кухне, оценивались множеством гостей самого разного уровня, которых приглашали на различные торжества в Зимний дворец. При этом даже балы, как правило, сопровождались застольем. Уровень кулинарных изысков собственного стола и всей императорской кухни определялся главными метрботелями, среди коих были имена европейского уровня. С одной стороны, они делали репутацию царской кухне, а с другой — царская кухня усиливала блеск репутации этих мастеров кулинарии. Так, долгое время при дворе Николая II работал французский (chef) повар-метрботель Пьер Кюба (Subat), которого «вывез» из Парижа гурман великий князь Алексей Александрович. Потом Кюба открыл свой знаменитый ресторан на Большой Морской в Петербурге, а впоследствии возглавил императорскую кухню. Он считался мастером закусок, столь высоко ценимых при дворе. Как писали мемуаристы, Кюба подавал к царскому столу не менее десяти сортов закусок. На этом посту его сменил знаменитый Оливье, обессмертивший свое имя «российским» салатом, который мы по сей день готовим «тазиками».

Пьер Кюба как выдающийся кулинар имел безупречную репутацию. Вместе с тем один из мемуаристов, описывая императорский стол «периода Кюбы», упоминал, что «стол в Ливадии был прекрасный, кормили нас великолепно, но еда эта приедалась очень скоро. Стряпал там известный Кюба, имевший раньше ресторан на Большой Морской... он, конечно, был большим мастером своего дела, но все его кушанья напоминали ресторанный еду, которая в течение продолжительного времени надоедает. Я всегда поражался их величествам в этом отношении и не понимал, как они изо дня в день в течение стольких лет могли ее переносить»²⁶⁰.

Возникали и «технические» проблемы. Поскольку кухни в Ливадии и в других резиденциях находились достаточно далеко от покоев, куда приготовленные блюда подавались на стол, то они остывали, и многие тонкие соусы в разогретом виде просто «погибали». Все попытки создать систему автоматизированной доставки с помощью специальных лифтов не увенчались успехом. Вместе с тем известно, что в Нижнем дворце Петергофа посредине стены столовой, напротив балконных дверей, стоял белый буфет с остекленными полками, в центре которого находились большие двойные двери, маскировавшие лифт. Блюда из кухни подавались на этом лифте²⁶¹.

Кулинарные пристрастия российских императоров

Российские императоры, как и все люди, имели свои кулинарные пристрастия, которые иногда определялись состоянием здоровья или рекомендациями медиков. При этом царские гастрономические предпочтения становились определяющими для императорской кухни, если речь шла о повседневном столе, но для парадного завтрака или обеда меню диктовалось сложившейся традицией или гастрономической модой.

В целом можно утверждать, что российские самодержцы, начиная с Екатерины II, были довольно умеренны в еде. Зачастую их повседневный стол был довольно прост, хотя это, конечно, не исключало гастрономических изысков во время публичных фриштиков, обедов и ужинов.

Мемуаристы донесли до нас «гастрономический распорядок дня» императора Александра I. Об этой стороне его жизни писал весьма компетентный человек — лейб-медик Тарасов, который, вне всякого сомнения, рекомендовал царю те или иные блюда с учетом особенностей организма: «В Царском Селе государь постоянно соблюдал весною и летом следующий порядок: в 7-м часу утра кушал чай, всегда зеленый, с густыми сливками и

поджаренными гренками из белого хлеба... в 10 часов возвращался с прогулки и иногда кушал фрукты, особенно землянику, которую предпочитал всем прочим фруктам... В 4 часа обедал. После обеда государь прогуливался или в экипаже, или верхом. В 9-м часу вечера кушал чай, после коего занимался работою в своем маленьком кабинете; в 11 часов кушал иногда простоквашу, иногда чернослив, приготовляемый для него без наружной кожицы»²⁶². С уверенностью можно сказать, что зеленый чай утром и простокваша с черносливом на ночь — это рекомендации медиков, отвечавших за нормальное пищеварение царя, а вот земляника и чернослив без кожицы — уже гастрономические пристрастия императора.

Следует отметить, что фрукты на императорском столе в зимний сезон были обычным делом, они исправно поставлялись не только из оранжерей в Царском Селе, Гатчине и Ропше, но и из Москвы. При этом для членов царской фамилии существовали некие негласные квоты на поставляемые фрукты, а когда из императорских оранжерей фрукты направлялись к столу какого-либо сановника, это свидетельствовало о его близости к монархам.

Из национальных гастрономических пристрастий Александра I мемуаристы упоминают ботвинью: «Государь Александр Павлович очень был расположен к английскому послу. Раз, говоря с ним о русской кухне, он спросил, имеет ли тот понятие о ботвинье, которую сам государь очень любил»²⁶³. В этой цитате интересен сам факт «гастрономических разговоров» российского императора и английского посла на светском рауте, то есть эта тема считалась вполне светской. Разговор имел довольно комичное продолжение: когда Александр I отправил английскому послу столь любимую им ботвинью, то к столу ее подали разогретой — понятно, что это была уже не ботвинья. И когда император поинтересовался «впечатлениями» посла от этого блюда, дипломат был в большом затруднении.

Иногда гастрономические пристрастия самодержцев с учетом особенностей времени представляли некоторую опасность для их здоровья. Например, Александр I любил чай с медом — дело совершенно обыденное, полезное и безобидное, однако вкусы императора, так или иначе, диктовались его окружению, а чай с медом, как известно, является хорошим пото-

гонным средством. Когда во время балов, кроме всего прочего, подавали чай с медом в серебряных мисочках, декольтированные дамы, танцевавшие в залах и анфиладах Зимнего дворца, где подчас гуляли сквозняки, охотно им лакомились и затем часто простужались, поэтому придворные медики порекомендовали исключить это угощение из меню²⁶⁴.

Александр I после Наполеоновских войн много ездил по Европе, при этом он старался не обременять свой кортеж поварами и обозами с провизией и обходился той кухней, которая попадалась ему по дороге. Однако позже из санитарно-режимных соображений от этой практики постепенно отказались, и со второй четверти XIX в. императоры по возможности ели в дороге «свое».

С именем Александра I связывают появление знаменитых пожарских котлет. Согласно легенде, император во время очередной поездки в Москву остановился поесть в Торжке в трактире Пожарского. В меню значились телячьи рубленые котлеты, которые и заказал император, однако у Пожарского не оказалось телятины. Для того чтобы избежать конфуза, он распорядился срочно приготовить котлеты из куриного филе, которые так понравились царю, что он поинтересовался рецептом котлет, назвав их «пожарскими» — по имени трактирщика²⁶⁵. Это кулинарное изобретение любимо по сей день.

Интересно, что традиционная для дворянского стола зернистая, паюсная или кетовая икра появилась в Европе именно при Александре I. Поначалу иностранцы смотрели на нее как на экзотический продукт: первый консул Бонапарт, которому граф Марков послал зернистой икры, получил ее из своей кухни сваренной, поскольку русский стол в ту пору был мало известен в чужих краях²⁶⁶.

Мемуаристы в один голос подчеркивают кулинарную непритязательность императора Николая I. Французский художник О. Верне, путешествовавший по России с императором в 1842 г., писал родным: «Император — великий трезвенник; он ест только капуста́ный суп с салом, мясо, немного дичи и рыбы, а также соленые огурчики. Пьет одну воду»²⁶⁷. Согласно ведомости 1840 г., Николаю Павловичу ежедневно утром приносили пять соленых огурцов. Он любил гречневую кашу, которую ему подавали в гор-

шочке, а вот дорогие рыбные деликатесы и дичь не особенно уважал. В последние годы жизни Николай Павлович предпочитал овощные блюда, суп из протертого картофеля и компот²⁶⁸ — вне всякого сомнения, «немецкий» суп из протертого картофеля предписал царю его лейб-медик консультант М. М. Манд, который первым ввел в медицинскую практику лечебное голодание «на высшем уровне».

Как следует из архивных документов, обычно Николай Павлович рано утром в кабинете «кушал чай», к которому выдавался фриштик, то есть завтрак, состоявший из кисло-сладкого хлеба, двух круглых булочек и сухарей, а вот каких-либо пряностей император избегал. Дневное довольствие императора предполагало и угощение докладчиков, которое было довольно скромным и включало сахар-рафинад — 2 фунта (819 г., считая в русском фунте 409,5 г.), черный и зеленый чай «фамильный», то есть лучших фирм — по 18 золотников (97 г., считая в золотнике 4,266 г.), кофе ливанский — три четверти фунта (103 г.), а также сливки, различные булки и кренделя (сдобные, сахарные, с анисом, с солью), «витушки» и «палочки». На Пасху в императорском кабинете подавали куличи, а на Масленицу — утренние блины²⁶⁹.

Для трудоголика Николая I повседневные обеды подчас становились продолжением рабочего дня, поскольку на них приглашались двое-трое приближенных. На этих обедах «в узком кругу», без посторонних, продолжали обсуждаться в неформальной обстановке различные рабочие вопросы.

Весьма авторитетный биограф Николая I утверждал, что царь «в обед ел умеренно, на ужин часто кусок черного хлеба»²⁷⁰. Другой мемуарист, подтверждая воздержанность царя в пище, писал, что он «никогда не ужинал, но обыкновенно при проносе соленых огурцов пил ложки две огуречного рассола»²⁷¹. Также со времен Николая I в обиход двора вошли калачи, которые ели горячими в подогретой салфетке, — для их приготовления на царскую кухню доставляли московорецкую воду в специальных цистернах²⁷². Одна из мемуаристок упоминала имя метрдотеля Николая I — некоего Миллера, которому царь приказал, «чтобы за обедом у него никогда не было более трех блюд, что и решительно исполнялось»²⁷³.

Как уже отмечалось, в поездках по стране императоры вполне могли перекусить в трактире с хорошей репутацией. И несмотря на постепенный отказ от этой практики по режимным соображениям, периодически такие эпизоды повторялись если не для самих императоров, то для их близких. Иногда это могли быть и совершенно случайные трактиры. Французский художник О. Верне, сопровождавший Николая I в поездке по России в 1842 г., вспоминал, как во время этой поездки «вдруг император приказал остановиться, вошел в какой-то кабак и через пять минут пригласил нас к обеду. Представь себе тесную деревянную комнату, стол, четыре стула, два подсвечника, самодержавного монарха, двух генералов и художника за капустным супом и непринужденной беседой»²⁷⁴.

При посещении подобных трактиров высочайшими особами некоторые трактирщики буквально «сдирали» за еду немислимые деньги, а императорский статус не позволял торговаться даже императорскому окружению. В такую ситуацию попали сыновья Александра II — Александр и Владимир, когда в августе 1862 г. они ехали в Москву. Воспитатель великих князей записал в дневнике: «Мы обедали на Спировской станции, пригласив к столу полковника Зуева и еще двух офицеров путей сообщения. Обед был замечателен тем, что с нас запросили невероятную цену 360 рублей за 11 человек господ и 10 человек прислуги»²⁷⁵. А буквально через три дня они попали в совершенно иную «гастрономическую ситуацию»: «Обед заказан был в гостинице, находящейся неподалеку от монастыря. Простые щи, каша и жаркое показали великим князьям очень вкусными, а всего более понравилось то, что запросили с нас за все это не более 6 рублей 50 копеек. Это показалось нам очень скромным, особенно сравнительно с теми 360 рублями, которые запросили с нас на Московской железной дороге за один обед»²⁷⁶.

Поскольку при Николае I вошел в моду так называемый английский стиль, то произошли изменения и в блюдах, подаваемых к столу. При консерватизме царской кухни эти «традиции» долгое время сохранялись уже по инерции. Например, старший офицер императорской яхты «Штандарт» и личный друг последней императорской четы Н. В. Саблин вспоминал, что

на яхте офицеры регулярно приглашались к высочайшему столу. По его утверждению, за завтраком, который начинался в 13 часов, в обязательном порядке подавалось так называемое «августейшее блюдо» — английский ростбиф, но его, как правило, не ели. Мемуарист утверждал, что это блюдо как обязательный элемент стола сохранилось еще со времен Николая I. Сестра Николая II упоминала о маленьких булочках с шафраном, которые ежедневно подавались к вечернему чаю. По ее словам, этой традиции неизменно следовали с 1788 г.²⁷⁷

Что касается Александра II, то каких-либо кулинарных пристрастий за ним замечено не было. В целом меню периода его царствования было выдержано в утонченных европейских традициях. Можно только упомянуть, что как страстный охотник он весьма ценил трапезы на свежем воздухе — на игральных картах «охотничьей колоды» придворного художника М. Зичи запечатлено несколько таких сцен. Несмотря на «походность» обстановки, столы в зимнем лесу покрывали крахмальными скатертями и тщательно сервировали. Одна из карт имеет подпись «Незванные гости»: на карте нарисована забавная сценка, когда официанты, спасая стол, вынуждены отбиваться сковородками от лосей, заглянувших «на огонек». На другой карте изображена собственно трапеза: ели стоя или присев на пенек, держа тарелки на коленях. Александр II любил отведать кусок медвежатины или медвежьей печени, приготовленной на углях.

Специально для Александра II в начале 1860-х гг. во время перестройки половины императора в Зубовском флигеле Большого Царскосельского дворца в подвале была оборудована «приспешная» кухня. Главной особенностью всех перестроек стала первичность комфорта по отношению к интерьерным изыскам. Работы вел архитектор А. Ф. Видов. В 1863 г. часть арсенальной комнаты превратили в буфетную, куда приносили еду. Приемную стали использовать для обедов гостей и членов семьи, а чтобы защитить покои от запахов, проникавших с кухни, под комнатами императора были сконструированы особые кирпичные своды на железных балках, переделаны полы в штандартной, приемной, буфетной и арсенальной комнатах, также для борьбы с кухонными запахами в приемной установили вентилятор в

оконный переплет. Техническую реконструкцию подвальной «приспешной» кухни в 1863 г. обеспечивал Ф. Сан-Галли²⁷⁸.

Будучи еще цесаревичем Александр II баловал свою молодую жену: по его приказу осенью в столовую на половине цесаревны ставили в кадке яблоню с плодами, чтобы Мария Александровна сама могла сорвать понравившееся яблоко, а весной приносили корзинки с первой земляникой и другими ягодами.

Александр III был любителем поесть, но при этом время от времени пытался ограничивать себя в еде, поскольку считал, что бесформенный, толстый император дискредитирует привычный благообразный облик русского самодержца. Тем не менее и у него периодически возникало желание поесть в неуточное время. Эта проблема решалась камердинерами: например, в Гатчинском дворце, в комнате «за уборной Александра III», хранились умывальник, два самовара и кастрюля с подставкой, на которой они могли что-нибудь разогреть императору²⁷⁹.

Сохранилась масса мемуарных свидетельств и различных «кулинарных» историй времен царствования Александра III. Царь в пище был умерен и любил простой здоровый стол, а одним из самых любимых его блюд был поросенок под хреном «от Тестова», который обязательно заказывался во время посещений Москвы²⁸⁰. Вместе с тем «упрощать» гастрономические пристрастия Александра III совершенно не следует: хороший стол с тонкими и разнообразными блюдами был совершенно обычным делом в императорских дворцах, а вот «купеческий» поросенок под хреном — редкой экзотикой в стиле «а-ля русс». Один из близких к царю людей упоминал, что «любил он очень соус Cumberland и всегда готов был есть соленые огурцы, которые предпочитал в Москве»²⁸¹.

Из сладкого в молодые годы Александр III предпочитал пастилу и фруктовый мусс, а также горячий шоколад в конце завтрака. А вот качество шоколада, который готовили специально для него, царя часто не устраивало: «Не могу добиться, — сказал он Зедделеру, — чтобы мне подавали порядочный шоколад»²⁸². Надо заметить, что царские «раздражения» за столом могли возникнуть по самым разным причинам: например, во время одного из завтраков император «бросил вилку, удивленный уродством ее формы»²⁸³.

Император был хлебосольным, но рачительным хозяином: он не брезговал лично проверять счета и обеденные калькуляции гофмаршалской части. В Гатчинском дворце обеды проходили на первом этаже в Арсенальной зале неподалеку от сцены и детской деревянной горы, как правило, в музыкальном сопровождении. Обеденное меню состояло из двух частей: на одной половине печатали меню кулинарное, на другой — меню музыкальное. После обеда проходил обычный *sercle* (фр. — круг): императрица Мария Федоровна приветливо всех обходила, а император предлагал курить и выбирать себе спиртное по вкусу.

Во время поездок императорской четы старались брать с собой все необходимое. Для того чтобы у маленьких детей всегда было свежее молоко, на императорской яхте «Полярная звезда» даже оборудовали коровник. В это с трудом можно поверить: элегантная океанского класса яхта — и настоящая корова на борту. Тем не менее это так. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала, что «на борту судна находилась даже корова. Путешествие продолжалось ровно трое суток, и Мамá считала, что без свежего молока никак нельзя обойтись»²⁸⁴. Мемуаристка совершенно точна в своих воспоминаниях, поскольку в «санитарном» описании яхты сказано: «В кормовой части жилой палубы, близ входных наружных трапов, расположены две каюты, из которых левая предназначена для коровы и потому отделана мягкими съемными щитами, обитыми клеенкой; при отсутствии ее каюта приспособляется для жилья: мягкие щиты заменяются обыкновенными деревянными, ставится мебель. Объем (чистый) 358 куб. ф. Правая каюта предназначена для коровницы, но приспособлена для жилья и других лиц»²⁸⁵.

Вне железных правил и традиций императорских резиденций Александр III мог себе позволить некоторые кулинарные вольности, которые во дворцах считались откровенным моветоном. Так, во время поездки на Кавказ осенью 1888 г. император с удовольствием пробовал блюда кавказской кухни, не считаясь с тем, что в них много лука и чеснока: «Вид лука и чеснока привел его в восхищение, и он усердно принялся за него. Императрица заволновалась, она не выносила чесноку и упрекала государя, что подавал дурной пример»²⁸⁶.

Из меню этого путешествия видно, что во время торжественных приемов преобладала европейская кухня. Например, 19 сентября Александру III были предложены: окрошка, суп гороховый, пирожки, осетрина холодная с хреном, пулярда с грибами и земляничное мороженое. На завтрак с офицерами и депутацией во Владикавказе 20 сентября на стол подавали: окрошку, суп по-американски, пирожки, котлеты холодные из севрюги, борделез, филе из фазанов совины, вырезку говядины с пюре из шампиньонов, компот из груш на шампанском; 26 сентября: окрошку, суп графский, пирожные, осетрину холодную, куропаток с капустой, седло баранье с гарниром, груши в желе²⁸⁷.

Поскольку император был страстным охотником, то трапезам на природе, как и при Александре II, уделялось большое внимание. Пока охотники собирались и выезжали на охоту, становясь «на номера», у кухонных служителей были свои заботы. В лес отправлялся целый обоз громоздких экипажей: полевая кухня, ледник, ящики с посудой и провизия. После охоты все ее участники рассаживались за длинным столом, во главе которого сидел Александр III. Сохранилось много фотографий таких обедов на природе: длинный стол был покрыт белой крахмальной скатертью, уставлен дворцовой посудой, хрустальными графинами и рюмками. Спиртного было довольно много. Обычно за царским «охотничьим» столом собиралось до 20 человек, как правило, без мундиров.

Когда охотники возвращались из леса домой, то перед дворцом в Беловеже художественно выкладывали забитую дичь, украшая ее дубовыми ветками, — этот ритуал сложился именно при Александре III. После того как охотники и гости, обсудив наиболее острые моменты охоты, расходились, на площадке появлялся старший повар, который выбирал все то, что признавал нужным для царской кухни. Остальная дичь раздавалась лицам, прибывшим в Беловеж для услуг государю: дичи было так много, что все солдаты охоты, конюхи, конвой не покупали мяса для котлов²⁸⁸.

Современники отмечали некоторые поведенческие и гастрономические особенности Александра III. Например, он не отказывался от подношений «натурой»: «Какая-то старуха из Новгорода доставляла ему пастилу, какой-то князь Аникеев подносил продукты домашнего изделия. Ряд серебряных

чарочек окружал письменный стол. Появлялась уральская икра, которую он любил угощать и даже посылал на дом. Иногда пришлет и осетра исполтинских размеров»²⁸⁹.

В период царствования Николая II придворная кухня следовала традициям, сложившимся еще в первой половине XIX в., при Николае I. Но при этом некоторые порядки, связанные с питанием, восходили ко времени правления Екатерины II. К концу XIX в. императорская кухня в целом следовала европейской гастрономической моде, тон которой задавали французские кулинары. При Николае II императорская кухня возглавлялась французским метрдотелем Пьером Кюба, который провел обучение и стажировку своих русских помощников в лучших кулинарных школах Франции.

Широко известен вклад в кулинарию Николая II. По легенде, именно ему приписывают рецепт закуски, которую гвардейские офицеры именовали «николашкой»: размолотый в пыль сахар смешивался с размолотым в мельнице кофе, этой смесью посыпался тонко нарезанный лимон, которым и закусывали рюмку коньяку.

Сохранились упоминания и о других кулинарных пристрастиях Николая II. По свидетельству фрейлины императорского двора графини С. К. Буксгевден, «сам государь предпочитал простые блюда, простое жаркое и кур»²⁹⁰. На «Штандарте» он любил заказывать жареные пельмени на сковороде, по большому счету в еде Николай II был очень умерен и «никогда не повторял блюд»²⁹¹. Он был хорошим спортсменом и держал себя в форме. Во время летних плаваний на императорской яхте «Штандарт» контроль веса входил в обязательную ежедневную процедуру, когда все члены императорской семьи, кроме Александры Федоровны, взвешивались на больших медицинских весах, а результаты фиксировались в специальном журнале. Сохранилась редкая фотография, на которой на весах стоит Николай II.

Известны и кулинарные предпочтения его жены — императрицы Александры Федоровны, и тоже довольно незатейливые. Например, она любила горячие калачи, завернутые в салфетку. Говоря о «незатейливых» гастрономических предпочтениях российских императоров следует помнить, что их повседневная еда готовилась лучшими поварами России и была весьма

изысканной, поэтому эта непритязательность являлась просто контрастом, на котором окружающие фиксировали свое внимание.

Иногда «незатейливость» в гастрономических предпочтениях шла из детства. Один из чиновников Министерства императорского двора описывает следующий забавный эпизод: находясь в Ливадии, он купил пакет молодой картошки на местном рынке и понес его домой. В резиденции его встретил Николай II и поинтересовался содержимым пакета, а узнав, что там молодая картошка, попросил уступить ее... для императрицы. Можно с уверенностью предположить, что в дни ее юности при небогатом гессенском дворе Аликс часто подавали отварную картошку; любил ее и царь. И когда в ноябре 1899 г.²⁹² в Ливадии Николай II увидел в руках придворного молодую картошку, ему тоже захотелось полакомиться ею, ведь он и сам в юные годы любил печь картошку на костре в саду Аничкова дворца. Когда у него подрос сын — цесаревич Алексей, они не раз пекли картошку вместе в Александровском парке Царского Села.

Императрица Александра Федоровна, как правило, питалась отдельно. Главным образом это было связано с тем, что она предпочитала вегетарианские блюда. Императрица не ела мясо и рыбу, но при этом употребляла яйца, сыр и масло. Фрейлина Александры Федоровны упоминала, что «еда значила для императрицы очень мало. Ела она всегда очень умеренно и в течение многих лет практически была вегетарианкой»²⁹³.

Кроме того, большая часть горячих блюд, подававшихся к императорскому столу, разогревалась на спиртовках или доставлялась в особых паровых грелках. Естественно, эта «подогретость» значительно ухудшала их вкус. Министр императорского двора В. Б. Фредерикс безуспешно боролся с этим «кулинарным саботажем»²⁹⁴. Поскольку императрица часто бывала больна и обедала у себя в комнатах, то для нее и готовили отдельно, прямо в буфетной, на спиртовках. Уже после революции 1917 г. в Ливадии на отдельном столе продолжал стоять сервиз Александры Федоровны с надписью «Сервиз императрицы». Сохранились фотографии, сделанные во время пикника в финских шхерах, на которых видно, что для императрицы также сервировался отдельный маленький столик.

Нелюдимая и замкнутая императрица внесла значительные изменения в устоявшийся придворный церемониал приема пищи. Именно по настоянию Александры Федоровны завтраки и обеды, на которых присутствовали придворные, были сведены к минимуму. Прекратились даже традиционные еженедельные фамильные семейные обеды всех Романовых. А немногие обязательные публичные завтраки и обеды Александра Федоровна либо демонстративно игнорировала, либо своей подчеркнутой холодностью превращала в чисто протокольные мероприятия. У нее была своя логика. По свидетельству мемуаристки: «Однажды императрица ответила настаивавшему на том, что она должна давать званые завтраки и обеды, Фредериксу: «Зачем вы хотите, чтобы я приглашала к себе лиц, дающих мне разные советы, могущие мне принести только вред, и давала этим лицам повод к разным разговорам»²⁹⁵.

Конечно, специалисты гофмаршальской части старались учитывать личные вкусы своих царственных клиентов, но периодически они пытались удивить их изысканными блюдами. Иногда кухня получала прямые заказы на приготовление того или иного блюда. Как отметил один из современников вдовствующей императрицы Марии Федоровны, в Аничковом дворце для нее ежедневно печаталось меню на французском языке, в котором перечислялся десяток блюд — от закусок и антре до десерта. Императрица за столом выбирала, что именно она будет есть. По свидетельству мемуариста, все блюда, значившиеся в меню, подавались одновременно в столовую (кухня была далеко) и подогревались на спиртовых горелках²⁹⁶.

После отречения Николая II для царской семьи были сохранены все привычные «привилегии», но только в стенах Александровского дворца. По-прежнему гоффурьеры на специальных бланках выписывали необходимые продукты к столу «гражданина Николая Романова». Так, 17 апреля 1917 г. к завтраку было выписано: семь яблок, 3 фунта винограда, восемь груш дюшес, шесть апельсинов и полфунта варенья; из спиртного был подан графин вишневого кагора²⁹⁷. Позже фрукты были исключены из меню, поскольку «заключенным такая роскошь не полагалась. Под тем же самым предлогом из комнат убрали все цветы»²⁹⁸.

Меню на французском языке, подававшееся к столу ежедневно, печаталось для семьи Николая II вплоть до его отречения. В ссылке в Тобольск и Екатеринбург были взяты отпечатанные карточки меню, в которые каллиграфическим почерком по-русски вписывались более чем простые блюда, входившие тогда в рацион царской семьи. Так, на обед 19 января 1918 г. были поданы борщ, макароны, картофель, котлеты рисовые, меккский хлеб; на завтрак 16 февраля: борщ, картофель, пюре из репы и рис; на завтрак 17 февраля: щи кислые и жареный поросенок с рисом²⁹⁹. Все это готовил собственный повар Харитонов, который ежедневно получал от солдат необходимые продукты.

Алкоголь на императорском столе

К императорскому столу обязательно подавалось спиртное. Подвалы были богатые. Из свидетельств современников нам известно, что Николай I не курил, не пил вина даже на официальных приемах, устраиваемых в его честь. Во время зарубежных поездок на приемах спиртное он просил заменять стаканом воды, при этом к употреблению спиртного окружающими он был достаточно терпим.

Жизнелюб и гурман Александр II предпочитал французские вина. И отдавал им должное.

А вот император Александр III стал в буквальном смысле жертвой «алкогольного мифа». По прочно прижившейся в общественном сознании легенде, именно пьянство императора якобы стало причиной его преждевременной смерти. Дело в том что после Февральской революции 1917 г. в либеральной прессе началась компания по дискредитации правящей династии — проще говоря, ее поливали грязью. Поэтому в либеральном журнале «Голос минувшего» была перепечатана статья из издаваемой В. Л. Бурцевым в Париже газеты «Будущее» за 1912 г. с воспоминаниями известного физика П. Н. Лебедева. По его словам, он познакомился с начальником охраны царя генералом П. А. Червиным в Страсбурге, где тот гостил у своей сестры,

бывшей замужем за одним из профессоров местного университета. Лебедева скучающий Черевин «возлюбил и беседовал с ним много и откровенно». Бурцев подчеркивает, что ему эти сведения были сообщены Лебедевым «тогда же, непосредственно в половине 90-х годов». Лебедев спрашивал Черевина, справедлив ли слух, будто Александр III крепко пил. Черевин с лукавым добродушием, отвечал: «Не больше, чем я». И далее он рассказывал, что «государь выпить любил, но во «благовремении». Он мог выпить много без всяких признаков опьянения, кроме того, что делался необычайно в духе — весел и шаловлив, как ребенок. Утром и днем он был очень осторожен относительно хмельных напитков, стараясь сохранить свежую голову для работы, и, только очистив все очередные занятия впредь до завтрашних докладов, позволял себе угоститься как следует, по мере желания и потребности... К концу восьмидесятых годов врачи ему совершенно запретили пить и так напугали царицу всякими угрозами, что она внимательнейшим образом начала следить за нами... Сам же государь запрещения врачей в грош не ставил, а обходиться без спиртного ему с непривычки, при его росте и дородстве, было тяжело»³⁰⁰.

В основной же массе мемуарной литературы, изданной как до 1917 г., так и после, упоминаний о пьянстве царя либо нет, либо эти слухи всячески опровергаются. Один из современных биографов Александра III подчеркивает, что он «никогда не злоупотреблял алкоголем, а про него пустили сплетню, ставшую непременно атрибутом многих... сочинений. Он иногда выпивал рюмку-другую водки, настойки или наливки, но ни разу в жизни не был пьян. На официальных приемах почти всегда пил шампанское, разбавленное водой. Из всех напитков больше всего любил квас»³⁰¹. Пишет об этом и один из друзей молодости Александра III — граф С. Д. Шереметев: «Он был воздержан и в питье, но мог выпить много, очень был крепок и, кажется, никогда не был вполне во хмелю»³⁰².

Пожалуй, наибольшего доверия в этой разноголосице заслуживают воспоминания лейб-хирурга Александра III профессора Военно-медицинской академии Н. А. Вельяминова. С одной стороны, это воспоминания врача, который профессионально разбирался в проблеме, а с другой — они

написаны в 1919 г. в голодной и холодной Москве, когда отношение к монархам было уже не столь трепетное: «Во время болезни государя распустили сказку, будто государь очень любил курить и злоупотреблял вином, чем и стремились объяснить его болезнь. Должен сказать, что это совершенная неправда... пил ли он водку за закуской — не помню, кажется, нет, а если и пил, то никак не больше одной маленькой чарочки; за столом он пил больше квас, вина почти не пил, а если пил, то свой любимый напиток — русский квас пополам с шампанским, и то очень умеренно; вечером ему подавали всегда графин замороженной воды, и пил такой ледяной воды действительно очень много, всегда жалуясь на неутолимую жажду. Вообще государь вел очень умеренный образ жизни и если чем-то себе вредил, так это непосильной работой в ущерб сну»³⁰³.

Если собрать мемуарные свидетельства по этой теме в связи с Александром III, то вырисовывается образ типично русского человека, который время от времени «употреблял», особенно в кругу близких ему людей. Будучи 17-летним юношей он проводил опыты по перегонке вина: «После чаю Александр Александрович с большим рвением принялся за перегонку вина по рецепту, данному г-ном Гофманом. Опыт не удался: колба лопнула, и перегоняемая жидкость разлилась по столу»³⁰⁴.

В числе «подношений натурой» Александр III охотно принимал и алкоголь: «Иные приносили ему наливку, другие пастилу или хорошую мадеру, его самое любимое вино. В последние годы он особенно пристрастился к кахетинскому «Карданаху», который я ему доставлял»³⁰⁵. Также Александр III уважал румынское вино «Paluquay», к которому привык во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но действительно любил только мадеру³⁰⁶.

Были у Александра III и свои наименования некоторых напитков: так, анисет, крепкий 42-градусный анисовый ликер, он именовал не иначе как «пердунец». Конечно, это был моветон, но окружение с умилением цитировало эти фразы в мемуарах: «Сколько раз бывало подойдет, нальет вам в рюмку того или другого, большею частью кюрасо»³⁰⁷, или же спросит: «Граф, не хотите ли пердунца?» — и сам нальет рюмочку анисету»³⁰⁸; «После обеда государь угощал коньяком, но я отказался и предпочел curaso (курасайский

ликер). «А вот и пердунец», — сказал государь, показывая на анисет»³⁰⁹. Будучи знатоком и учитывая широкий выбор экзотических спиртных напитков, Александр III мог дать стоящие рекомендации собеседникам: «... подошли к закуске. Государь предложил шотландского whisky»³¹⁰. За «мужским» закусным столом «он любил и других угощать... советует ту или другую водку»³¹¹.

Николай II также не был трезвенником. В молодые годы он периодически здорово «набирался», случалось это и позже. В его дневниковых записях содержится довольно много «алкогольных фиксаций», причем делал он это не без удовольствия. Так, в августе 1904 г. он записал в дневнике: «Объехав все столовые нижних чинов и порядочно нагрузившись водкой, доехал до офицерского собрания». Отчасти это было следствием «представительской работы», поскольку в каждой из многочисленных столовых императору подносили не самую маленькую чарку, которую он «как настоящий полковник» должен был лихо опрокинуть. В августе 1906 г.: «Вернулся к 8 часам домой. Николаша угостил нас отличным обедом в палатке. Пробовал шесть сортов портвейна и слегка надрызгался, отчего спал прекрасно». Видимо, это тоже была гвардейская традиция — слегка «надрызгаться» во время красносельских маневров, причем сделать это в «своей», офицерской, понятной до самого донышка среде.

Следует подчеркнуть, что Николай II свою меру знал и вел себя в этом отношении более чем достойно. Как писала фрейлина императорского двора графиня С. К. Буксгевден, Николай II «пил очень мало вина, маленькую рюмочку водки перед завтраком и небольшую рюмку мадеры во время еды»³¹². Другой очевидец — Н. В. Саблин, офицер императорской яхты «Штандарт», упоминал, что перед началом обеда все желающие подходили к отдельному столику, на котором были выставлены разнообразные холодные закуски. Каждый выбирал бутылку, из которой наливал себе, — обычно выпивали одну-две рюмки. Во время обеда Николаю II наливали из отдельной бутылки пару рюмок портвейна и никого из этой бутылки не угощали, еще царь мог выпить два-три небольших бокала шампанского «Абрау-Дюрсо». Наряду с портвейном царь любил сливовицу из погребов великого князя Николая Николаевича. Остальные пили «замшевую» казенную водку, названную так

потому, что пробка на бутылке была обернута кусочком замши, чтобы водка не приобретала вкуса пробки.

Императрица Александра Федоровна предпочитала вино «Лакрима Кристи» и белое вино № 24. Надо заметить, что «Лакрима Кристи» было довольно дорогим и редким — это марка известного итальянского вина, получившего свое название от сорта винограда, из которого оно изготавливается. Вино светло-красного цвета обладает превосходным вкусом и чрезвычайно приятным букетом. Особо следует отметить, что даже в начале XX в. этого вина выделявали крайне мало, и в продажу оно почти не поступало.

Эти «алкогольные традиции» существовали на протяжении всей жизни императора. Отец Шавельский, который постоянно бывал за столом царя в 1915–1916 гг., писал: «За завтраком подавались мадера и красное крымское вино, за обедами — мадера, красное французское и белое удельное. Шампанское пили только в дни особых торжеств, причем подавалось исключительное русское «Абрау-Дюрсо». У прибора государя всегда стояла особая бутылка какого-то старого вина, которое он, насколько помнится, никому, кроме великого князя Николая Николаевича, не предлагал»³¹³.

Придворные поставщики.

Закупки продовольствия.

Контроль качества продуктов

Поскольку императорская кухня ежедневно требовала огромного количества самых разнообразных продуктов, то несколько слов необходимо сказать о поставщиках императорского двора. И прежде всего о поставщиках продуктов, которые шли к царскому столу.

По положению от 30 декабря 1796 г., принятому при Павле I, основная часть продуктов и напитков закупалась по подрядам от поставщиков на наиболее выгодных для двора условиях. Выгодность условий определялась либо путем анализа рыночных цен, либо дворцовым ведомством организо-

вывались открытые тендеры. Собственные придворные службы, уходящие корнями в натуральное хозяйство, были ликвидированы. Как упразднены и должности винокуров, медоставов, пивоваров, квасовников, купоров и т. д.³¹⁴

Статус официального поставщика императорского двора приобретался в результате длительного и беспорочного сотрудничества с хозяйственными подразделениями Министерства императорского двора. Фирмы, получившие официальное разрешение именоваться поставщиками императорского двора, гордились этим и непременно указывали свой статус. Так, на бланке знаменитого московского купца-булочника Филиппова значилось: «Контора поставщика Августейших дворов в Москве, в Санкт-Петербурге и Туле Почетного Гражданина Ивана Максимовича Филиппова». На тех же бланках была приписка: «Письма и телеграммы прошу адресовать в Придворную пекарню на Тверской Дмитрию Ивановичу Филиппову».

Получить звание придворного поставщика было достаточно тяжело, поскольку отбор велся по широкому кругу критериев. Для тех, кто принимал продукты на императорскую кухню, главными критериями были качество и цена товара. Специалисты из гофмаршальской части внимательно отслеживали среднегородской уровень цен и контролировали, чтобы при закупках продуктов на кухню не было переплат.

Но, как это часто бывает в России, не обходилось без злоупотреблений служебным положением. Начальник канцелярии министра императорского двора А. А. Мосолов отмечал, что когда в 1900 г. он занял этот пост, то обнаружил, что чиновниками министерства являются, как правило, дети камердинеров великих князей. Будучи людьми «со связями», но на скромном жалованье, они шли на различные махинации. Особенно частыми были злоупотребления при пожаловании звания придворных поставщиков. Генералу пришлось, когда он это обнаружил, «хранить переписку по таким делам в письменном столе, под ключом»³¹⁵.

В результате отбора среди поставщиков императорского двора по большей части оказывались предприниматели, известные всей России качеством своих товаров. Одним из таких дельцов являлся московский купец-булочник Филиппов, в деле также участвовали его сыновья. Придворное ведомство

постоянно сотрудничало с Филипповыми: заказы были разные, большие и маленькие. В январе 1890 г. во время визита герцога Эдинбургского пекарней был получен большой заказ с обширной номенклатурой товаров. Но, надо заметить, что тогда цены на хлеб были копеечными в буквальном смысле. Например, в заказе на 14 января 1890 г. по случаю высочайшего бала в Зимнем дворце было предписано поставить шесть калачей по 10 копеек, шесть калачей по 5 копеек и ржаного хлеба по 3 копейки. Иногда в счетах упоминаются выборгские крендели, разные булки и калачи, сушки, сдобные булочки, соломка, плюшки. Редко заказывались большие партии товара: например, при встрече императорской четы в Александринском театре с воспитанницами учебных заведений на угощение было заказано 800 плюшек по 3 копейки и 50 калачей по 3 копейки — всего на 25 рублей 50 копеек³¹⁶.

Поставщики круглый год обеспечивали императорскую кухню свежими овощами и фруктами — естественно, зимние и летние цены отличались на порядок. Фрукты и ягоды из ропшинских садов тоже имели свою цену: так, земляника в мае стоила по 4 рубля за фунт, а в июле — только 40 копеек. У придворных поставщиков покупалось только то, что не выращивалось в императорских ропшинских оранжереях. Например, груша дюшес (десяток) в январе обходилась в 5 рублей, в августе — 1 рубль 75 копеек; мандарины в январе стоили по 2 рубля 50 копеек десяток, а в ноябре — по 3 рубля 50 копеек; апельсины зимой покупали по 80 копеек за штуку³¹⁷.

Некоторые поставки продуктов приобрели характер ежегодных церемоний. Одной из традиций императорского двора было получение ежегодных, традиционных бесплатных подарков: например, от Уральского казачьего войска ежегодно весной поставлялись ко двору икра и рыба первого «царского лова»³¹⁸. Икру солили на месте и тут же отправляли поездом в Петербург. Принимал «подарок» сам царь, а казакам, привезшим икру, жаловались часы. Потом казаки с подношениями шли по высшим сановникам — размер подношений зависел от ранга сановника или служащего. Скажем, начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов получал по пуду икры и пять-шесть рыб длиной с метр³¹⁹, а главная кастелянша Аничкова дворца — «большую жестяную банку паюсной икры»³²⁰.

Видимо, традиция казачьих «презентов» с Урала сложилась в начале 1840-х гг., поскольку в апреле 1842 г. состоялось высочайшее повеление, согласно которому «прогонные», то есть «командировочные» деньги казакам выплачивались из сумм Уральского казачьего войска³²¹.

Николай II в своих дневниках ежегодно фиксировал факт этих традиционных подношений, происходивших в конце декабря или в начале января. Так, в декабре 1895 г., когда Николай II впервые с женой принимал подношение, он записал: «Мы вместе приняли депутацию уральских казаков, привезших икру и балык».

Кроме того, для двора паюсную икру и сушеные фрукты закупали в Астраханской губернии. Бочонки сельди поступали из Архангельска, Керчи, а также от Елисеевых («королевские сельди»). Крестьяне Архангельской и некоторых других губерний из года в год подносили в подарок императору стерлядь и белорыбицу, а приказные Тобольской казенной палаты — нельму. Мясо диких коз поступало из Митава (Елагвы) от Курляндской казенной палаты (Министерство двора платило только за упаковку). Из Волынской губернии поставлялись трюфели — единственные грибы, употреблявшиеся в аристократической кухне. После появления железной дороги некоторые хлебобулочные изделия стали заказывать в Москве: в 1852 г. из Москвы в Петербург привозили пирожки «Матильда».

Поставщиков императорского двора и тех, кто только желал ими стать, привлекали при проведении различных церемониальных торжеств — больших и малых. К числу самых больших торжеств, безусловно, относились коронации. Больше всего шансов зарекомендовать себя в глазах чиновников придворного ведомства было именно в период подготовки и проведения коронационных торжеств, которые являлись важнейшими событиями в политической жизни самодержавной России — коронация придавала окончательную легитимность власти нового самодержца. Важной частью коронации была демонстрация единства царя и народа, поэтому по давней русской традиции каждое торжество сопровождалось массовыми гуляниями и обязательной раздачей «царских гостинцев», а также обильными застольями. Для снабжения продовольствием аристократических праздников и

народных гуляний Министерство императорского двора привлекало сотни поставщиков.

Чиновниками Министерства двора на основании «имевших быть precedентов коронации Александра III в 1883 г.» формировался перечень продуктов для «царских гостинцев», которые предполагалось раздать на Ходынском поле во время коронации Николая II в 1896 г. Угощение для Ходынки было подготовлено следующее: полфунта провесной полукопченной колбасы, сайки из крупчатой муки весом в 1 фунт, вяземские пряники в треть фунта, мешок с тремя четвертями фунта сладостей (шесть золотников карамели, 12 золотников грецких орехов, 12 золотников простых орехов, шесть золотников кедровых орехов, 18 золотников александровских рожков, шесть золотников винных ягод, три золотника изюма, девять золотников чернослива). Сами мешки были бумажные с изображением Николая II и Александры Федоровны. Кроме продуктов и сладостей в подарок входила металлическая кружка, покрытая белой эмалью с красными и синими узорами. На кружке с одной стороны были изображены инициалы царя и год коронации «1896», с другой — двуглавый орел, а ободок кружки вызолочен. Весь «гостинец» (кроме сайки) увязывался в желтый бумажный квадратный платок, на котором были напечатаны с одной стороны вид Кремля и Москвы-реки, а с другой — портреты императорской четы. Для умеющих читать прикладывалась брошюра с описанием увеселений.

Для обеспечения всего перечисленного придворным поставщикам были сделаны громадные заказы. Так, знаменитый московский булочник Филиппов получил заказ на поставку 400 000 саяк; другие поставщики — на поставку 5000 пудов колбасы и 400 000 пряников, сладостей, кружек, платков. На угощение предполагалось выставить 30 000 ведер пива и 10 000 ведер меда. Все это «гулянье» обошлось казне в 339 536 рублей³²². Народное угощение готовилось на 400 000 человек³²³.

Конечно, большую часть заказов на поставки получили представители отечественного бизнеса, однако патриотизм тут ни при чем — все решала цена. И когда австрийский предприниматель предложил изготовить

коронационную кружку за 42 копейки, то этот заказ на 400 000 кружек (168 000 рублей) получил именно он.

«Продовольственная оценка» торжеств была весьма противоречивой. Впрочем, иначе и быть не могло. В дневниковых записях военного министра А. Н. Куропаткина с разницей в один день записано следующее: 19 мая 1896 г. — «По рассказу рабочих, колбаса была гнилая, вместо конфет дали труху из стручков. Пиво было зеленое. Пряники хороши. По рассказам, чины дворцового ведомства сами заготавливали запасы, и они испортились. Колбасы, сложенные на Ходынке, частью попортили крысы»³²⁴; 20 мая 1896 г. — «Продукты одни хвалили, другие бранили, равно и пиво. Говорили, что часть бочек оказались пустыми»³²⁵.

Для царской семьи, многочисленных родственников и гостей во время коронации продукты приобретались у проверенных петербургских поставщиков гофмаршальской части. Молочные продукты везли в Москву с императорских ферм в Царском Селе, Гатчине и Петергофе; ягоды и фрукты — из Царского Села, Гатчины и ропшинских оранжерей; напитки частью были взяты из дворцовых запасов, а частью приобретались у поставщиков. Перевозка продуктов шла ежедневно по железной дороге в вагонах-ледниках.

Однако все приготовления были перечеркнуты ходынской трагедией, в ходе которой погибли около полутора тысяч человек. Планировалось, что подготовленные подарки начнут раздавать в 10 утра 18 мая 1896 г., но из-за давки раздача началась в 6 утра. Дело в том что еще с вечера на Ходынском поле начал собираться народ, шли не только из Москвы, но и из дальних пригородов. Были слухи, что если при раздаче царских гостинцев достанется платок с избой — дадут избу, с коровой — дадут корову и т. д. Когда началась давка, выяснилось, что на Ходынском поле, где проводились маневры войск московского гарнизона, осталось множество окопов и рвов, в которые падали люди, затаптываемые толпой.

Царю немедленно доложили о трагедии. В своем дневнике он записал: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки, и тут произошла страшная давка,

причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек! Я об этом узнал в 10.30 перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12.30 завтракали, и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном «народном празднике». Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и «Славься».

Тем не менее торжества прерваны не были, и все те, кто принимал участие в их подготовке, получили награды. В том числе поставщики и подрядчики: званиями — два человека, орденами — девять человек. Орден Святого Станислава 2-й степени получил купец 2-й гильдии К. Фаберже. Медалей удостоились 70 человек, а 13 человек были отмечены различными подарками на сумму 4800 рублей. Всего были награждены 94 человека³²⁶.

К малым церемониальным торжествам можно отнести ежегодные официальные праздники, проводившиеся в императорских резиденциях. Для их подготовки также требовалось привлечение десятков фирм-поставщиков. Например, ежегодно 26 ноября в Зимнем дворце проводился традиционный прием по случаю Георгиевского праздника — в этот день все георгиевские кавалеры могли посетить Зимний дворец. Пропуском являлся Георгиевский крест, офицерский или солдатский. Соответственно, во время этого праздника накрывалось несколько столов: для нижних чинов, офицеров, духовенства и собственный стол.

В 1884 г. для нижних чинов стол был накрыт на 1600 человек на первом этаже перед Посольской лестницей. Царское угощение было незатейливым, но каждый из георгиевских кавалеров мог унести свой столовый прибор с георгиевской символикой. Заворачивались тарелки и чашки в специально скроенную салфетку. Поскольку праздник проводился ежегодно и по традиционному сценарию, то существовал сложившийся узкий круг поставщиков, обеспечивавших торжество. Так, из магазина Кумберга поставлялась вся посуда с георгиевской символикой — Георгиевский крест на фоне оранжево-черной ленты. В 1884 г. в магазине были заказаны 301 бульонная миска, тарелки глубокие и плоские, стаканы, рюмки, ножи и вилки (всего по 1600 штук) — итого на 2159 рублей. Хлеб заказывали у Филиппова:

1500 калачей по 3 копейки, 1500 булок пеклеванного хлеба по 3 копейки — всего на 90 рублей.

Меню было довольно скромным. Георгиевских кавалеров кормили супом из судака и жареной стерлядью с антоновскими яблоками. Всю рыбу — 38 больших стерлядей — взяли в садке купца Семенова. Рыба обошлась в 390 рублей 20 копеек, при этом купец Семенов еще не имел звания придворного поставщика.

Для главного армейского праздника очень тщательно подбирались напитки. Естественно, военные пили водку и пиво. Водка была пяти видов: «Очищенная водка» и «Английская горькая», «Столовая», «Померанцевая эссенция», «Крымская очищенная». Весь заказ осуществил завод Шритера, который являлся поставщиком императорского двора, что обошлось в 272 рубля. Под водку было заказано 55 ящиков баварского пива — всего 1650 бутылок. Эту поставку обеспечивал Калашниковский пиво- и медоваренный завод, который также не являлся официальным поставщиком двора. Пиво вместе с посудой стоило 176 рублей.

На закуску в магазине «Фруктовой и гастрономической торговли П. А. Стречкова» были закуплены антоновские яблоки (3000 штук), швейцарский сыр, сыр честер, свежая икра (11 фунтов), устрицы голландские (400 штук). Эта фирма была самым давним партнером императорского двора, являясь его поставщиком с 1780 г., то есть со времен Екатерины II. Заказ стоил 150 рублей. В этом же магазине приобреталось все необходимое для супа (мука, рис, подсолнечное масло, варенье, дрожжи, грибы), что обошлось в 217 рублей 80 копеек. Зелень для супа и жареной рыбы (огурцы, свекла, лук репчатый) была закуплена у зеленщика Коровина на 71 рубль 40 копеек. Посуда после торжественного обеда заворачивалась в салфетки, купленные в магазине купца Богданова на 247 рублей 50 копеек. Там же их кроили, за что взяли дополнительно 8 рублей 30 копеек. В итоге весь стол на 1600 человек для праздника георгиевских кавалеров обошелся в 3782 рубля 21 копейку³²⁷.

Проведение праздника было сложной, но хорошо отработанной процедурой, в ходе которой жестко учитывался социальный статус приглашенных.

Поскольку день был тяжелый, то с утра для императрицы Марии Федоровны и ее ближайшего окружения к утреннему чаю подали 30 сэндвичей, холодные закуски на четыре персоны, фунт свежей икры, четыре фунта сыра двух сортов и паровой бульон. Надо признать, что для четырех человек завтрак был очень плотный.

Затем состоялся высочайший завтрак на 40 человек, а параллельно в парадных дворцовых залах — завтрак для полных георгиевских кавалеров на 12 человек, который посетила императорская чета.

Кроме главного обеденного стола на 1600 человек нижних чинов георгиевских кавалеров было еще несколько столов, жестко разделенных на разряды. На втором этаже Зимнего дворца были накрыты обеденные столы на 380 человек для офицеров, удостоенных Георгиевских крестов. Именно там находился стол императорской четы. Обеденный стол для их величеств в 1884 г. был накрыт на семь персон. Императорской чете на торжественный обед подали свежую икру, холодные закуски, четыре порции пожарских котлет, паровой бульон, 100 штук сэндвичей и десятков яиц. Как и у всех, на их столе стояла водка Шритера (на 96 рублей) и пиво Калашникова (на 12 рублей). Пили хлебный квас (на 6 рублей, поставило «Заведение столового хлебного квасу Т. А. Загребина», поставщика двора), сельтерскую и содовую воду (на 6 рублей, поставило «Заведение искусственных минеральных вод А. Верландера», не являвшееся поставщиком). На десерт для царского стола были поданы сливки (на 10 рублей) и печенье (на 225 рублей) из дворцовой пекарни.

При этом собственный и офицерские столы буквально утопали в цветах и зелени. В цветочном магазине А. Ушакова было закуплено 1500 веток ландышей, 2000 гиацинтов римских, 1000 тюльпанов, азалий, хризантем, 100 роз и 300 гвоздик, что обошлось в 1060 рублей, при этом хозяин магазина не являлся поставщиком императорского двора.

В этом же зале был накрыт отдельный стол для цесаревича, на который подан обед на четыре персоны и холодные закуски на трех человек. Поскольку цесаревичу Николаю было тогда 18 лет, то спиртное к его столу не подавали.

На втором этаже дворца отдельно накрыли обед для высшего духовенства на 50 человек. Не забыли и ближайшее окружение императорской семьи: стол по первому разряду — для дежурного флигель-адъютанта; по второму разряду — для казачьего офицера охраны Собственного конвоя; по третьему разряду — для гофурьера, камердинера его величества и юнфер; по пятому разряду угощались чернорабочие, швейцары и лакеи³²⁸.

Для того чтобы одновременно накормить свыше 2000 человек, сил дворцовой кухни было недостаточно. Поэтому для подготовки приема 26 ноября 1884 г. в Зимнем дворце привлекались две кухни — Зимнего и Аничкового дворцов. Одновременно на кухнях работали 67 поваров³²⁹, 56 поденных рабочих³³⁰, 107 человек наемных официантов³³¹, 27 поденных чернорабочих для уборки кухни и смывки посуды³³². Для черных работ привлекались 90 человек нижних чинов от лейб-гвардии Преображенского полка, которым платили за эту «халтуру» по 60 копеек в день — всего 211 рублей. В результате общая стоимость одного официального праздника в Зимнем дворце составила 10 742 рубля³³³.

Таким образом, пышный блеск и изобилие царских застолий обеспечивались усилиями сотен людей, которые были в своем деле профессионалами.

Церемониал приема пищи

Продуманная до мелочей процедура императорских застолий превращала их в важнейшую часть дворцовых церемониалов, при этом подбор блюд свидетельствовал о степени важности и характере церемонии. Например, при крестинах третьего сына Александра II — Владимира, родившегося в апреле, на церемониальном, так называемом «трехклассном»³³⁴ обеде «всем гостям подавали в изобилии малину, землянику и вишни»³³⁵. Именно обилие ягод, поданных к столу ранней весной, делало этот обед исключительным событием.

В регламентирующих документах четко оговаривались все нюансы, связанные с приглашением на «трехклассный» обед и бал в Николаевский

зал Зимнего дворца. Фактически приглашен был весь аристократический, чиновный, военный и политический бомонд Петербурга³³⁶.

Благодаря мемуаристам описаний императорских трапез сохранилось много. Прежде всего необходимо отметить консерватизм самой процедуры, мало менявшейся от царствования к царствованию. Но кое-какие изменения все же происходили: например, на протяжении XIX в. постепенно смещалось время приема пищи. Надо также отметить, что взрослый и детский мир жили в императорском дворце по разным расписаниям.

До 1905 г. большая часть парадных трапез проходила в Зимнем дворце — как правило, в Николаевском и Георгиевском залах, а поскольку они находились достаточно далеко от кухонного комплекса, то для подачи еды и посуды из нижнего этажа использовалась специальная подъемная машина³³⁷. К тому же накрыть столы для нескольких сотен человек было делом весьма трудоемким, а подъемная машина позволяла отчасти решать эти проблемы.

До нас дошло описание парадного обеда в Зимнем дворце начала 1860-х гг., оставленное французским писателем Теофилом Готье: «Двенадцать высоких негров, выбранных среди самых красивых представителей африканской расы, одетых мамлюками в белых тюрбанах, в зеленых куртках с золотыми обшлагами, широких красных шароварах, схваченных кашемировым поясом и по всем швам расшитым сутажом и вышивкой, ходили туда и обратно по лестницам помоста, передавая тарелки лакеям или беря блюда из их рук. Движения негров даже в услужении были полны изящества и достоинства, столь типичных для восточных людей. Забыв Дездемону, эти сыны Востока величественно исполняли свои обязанности, и благодаря им вполне европейский ужин выглядел азиатским пиршеством в лучших традициях. Места не были распределены, и гости расселись за расставленные для них столы по своему усмотрению... два ряда выступающих из кружев женских бюстов, икрящихся бриллиантами, царили вдоль скатертей, выказывая свои прелести любопытствующему глазу, который мог прогуляться заодно и по проборам на светлых и темных волосах, видневшимся среди цветов, листвы, перьев и драгоценных камней. Император переходил от

стола к столу, обращаясь с несколькими словами к тем, кого хотел отметить, иногда присаживаясь и пригубляя бокал шампанского, затем шел дальше. Эти остановки на несколько минут считались большой честью»³³⁸. Примечательно, что писателя больше интересовал антураж обеда, женские бюсты и наряды, а не меню.

Однако сохранилась довольно многочисленная коллекция различных меню, связанных с памятными событиями. Флер мемориальности им придавало и то, что при дворе существовала традиция подписывать меню всем участникам застолья в напоминание о приятно проведенном вечере. Иногда меню даже вкладывалось в рамку и вывешивалось на стену наряду с фотографиями близких. Для повседневных меню использовались карточки, отпечатанные типографским образом, в которые от руки вписывались подаваемые блюда. Для торжественных, церемониальных обедов и завтраков с заранее утвержденным меню карточки печатались в типографии заранее, а эскиз меню (оригинал-макет) оформлялся кем-либо из известных художников. Иногда художники ограниченным тиражом рисовали меню, которые становились уже не только памятью о проведенном вечере, но и настоящим произведением искусства.

Как правило, при императорском дворе меню составлялось на французском языке, однако во время коронации Александра III в 1883 г. карточка меню была не только внешне оформлена в русских национальных традициях, но и написана на русском языке, а сами блюда парадного обеда подобраны с учетом особенностей национальной кухни. Так, коронационный обед 20 мая 1883 г. включал в себя: суп раковый, пирожки, дикую козу, котлеты из кур, заливное из ершей, жаркое, дичь, салат и огурцы, стручковый горох, сладкое хлебное и мороженое. Во время другого обеда ели: борщок и похлебку, пирожки, стерлядей паровых, телятину, заливное, жаркое из цыплят и дичи, спаржу, гурьевскую кашу и мороженое. Во время коронации российских императоров мелочей не было, и эта подчеркнутая «русскость» и в оформлении меню, и в языке, и в подборе блюд (заливное из ершей, гурьевская каша) призвана была в очередной раз продемонстрировать принципиальные изменения в сценарии власти при Александре III.

Послов «по должности» регулярно приглашали к царскому двору на парадные завтраки и обеды. Морис Палеолог, посол Французской республики, коротко зафиксировал в дневнике обстановку последнего парадного обеда, состоявшегося в Александровском дворце 3 февраля 1917 г., буквально за три недели до падения 300-летней династии: «По правде сказать, торжественность выражается только в ливреях, освещении и серебре; меню отличается крайней простотой, совершенно буржуазной простотой, которая составляет контраст всегдашней роскоши императорской кухни, но к которому принуждают моральные обязательства во время войны: густой протертый ячменный суп, гатчинская форель, жаркое из телятины, цыплята жареные, салат из огурцов, мандариновое мороженое»³³⁹. Надо отметить, что это «крайне простое меню» в феврале включало в себя салат из свежих огурцов — оранжереи продолжали зимой исправно поставлять к царскому столу овощи и фрукты, несмотря на хозяйственную разруху, вызванную Первой мировой войной.

Антураж, сопровождавший прием пицци, был очень важен. Украшение стола стало настоящим искусством, и были слуги, специализировавшиеся именно на «дизайне» императорского стола. Удачные находки запоминались современникам: к примеру, жена английского посла при русском дворе времен Николая I отметила в записках, что на нее произвела впечатление не только очевидная гастрономическая роскошь обеденного стола, но и то, что «весь стол был убран васильками, что было очень оригинально и красиво»³⁴⁰.

Следует отметить, что с императорской кухней поддерживали тесные и необходимые связи и другие хозяйственные подразделения гофмаршальской части. Ведь «стол» — понятие комплексное, и надо было не только приготовить, но и соответствующим образом накрыть его, а все необходимое для этого хранилось в специализированных кладовых. Накрытый стол являлся своеобразным произведением искусства: богатый сервиз с императорскими орлами, фамильное серебро, золотые подтарельники, канделябры и огромное количество цветов. Столы для парадных обедов приносились из хозяйственных помещений Александровского дворца. Позолоченные белые неоклассицистические стулья, закрытые желтыми шелковыми чехлами, хранились в

Полукруглом зале расставленными вдоль стены, а когда стульев не хватало, то их приносили из Екатерининского дворца. Столы были закрыты роскошными белыми льняными скатертями с императорскими монограммами.

Посуда хранилась в сервизной кладовой, обслуживавшейся собственным штатным персоналом. Посуду для императорского стола заказывали не только на лучших европейских фарфоровых и стеклянных заводах, но и изготавливали сами. Одним из подразделений хозяйственных служб императорского двора являлся Стеклянный завод, который с 1777 г. производил стеклянную посуду по заказам гофмаршальской части дворцового управления, которая обязана была следить за тем, чтобы в сервизные кладовые регулярно поступали специально изготовленные для них хрустальные сервизы. В конце XIX в. ежегодно для дворцовых кладовых на заводе изготавливалось около 20 000 единиц различной посуды.

Некоторые из сервизов, выставлявшихся на императорских столах, имели свою историю. Например, в столовой Коттеджа в дни торжественных приемов использовался большой парадный «Собственный сервиз» на 24 персоны, изготовленный на Императорской фарфоровой и стеклянной мануфактуре на рубеже 1820–1830-х гг. Первоначально сервиз насчитывал 530 предметов, однако со временем его постепенно «наращивали», и к концу XIX в. он включал уже около 800 предметов. Естественно, посуду периодически били, а утраты немедленно восполнялись по образцам, которые хранились на заводе. В итоге для этого сервиза было изготовлено свыше 5000 предметов.

Серебряных императорских сервизов было много, но судя по архивным документам, «Екатеринославский», «Московский» и «Казанский» серебряные сервизы использовались наиболее часто. Они были подарены Екатерине II провинциальными губернаторами, а ее сын Павел I, сочтя такие подарки слишком богатыми для его чиновников, забрал их в собственный дворец.

Были и другие «именные сервизы», изготовленные на Императорском фарфоровом заводе. По своему качеству и уровню художественных решений эти сервизы не уступали лучшим образцам фарфора Веджвуда, Мейсена и Севра. Так, известный сервиз «Бибигон» использовался только однажды —

при праздновании дня рождения немецкого императора в 1912 г. Дважды в 1909 г. выставлялся «Фиолетовый сервиз» для завтраков. Как правило, «Синий» и «Позолоченный» сервизы использовались для десертов и кофе.

Тем не менее для пополнения коллекции фарфора в Александровском дворце ежегодно на Императорском фарфоровом заводе заказывались новые сервизы. Это было связано с тем, что при пользовании сервизами происходили неизбежные утраты: посуду били и за столом, и на кухне.

В начале XX в. серебряные канделябры по-прежнему ставили на стол, но скорее по традиции, поскольку в это время уже предпочитали использовать электрическое освещение.

Цветы являлись важной частью сервировки стола. Их устанавливали в специальные вазы. По большей части цветы выращивались в императорских оранжереях, но значительная часть закупалась и у придворных поставщиков. Большие корзины, плотно заполненные редкими цветами, устанавливались на столах как подарки от гостей. Букеты украшали изящные ленты с соответствующими случаю надписями — это было давней дворцовой традицией, существовавшей с конца XVIII в.

Тщательно подбиралось музыкальное сопровождение к трапезе. Музыка должна была звучать не только приятно, но и «по поводу» и «к месту», для этого печатались музыкальные меню, которые прилагались к меню гастрономическим. Например, на императорской яхте «Штандарт» музыкальная программа 22 июля 1912 г. была составлена следующим образом: «Старый егерь», марш; вступление к опере «Наполеон и Репнин при Аустерлице» Армсгеймера; «В наших краях», вальс Штрауса; «Фантазия» из мотивов балета «Лебединое озеро» Чайковского; «В горах», Григ.

Следует заметить, что официанты для императорского стола отбирались по росту, чистоплотности, ловкости и приятной внешности — они рассматривались как роскошное дополнение к богатому и разнообразному столу. Официанты были одеты в церемониальную ливрею, белый галстук, перчатки и специальную обувь с несколькими подошвами. Их должность считалась престижной, поскольку они обслуживали императорскую семью и лично царя. Только квалифицированным официантам с безупречной ре-

путацией позволялось прислуживать собственно царской семье. К каждому члену семьи был приставлен свой официант. Они переезжали с семьей из дворца во дворец, занимаясь исключительно своим делом.

Однако сложившаяся при императорских дворцах система чиновного производства прислуги приводила к тому, что у царского стола оказывались в обслуге весьма пожилые люди. При этом прислуга переходила «по наследству» от одного императора к другому: этих людей знали с детства и им прощались промахи, естественные для их возраста. Так, в январе 1902 г. во время большого званого обеда в Зимнем дворце лакей, накладывавший рыбу с блюда императрице Александре Федоровне, внезапно упал, вывалив рыбу на ковер и платье императрицы. Все были в смятении. Лакей выбежал из зала и вернулся вновь с новым блюдом. При этом часть рыбы оставалась лежать на ковре неубранной, и несчастный лакей вновь упал, поскользнувшись на рыбе. Это было уже слишком, и, несмотря на строго церемониальный характер трапезы, все просто легли от хохота.

Официанты и лакеи были самыми информированными при дворе людьми, поскольку их по привычке не замечали, а вино развязывало языки. Министры не гнушались интересоваться у официантов и камердинеров мнением царя по тем или иным обсуждавшимся во время трапезы вопросам.

Следует еще раз отметить, что во время «официальных» завтраков и обедов императоры не столько ели, сколько работали, поэтому даже расстановка столов определялась заранее, с учетом специфики этой работы. В Александровском дворце столы для официальных завтраков устанавливались в Полукруглом зале. Существовало два основных варианта размещения гостей, которые зависели от повода к официальной трапезе или от подбора приглашенных. Круглые столы, за которыми сидели от 10 до 11 человек, устанавливались, когда хозяин предполагал большой контакт и возможность бесед со своими гостями — в этом случае царь переходил от одного стола к другому, присаживаясь на минуту на оставленный для него свободный стул. Это позволяло гостям говорить, что они завтракали вместе с царем.

Длинные полукруглые столы использовали на больших официальных приемах. Размещение за такими столами было жестко формализовано.

В этом случае огромное значение придавалось нюансам, которые были мало понятны посторонним: возраст, влияние, прямая или боковые ветви семейного древа и т. д. Естественно, это создавало официальную обстановку за столом, когда решающую роль играли не взаимные симпатии, а этикет и правила вежливости. Иногда царь сознательно использовал такой вариант, если хотел оградить себя от слишком большого числа контактов.

Перед началом обеда или завтрака холодные закуски подавались в соседний Портретный зал или иногда в Малую библиотеку Александровского дворца. Закуски либо выставлялись на отдельный стол, либо разносились официантами на подносах. Как правило, это были разнообразные копчености, грибы, салаты, икра, для того чтобы закусить выпитую рюмку водки.

Гостей к столу сопровождали лакеи: каждому вручалась схема стола или просто указывалось его место за столом. Музыканты располагались в смежных комнатах, услаждая слух гостей. Первым за стол садился царь.

Николаю II подавали те же блюда, что и остальным гостям. С детства его приучили есть самые простые блюда, как правило, он не вмешивался в составление меню. Пища для императрицы Александры Федоровны готовилась и подавалась отдельно, что было связано как со специальными диетами, предписанными ей докторами, так и с вегетарианской пищей, которой она отдавала предпочтение, к тому же императрица строго следовала церковным постам.

Вне зависимости от повода и «уровня стола» существовал незыблемый порядок тостов. Первый всегда произносили «за здоровье императора», при этом тост поднимался только после первой перемены блюд. Если на обеде или ужине присутствовал император, то он произносил тост за здоровье хозяйки дома³⁴¹.

Кроме торжественных приемов пищи, конечно, были и простые семейные трапезы, но этикет все равно соблюдался довольно жестко, поэтому детей начинали приглашать ко взрослому столу только с 8–10 лет. До этого времени дети являлись ко взрослому столу довольно редко, и их обычно сопровождал кто-либо из воспитателей. Во время этих семейных обедов также соблюдались определенные правила: официанты подавали блюда по

старшинству — сначала императорской чете, а уже затем всем остальным. Кроме того, при дворе не принято было есть поспешно либо съесть всё, что положено на тарелку, — это считалось дурной манерой. Детям подавали в последнюю очередь, когда старшие уже заканчивали трапезу, поэтому они выходили из-за родительского стола полуголодными. При этом дети «никогда не позволяли себе зайти украдкой в буфет и попросить бутерброд или булку. Подобные вещи просто не делались»³⁴². Об этом в своих воспоминаниях писала младшая сестра Николая II.

Совсем маленькие члены семьи Романовых принимали пищу в своих комнатах. Николай I имел много внуков и внучек и был любящим дедом. Загруженный множеством дел, он всегда находил время для них. Более того, он весьма ценил это время, поскольку мог на несколько минут «отключиться» от бесконечной череды дел. Одна из мемуаристок в декабре 1854 г. описывала, как Николай I кормил внучку Марию Александровну: «Император пришел кормить ее супом, как он это делает почти каждый вечер. Вот сюжет для исторической картины: румяный улыбающийся ребенок в лентах и кружевах на высоком стульчике, и рядом самодержец с суровым и строгим профилем, вливающий золоченой ложечкой суп в этот розовый улыбающийся ротик»³⁴³.

Время приема пищи

Определенное время приема пищи существовало всегда, поскольку необходимо было кормить множество людей, но вплоть до конца XVIII в. это было относительно плавающее время.

Император Павел I, стремясь ввести строгую регламентацию в придворную жизнь, первым потребовал неукоснительного соблюдения застольного церемониала. По свидетельству современников, ровно в 9 часов вечера двери из внутренних апартаментов растворялись, и императорская фамилия вступала в Столовый зал. Ужин проходил по строго определенному регламенту. Приглашенные рассаживались на назначенные для них места. Императрица Мария Федоровна всегда занимала место по левую руку от супруга; справа от

императора садились наследник или его жена — великая княгиня Елизавета Алексеевна; напротив — его любимый собеседник граф А. С. Строганов. За каждым стулом впереди стоявших вдоль стены придворных лакеев располагался паж, за столом императора — два камер-пажа в малиновых кафтанах. Каждый паж держал по тяжелой серебряной тарелке, обернутой в салфетку. Хотя сам император был неприспособлен к еде, но в данном случае значение имел именно статус «царского стола», и за плохо подготовленный ужин он мог объявить «высочайшее неудовольствие», что было чревато неприятными последствиями. Однажды недовольный обедом император отправил гофмаршала графа И. А. Тизенгаузена с несколькими придворными служителями из Царского Села в Петербург пешком.

Блюда в таком изобилии следовали одно за другим, что, как вспоминал один из участников этих застолий, «не то чтоб разговаривать, а едва доставало времени отведать кушанья». Когда император Павел I бывал в хорошем расположении духа, он непринужденно шутил и беседовал с гостями, но при этом всегда оставался государем и не допускал, чтобы кто-нибудь нарушал субординацию. Так, к примеру, однажды Ф. В. Ростопчину было поручено «сказать графу Строганову, чтобы жена его была учтивее», поскольку после ужина надлежало гостям выходить в соседнюю комнату и откланиваться.

При Николае I завтракали очень рано, по крайней мере сам император и его сыновья. Детей императора поднимали в шесть-семь утра и через полчаса кормили завтраком. Первоначально время обеда не было четко фиксировано. В 1826 г. обед начинался между половиной третьего и без двадцати минут четыре пополудни. В Положении от 26 октября 1833 г., разработанном обергофмаршалом К. А. Нарышкиным при участии императора, пунктом № 3 определялось: «Время обедов назначать в 4 часа, а для ужинов в 10 часов»³⁴⁴.

В последующие царствования время обеда было передвинуто на более поздние часы, и обед фактически превратился в ужин, при этом термин «ужин» полностью вышел из употребления. При Александре II время начала обеда было передвинуто на 18 часов, а также в традицию вошла еще одна особенность высочайших трапез: официальные завтрак и обед продолжались ровно пятьдесят минут и ни одной минутой меньше или больше. В то же

время император требовал непрерывной подачи блюд. Для быстроты сервировки были придуманы грелки с кипятком: перемену приносили за двадцать минут на серебряном блюде и ставили на паровую грелку. Ритмичность в пятьдесят минут соблюдалась, но соусы погибали.

В царствование Николая II императорская семья собиралась за столом четыре раза в день. Утренний завтрак подавался каждому в апартаменты на выбор: кофе, чай, шоколад, масло, ветчина, яйца, бекон. Император завтракал около 9 часов утра у себя в кабинете; императрица — в своей спальне, часто в постели; дети пили чай в детской. Всем кроме разных сортов хлеба традиционно подавались горячие калачи, завернутые в подогретые салфетки.

В 13 часов сервировался стол для общего завтрака. На закусочном столике наряду со спиртным стояли тарелочки с икрой, балыком, селедкой, маленькими сэндвичами и два-три горячих блюда. Затем, также для закуски, во время которой шла общая беседа, подавались яйца или рыба, мясо белое или темное, овощи, компоты, фрукты и сыр. Потом все следовали к столу, на который выставлялись три блюда, а завершалась трапеза кофе. Следует отметить, что это был первый «официальный» прием пищи, когда семья собиралась вместе и могли быть приглашены посторонние люди и родственники.

Пятичасовой чай подавался в апартаментах. Эта традиция вошла в обиход при императорском дворе со второй четверти XIX в. и сохранялась вплоть до 1917 г. Императрица Александра Федоровна, воспитанная в Англии, при дворе ее бабушки королевы Виктории, традицию пятичасового чая соблюдала неукоснительно. В семье последнего императора сложились и свои традиции. Пятичасовой чай подавался в кабинет императрицы, куда вносили круглый стол. Перед прибором Николая II ставили тарелку с горячим калачом и длинной витой булкой, покрытую салфеткой, тарелку с маслом и серебряный подстаканник. А перед императрицей находились серебряная спиртовая машинка, серебряный чайник и несколько тарелочек с печеньем. В первую и последнюю неделю Поста масло не подавалось, а выставлялись тарелка с баранками, сайкой и две вазочки очищенных орехов. Царь намазывал кусок калача маслом и медленно выпивал стакан чая с молоком. Молоко

и сливки были «свои», их даже во время плавания «Штандарта» доставлял конвойный миноносец из Царского Села или Петергофа. Сливки царь не пил. Затем, закурился папиросой, читал телеграммы и газеты³⁴⁵.

Наконец, в 8 часов вечера обедали. Это был второй официальный прием пищи. Обед начинался супом с пирожками или гренками с сыром, затем подавали рыбу, жаркое (дичь или кур), овощи, сладкое, фрукты и кофе. Но если завтрак по традиции продолжался 50 минут, то обед мог быть дольше — по крайней мере на «Штандарте». Как вспоминал старший офицер «Штандарта» Н. П. Саблин, ужинали не менее 1 часа 20 минут. Во время обеда на яхте играл оркестр балалаечников. Как это ни удивительно, императрица очень любила русскую балалайку. Она обязательно выходила к ужину при параде, в открытом вечернем платье, усыпанная драгоценностями. Некоторые авторы утверждают, что во время войны стол царской семьи стал гораздо скромнее, и вина же к столу не подавали совершенно. Исключение делалось только в тех случаях, когда бывали приглашенные, а надо заметить, что таковые имелись всегда. Дети регулярно пили вино «Сен-Рафаэль», предписанное врачами.

В Александровском дворце постоянной столовой не было. По свидетельству мемуаристки, это устраивало царскую семью, ведь «государь не любил обедать в одном и том же помещении, поэтому обеденный стол несли в ту комнату, в которой ему хотелось потрапезовать»³⁴⁶.

Ужина в нынешнем понимании не было вовсе, но взрослым последний чай могли подать в 11 часов вечера.

Когда Николай II отбыл в Ставку в августе 1915 г., там сложился свой церемониал — также было два «официальных» приема пищи, только несколько смещенных по времени: в 12.30 подавали завтрак, в 19.30 — обед. При этом за столом царя присутствовали постоянный и переменный составы сотрапезников — всего 25 человек. Переменных должностных лиц приглашали к столу императора 4–8 раз в месяц. К постоянным сотрапезникам относились министр императорского двора В. Б. Фредерикс, дворцовый комендант В. Н. Воейков, лейб-медики, протопресвитер армии и флота и начальники иностранных военных миссий. Всех участников трапезы, вне

зависимости от того были они постоянными или переменными, приглашали за стол чиновники гофмаршальской части. Один из мемуаристов вспоминал: «Хотя гофмаршал сразу же объявил мне, что государь повелел всегда приглашать меня к столу, тем не менее перед каждым завтраком и обедом ко мне являлся скороход высочайшего двора Климов с сообщением: «Его величество просит вас пожаловать к завтраку» или «к обеду». Так же было и со всеми прочими»³⁴⁷.

Сама процедура коллективного обеда в Ставке сложилась достаточно быстро. Николай II входил в зал, где в ряд по рангам выстраивались все приглашенные, и коротко кланялся всем. Затем царь обходил присутствующих, здоровался, иногда заговаривал и задавал вопросы. При этом он смотрел собеседникам прямо в глаза³⁴⁸. Собственно трапеза начиналась с того, что император направлялся в столовую, к закусочному столу. За ним входили великие князья и прочие приглашенные. Николай II наливал себе и иногда старейшему из князей рюмку водки. Выпивал ее и, закусив чем-нибудь, обращался к своим гостям: «Не угодно ли закусить?». После этого все приближались к столу, уставленному разными холодными и горячими, рыбными и мясными закусками. Каждый брал себе на тарелку, что ему нравилось, желающие выпивали при этом водки и отходили в сторону, чтобы дать место другим. Царь, стоя с правой стороны стола, около окна, продолжал закусывать. Иногда он выпивал вторую рюмку водки.

В это время гофмаршал каждому указывал на карточке место, какое он должен занять за столом³⁴⁹. Здесь тоже существовали свои правила: Николай II всегда сидел посередине широкой стороны стола; если в Ставке присутствовала Александра Федоровна, то она находилась слева от царя; напротив царя располагался министр двора В. Б. Фредерикс, и на этой же стороне сидели приглашенные из переменного состава. Если в Ставку приезжал кто-либо из великих князей, их сажали на царскую сторону стола.

Завтрак обыкновенно состоял из трех блюд и завершался кофе. Обед — из четырех блюд (суп, рыба, мясо, сладкое), фруктов и кофе. Когда приносили кофе, царь произносил: «Господа, можно курить». В это время император мог накоротке переговорить с кем-либо из гостей. После завершения трапезы все

Часть 4. Окружение российских монархов

выходили в зал и выстраивались в ряд. Николай II вновь проходилась вдоль выстроившихся гостей, разговаривая и прощаясь. Это была единственная в течение дня официальная трапеза императора.

Надо заметить, что не все были довольны качеством приготовления блюд в царской Ставке: «Если принять во внимание затрачивавшиеся суммы, то царский стол оставлял желать много лучшего, причем особенным безвкусием отличались супы. Более избалованных он не удовлетворял. Профессор Федоров был прав, когда он называл князя Долгорукова «ни к черту негодным гофмаршалом»³⁵⁰.

Поздно вечером, «около 11 часов, по русскому обычаю все вновь садились за чай. Император при этом читал газеты и выпивал каждый вечер одно и то же количество стаканов чая»³⁵¹.

Таким образом, императорская кухня была своеобразным государством в государстве. Министерство императорского двора платило метрдотелям деньги, а те, в свою очередь, гарантировали качество блюд, зарабатывая при этом в буквальном смысле весьма дорогостоящую репутацию царского повара. Качество продуктов гарантировалось репутацией поставщиков, которых подбирали очень тщательно. С 1880-х гг. постепенно сложилась практика обеспечения дворцовой кухни продуктами ферм, оранжерей и рыбных садков императорских резиденций. Каждая семья, входившая в состав правящей фамилии, имела свои кухню и кухонный персонал, который сопровождал ее при всех сезонных переездах по дворцам. Меню императорского стола по большей части определялось традициями, сложившимися при дворе.

От статс-дам до фрейлин

Судьба женщин при дворе всегда привлекала внимание общества, поскольку они являлись олицетворением повседневной, непарадной стороны жизни императорских резиденций. Многие из них были свидетельницами важнейших исторических событий, оставив после себя мемуары, письма и записки. Первые публикации воспоминаний фрейлин появились в последней трети XIX в. в журналах «Русский архив» и «Исторический вестник». Именно женский взгляд на события, происходившие в жизни императорского двора, зафиксировал то, что мужчины-мемуаристы сочли малозначачим и не стоящим внимания. Одним из безусловных достоинств «женской» мемуаристики является пристальное внимание к деталям повседневной жизни. Особенно важным являлось то, что бывшие фрейлины трепетно сохраняли памятные для них вещи, как правило, связанные с императорской семьей.

Женщины всегда играли заметную роль на «сцене» российского императорского двора. При этом наряду с любителями блистали и профессионалы, то есть те, кто занимал при дворе штатные должности. Следует отметить, что в России для женщин-аристократок работа на должности в императорской резиденции всегда считалась завидной карьерой: и довольно приличное жалованье, и возможность получить приданое от императора, и завидные

женихи. Все это заставляло родителей всеми правдами и неправдами искать возможности пристроить свою дочь к императорскому двору, и за эти придворные должности держались поколениями буквально мертвой хваткой.

Женские чины и должности

при императорском дворе

Как известно, придворные женские чины были введены Петром I в «Табели о рангах» 24 января 1722 г. С этого времени при императорском дворе постепенно стала складываться иерархия женских придворных званий, таких как обер-гофмейстерина, гофрейлина, статс-дама и фрейлина. Все они указаны не в основной части «Табели о рангах», а в одном из объяснительных к ней пунктов. Старшим в иерархии было звание обер-гофмейстерины — «имеет ранг над всеми дамами». Затем следовали действительные статс-дамы, их ранг шел «за женами действительных тайных советников» (II класс). Действительные камер-девицы были равны рангу жен президентов коллегий (IV класс). И наконец, гофдамы, которые приравнялись в ранге к женам бригадиров (V класс), гофдевицы, приравнивавшиеся в ранге к женам полковников (VI класс), и камер-девицы. Однако на практике уже во второй четверти XVIII в. получила применение несколько дополненная и измененная номенклатура дамских придворных званий: обер-гофмейстерина, гофмейстерина, статс-дама, камер-фрейлина и фрейлина. Окончательно иерархия придворных женских чинов приняла устойчивый характер при Павле I.

Конкуренция на замещение вакантных должностей с жалованьем была очень жесткой, поэтому на предполагаемые вакантные места существовала негласная очередь. Всего при императорском дворе было пять уровней штатных женских должностей.

Во-первых — должность обер-гофмейстерины, являвшаяся вершиной женской аристократической карьеры при дворе. Обычно это звание получали придворные дамы, занимавшие одноименные должности, заве-

От статс-дам до фрейлин

довавшие придворным женским штатом и канцелярией императриц или великих княгинь.

Во-вторых — должность гофмейстерины, введенная в придворную иерархию чинов с 1748 г. Как правило, в гофмейстерины выходили после нескольких лет работы в звании статс-дамы. Это звание считалось весьма почетным, к тому же оно подразумевало ежедневное решение множества текущих проблем на женской половине императорских резиденций. Так, одной из обязанностей было представление императрице дам, явившихся на аудиенцию. Как правило, для приобретения этого звания имела значение не только принадлежность к сливкам российской аристократии, но и многолетняя близость к монархам, работа при императорском дворе. Например, гофмейстерина графиня Юлия Федоровна Баранова была не только подружкой детских игр Николая I, но и многолетней воспитательницей его детей и внуков. А мать декабриста Волконского после подавления восстания 14 декабря 1825 г. не только сохранила за собой должность гофмейстерины, но и продолжила безукоризненно исполнять свои придворные обязанности³⁵².

Практика назначений на должности обер-гофмейстерины и гофмейстерины прекратилась в период царствования Александра III. Надо заметить, что император крайне скупно давал любые придворные должности. Поэтому с 1880-х гг. званий обер-гофмейстерины и гофмейстерины никто не получал, соответствующие должности исполняли лица из числа статс-дам, а при дворах великих княгинь служили дамы, вообще не имевшие придворных званий.

В-третьих — должность статс-дамы, которые составляли вторую по численности группу придворных дам. Как правило, это звание получали супруги крупных гражданских, военных и придворных чинов. Большинство из них принадлежали к родовитым фамилиям, а многие являлись кавалерственными дамами, то есть имели дамский орден Святой Екатерины. При назначении на должность статс-дамы, как правило, жаловался для ношения на груди украшенный бриллиантами портрет императрицы с короной.

Еще одним зримым свидетельством высокого статуса статс-дам было то, что при крещении императорских детей именно они несли царственных

младенцев на специальных подушечках. При Екатерине I состояли четыре статс-дамы, при Елизавете — 18, при императрице Александре Федоровне (жене Николая I) — 38, при императрице Александре Федоровне (жене Николая II в 1898 г.) — 17. Всего за имперский период, то есть за 200 лет, звание статс-дамы было пожаловано более чем 170 женщинам. При этом в списке часто встречаются одни и те же фамилии: 18 статс-дам были представительницами рода князей Голицыных, 11 — Нарышкиных, 8 — Долгоруковых, 6 — Трубецких и т. д. В отдельных случаях это высокое придворное звание жаловалось матерям крупных сановников, лиц, занимавших исключительное положение при дворе.

Следует подчеркнуть, что далеко не все «портретные» статс-дамы получали жалованье по званию. Большинство из них числились в отпуске и появлялись при дворе только в торжественных случаях. Также следует иметь в виду, что звания обер-гофмейстерины, гофмейстерины и статс-дамы могли получить только замужние или вдовствующие дамы³⁵³.

В-четвертых — должность камер-фрейлины, старшего звания для девиц, которое появилось в придворной иерархии с 1730 г. Первые четыре перечисленные должности в течение XVIII в. имели всего 82 лица, в 1881 г. — 14, а в 1914 г. — 18. Примечательно, что в придворном штате 1796 г. камер-фрейлины не предусматривались. В законоположениях по придворному ведомству они вновь упоминаются лишь в 1834 г. Как правило, камер-фрейлинами становились засидевшиеся во фрейлинах девицы, так и не вышедшие замуж, но при этом, как правило, самые доверенные и опытные, занимавшиеся обслуживанием разнообразных личных потребностей императриц. Их число не было постоянным, но обычно не превышало четырех человек.

Еще одним вариантом получения штатной должности камер-фрейлины была практика «сопровождения невест». Немецкая невеста, приезжавшая в Россию, привозила с собой очень ограниченный женский штат особо доверенных лиц, которые жили буквально до смерти «при своих девочках»-императрицах. Дочь Николая I упоминала, что «особенно убита была Мамá смертью своей камер-фрау Клюгель; последняя была дана ей вместе с при-

даным из Берлина; в нашем доме вообще было традицией почитать старых слуг, но к ней Мама́ относилась особенно сердечно»³⁵⁴.

Поскольку из фрейлин отчисляли только по замужеству или по прошению, некоторые из незамужних фрейлин достигали весьма преклонного по дворцовым меркам возраста. Так, фрейлина императрицы Марии Александровны графиня Антонина Дмитриевна Блудова была пожалована в камер-фрейлины в 50 лет, Екатерина Петровна Валуева — в 52 года, Александра Гавриловна Дивова — в 54 года, княжна Варвара Михайловна Волконская — в 60 лет, Анна Алексеевна Окулова — в 62 года, а Екатерина Петровна Ермолова — в 70 лет. Возраст и заслуги некоторых из камер-фрейлин вполне позволяли приравнять их к статс-дамам.

В-пятых — должность фрейлины, младшего придворного звания для девиц. Этот придворный чин начал использоваться с 1744 г., со времен Елизаветы Петровны. Фрейлины составляли самый многочисленный разряд женской дворцовой прислуги. Так, в 1881 г. из 203 дам, имевших придворные звания, 189 были фрейлинами. В начале царствования Николая II у императрицы Александры Федоровны списочный состав фрейлин насчитывал 190 человек³⁵⁵, а к 1914 г. их число выросло до 261. Примерно треть из них принадлежала к титулованным фамилиям: Голицыны, Гагарины, Щербатовы, Трубецкие, Оболенские, Долгоруковы, Волконские, Барятинские, Хилковы и другие, а около половины были дочерьми лиц, имевших придворные чины и звания.

Звание фрейлины было самым распространенным в придворном мире, поскольку «пристраивало» и давало «старт» в жизни множеству признанных красавиц. Как правило, фрейлинами становились совсем молоденькие девушки. В XVIII в. нередки упоминания о 11–12-летних девушках, взятых ко двору «за заслуги» их отцов. В XIX в. был установлен негласный возрастной ценз, ориентированный на 15–18 лет, то есть тот возраст, когда девушки выходили «в жизнь» из закрытых учебных заведений. Однако даже в середине XIX в. известны случаи пожалования звания фрейлины малолетним девочкам.

Если фрейлины не выходили замуж, то они постепенно превращались в старых дев, среди которых были весьма незаурядные личности — например, известные мемуаристки Анна Тютчева и Антонина Блудова.

Выбор фрейлин

Конечно, выбор фрейлин всецело зависел от императриц. Однако при этом была масса нюансов, которые принимались во внимание при назначении на эту должность, хотя в целом выбор определялся существовавшими традициями. Как правило, главными аргументами являлись заслуги и связи родителей девушки, но и девушки должны были обладать определенными качествами: принимались во внимание внешность, способности к музыке и языкам, а также особенности характера.

От претенденток требовалось безукоризненное знание придворного этикета, как правило, наработывавшееся в институтах благородных девиц. Главным поставщиком фрейлин был, безусловно, столичный Смольный институт, учрежденный в 1764 г. повелением Екатерины II. Там учили танцам, поведению при дворе и множеству нюансов, которые могли передаваться только «из рук в руки». Директрисы Смольного традиционно пользовались влиянием в столичном свете. Так, его многолетней руководительницей являлась баронесса Шарлотта Карловна фон Ливен, которая была воспитательницей детей Павла I.

Кроме того, девушки и их семьи должны были обладать безупречной репутацией. Надо подчеркнуть, что само присвоение фрейлинского звания являлось высокой монаршей милостью, которая оказывалась отличившимся на службе родителям или в силу их знатности.

Следует иметь в виду, что звание фрейлины не влекло за собой обязательного получения штатной должности при дворе. Звание фрейлины давалось относительно легко, поскольку особых лимитов на его получение не было. Оно носило почетный характер, обязывая фрейлину только в обязательном порядке присутствовать на придворных церемониях, но при этом не предполагало никакого жалованья. Те же девушки, которые вместе со званием фрейлины получали и должность, переезжали на жительство в Зимний дворец. Последний вариант, сочетавший звание и должность фрейлины, получить было крайне сложно, поскольку существовало штатное расписание и весьма ограниченное число должностей.

От етате-дам до фрейлин

Тем не менее жизнь всегда оставляла место случаю, когда фрейлиной на должности становилась девушка, которая при обычном раскладе не могла на это рассчитывать. Например, Прасковью Арсеньевну Бартеневу случайно «увидала императрица Александра Федоровна, и не только увидела, но услышала ее голос, а голос ее был необыкновенный, и пела она как истинная артистка. Судьба ее была решена: с согласия императора Николая она назначена была фрейлиною к императрице и переехала в Зимний дворец. С этого дня она сделалась добрым гением семьи»³⁵⁶.

П. А. Бартенева родилась в бедной дворянской семье, но при этом она получила разностороннее музыкальное образование. С 1824 г. она начала выступать на светских балах, радуя гостей великолепным сопрано. Бартенева обладала редким по красоте и силе голосом металлического тембра и обширного диапазона. Ее репертуар включал романсы русских композиторов, русские народные песни, а также арии из итальянских опер. Современники называли Бартеневу «русская Зонтаг». В результате в 1835 г. она была произведена в камер-фрейлины и придворные певицы.

Конечно, были и протекции старых фрейлин, особенно если они пользовались влиянием на императрицу. Например, та же П. А. Бартенева со временем пристроила ко двору всех своих сестер: Веру, Надежду, Марию и Наталию. А фрейлина Анна Федоровна Тютчева — двух своих сестер Екатерину и Дарью.

Иногда имелось несколько причин, благодаря которым девушка могла получить штатное место фрейлины. Например, знаменитая мемуаристка фрейлина А. Ф. Тютчева заняла штатную должность в 1853 г., во-первых, благодаря ходатайству отца — знаменитого поэта Федора Тютчева, к поэзии которого цесаревна Мария Александровна была равнодушна; во-вторых, ходатайство поэта поддержала дочь царя — великая княгиня Мария Николаевна; и в-третьих, цесаревна желала видеть рядом с собой не красавицу, а воспитанную дурнушку, поскольку сама она тяжело переживала любовные приключения своих фрейлин. И только в последнюю очередь было принято во внимание то, что А. Ф. Тютчева получила прекрасное воспитание в одном из германских пансионеров и блестяще знала языки³⁵⁷.

Для многих девушек и женщин-аристократок занятие штатной должности в окружении императрицы или ее детей было самым оптимальным выходом в решении жизненных проблем. При этом известны случаи, когда штатные фрейлины, состарившиеся на этой должности, переходили на престижную штатную должность воспитательницы царских детей. Например, в мае 1866 г. воспитательницей дочери Александра II великой княжны Марии Александровны стала графиня Александра Андреевна Толстая. Ее рекомендовала императрице «уходящая» воспитательница великой княжны А. Ф. Тютчева. Графиня А. А. Толстая была давней фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, то есть состояла при дворе, который фактически уже не существовал. Поэтому для графини назначение на должность воспитательницы стало выходом из сложной жизненной ситуации³⁵⁸. А фрейлина императрицы Марии Александровны Александра Сергеевна Долгорукова была взята императрицей во дворец, чтобы «избавить ее от домашнего гнета». Конечно, об этом «гнете» императрице доложили доброты³⁵⁹.

Молодые девушки буквально жаждали занять штатную должность фрейлины, однако некоторые из них, столкнувшись с повседневными реалиями придворной жизни, испытывали разочарование. Блестящая со стороны жизнь императорских резиденций казалась чередой бесконечных придворных праздников, но вскоре выяснялось, что за этим скрывалась пустота будней, а блеск оборачивался мишурой.

Фрейлина А. Ф. Тютчева записала в дневнике: «Одиночество во дворце, среди толпы и среди придворных интересов, одиночество несчастной фрейлины, которая проводит двенадцать часов в стенах своей комнаты или же одиноко шагает по правильным и усыпанным песком аллеям, для того чтобы на час появиться за императорским чайным столом с любезной улыбкой, остроумной шуткой, не проявляя ничем ту смертную скуку, которая тяготеет над ней целый день, — такого рода одиночество имеет на нравственное состояние очень вредное влияние»³⁶⁰.

Видимо, разочарование фрейлины было настолько сильным, что спустя несколько дней А. Ф. Тютчева вновь возвратилась к этой теме: «Мое сердце еще очень плохо дрессировано в смысле официальной чувствительности и

От етате-дам до фрейлин

не умеет еще отвечать созвучием всем августейшим радостям и горестям. Ремесло придворных вовсе не так легко, как это думают, и чтобы его хорошо выполнять, нужен талант, которым не все обладают. Нужно найти исходную точку опоры, чтобы с охотой добровольно и с достоинством играть роль друга и холопа, чтобы легко и весело переходить из гостиной в лакейскую, всегда быть готовым выслушивать самые интимные поверенности владыки и носить за ним его пальто и галоши... Государи вообще любят быть объектами любви, любят поклонение, с чрезмерной наивностью верят в тот культ, который они внушают. Поэтому их доверие легче приобрести лестью, притворной привязанностью, чем привязанностью подлинной, которая исходит из искреннего чувства»³⁶¹. Надо заметить, что фрейлина А. Ф. Тютчева со временем нашла силы, для того чтобы не только адаптироваться при императорском дворе, но и начать «играть роль» в окружении императрицы Марии Александровны.

Для приехавших из Германии цесаревен и великих княжон фрейлин подбирали, не спрашивая их мнения, поскольку его поначалу и быть не могло. Только пожив в России и постигнув все придворные «расклады», заматеревшие цесаревны и великие княгини начинали самостоятельно подбирать себе фрейлин.

Гессенская принцесса Аликс приехала в Россию 10 октября 1894 г., а уже 14 ноября 1894 г. она стала императрицей. Фрейлин ей, конечно, подбирала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Всего к ней были определены две фрейлины — княгиня М. М. Голицына и графиня М. Н. Ламсдорф, старшей из которых являлась Голицына, типичная представительница прежнего поколения, принадлежавшая к знатнейшим фамилиям России³⁶².

Александра Федоровна в первых письмах из России к своей старшей сестре Виктории Баттенбергской упоминала: «Две мои новые фрейлины кажутся весьма симпатичными. Молодая — это сестра графа Ламсдорфа»³⁶³. Примечательно, что фрейлины не докучали своим обществом молодоженам, о чем отмечено в письме от 4 февраля 1895 г.: «В настоящее время у меня две фрейлины: княгиня Голицына, сестра госпожи Озеровой из Франкфурта... Я их вижу достаточно редко, живут они в Зимнем дворце»³⁶⁴.

Фрейлины быстро менялись, выходя замуж, однако с некоторыми из ровесниц у императрицы сложились если не дружеские, то довольно теплые отношения. Так, ее подругой стала княгиня Мария Барятинская, занимавшая пост штатной фрейлины с ноября 1896 по 1898 г. Другой ее подругой была фрейлина графиня Юлия Ранцау (по прозвищу Юю), которая умерла в 1901 г.³⁶⁵

Репутация

Весьма своеобразными были понятия фрейлин о репутации. Так, большинство из них не считали себя оскорбленными, если с кем-нибудь из них завязывал флирт император или кто-либо из великих князей. Конечно, это немедленно становилось предметом самых горячих сплетен, но все легко смотрели на такие «приключения», достаточно традиционные в придворной среде. Сам Николай I отзывался об этих «приключениях» как о «васильковых чудачествах», а таких фрейлин называли «дамами для особых услуг».

Среди фрейлинского штата было немало девушек, ставших мимолетными либо, напротив, многолетними увлечениями императоров и великих князей. Так, фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова являлась многолетней фавориткой Павла I, а ее племянница Варвара Аркадьевна Нелидова — фавориткой императора Николая I. Фрейлина императрицы Александры Федоровны, жены Николая I, графиня Е. Ф. Тизенгаузен родила внебрачного сына — графа Феликса Николаевича Эльстона от прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. Фрейлина Калиновская стала первой юношеской любовью Александра II. Брат цесаревны Марии Александровны принц Александр Гессенский был вынужден жениться на фрейлине цесаревны Юлии Гауке. Распоряжением Николая I принц был немедленно уволен с русской службы и покинул Россию. Фрейлину Юлию Боду удалили от двора за ее любовные интриги с итальянским певцом Марио и за другие истории³⁶⁶. И большая часть подобных историй происходила в период правления Николая I, когда дисциплина во фрейлинском коридоре была достаточно жесткой. Фрейлина

Екатерина Михайловна Долгорукова стала морганатической женой императора Александра II. Александр III, будучи цесаревичем, пережил сильное любовное увлечение фрейлиной Мещерской и даже заявил отцу, что отказывается от трона ради брака с ней.

Другими словами, подобных историй во фрейлинском коридоре Зимнего дворца было немало. Однако всё, в конечном счете, зависит от человека. Так, одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны позволяла себе демонстрировать безумную страсть к императору Николаю I, при его появлении падая в обморок. Но у Александры Федоровны была и другая фрейлина Варвара Аркадьевна Нелидова, которая действительно являлась многолетней любовницей Николая I, при этом, по свидетельству А. Ф. Тютчевой, для нее была характерна скромная и почти суровая манера держать себя. «Она тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным ей... Она была увлечена чувством искренним, хотя и греховным, и никто даже из тех, кто осуждал ее, не мог отказать ей в уважении, когда на другой день после смерти императора Николая она отослала в инвалидный капитал те 200 000 руб., которые он ей оставил по завещанию, и окончательно удалась от света»³⁶⁷.

Протекционизм в назначении фрейлин приводил к тому, что многие из них не отличались особым благонравием. Так, Анна Тютчева в дневнике оставила запись (30 июля 1853 г.): «Можно было думать, что находимся не среди русского двора, а скорей, в мастерской гризеток; я была поражена дурным воспитанием этих дам»³⁶⁸.

Стены фрейлинского коридора Зимнего дворца стали свидетелями множества человеческих драм. Учитывая эти «риски» фрейлинской службы, императрицы подчас предпочитали видеть в своем непосредственном окружении девушек, не блиставших ни красотой, ни свежестью, ни очарованием молодости. Анна Тютчева объясняла, почему ее предпочли множеству других претенденток: «Другие фрейлины императрицы, вышедшие из Санкт-Петербургских учебных заведений, давали повод для сплетен скандального характера... меня выбрали как девушку благоразумную, серьезную и не особенно красивую»³⁶⁹.

Фрейлинский коридор

Со временем в каждой из императорских резиденций сформировались места «компактного проживания» фрейлин. Самым известным из них стал знаменитый фрейлинский коридор Зимнего дворца, в который выходили двери маленьких комнаток фрейлин. К 1917 г. там насчитывалось 64 жилые и служебные комнаты.

При Екатерине II дисциплина во фрейлинском коридоре была довольно жесткой. Молодые девушки не имели права выезжать ни в свет, ни в театр без разрешения императрицы. Непослушание девушек строго наказывалось, но физических наказаний уже не было.

Во фрейлинском коридоре бывали многие известные люди. Например, А. С. Пушкин до женитьбы часто посещал Зимний дворец как частное лицо — не парадные залы, а скромные фрейлинские комнаты своей приятельницы А. О. Россет. Александра Осиповна Россет окончила Смольный институт в 1826 г., а осенью того же года ее назначили фрейлиной к императрице Александре Федоровне³⁷⁰.

Фрейлинский коридор располагался на третьем этаже южной половины Зимнего дворца. Часть комнат окнами выходила во внутренние дворы дворца, а другая половина — на Дворцовую площадь. Свою «половину» фрейлины часто называли «чердаком». Мемуаристки отмечали то количество ступенек, которое им по нескольку раз за день приходилось пересчитывать, поднимаясь и спускаясь по лестницам. Одна из фрейлин вспоминала: «14 октября меня и Эйлер сделали фрейлинами, и мы наконец переехали в Зимний дворец: 96 ступенек приходилось высчитывать два и три раза... Окна были во двор»³⁷¹. Фрейлина А. Ф. Тютчева писала, что она получила комнату, обращенную на Александровскую площадь и к которой вела лестница в 80 ступенек. Там же жила Екатерина Ивановна Загряжская, которая была фрейлиной более двух десятков лет (с 1808 г. по конец 1830-х). Она являлась теткой жены А. С. Пушкина. Окна ее комнаты выходили во двор, к востоку от Александровской колонны³⁷².

От статс-дам до фрейлин

Что касается убранства комнат, то, судя по воспоминаниям, оно было довольно скромным. Комнаты разделялись деревянной перегородкой, за которой размещались слуги. Одна из фрейлин в 1830-е гг. упоминала, что в ее комнате с окнами во двор за перегородкой спали ее девушки³⁷³. В 1850-х гг. картина оставалась прежней: «Мы занимали на этой большой высоте очень скромное помещение: большая комната, разделенная на две части деревянной перегородкой, окрашенной в серый цвет, служила нам спальней и гостиной, в другой комнате поменьше, рядом с первой, помещались с одной стороны наши горничные, а с другой наш мужик, неизменный Меркурий всех фрейлин и довольно комическая принадлежность этих девических хозяйств, похожих на хозяйства старых холостяков»³⁷⁴.

Как правило, комнаты обставлялись старой мебелью, набранной из различных гарнитуров: «Я нашла в своей комнате диван стиля ампир, покрытый старым желтым штофом, и несколько мягких кресел, обитых ярко-зеленым ситцем, что составляло далеко не гармоничное целое. На окне ни намек на занавески. Я останавливаюсь на этих деталях, мало интересных самих по себе, потому что они свидетельствуют, при сравнении с тем, что мы теперь видим при дворе, об огромном возрастании роскоши за промежуток времени в четверть века. Дворцовая прислуга теперь живет более просторно и лучше обставлена, чем в наше время жили статс-дамы, а между тем наш образ жизни казался роскошным тем, кто помнил нравы эпохи Александра I и Марии Федоровны»³⁷⁵.

Тем не менее фрейлины, каждый день видевшие царственных персон, считались весьма влиятельными, поэтому перед ними заискивали. Хотя далеко не все фрейлины имели влияние, но посторонним людям было тяжело разобраться в хитросплетениях дворцовой «политики». Одна из фрейлин николаевского времени упоминала: «В наш фрейлинский коридор ходили всякие люди просить помощи и подавать прошения, вероятно, полагая, что мы богаты и могущественны. Но ни того, ни другого в сущности не было»³⁷⁶.

Некоторые из фрейлин, не вышедшие замуж, так и доживали свой век во фрейлинском коридоре, а российские монархи им покровительст-

вовали — это вписывалось в старую русскую традицию помещичьих приживалок. Анна Тютчева, описывая императорский двор конца 1850-х гг., упоминала: «В то время фрейлинский коридор был очень населен. При императрице Александре Федоровне состояли 12 фрейлин, что значительно превышало штатное число их... Фрейлинский коридор походил на благотворительное учреждение для нуждающихся бедных и благородных девиц, родители которых переложили свое попечение о дочерях на императорский двор»³⁷⁷.

Многих старушек-фрейлин монархи помнили с детства, от них они подчас узнавали многие детали неофициальной истории императорских резиденций, нередко скандальные и весьма далекие от официальных версий тех или иных событий. Эти старые фрейлины, «осколки» прежних царствований, были живой историей Зимнего дворца. Когда они умирали, правящие монархи считали своим долгом присутствовать на их похоронах, что также являлось одной из дворцовых традиций. Когда в 1872 г. скончалась камер-фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева, то отпевали ее в придворной Конюшенной церкви и на похоронах «была царская фамилия, государь, великий князь Константин»³⁷⁸.

Николай II записал в дневнике 17 сентября 1895 г.: «В 11 час. поехали во дворец к обедне, после чего немного обласкали старых фрейлин». К числу этих «старых фрейлин» относилась и А. А. Толстая (1817–1904), фактически прожившая всю жизнь во фрейлинском коридоре Зимнего дворца. Когда она скончалась, император Николай II счел необходимым отметить этот факт в своем дневнике.

Иногда дворцовых старушек тактично лишали штатных должностей, хотя при этом никто не покушался на их право спокойно доживать свой век в родном для них фрейлинском коридоре. Это делалось для того, чтобы штат императорских фрейлин постепенно обновлялся. Граф С. Д. Шереметев упоминал, что в 1860-е гг. в Зимнем дворце «доживала свой тревожный век в почетном покое и без значения» камер-фрейлина графиня Тизенгаузен, внучка Кутузова-Смоленского, «когда-то приближенная императрицы Александры Федоровны»³⁷⁹.

От статс-дам до фрейлин

Штат фрейлин

Начало жесткой регламентации женского штата при дворе было положено Павлом I. Согласно высочайше утвержденному штату от 30 декабря 1796 г. при императорском дворе должны были состоять обер-гофмейстерина, гофмейстерина, 12 статс-дам и 12 фрейлин — всего 26 штатных единиц³⁸⁰.

В 1826 г. число женских штатных единиц при высочайшем дворе было значительно увеличено по указанию Николая I: «Назначить комплект фрейлин их величеств государынь императриц из 36 старших по пожалованию в сие звание, повелеваю и приданое из Кабинета выдавать только тем из них, кои будут состоять в сем комплекте»³⁸¹. Следовательно, число фрейлин на жалованье увеличилось с 12 до 36, то есть в три раза. Видимо, фрейлин было больше 36, поскольку в штат включили только «старших по пожалованию в сие звание». Это была своеобразная фрейлинская «дедовщина».

Только «входившие в комплект» фрейлины, могли рассчитывать на жалованье и приданое, а прочие оставались на положении почетных. При этом следует иметь в виду, что все эти 36 фрейлин распределялись между двумя императрицами, многочисленными великими княгинями и великими княжнами, и их называли свитскими.

Из 36 фрейлин только 12, состоящих в штате, несли службу при императрице Александре Федоровне. Дочь императрицы, повествуя о событиях 1832 г., отметила: «В тот год у Мама́ было 12 фрейлин, включая тех, которых она получила от бабушки. В деревню нас сопровождали только молодые, старшие оставались в Зимнем дворце. Дежурная фрейлина должна была в обеденное время быть у Мама́, чтобы принять приказания на день»³⁸².

Интересно, что почти в обязательном порядке часть фрейлин молодые императрицы получали «по наследству». Так было у императрицы Марии Александровны, когда она «унаследовала» фрейлину императрицы Александры Федоровны Надежду Бартеневу³⁸³.

С середины XIX в. число штатных фрейлин было незначительным и колебалось в пределах 10–14 человек. В архивных делах сохранился «Список

статс-дам, фрейлин, камер-фрейлин», который охватывает период с 1869 по 1907 г. Из документа видно, что состав штатных фрейлин обновлялся крайне неравномерно, и это зависело от множества факторов. Некоторые из числа штатных быстро выходили замуж и исчезали из списков, другие задерживались на десятилетия. Например, в 1869 г. при императрице Марии Александровне состояли 13 штатных фрейлин. Их список отчасти показывает, что в эту среду попадали весьма непростые девушки. Под № 9 проходила дочь министра императорского двора Мария Васильевна Адлерберг. Во фрейлинах числилась и княгиня Даддани, которая прослужила в штатных фрейлинах с 1856 по 1882 г., то есть 26 лет.

Кроме фрейлин в окружение императорской семьи входили три камер-фрейлины, в числе которых была и Антонина Дмитриевна Блудова, и три гофмейстерины. Так, гофмейстериной императрицы Марии Александровны являлась графиня Наталия Дмитриевна Протасова, а гофмейстериной цесаревны Марии Федоровны — княгиня Юлия Федоровна Куракина.

В последующие годы и вплоть до 1879 г. число фрейлин оставалось неизменным — 15 человек. После смерти императрицы Марии Александровны в мае 1880 г. и гибели Александра II в марте 1881 г. в среде фрейлин произошли неизбежные «кадровые» перемещения. В 1881 г. княгиня Ю. Ф. Куракина стала статс-дамой молодой императрицы Марии Федоровны, а гофмейстериной Марии Федоровны — княгиня Е. П. Кочубей, которая вошла в число фрейлин еще в 1876 г. и к 1884 г. уже стояла в списке фрейлин под № 1. К этому времени из «старослужащих» в списке штатных фрейлин оставалась княгиня А. Н. Горчакова, находившаяся на этой должности с 1856 г., то есть 28 лет.

Надо заметить, что при Александре III, крайне скупом на придворные должности, число штатных фрейлин постепенно сокращалось. Это было связано с тем, что с 1881 г. в России существовал только один императорский двор. Костяк штатных фрейлин императрицы Марии Федоровны составляли ее старые фрейлины, входившие в штат двора цесаревны с 1866 по 1881 г. Поэтому к 1893 г. число их уменьшилось до 10 человек.

В октябре 1894 г. умер император Александр III, а в ноябре того же года женился молодой император. С этого времени число фрейлин вновь начало

От етате-дам до фрейлин

постепенно увеличиваться. В 1894 г. штатными фрейлинами императорского двора были: графиня Н. П. Панина (с 1871 г.), графиня Е. Н. Адлерберг (с 1872 г.), княгиня Е. Д. Бярятинская (с 1874 г.), графиня Е. Д. Коцебу, графиня С. Д. Толстая, баронесса М. Д. Будберг, княгиня Е. А. Бярятинская, графиня А. Д. Строганова, бывшая также гофмейстериной вдовствующей императрицы Марии Федоровны, Е. А. Нарышкина, графиня Е. Н. Гейден и княгиня М. М. Голицына, которая являлась гофмейстериной императрицы Александры Федоровны, — всего 11 человек. Дополняли этот список камер-фрейлины Н. П. Бартенева, Д. Ф. Тютчева, графиня А. А. Толстая и Е. П. Ермолова. В 1898 г. в списке значились 16 фрейлин, две гофмейстерины и четыре камер-фрейлины³⁸⁴. В целом их число не менялось до 1907 г., однако позже у императрицы Александры Федоровны остались только четыре личные фрейлины³⁸⁵.

По свидетельству фрейлины С. К. Буксгевден, в их число входили: княжна С. Орбелиани (1898–1915), О. Е. Буцова (до лета 1915 г.), графиня А. В. Гендрикова и сама С. К. Буксгевден. При этом С. Орбелиани была глубоким инвалидом и продолжала занимать штатную ставку фрейлины только в силу личной расположенности императрицы. Фактически к весне 1917 г. при императрице оставались только две действующие штатные фрейлины — баронесса С. К. Буксгевден и графиня А. В. Гендрикова. Во главе штата придворных императрицы Александры Федоровны стояла госпожа Нарышкина, урожденная княжна Куракина³⁸⁶.

Несмотря на столь ограниченный штат фрейлин, особенно по сравнению с предшествующими царствованиями, и оставшихся двух фрейлин вполне хватало. Дело в том что царская семья, замкнувшаяся в Александровском дворце Царского Села, сознательно сужала круг своих представительских обязанностей. И даже столь ограниченное окружение императрицы Александры Федоровны не было в полной мере загружено работой.

Буквально в последние месяцы существования Российской империи (31 октября 1916 г.) состоялся ужин в Министерстве иностранных дел. Посол Франции записал в дневнике: «Я занимаю место между госпожой Нарышкиной, обер-гофмейстериной, и леди Джорджиной Бьюкенен. Изящная и

симпатичная вдова госпожа Нарышкина рассказывает мне о своей жизни в Царском Селе. Статс-дама, «дама ордена Св. Екатерины», «высокопревосходительство», она, несмотря на свои семьдесят четыре года, сохранила снисходительную и приветливую грацию и любит делиться воспоминаниями. . . «Моя должность гофмейстерины совсем не отнимает у меня времени. Время от времени личная аудиенция, какая-нибудь интимная церемония — вот и все. Их величества живут все более и более уединенно»³⁸⁷.

Должностные обязанности фрейлин

Придворный чин предполагал соответствующие ему должностные обязанности. Например, обер-гофмейстерина отвечала за весь штат придворной женской прислуги и заведовала канцелярией императрицы. А вот камер-фрейлины и статс-дамы никаких определенных обязанностей при императорском дворе не несли, они даже не обязаны были принимать участие в придворных церемониях. Гофмейстерины, статс-дамы и камер-фрейлины имели общий титул — ваше высокопревосходительство.

Вся тяжесть повседневной службы ложилась на плечи фрейлин, но и их служебные обязанности не были определены никакими должностными инструкциями. Главной задачей фрейлин было повсеместное следование за императрицей и выполнение всех ее приказаний: они сопровождали императриц во время прогулок, развлекали гостей, а при случае могли и вынести ночной горшок — и это не считалось зазорным.

Во взаимоотношениях штатных фрейлин была масса нюансов. Так, фрейлины императрицы считались старше фрейлин, состоявших при великих княгинях, а те, в свою очередь, старше фрейлин великих княжон. Даже новеньким штатным фрейлинам надлежало сразу быть в курсе всех нюансов придворного этикета. Скидок на молодость, отсутствие опыта никто не делал. Соответственно, в борьбе за штатное место фрейлины при императорском дворе не только боролись и интриговали, но и всерьез готовились к этому. По воспоминаниям мемуариста: «В то время

при представлении во дворце к их императорским величествам фрейлины соблюдали придворный этикет: следовало знать, сколько шагов надо было сделать, чтоб подойти к их императорским величествам, как держать при этом голову, глаза и руки, как низко сделать реверанс и как отойти от их императорских величеств; этому этикету прежде обучали балетмейстеры или танцевальные учителя»³⁸⁸.

Действительная служба фрейлин при дворе, вопреки распространенному мнению, была достаточно тяжелой. Они несли посменно суточные (или недельные) дежурства и должны были в любое время являться по первому звонку императрицы. На втором этаже Свитской половины Александровского дворца (правое крыло) в Царском Селе была выделена квартира из трех комнат (№ 68 — комната фрейлин, № 69 — спальня, № 70 — гостиная) для дежурных фрейлин. В комнате № 68 длительное время жила княгиня Е. Н. Оболенская, а затем графиня А. В. Гендрикова.

Анна Вырубова, которая очень недолго выполняла обязанности штатной фрейлины, вспоминала, что дежурство фрейлин в Александровском дворце Царского Села длилось неделю. На дежурство заступали по три фрейлины в смену, которые делили между собой эти сутки. Во время дежурства фрейлина не должна была отлучаться, чтобы в любую минуту явиться по вызову императрицы. Она обязана была присутствовать при утреннем приеме, быть с государыней во время прогулок и поездок. Фрейлина отвечала на письма и поздравительные телеграммы по указанию или под диктовку императрицы, развлекала гостей светской беседой, читала императрице. А. А. Вырубова писала: «Можно подумать, что все это было просто — и работа была легкой, но в действительности это было совсем не так. Надо было быть полностью в курсе дел двора. Надо было знать дни рождения важных особ, дни именин, титулы, ранги и т. п. и надо было уметь ответить на тысячу вопросов, которые государыня могла задать... Рабочий день был долгий, и даже в недели, свободные от дежурств, фрейлина должна была выполнять обязанности, которые не успевала выполнить дежурная»³⁸⁹.

Естественно, фрейлины по должности должны были принимать участие практически во всех дворцовых церемониях. Это правило распространялось

как на штатных, так и на почетных фрейлин. Примечательно, что многие статс-дамы и почетные фрейлины часто манкировали своими должностными обязанностями, причем делалось это даже при грозном Николае Павловиче. Барон М. А. Корф упоминал, что в 1843 г. «в Вербное воскресенье наши придворные как-то заленились, и к дворцовому выходу явилось очень мало не только статс-дам, но и фрейлин. Государь сильно на это разгневался и тотчас после обедни послал спросить у каждой о причине неявки». А поскольку многие из дам отговаривались нездоровьем, то император распорядился, чтобы к ним ежедневно стали навещаться придворные ездые, справляясь о здоровье: к фрейлинам — по одному разу, а к статс-дамам — по два раза в день. В результате «эти бедные дамочки поневоле принуждены были засесть дома»³⁹⁰.

Штатные фрейлины участвовали и в коронационных торжествах, для них было определено место в кортеже. Так, во время коронации 1826 г. штатные фрейлины шествовали на 25-й позиции, позади императрицы Александры Федоровны и великих князей Константина и Михаила. Придворные дамы и фрейлины шли «по 2 в ряд, старшие напереди»³⁹¹.

Жалованье фрейлин

Все женские штатные единицы при императорском дворе соответствующим образом оплачивались. По придворному штату, утвержденному Павлом I в декабре 1796 г., обер-гофмейстерина имела жалованье 4000 рублей в год, столько же было и у 12 статс-дам, а 12 фрейлин получали по 1000 рублей³⁹².

Для многих бедных аристократок оказаться на должности фрейлины было подарком судьбы. При этом фрейлины не только получали довольно высокое жалованье, но и имели оплачиваемые больничные и отпуска с дорогой: если какая-либо из фрейлин заболела, то императрица из своих средств оплачивала не только лечение, но и реабилитационный отдых со всеми издержками.

Как вспоминала бывшая фрейлина А. О. Смирнова-Россет: «Аренд³⁹³ мне советовал ехать в Ревель купаться в море. Я сказала об этом императрице. Она велела мне дать четвероместную дорожную карету, подорожную на шесть лошадей, и все было уплачено. Мне выдали жалованье за три месяца, что составляло пятьсот рублей асс[игнациями], и я отправилась с Карамзинными в Ревель»³⁹⁴.

Поскольку фрейлины находились в ближнем кругу императорской семьи, они не были обделены высочайшим вниманием, и в случае необходимости им помогали. В 1859 г. Александр II приказал обеспечить деньгами фрейлину Дарью Тютчеву-вторую для поездки за границу на лечение. Поскольку она служила при дворе, то это было соответствующим образом обставлено. В поездке до Берлина ее сопровождали лейб-хирург Ф. Ф. Жуковский-Волынский со своим сыном, камер-юнгфера фрейлины, аптекарский помощник и лакей при фрейлине, и на эту поездку Тютчевой было выдано заимообразно 3776 рублей.

Поскольку фрейлине деньги давались в долг, то принималось во внимание, что Тютчева расплатится из своего жалованья, которое складывалось из штатного жалованья в 187 рублей 25 копеек, «столовых» — 409 рублей 9 копеек и денежных выплат «на стол с припасами» — 2354 рубля. Следовательно, годовое жалованье фрейлины в 1859 г. составляло 2950 рублей 34 копейки³⁹⁵. Для сравнения: в 1850-х гг. профессорам ведущего медицинского факультета Московского университета выплачивалось казенного жалованья по 1429 рублей 60 копеек в год. Кроме того, им выдавались квартирные деньги в размере 142 рублей 95 копеек,

А. О. Смирнова

то есть всего 1572 рубля 55 копеек. В начале XX в. фрейлинское жалованье составляло 4000 рублей в год. Для сравнения: жалованье ординарного профессора Императорского университета составляло 3000 рублей в год, заместителя начальника Дворцовой полиции — 6800 рублей, начальника аналитического отдела Дворцовой полиции в чине полковника — 5000 рублей.

Жалованье фрейлин не менялось с конца XIX в. и вплоть до 1917 г. Надо заметить, что несмотря на инфляцию, оно оставалось весьма значительным, с учетом того, что фрейлины жили «на всем готовом». Вместе с тем у них были немалые расходы, основная часть которых приходилась на туалеты: «Их надо было менять три раза в день. Даже дома фрейлина не могла одеваться, как хотела. Ее туалет всегда должен был соответствовать ее рангу, и к обеду декольтированное платье было обязательным. То же самое платье не надевалось, конечно, много раз. Должны были быть в гардеробе и дорогие платья не для балов, а скажем, для посещения церковных служб, свадеб, похорон, дней рождения, именин и т. п.»³⁹⁶.

В последние годы существования империи, когда царская семья переехала на жительство в Александровский дворец Царского Села, штатным фрейлинам Александры Федоровны обеспечивалась квартира во дворце, которая состояла из гостиной, спальни, ванной и комнаты для горничной. Каждой из фрейлин полагались лакей, прислуживавший за столом, коляска с парой лошадей и кучер. Ни повар, ни кухня не требовались, так как еду приносили с царской кухни. В свободное время фрейлина могла принимать гостей, все угощение предоставлялось за счет двора.

По свидетельству А. А. Вырубовой, которая некоторое время занимала положение штатной фрейлины, «ежедневная пища была превосходна. Утром приходил лакей с бланком заказа; туда вписывались вина — обычно три сорта, фрукты и сладости. Я никогда не выпивала больше бокала вина за столом, но каждый раз открывалась новая бутылка»³⁹⁷.

Несмотря на множество обязанностей, в положении фрейлин были и неоспоримые преимущества. Кроме таких «мелочей», как полное обеспечение при дворе — квартира, прислуга, питание, это была самая престижная работа для девушек-аристократок, за которую платили жалованье.

От етате-дам до фрейлин

Замужество

Едва ли не основным преимуществом фрейлин была возможность составить блестящую партию в замужестве. Если фрейлина собиралась выйти замуж, то она писала прошение на высочайшее имя, при удовлетворении коего из средств Министерства императорского двора штатным фрейлинам выплачивалось приданое.

Обычная сумма приданого в первой половине XIX в. определялась в 12 тысяч рублей ассигнациями. Однако бывали случаи, когда эта сумма могла быть значительно увеличена, — как правило, если императорская семья знала о бедности фрейлины и при этом была к ней расположена. Одна из фрейлин, описывая свадьбу своей подруги, упоминала: «Государь выдал ей двойной оклад невест, т. е. 24 т. вместо 12-ти»³⁹⁸.

В некоторых случаях торжество праздновалось во дворце: так, в 1880 г. свадьба фрейлины цесаревны и адъютанта цесаревича проходила в Аничковом дворце. Анна Вырубова в 1907 г. выходила замуж в церкви Большого Царскосельского дворца. В мемуарной литературе описаны эпизоды, когда для свадебной церемонии фрейлин-невест украшали коронными бриллиантами. Конечно, этой чести удостоивались только любимые фрейлины.

Лишь немногим из них после замужества удавалось продолжить придворную карьеру. Как правило, вышедшие замуж фрейлины отчислялись от двора, однако, согласно нормативным документам, они сохраняли право быть представленными императрице и приглашались на торжественные балы в Большом (Николаевском) зале Зимнего дворца вместе с мужьями, независимо от чина последних.

Некоторые из фрейлин выходили замуж очень поздно. Так, влиятельная Анна Федоровна Тютчева вышла замуж за писателя И. С. Аксакова будучи уже весьма зрелой женщиной.

Несмотря на все издержки и хлопоты, эта служба считалась престижной, поскольку позволяла быть в непосредственной близости к императорской семье, обрасти связями в высших придворных и государственных кругах,

поймать «случай» с императором и обеспечить свое будущее выгодным браком. Полный список фрейлин ежегодно печатался в «Росписи высших государственных должностей».

Взаимоотношения фрейлин и членов императорской фамилии

Жесткие нормы этикета не позволяли устанавливать неформальные контакты между членами царской семьи и фрейлинами, однако иногда все же завязывались теплые, человеческие отношения. В этом случае многодетные императрицы включали фрейлин в круг близких им людей, о которых они всегда помнили и заботились. Порой возникали форс-мажорные обстоятельства, которые и раскрывали особенности взаимоотношений фрейлин и их высочайших «шефов». Например, когда в мае 1837 г. фрейлина О. О. Калиновская, или как ее называл Николай I «бедная Осиповна»³⁹⁹, захворала: «Во время ужина с ней сделался столь сильный обморок, что я на руках ее положил на кушетку в прихожей внизу у Мамá, и до часу с ней провозились»⁴⁰⁰.

Следует отметить, что наиболее близкие к императорской семье фрейлины жили вне фрейлинского коридора с его традиционными склоками и скандалами. Например, в начале 1850-х гг. на нижнем этаже Зимнего дворца проживали следующие фрейлины: графиня Тизенгаузен (камер-фрау императрицы Александры Федоровны) со своей племянницей, графиня Ю. Баранова (воспитательница детей и внуков Николая I, подруга его детства), две сестры Бартеневы, Элиза Раух (любимые фрейлины императрицы Александры Федоровны) и В. А. Нелидова (фаворитка Николая I).

Во второй половине 1850-х гг. фрейлины, которые, как правило, были ранее только обслуживающим персоналом и в лучшем случае собеседницами императриц, начали играть совершенно новую роль. Постепенно фрейлины императрицы Марии Александровны сформировали вокруг нее салонный

политический, славянофильский кружок, в котором блистали две незаурядные личности — Анна Тютчева⁴⁰¹ и Антонина Блудова, а на вторых ролях к ним примыкала Анна Карловна Пиллар. Отличительной чертой этих новых фрейлин была «прикосновенность к политическим течениям»⁴⁰².

Лидировала в этом придворном триумвирате фрейлина Анна Федоровна Тютчева. Граф С. Д. Шереметев вспоминал: «Я помню ее худенькой, с узкой талией, с кисловатым лицом; она играла роль, изрекала, критиковала, направляла и всего больше надоедала всем и каждому. Ее поверстали в воспитательницы великой княжне Марии Александровне. В этом звании она еще более расхотилась. Недоброжелатели называли ее Ave Tutcheff (святая Тютчева)»⁴⁰³.

Примерно в том же ключе писал о ней известный публицист К. Д. Кавелин: «Меня встретила маленькая особа, с голосом искусственно тихим, с той привычкой внешней сдержанности, за которой придворная жизнь скрывает всё — и хорошее, и худое. Я извинился. Мне убийственно спокойно дали извиниться до конца... После первых вопросов, довольно равнодушных и незначительных... разговор начал принимать понемногу более и более откровенный характер, так что наконец он сделался необыкновенно интересным»⁴⁰⁴.

Серьезную роль при императрице играла и камер-фрейлина графиня Антонина Дмитриевна Блудова. Она получила прекрасное домашнее образование и рано проявила интерес к литературе. По воспоминаниям графа С. Д. Шереметева: «Она водворилась в Зимнем дворце по смерти своего отца и жила у Салтыковского подъезда... образованная и умная, она отличалась и деятельностью. Разговор ее был содержательный и разнообразный. Она прекрасно писала, и писала по-русски»⁴⁰⁵. У Блудовой была репутация докладчицы императрицы по патриотическим и православным делам⁴⁰⁶.

К новым фрейлинам принадлежала и Елизавета Дмитриевна Милютина, дочь всесильного военного министра Дмитрия Алексеевича. Судя по воспоминаниям, она была «из молодых, да ранних... дурна, но бойка и сметлива. Худая, бледная, востроносая, она не прочь была пококотничать и имела влюбчивое сердце. Предметом ее (чувств) был С. П. Боткин».

Но политикой при Марии Александровне фрейлины занимались недолго. По мере того как императрица погружалась в семейные, очень не простые дела, а здоровье ее ухудшалось, при ней появлялись новые наперсницы, мало интересовавшиеся политикой. Кроме того, цесаревич Александр Александрович не сочувствовал политическим игрищам вокруг своей матери. По словам мемуариста, «Тютчеву он не выносил, как и Блудову... Он слишком русский человек, чтобы быть славянофилом»⁴⁰⁷.

Последний раз фрейлины из окружения императрицы «играли политическую роль» в ноябре 1900 г., когда Николай II, заболев брюшным тифом, балансировал на грани жизни и смерти. В этой ситуации императрица Александра Федоровна впервые вышла за привычный для нее круг домашних забот, примерив на себя «одежды» соправительницы.

По свидетельству «правой руки» министра императорского двора А. А. Мосолова, императрица отдавала приказания непосредственно В. Б. Фредериксу и другим должностным лицам, которые уже затем докладывали о них, причем добавляли, что государыня приказывала о своих распоряжениях не говорить. Все эти приказания передавались фрейлинами А. А. Олениной и С. Орбелиани княгине Е. Н. Оболенской.

Скоро, однако, этих фрейлин оказалось недостаточно, и императрица вызвала из Рима бывшую свою фрейлину княжну Марию Викторовну Бярятинскую, с которой государыня тремя годами ранее поссорилась. «Княжна Бярятинская, весьма умная и толковая барышня, тогда лет около тридцати, заняла при государыне место ее начальника штаба и всем управляла с большой энергией. Она устранила ненормальность положения, переговаривая с министром и со мной о всех желаниях государыни до отдачи приказаний. При ней эти желания незаметно стали переходить от вопросов, касающихся только так называемых «полковников от котлет», к вопросам, касающимся министров, чем граф Фредерикс ставился иногда в затруднительное положение»⁴⁰⁸. Однако крепкий организм Николая II одолел болезнь, и «штаб императрицы», состоящий из фрейлин, был расформирован. После этого кратковременного опыта к «политической» помощи фрейлин Александра Федоровна уже не прибегала.

От етате-дам до фрейлин

Скандалы фрейлинского коридора

Периодически во фрейлинском коридоре вспыхивали скандалы. Как правило, они были связаны с тем, что к той или иной фрейлине начинал проявлять повышенное внимание кто-либо из подраставших великих князей. Это было совершенно естественно, поскольку мальчики выросли, а молодые женские лица они могли регулярно видеть только среди фрейлин. Для фрейлин поощрение подобных чувств со стороны великих князей являлось абсолютным табу, однако некоторые в силу тех или иных причин шли на сближение. И юношеские увлечения бывали настолько сильными, что, к примеру, Александр II и Александр III будучи цесаревичами всерьез заявляли о готовности отказаться от трона ради своей возлюбленной-фрейлины. Александр II испытал сильное увлечение фрейлиной О. О. Калиновской, а Александр III — М. Э. Мещерской. Как правило, эти чувства ограничивались платоническими ухаживаниями, и вскоре «проштрафившихся» фрейлин удаляли из дворца, выдавая их замуж. Повзрослев, императоры не обходили своим вниманием «цветник» фрейлинского коридора, периодически завязывая там непродолжительные интрижки. Для фрейлин пребывание в роли «дам для особых услуг» не считалось особенно предосудительным и не мешало замужеству.

Однако иногда отношения великих князей и фрейлин заходили очень далеко. Например, фрейлина А. В. Жуковская родила сына от великого князя Алексея Александровича, который, «желая исполнить долг порядочного человека, хотел на ней жениться... родители этого не позволили!»⁴⁰⁹. Великий князь так навсегда и остался холостяком.

Придворные платья

Дата появления придворных мундиров неизвестна. Н. Е. Волков, специально изучавший в конце XIX в. историю придворных мундиров, констатировал в своей книге, что самое раннее упоминание в источниках о существовании «мундира придворного кавалера» относится к 1802 г.

Однако известен указ от 30 декабря 1796 г., озаглавленный «Описание мундиров придворным чинам и служителям». К сожалению, в нем ничего не сообщалось о том, как выглядели эти мундиры. Их изображения дошли до нас лишь с начала XIX в. На портретах придворных того времени мундиры практически такие же, какие известны на основании законов от 11 марта 1831 г. и 27 февраля 1834 г.

Не были обойдены вниманием императора и женщины. 27 февраля 1834 г. Николай Павлович утвердил описание эталонного дамского придворного туалета. После его смерти и вплоть до 1917 г. в форме этих туалетов никаких принципиальных перемен не последовало. Наряд состоял из бархатного верхнего платья с откидными рукавами и со шлейфом, имевшего разрез спереди, к низу от талии, который открывал юбку из белой материи. По хвосту и борту платья шло золотое шитье, одинаковое с шитьем парадных мундиров придворных чинов. Такое же шитье полагалось вокруг и спереди юбки.

Выбор такого кроя женского придворного платья, видимо, был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, традиционализмом русского императорского двора — такие платья были в ходу при дворе со времен Екатерины II. Во-вторых, отчетливым стремлением Николая I усилить национальную составляющую при императорском дворе, будь то в языке или одежде. В-третьих, для формы, особенно для изменчивой женской, требовалось нечто прочно-устойчивое, чем, по мысли Николая I, и был русский традиционный крой женских платьев.

Дочь императора, описывая события 1834 г., упоминала: «По обычаю в 11 лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями без трена»⁴¹⁰. В последующие годы парадные придворные платья в семье называли «императорскими доспехами», поскольку эти платья шили и из серебряной парчи, дополняя наряд бриллиантами и жемчугами⁴¹¹.

Согласно императорскому указу все должностные нюансы должны были легко «читаться» по цветам: так, статс-дамы и камер-фрейлины получали бархатное зеленое платье с белой юбкой; наставницы великих княжон — бархатное платье синего цвета с белой юбкой; фрейлины императрицы — бархатное платье пунцового цвета с белой юбкой; фрейлины

От етате-дам до фрейлин

великой княгини — также пунцового цвета, только шитье было серебряным; фрейлины великих княжон — бархатные платья светло-синего цвета с золотым шитьем и белой юбкой; гофмейстерина при фрейлинах — бархатное платье малинового цвета, украшенное золотым шитьем, соответствующим шитью первых чинов двора, и портретом императрицы с бриллиантами, а дополняла наряд белая юбка (в повседневной жизни их часто называли «малиновыми фрейлинами»).

Была определена и форма головного убора для придворных дам. За мужним дамам предписывалось носить «повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а девицам — повязку произвольного цвета с вуалем»⁴¹². Фрейлинский бриллиантовый шифр императрицы носился на голубом банте на левой стороне форменного платья. Описанный наряд получил в официальных документах название «русского платья».

Малейшие отступления от установленной формы одежды как придворными кавалерами, так и дамами жестко пресекались Николаем I. Барон М. А. Корф писал, что на большом придворном бале 6 декабря 1840 г. «некоторые дамы позволили себе отступить от этой формы и явились в кокошниках, которые вместо бархата и золота сделаны были из цветов. Государь тотчас это заметил и приказал министру императорского двора князю Волконскому строго подтвердить, чтобы впредь не было допускаемо подобных отступлений». Князь П. М. Волконский передал повеление царя санкт-петербургскому военному генерал-губернатору графу Эссену, после чего последовал «набег квартальных с письменными объявлениями помянутой высочайшей воли и с требованием расписаться на этом листе». Когда об этом непомерном усердии губернатора доложили царю, тот только посмеялся, но распоряжение свое оставил в силе»⁴¹³.

Орденские дамы и знаки отличия

История орденских дам началась при Петре I, с учреждением ордена Святой Екатерины с девизом «За любовь и отечество». Появление этого ордена связано с неудачным Прутским походом 1711 г., когда русская армия

была окружена турецкими войсками. При этом возникла реальная угроза того, что в плену у турок окажется сам император Петр I, возглавлявший армию. Екатерина Алексеевна сопровождала мужа в этом походе и, согласно легенде, отдала все свои драгоценности на подкуп турецкого визиря, который и позволил русской армии выйти из окружения.

Первоначально он назывался орденом Освобождения, однако вскоре его переименовали в орден Святой Великомученицы Екатерины. Знаком ордена был белый эмалевый крест оригинальной формы с четырьмя латинскими буквами на нем, обозначающими начало слов: «Господи, спаси царя!». Крест носился на левой стороне груди на банте из белой ленты с девизом «За любовь и отечество». Орден имел две степени: большой и малый кресты (с разным количеством украшений). Затем большой крест стал носиться на красной ленте с серебряной каймой через правое плечо, его дополнила серебряная звезда с изображением серебряного креста на красном поле в центре.

Число кавалерственных дам большого креста не могло быть более 12, а малого — более 94. Со временем постепенно становилось больше, но могло быть награждено одновременно не более 200 дам. С 1856 г. кресты первой степени стали украшаться бриллиантами, а второй — алмазами. Это был единственный женский орден в Российской империи. После смерти орденской дамы крест возвращался в Капитул орденов, и только после этого могло состояться следующее награждение. Большая часть женщин, награжденных орденом Святой Екатерины, были придворными дамами.

Портретные дамы

и фрейлинские шифры

Придворные дамы имели особые знаки отличия: гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины — портреты императриц, украшенные бриллиантами, которые носились на правой стороне груди. По традиции таких дам именовали портретными.

От етате-дам до фрейлин

Знаком отличия штатных фрейлин были золотые, украшенные бриллиантами шифры (вензеля императриц или великих княгинь, при которых они состояли), носившиеся под короной на банте из андреевской голубой ленты на левой стороне груди. Знаки эти могли надеваться и не на парадное платье. Шифр для фрейлин считался большим отличием, равным чину супруги генерал-майора.

Конечно, для любой институтки получение заветного фрейлинского шифра было зримым воплощением мечты девушки-аристократки. Такое событие не забывалось. Когда 13 марта 1855 г. А. Ф. Тютчева получила свой фрейлинский шифр, она немедленно записала в дневнике: «Сегодня вечером, когда я пришла на вечер, императрица подала мне маленький футляр со своим шифром из бриллиантов, на который я имею право как фрейлина царствующей императрицы»⁴¹⁴. Таким образом, шифр мог вручаться и после обретения официального статуса фрейлины, его давала лично императрица, и происходило это в неофициальной обстановке.

Следует подчеркнуть, что традиция вручения фрейлинского шифра лично правящими и вдовствующими императрицами жестко соблюдалась вплоть до начала 1900-х гг. Только последняя императрица нарушила эту традицию, отказавшись от права раздавать молодым девушкам царский шифр, что глубоко оскорбило русскую аристократию и лишило Александру Федоровну последних крох популярности. Это решение императрицы еще раз продемонстрировало, насколько она не понимала и не желала понимать психологию российской аристократии. И неудивительно, что ей платили тем же. При этом вдовствующая императрица Мария Федоровна вплоть до начала 1917 г. добросовестно выполняла эту обязанность, от которой столь легкомысленно отказалась ее невестка⁴¹⁵.

Дворцовая терминология

Со времен Петра I в основу придворной терминологии были положены немецкие названия чинов и званий. Это не только вписывалось в контекст преобразований императора, но и было вполне привычно для уха

многочисленных немецких принцесс, которые приезжали в качестве невест к российскому императорскому двору.

На эту терминологию никто не покушался на протяжении 200 лет, и только после начала Первой мировой войны Николай II перевел в практическую плоскость свое давнее увлечение допетровской Русью. В августе 1914 г. Санкт-Петербург был переименован в Петроград, более того, русификация предполагала затронуть и традиционные наименования придворных чинов. Посол Франции в России упоминал в дневнике, что Николай II много раз «высказывал неудовольствие по поводу немецких слов, которые в изобилии встречаются в перечне официальных титулов и званий: обер-гофмаршал, статс-секретарь, камергер, шталмейстер, флигель-адъютант, фрейлина и так далее. Теперь император решил изъять все эти неблагозвучные наименования из иерархических списков и заменить их национальными идиомами. Выполнение этой лингвистической задачи было поручено князю Михаилу Сергеевичу Путятину, маршалу императорского двора и шефу административных служб царскосельских дворцов. Это был отличный выбор»⁴¹⁶.

Однако эта идея не была реализована. Николай II опоздал и опоздал очень во многом, поскольку эта запись появилась в дневнике посла 24 декабря 1916 г., за два месяца до начала Февральской революции 1917 г., уничтожившей самодержавную монархию в России.

Судьбы фрейлин

Фрейлина С. Орбелиани

Судьбы фрейлин подчас были весьма причудливы, и эта непредсказуемость отчасти вызывалась их близостью к императорской семье. Весьма примечательна в этом отношении биография фрейлины последней императрицы Александры Федоровны — Софьи Орбелиани.

Александр Федоровне было свойственно четкое разделение окружающих ее людей на «своих» и «чужих». «Свои» входили в число ее личных

От етате-дам до фрейлин

друзей, насколько это было возможно при ее положении. Надо отдать императрице должное — своим друзьям она была верна до конца в буквальном смысле. Весьма показательна в этом отношении судьба фрейлины Софьи Орбелиани.

Софья родилась в 1875 г. и была единственной дочерью князя Ивана Орбелиани и княгини Марии Святополк-Мирской. О степени влияния этого семейства говорит тот факт, что брат матери являлся министром внутренних дел империи в 1904–1905 гг., то есть занимал один из самых высоких министерских постов в бюрократической структуре Российской империи. В свою очередь, отец Софьи происходил из древней кавказской аристократической семьи.

Софья унаследовала от своих кавказских предков независимость и бесстрашие характера, что проявлялось в различных полуспортивных развлечениях при дворе молодой императрицы. Прежде всего она была прекрасной наездницей, при этом отличалась веселым и открытым характером. Подобно многим молодым аристократкам, Софья прекрасно владела иностранными языками, хорошо рисовала, отлично танцевала, играла на пианино и пела.

В 1898 г. фрейлина императрицы княгиня М. Барятинская вышла замуж. В окружении Александры Федоровны появилось вакантное место штатной фрейлины. Новое назначение состоялось в результате подспудной борьбы влияний при дворе. Близкий тогда к императорской семье великий князь Александр Михайлович, друг детства Николая II, женатый на его младшей сестре Ксении, предложил на вакантное место 23-летнюю Софью Орбелиани. Он считал, что веселая и независимая девушка, не вовлеченная в придворные интриги, будет идеальной компаньонкой для болезненно замкнутой императрицы. В результате сложных, многоходовых комбинаций Софья заняла место штатной фрейлины в 1898 г.

Новая фрейлина, маленького роста, белокурая, с правильными чертами лица, отличалась незаурядным умом, любила спорт и обладала замечательными музыкальными способностями. Баронесса Софья Буксгевден отмечала в мемуарах, что Орбелиани при этом обладала прекрасным чувством юмора и была способна вызывать любовь всех, кто соприкасался с ней⁴¹⁷.

Один из современников вспоминал впоследствии, что Орбелиани «была большой спортсменкой, она чудно ездила верхом и великолепно играла в теннис. Это был настоящий живчик, веселый, вечно в движении, всегда готовый на всё, где можно было показать свою ловкость и лихость»⁴¹⁸.

После «смотрин» Софья была назначена в число фрейлин Александры Федоровны. Сложившееся окружение императрицы весьма ревниво отнеслось к новенькой: так, руководитель одного из подразделений императорской охраны А. И. Спиридович назвал ее «некультурной девочкой с Кавказа», но при этом отмечал ее жизнерадостность, разбавлявшую постную придворную атмосферу. Императрица Александра Федоровна быстро привязалась к новой фрейлине, чему в немалой степени способствовала «восточная преданность» Софьи своей новой хозяйке. А императрица весьма чутко и, как правило, безошибочно угадывала эту искреннюю преданность, столь редкую в среде придворной аристократии. При этом, по воспоминаниям графини Буксгевден, Софья позволяла себе говорить императрице правду в глаза, как бы она горька ни была.

Молодые женщины часто полдня проводили, играя в четыре руки на фортепиано. Очень быстро Софья стала ближайшей наперсницей императрицы. С подачи великого князя Александра Михайловича она пыталась традиционными способами преодолеть трагическую замкнутость императрицы, устраивала музыкальные вечера на половине своей хозяйки, приглашая женский бомонд столицы. Иногда императрица сама играла на этих импровизированных концертах.

В октябре 1903 г. фрейлина Софья Орбелиани сопровождала императорскую семью в Дармштадт, где они присутствовали на свадьбе племянницы Александры Федоровны — Алисы Баттенбергской и Георга Греческого, с которым Николай II был близко знаком еще со времен путешествия 1891 г.

Во время этого визита Софья заболела, у нее поднялась температура. Императрица, несмотря на обилие официальных и неофициальных мероприятий, по два-три раза в день посещала свою подругу, которую лечили придворные врачи ее брата — герцога Гессен-Дармштадтского. Такое вни-

мание императрицы к фрейлине многими в ее окружении было воспринято как нарушение придворного этикета.

Именно немецкие медики пришли к заключению, что Софья Орбелиани неизлечимо больна: в перспективе ее ожидали постепенное ограничение подвижности, инвалидное кресло, а затем полный паралич и смерть. Зная это, императрица Александра Федоровна не оставила свою фрейлину. В Александровском дворце, который с 1905 г. стал постоянной императорской резиденцией, на втором этаже Свитской половины (правое крыло) Софье Орбелиани была отведена квартира из трех комнат (№ 65, 66 и 67).

Все расходы по ее лечению и содержанию Александра Федоровна взяла на себя. Для императрицы, довольно скупой женщины, это значило много. Естественно, по состоянию здоровья Софья не могла выполнять обязанности фрейлины, но Александра Федоровна отказалась принять ее отставку — образно говоря, за Орбелиани была сохранена ее штатная ставка. Для заболевшей фрейлины «были сконструированы специальные экипажи и прочие приспособления, так что она могла вести обычную жизнь, как если бы была здорова, и всюду сопровождать императрицу в ее поездках»⁴¹⁹.

Александра Федоровна посещала Софью ежедневно. Строгий к императрице высший свет осуждал это проявление человеческих чувств. По свидетельству А. И. Спиридовича, упреки сводились к тому, что для царских дочерей совершенно не полезно жить рядом с умирающей женщиной. Но Александра Федоровна в свойственной ей высокомерной манере холодно игнорировала все упреки.

Вместе с тем не стоит преувеличивать привязанность императрицы к своей фрейлине. Конечно, как человек и уж тем более как императрица она вела себя очень достойно. Но жизнь продолжалась, и рядом с ней появилась новая подруга — Анна Вырубова.

Как происходила «смена караулов», видно из опубликованных дневниковых записей Николая II. За весь 1904 г. Софью Орбелиани только дважды приглашали к императорскому столу (23 марта к завтраку и 28 апреля к обеду). Надо заметить, что очень немногие штатные фрейлины удостоивались этой чести. В конце ноября 1904 г. при Александре Федоровне появилась

новая штатная фрейлина — баронесса София Карловна Буксгевден, которой Софья Орбелиани начала «сдавать дела».

22 сентября 1905 г. к императорскому столу впервые была приглашена, как записал в дневнике Николай II, «А. А. Танеева». Но в эту осень Софью Орбелиани продолжали приглашать к столу (к обеду — 9 октября, 15 ноября, 27 ноября). В начале 1906 г. все оставалось по-прежнему, Орбелиани присутствовала на обедах 7 февраля, 14 марта, 3 июля, 28 августа. 21 октября новая и старая подруги императрицы почти пересеклись. В этот день Анна Танеева завтракала, а Софья Орбелиани с княгиней Оболенской — обедали. После этого дня Софью к столу больше не приглашали. Ее место с 23 ноября 1906 г. прочно заняла Анна Вырубова, как ее начал называть в дневниках император.

Тем не менее Софья, как могла, старалась быть полезной своей хозяйке, по мере возможности выполняя фрейлинские обязанности, а после того как окончательно слегла, разбирала многочисленную корреспонденцию императрицы. Со временем она передала свои обязанности Софии Буксгевден и посвятила ее во все нюансы отношений придворного мира Царского Села. Они подружились, и С. Буксгевден много времени проводила в ее комнатах.

Девять долгих лет императрица делала все, чтобы облегчить жизнь умиравшей фрейлины. За это время в жизни императрицы изменилось многое. Появилась новая душевная подруга — Анна Вырубова, но и старую подругу, раз и навсегда причисленную к «своим», она не забывала. Примечательно, что об этих отношениях мало кто знал: Распутин и Вырубова в глазах досужего света совершенно заслонили Орбелиани. Для столичного бомонда она уже давно умерла. Когда в декабре 1915 г. врачи сообщили, что конец близок, Александра Федоровна практически не отходила от своей умирающей подруги. Софья Орбелиани скончалась буквально на руках императрицы.

Все заботы о похоронах фрейлины императрица взяла на себя. На отпевании Александра Федоровна присутствовала в форме сестры милосердия. Фрейлина С. К. Буксгевден свидетельствовала, что видела, как императрица, сидя у гроба своей подруги, гладила ее волосы в последние минуты, перед тем как гроб закрыли.

Фрейлина С. К. Буксгевден

Еще одной фрейлиной, ставшей достаточно близкой к императорской семье, являлась София Карловна Буксгевден. Впервые она появилась в Александровском дворце 28 ноября 1904 г., но только с 1913 г. вошла в так называемый «ближний круг» императрицы Александры Федоровны. Свидетельством этого стало ее прозвище Иза. Фрейлина упоминала, что она прожила в Александровском дворце Царского Села с 1913 по 1917 г., причем ее «комната соединялась коридором с апартаментами великих княжон»⁴²⁰.

Это была высокая, довольно плотная, темноволосая, не очень привлекательная женщина. У нее имелись свои слабости — София Карловна много курила, но при этом она разделяла увлечение Николая II большим теннисом и ходила на байдарке.

С. К. Буксгевден умела расположить к себе и, что особенно важно, была искренне преданна императорской семье. Она являлась, пожалуй, единственной из фрейлин, посвященной в семейные тайны монаршей четы. Надо заметить, что Александра Федоровна была достаточно осторожна в отношениях со своими фрейлинами, поскольку понимала, что они прежде всего служат во дворце. С. К. Буксгевден писала: Александра Федоровна «считала недопустимым вступать в дружеские отношения со своими фрейлинами, поскольку ей казалось, что особая симпатия, высказанная какой-либо одной, может вызвать чувство ревности другой... между нами и императрицей всегда существовала определенная дистанция, которую никому не было дозволено переходить. И лишь когда ее фрейлины прекращали свою службу при дворе (так было с княгиней Барятинской или с Соней Орбелиани, которая стала инвалидом), императрица могла позволить себе высказать им то расположение, которое она всегда к ним чувствовала»⁴²¹.

«Своим» императрица позволяла и некоторую «оппозиционность». Так, Иза Буксгевден отрицательно относилась к Распутину, что для императрицы не было секретом. Но она знала, что Иза ее не предаст и не будет источником каких-либо слухов.

Императрица не ошиблась в своей фрейлине. Иза Буксгевден последовала за царской семьей в Сибирь и только чудом уцелела. Заняв денег у Сиднея Гиббса, она сумела пересечь Сибирь и через Китай выбраться в Англию, которая стала для нее вторым домом. В 1920-х гг. она написала две книги о своей жизни в Царском Селе. Еще одну книгу она посвятила своей царственной подруге — императрице Александре Федоровне, в которой опровергла множество легенд, которыми было насыщено общественное сознание того времени. Вместе с тем она не впала в простое восхваление, ей, пожалуй, первой удалось создать объективный и честный портрет последней русской императрицы, сложной и противоречивой женщины.

Фрейлина А. А. Вырубова

Анна Александровна Вырубова, в девичестве Танеева, родилась в 1884 г. во влиятельной семье чиновников-аристократов. Ее дед Сергей Александрович и отец Александр Сергеевич Танеевы на протяжении 44 лет возглавляли Собственную его императорского величества канцелярию и имели право личного доклада императору.

Первый раз Анна Танеева увидела императрицу в 1896 г. в двенадцать лет, когда царская семья гостила в селе Ильинском — подмосковном имении великого князя Сергея Александровича, который был женат на Елизавете Федоровне, старшей сестре Александры Федоровны. В 17 лет она была официально представлена вдовствующей императрице Марии Федоровне. С этого времени началась ее светская жизнь. Надо заметить, что Анна не была красавицей — полненькая девушка с добрыми глазами, которая прекрасно пела и играла на фортепиано. В восемнадцать лет, в январе 1903 г., она получила усыпанный алмазами фрейлинский шифр императрицы Александры Федоровны, а в феврале приняла участие в легендарном костюмированном балу в Зимнем дворце. Николай II и Александра Федоровна были в одеждах русских царей XVII в., аристократия в соответствии с занимаемым положением блистала боярскими одеждами. Тогда еще никто не знал, что этот

От статс-дам до фрейлин

пышный бал станет последним в Зимнем дворце. И это был первый выход в большой свет «дебютантки» Анны Танеевой.

Обширные связи и прочное положение семьи Танеевых при дворе позволили Анне в феврале 1905 г. оказаться в Александровском дворце Царского Села среди штатных фрейлин Александры Федоровны. Ей тогда было 20 лет, а императрице — 32 года. Танеева подменила одну из заболевших фрейлин⁴²².

Во время дежурства во дворце по желанию Александры Федоровны Анна Танеева проводила время с фрейлиной С. Орбелиани. Вырубова вспоминала, что у Орбелиани развивался прогрессивный паралич, а характер у нее был очень тяжелый, и она часто зло подшучивала над молодой и цветущей фрейлиной. За время своего первого дежурства А. Танеева видела императрицу только один раз, когда каталась с ней в санях по аллеям Александровского парка. В память о первом дежурстве императрица подарила фрейлине медальон — серый камень в виде сердца, окруженный бриллиантами⁴²³.

Сначала Анна Танеева была назначена только временной фрейлиной, заменяя одну из заболевших штатных фрейлин, но за короткое время она успела понравиться императрице, причем настолько, что в августе 1905 г. ее пригласили в плавание в финские шхеры на императорской яхте «Полярная звезда». Анна за время путешествия сблизилась со всеми членами царской семьи: «Каждый день мы съезжали на берег, гуляли по лесу с государыней и детьми, лазили на скалы, собирали бруснику и чернику, искали грибы, исследовали тропинки»⁴²⁴. Эта поездка решила судьбу фрейлины. По словам Вырубовой: «Государь сказал мне, прощаясь в конце плавания: «Теперь вы абонированы ездить с нами», а императрица Александра Федоровна произнесла: «Благодарю Бога, что Он послал мне друга»⁴²⁵. В результате этой поездки «началась моя дружба с государыней, дружба, которая длилась двенадцать лет»⁴²⁶.

Александра Федоровна страстно увлекалась музыкой, хорошо пела. У императрицы было контральто⁴²⁷, у Анны Танеевой — высокое сопрано. Они стали петь дуэтом, играть на фортепиано в четыре руки. Но главным достоинством был характер Анны, которая постоянно демонстрировала им-

ператрице свои бесконечное обожание и преданность, в чем так нуждалась Александра Федоровна.

Жизнь Александры Федоровны не была безоблачной. Застенчивая до болезненной замкнутости, она будучи императрицей должна была постоянно встречаться и общаться со множеством незнакомых людей. Она страстно любила мужа и не желала делить его ни с матерью — вдовствующей императрицей Марией Федоровной, ни с влиятельными сановниками. Воспитанная в Англии, где положение монарха определялось формулой «Царствую, но не управляю», она была поборницей идеи самодержавной власти. Будучи до 22 лет протестанткой, она прониклась крайними, мистическими идеями православия. Только в результате шестой беременности она смогла наконец родить наследника, но сразу же выяснилось, что он неизлечимо болен и в любой момент может умереть. Она бесконечно нуждалась в искренней дружбе, которую очень тяжело было обрести в той лицемерной среде, где проходила ее жизнь. Александра Федоровна поверила и приняла безоглядную привязанность Анны Вырубовой.

Служба Анны в качестве временной фрейлины продолжалась очень недолго⁴²⁸, но императрица запомнила молодую бесхитростную девушку. Это было то, в чем она так нуждалась. Поэтому следующим летом 1906 г. Анну Танееву вновь пригласили принять участие в плавании по финским шхерам на императорской яхте «Штандарт». Столичный бомонд, крайне ревниво следивший за появлением новых фаворитов, сразу же отметил это повторное приглашение, поскольку на «Штандарте» царскую семью окружали только самые близкие к ней люди.

Совместный отдых сближает, как и совместные дела — именно тогда Анна Танеева окончательно стала «своей» в замкнутом мире царской семьи. Она подружилась со старшими дочерьми — Ольгой и Татьяной, которые росли без подруг, забавлялась с младшими — Марией и Анастасией, узнала о неизлечимом заболевании наследника. Она получила, как и многие из «своих», незатейливое прозвище Корова, но не обижалась, поскольку сама императрица называла себя «старой курицей». Вырубова была полной и, конечно, не вписывалась в существовавшие каноны красоты, что тоже яв-

лялось плюсом в глазах императрицы. Позже ее познакомили с Григорием Распутиным, к которому она прониклась благоговением, также послужившим в ее пользу.

В свою очередь, царская семья приняла участие в жизни Анны Танеевой. Для 22-летней девушки, конечно не без участия Александры Федоровны, была подобрана соответствующая партия. Женихом Анны стал флотский лейтенант Александр Васильевич Вырубов, к этому времени имевший за плечами значительные факты биографии. Так, он был одним из четырех чудом спасшихся офицеров с броненосца «Петропавловск». Этот броненосец, на капитанском мостике которого находился командующий Тихоокеанским флотом адмирал Степан Осипович Макаров, подорвался на mine и затонул за несколько минут при попытке прорыва из блокированной гавани Порт-Артура в 1904 г., во время Русско-японской войны. Естественно, молодой моряк ходил в героях.

Молодых сосватали, в декабре 1906 г. Вырубов сделал предложение письмом из деревни. Анна проконсультировалась с императрицей, и та одобрила партию. В феврале 1907 г. было объявлено о свадьбе. Бракосочетание фрейлины Анны Александровны Танеевой с лейтенантом Александром Васильевичем Вырубовым состоялось 30 апреля 1907 г. в высочайшем присутствии в церкви Большого Царскосельского дворца⁴²⁹. С этого момента Анна уже не могла быть фрейлиной, поскольку таковыми являлись только незамужние девушки. Анна Танеева превратилась в Анну Александровну Вырубову и именно под этой фамилией вошла в историю России начала XX в.

Присутствие императорской четы на свадьбе было очень высокой честью для новобрачных. Более того, Николай II и Александра Федоровна лично благословили молодых иконой. После бракосочетания молодые «пили чай у их величеств», в очень узком кругу, поскольку гостей на свадьбе было немного, и все они прошли одобрение их величеств⁴³⁰.

Аристократический бомонд немедленно отреагировал на это первой сплетней. В светских салонах удивлялись не столько самому факту присутствия на свадьбе императорской четы, сколько тому, какое деятельное участие принимала в ней Александра Федоровна. Утверждали, что во время свадьбы

императрица рыдала так, будто она выдавала замуж свою дочь. Но тогда, в апреле 1907 г., это отнесли к эмоциональному состоянию императрицы.

Однако семейная жизнь молодых не заладилась с самого начала, и брак оказался непродолжительным. Тут сказались и сбывшееся мрачное предсказание Распутина, и обнаружившиеся вдруг садистские, противостественные наклонности молодого лейтенанта, и даже его безумие. Сама Вырубова коротко писала об этом спустя много лет: «Брак ничего, кроме горя, мне не принес. На состоянии нервов моего мужа, вероятно, отразились все ужасы пережитого, когда тонул «Петропавловск», и вскоре после свадьбы у него появились признаки тяжелого психического заболевания. Сначала я думала, что это только временное состояние, и тщательно скрывала болезнь мужа от моей матери. Но, в конце концов, мой муж был признан ненормальным, был помещен в лечебное заведение в Швейцарии, и я получила развод»⁴³¹.

Эта семейная драма послужила толчком к началу многих событий, поэтому необходимо уточнить ряд моментов. Во-первых, личная драма не помешала Анне Вырубовой в сентябре 1907 г. принять приглашение отправиться в очередное плавание на «Штандарт» в финские шхеры вместе с царской семьей. И именно тогда в свете впервые начали настойчиво циркулировать слухи о «противоестественной» связи императрицы и Вырубовой. Дело в том что во время этого плавания «Штандарт» наскочил на подводный камень и едва не затонул, получив две пробоины в корпусе. Царскую семью и ее окружение срочно переправили на один из кораблей конвоя. Спустя несколько месяцев, 2 февраля 1908 г., весьма осведомленная генеральша А. В. Богданович записала в своем дневнике⁴³²: «Всех поражает странная дружба молодой царицы с ее бывшей фрейлиной Танеевой, которая вышла замуж за Вырубова. Когда во время поездки в шхеры лодка наткнулась на камень, эту ночь царская семья проводила на яхте «Александрия»⁴³³. Царь спал в рубке, а в свою каюту царица взяла Вырубову, на одной с ней постели спала»⁴³⁴. При этом Богданович называет и источник информации — капитана 1 ранга, помощника начальника Главного морского штаба при морском министре Сергея Ильича Зилотти.

От етате-дам до фрейлин

Видимо, Вырубова была прекрасно осведомлена об этих слухах и в мемуарах сочла необходимым специально остановиться на том, «кто и где спал». По ее словам, «императрица спала с наследником», Николай II и свита — в каютах наверху. Позже императорская семья перешла на подошедшую яхту «Александрия», но и там было очень тесно, поэтому Николай II спал в рубке на диване, дети — в большой каюте, кроме наследника. Далее шла каюта императрицы, рядом находилась каюта наследника, в которой он располагалась с няней М. Вишняковой. Вырубова туманно уточняла: «Я спала рядом в ванной»⁴³⁵.

Во-вторых, уже после развода, осенью 1908 г.⁴³⁶, Вырубова немедленно получила приглашение от царственной подруги поселиться близ Александровского дворца Царского Села. При этом, по ее словам, в это время она с мужем жила в Царском Селе, поскольку влиятельный отец Вырубовой пристроил зятя в дворцовое ведомство. Вряд ли молодому супругу могли понравиться слухи о близости жены с императрицей. Возможно, именно тогда и проявились садистские наклонности молодого лейтенанта. Вырубова писала: «Официальной должности у меня не было. Я жила при царице как неофициальная фрейлина и была ее близким личным другом. Она сказала: «Хоть один человек есть, который служит мне для меня, а не за вознаграждение»⁴³⁷. Надо заметить, что таких прецедентов в богатой скандалами истории императорской фамилии не существовало, а решение императрицы только способствовало распространению «лесбийской сплетни», пик которой пришелся на 1908–1910 гг.

В-третьих, несколько слов надо сказать и о неудавшемся браке. О садизме и извращениях Александра Вырубова мы знаем только из воспоминаний самой Анны, поскольку в исторической литературе сведений о нем практически нет. Упоминается только, что с 1913 по 1917 г. Вырубов являлся уездным предводителем полтавского дворянства. Надо заметить, что это была выборная должность, и вряд ли полтавские дворяне избрали бы своим предводителем извращенца и садиста. Они видели в нем офицера российского флота, участвовавшего в обороне Порт-Артура. Сейчас, конечно, трудно сказать, о каких извращениях писала Вырубова, но точно известно, что су-

пружеских отношений между молодыми не было, и Анна после 18 месяцев брака осталась девицей. Вполне возможно, «садистские извращения» свелись к тому, что лейтенант просто пытался выполнить свой супружеский долг? Или он не мог его выполнить? Или Вырубова была категорически против супружеских отношений?

В-четвертых, на 1907–1910 гг. пришлось время наибольшего влияния председателя Совета министров П. А. Столыпина на внутреннюю политику России. Это был властный человек, не желавший делиться влиянием. Поэтому слухи, клубившиеся вокруг императрицы и Вырубовой, дискредитировали один из центров власти, противостоящий Столыпину. Об этом в 1911 г. писал в дневнике А. А. Бобринский: «Не так императрица Александра Федоровна больна, как говорят. Столыпину выгодно раздувать ее неспособность и болезни, благо неприятна ему. Правые теперь будут демонстративно выставлять императрицу, а то в угоду, как оказывается, Столыпину ее бойкотировали и замалчивали и заменяли Марией Федоровной. Говорят, что лесбийская связь ее с Вырубовой преувеличена»⁴³⁸.

Весной 1917 г. Временным правительством с целью сбора компромата на царскую семью и ее окружение была создана Чрезвычайная следственная комиссия, в которой образована специальная подкомиссия, специализировавшаяся на расследовании деятельности так называемых «темных сил», окружавших царскую семью. К числу этих «темных сил», безусловно, была отнесена и Анна Вырубова. В марте 1917 г. ее арестовали и поместили в одну из камер Петропавловской крепости. Летом этого же года Вырубова настояла на том, чтобы было проведено ее гинекологическое освидетельствование. Столь необычная просьба заключенной была связана с расхожими обвинениями в том, что она сожительствовала с Григорием Распутиным. Обследование установило, что Вырубова девственница⁴³⁹.

В «Заключении доктора Манухина, данном на основании результатов медицинского освидетельствования, произведенного в Трубецком бастионе Петропавловской крепости», сказано: «22-х лет она вышла замуж... с мужем жила всего один год. По ее словам, муж страдал половым бессилием с склонностью к садизму; после одной из сцен, когда муж бросил ее обнаженную на

От етате-дам до фрейлин

пол и бил, они расстались; с тех пор свидетельствуемая половой жизнью не жила. В конце прошлого года вследствие бывших у нее болей в нижней части живота и для уяснения причины заболевания ее правой ноги ей предложили произвести исследование половых органов; неожиданно для производства исследования *per vaginam* оказалось нужным надрезать ее девственную плеву, так как она не была вполне нарушена слабосильным мужем; свидетельницей изложенного может быть, по ее словам, старшая фельдшерница Дворцового госпиталя в Петергофе Карасева. Петроград, 6 июня 1917 г.»⁴⁴⁰.

Тогда это поразило многих, но не ближайшее царское окружение, поскольку о девственности Вырубовой свита знала с января 1915 г. После того как в январе 1915 г. Вырубова попала в железнодорожную катастрофу, ее осматривал профессор С. П. Федоров. Впоследствии начальник подвижной охраны царя полковник А. И. Спиридович писал, что был «поражен, когда лейб-хирург Федоров сказал мне, что делая медицинское исследование госпожи Вырубовой еще с одним профессором вследствие перелома бедра, они неожиданно убедились, что она девственница. Больная подтвердила им это и дала кое-какие разъяснения относительно своей супружеской жизни с Вырубовым»⁴⁴¹.

Этот факт сегодня интерпретируют по-разному. Так, Э. Радзинский утверждает, что, по его мнению, Вырубова, безусловно, была скрытой лесбиянкой. Он предполагает, что императрице не было дела до сексуальной ориентации подруги, ее интересовала только искренняя привязанность Вырубовой, и не имело значения, чем она диктовалась. Эта привязанность-любовь была жизненно необходима неврастеничной императрице, окруженной всеобщим недоброжелательством. Женщине, замкнутой в очень непростых семейных проблемах, которые тщательно скрывались от глаз посторонних, была крайне важна такая подруга, а уж какой она ориентации — дело десятое.

Конец 1907 г. для Александры Федоровны оказался тяжелым — она болела. Характер заболевания в медицинских документах не указывается, но, судя по количеству визитов, проблемы были серьезные. Так, с 11 по 30 ноября 1907 г. врач Дворцового госпиталя Придворной медицинской части Фишер нанес императрице 29 визитов, а с 1 по 21 декабря посетил

императрицу 13 раз⁴⁴² — всего 42 визита. Видимо, эти посещения продолжались и далее, поскольку сама императрица писала своей дочери Татьяне 30 декабря 1907 г.: «Доктор сейчас опять сделал укол — сегодня в правую ногу. Сегодня 49 день моей болезни, завтра пойдет 8-я неделя»⁴⁴³. Поскольку императрица писала дочери, то можно предположить, что она была изолирована от детей. По ее счету болезнь проявилась в первых числах ноября 1907 г. Опираясь на мемуары и дневниковые записи, можно предположить, что с 1906–1907 гг. у императрицы начались серьезные проблемы с сердцем. Но поскольку эти проблемы не афишировались, на них стали накладываться слухи о психической неуравновешенности императрицы, проявляющейся в порочной связи с Вырубовой.

Слух о лесбийской связи императрицы продолжал распространяться во второй половине 1908 г., подогреваемый разводом ее подруги с лейтенантом Вырубовым. Именно тогда приобрели популярность очередные домыслы, что этот скоротечный брак должен был просто прикрыть порочную связь Вырубовой и императрицы.

Цитирование этих слухов также нуждается в комментариях. В июне 1908 г. А. В. Богданович записала со ссылкой на княгиню Д. В. Кочубей⁴⁴⁴, будто причиной развода Вырубовой с мужем стало то, что «муж этой Танеевой, Вырубов, нашел у нее письма от царицы, которые наводят на печальные размышления»⁴⁴⁵. Теперь известно, что императрица действительно писала огромные и крайне эмоциональные письма, была в них достаточно откровенна и, с точки зрения обывателя, неосторожна. Таким образом, письма, которые будто бы нашел Вырубов, вполне могли иметь место, и содержание их могло быть истолковано превратно. Позже также случались подобные истории. Так, в 1912 г. в руки думской оппозиции попали письма Александры Федоровны к Распутину, где тоже были двусмысленные фразы, позволившие оппозиции немедленно запустить сплетню о том, что императрица неверна мужу — императору Николаю II. Видимо, императрица сделала выводы из этих историй и в марте 1917 г., по словам Вырубовой, «уничтожила все дорогие ей письма и дневники и собственноручно сожгла у меня в комнате шесть ящичков своих писем ко мне»⁴⁴⁶.

От етате-дам до фрейлин

В сентябре 1908 г. Вырубова вновь путешествовала на «Штандарте». Именно с этого времени ей начали приписывать политическое влияние на царскую семью. У А. В. Богданович имелись очень надежные источники, которые могли наблюдать не только официальную, но и неофициальную сторону жизни императорской семьи. Это были личные камердинеры царя — Н. А. Радциг⁴⁴⁷ и Н. Ф. Шалберов⁴⁴⁸, которые регулярно посещали салон А. В. Богданович и делились с гостеприимной хозяйкой последними дворцовыми новостями. Так, Шалберов «удивлялся тому, что такую «мерзавку», как Вырубова, царица так любит, что она у царицы и днюет, и ночует» (запись от 3 ноября 1908 г.)⁴⁴⁹. Через несколько дней Н. А. Радциг сообщил, что видел фотографию Вырубовой, где она запечатлена «рядом с мужиком», у которого «зверские глаза, самая противная, нахальная наружность» (запись от 5 ноября 1908 г.)⁴⁵⁰. Мужиком, конечно, был Григорий Распутин.

Но окончательный «диагноз» взаимоотношениям Вырубовой и Александры Федоровны А. В. Богданович поставила в конце ноября 1908 г. И надо вновь признать, что у нее были первоклассные источники. 21 ноября она писала со ссылкой на Зилотти, что «царь очень нервен, что причиной этому царица, ее ненормальные вкусы, ее непонятная любовь к Вырубовой»⁴⁵¹. Надо отдать генеральше должное: она перепроверила эту информацию и со ссылкой на дворцового коменданта генерал-лейтенанта Владимира Александровича Дедюлина⁴⁵² привела его слова о том, что «в Царском Селе прелюбодеяние»⁴⁵³.

Необходимо отметить еще одно важное событие в царском окружении: в 1907 г. умер семейный доктор лейб-хирург Густав Иванович Гирш⁴⁵⁴, и в результате сложных подковерных интриг новым врачом императорской семьи стал Евгений Сергеевич Боткин⁴⁵⁵. Это еще раз показывает действие механизма по проведению на близкие к императорской семье должности «своих» людей. И одним из важных рычагов этого механизма была «глуповатая», по мнению досужего светского общества, Анна Вырубова.

Окончательный выбор врача был сделан лично императрицей Александрой Федоровной, но с подачи Вырубовой, которая писала об этом в мемуарах: «Выбор ее остановился на Е. С. Боткине, враче Георгиевской общины,

которого она знала с Японской войны, — о знаменитости⁴⁵⁶ она и слышать не хотела. Императрица приказала мне позвать его к себе и передать ее волю. Доктор Боткин был очень скромный врач и не без смущения выслушал мои слова. Он начал с того, что положил Государыню на три месяца в постель, а потом совсем запретил ходить, так что ее возили в кресле по саду. Доктор говорил, что она надорвала сердце, скрывая свое плохое самочувствие»⁴⁵⁷.

Кандидатуру Е. С. Боткина поддерживали весьма влиятельные силы, в числе прочих протезировала и его родственница фрейлина императрицы О. Е. Бюцова. А. В. Богданович со слов камердинера Шевича записала в дневнике о причинах появления нового врача: «Бывший придворный доктор Фишер, лечивший царицу, прямо письменно заявил царю, что царицу вылечить не может, пока ее не разлучат с Вырубовой. Но это письмо воздействия не имело: Вырубова осталась, а Фишер был уволен, а на его место назначен Боткин, ставленник Танеева»⁴⁵⁸. Думается, что версия Богданович наиболее полно показывает истинные причины появления нового врача, а смерть старого Гирша была только предлогом для этого.

4 апреля 1908 г. обер-гофмаршал П. К. Бенкендорф направил министру императорского двора Владимиру Борисовичу Фредериксу извещение, в котором сообщал, что императрица «желает, чтобы ко дню Св. Пасхи почетный лейб-медик Е. С. Боткин был бы назначен лейб-медиком на место покойного Г. И. Гирша»⁴⁵⁹. 8 апреля 1908 г. Фредерикс наложил резолюцию: «Высочайшее повеление исполнить».

После назначения Е. С. Боткина на должность лейб-медика изменился сам характер оказания императрице медицинской помощи. Если до этого Александра Федоровна много и охотно лечилась у ведущих профессоров Военно-медицинской академии, то с 1908 г. она ограничивалась услугами одного Е. С. Боткина, что также не осталось незамеченным. В мае 1910 г. А. В. Богданович записала: «Был Рейн»⁴⁶⁰. Про молодую царицу сказал, что неоднократно ей предлагали позвать его, но она все отклоняет, не хочет показываться специалисту. Надо думать, что у нее есть что-то секретное, что она не решается доверить, и, зная, что опытный врач поймет, в чем дело, отклоняет помощь специалистов»⁴⁶¹.

От етате-дам до фрейлин

Известно, что мемуары и дневниковые записи, как правило, субъективны, поэтому приведенные материалы необходимо подкрепить архивными официальными документами. Наиболее информативными в контексте нашей темы являются поденные отчеты Дворцовой полиции, в которых подробно фиксировались все перемещения царственных особ и их контакты. Официально они назывались «Дневники выездов их императорских величеств». Поскольку Дворцовая полиция в то время выполняла функции личной охраны императорской четы, то к этим документам можно относиться с безусловным доверием. Анализ документов позволяет восстановить канву повседневной жизни царя и его семьи. Мы воспользуемся записями за 1910 г.

К этому времени у императрицы сложился свой распорядок дня. Утром — занятия с детьми и общая молитва. Завтракать Александра Федоровна предпочитала одна. В тот год она вообще старалась не бывать на людях, что связано и с ее болячками, и с особенностями характера. Например, 22 января 1910 г. на завтрак в 13 часов из Петербурга приехали вдовствующая императрица Мария Федоровна, младший брат царя великий князь Михаил и принц Петр Ольденбургский с женой, младшей сестрой царя, великой княгиней Ольгой Александровной. Собралась только семья, но императрица предпочла завтракать отдельно. Гости долго не задержались и уже в 14 часов 28 минут уехали.

Такая нелюдимость императрицы была связана с обострением ее заболеваний. О проблемах с сердцем упоминается в дневнике великой княгини Ксении Александровны: «Бедный Ники озабочен и расстроен здоровьем Аликс. У нее опять были сильные боли в сердце, и она очень ослабела. Говорят, что это на нервной подкладке, нервы сердечной сумки. По-видимому, это гораздо серьезнее, чем думают»⁴⁶². Великий князь Константин Константинович тогда же, в 1910 г., записал в дневнике: «Между завтраком и приемом царь провел меня к императрице, все не поправляющейся. Уже больше года у нее боли в сердце, слабость, неврастения»⁴⁶³. Для лечения императрицы активно применяли успокаивающий массаж. Тем не менее заболевание не мешало ей ежедневно встречаться с Вырубовой.

Такая ситуация в семье, видимо, не устраивала вдовствующую императрицу Марию Федоровну. За весь год она виделась с невесткой только четыре раза: три — в апреле во время приезда в Петербург старшей сестры Александры Федоровны Ирэны Прусской и один — в мае на официальных мероприятиях, связанных с панихидой по умершему английскому королю. Дважды во время визитов Марии Федоровны в Царское Село, 22 января и 14 мая (торжественный завтрак по случаю очередной годовщины коронации, на котором присутствовали 360 человек), Александра Федоровна предпочитала оставаться в своих апартаментах, что объяснялось ее болезнью. Сама Александра Федоровна за 1910 г. посетила Петербург только четыре раза. Причем один раз (8 апреля) она с мужем заехала на 45 минут в Зимний дворец и тут же отправилась в Царское Село. Остальные посещения столицы носили вынужденный характер и были связаны с официальными мероприятиями и визитами.

В этот год круг общения Александры Федоровны был очень ограничен. 21 марта ее посетила старшая сестра великая княгиня Елизавета Федоровна, 23 апреля на день рождения императрицы приехала Ирэна Прусская, которая гостила до 9 мая. Накануне дня рождения Николая II (с 3 по 6 мая) все три сестры последний раз собирались вместе.

Но при этом в первой половине 1910 г. в отчетах Дворцовой полиции имя Вырубовой упоминается практически ежедневно. Весь январь императрица и Вырубова встречались почти каждый день, проводя по полчаса на Новой террасе близ Александровского дворца в Царском Селе, как правило, с 15 часов до 15 часов 30 минут. В феврале императрица каталась по парку на санках, а Вырубова сопровождала ее пешком, они также катались на санках по городу. Начиная с конца февраля 1910 г. в распорядок дня кроме дневных встреч вошли и ежевечерние, даже скорее ночные визиты императрицы к своей подруге. Обычно Александра Федоровна выезжала из дворца в 23 часа и возвращалась обратно уже за полночь. Этого распорядка она придерживалась и в очень загруженные дни. Так, 24 апреля императрица после утренней молитвы в 11 часов уехала на короткое время к Вырубовой (с 11.12 до 11.50), затем вместе с сестрой отправилась в Петербург, где

От етате-дам до фрейлин

наносила светские визиты, поздно вечером возвратилась в Царское Село и вновь посетила Вырубову (с 23.35 до 24.25). И так изо дня в день. Эта почти судорожная привязанность Александры Федоровны к Вырубовой на фоне игнорирования даже обязательных официальных мероприятий, безусловно, порождала нелестные для императрицы толки.

Можно, конечно, предположить, что частые поездки императрицы к Вырубовой были связаны с ее регулярными встречами с Распутиным. Но в данных наружной охраны имя старца за этот год вообще не упоминается, хотя все контакты царской семьи на личном и официальном уровне тщательно отслеживались. Из других источников нам известно, что в 1910 г. и Александра Федоровна, и Николай II неоднократно виделись с Распутиным. В дневнике царя за январь и первую половину февраля 1910 г. упоминается о 10 таких встречах. Николай II в своих дневниковых записях, как правило, был очень лаконичен, поэтому просто фиксировал сам факт встречи, иногда указывая и время. Так, 3 января 1910 г. среди упоминаний о домашних делах этого дня царь зафиксировал: «Видели Григория между 7 и 8 часами»⁴⁶⁴. Иногда он отмечал, что долго беседовал с ним. По характеру записей можно утверждать, что большая часть этих встреч происходила в Александровском дворце. Видимо, император запретил официально фиксировать такие встречи. Но надо сказать, что полиция в 1910 г. не отметила ни одной совместной поездки Николая II и Александры Федоровны к Вырубовой.

Несколько слов о доме Вырубовой. В 1908 г. она поселилась в Царском Селе в небольшом дачном доме, буквально в нескольких шагах от императорской резиденции. Эта желто-белая дача была построена архитектором П. В. Ниловым в 1805 г. Зимой там было очень холодно. После 1917 г. этот дом предоставили в аренду художнику И. Ершову, работавшему в Ленинградской консерватории. С 1936 г. и до немецкой оккупации в 1941 г. дом использовался Консерваторией. В настоящее время там находится ЗАГС г. Пушкина.

Говоря о взаимоотношениях Александры Федоровны и Вырубовой, следует коснуться и денежного вопроса. Анна Вырубова будучи фрейлиной

получала 4000 рублей в год. Утратив этот статус после замужества, она стала «просто» подругой императрицы, однако эта «должность» не оплачивалась, и Вырубова оказалась в сложном материальном положении. Родители ее, конечно, содержали, однако жизнь при монархах была достаточно затратной. Министр императорского двора В. Б. Фредерикс тактично дал понять Александре Федоровне, что у ее подруги проблемы с деньгами. В результате императрица стала дарить Вырубовой платья и материю к праздникам, но денег ей это не прибавило. Наконец, между императрицей и ее подругой состоялся предметный разговор. По словам А. А. Вырубовой: «Она спросила, сколько я трачу в месяц, но точной цифры я сказать не могла; тогда, взяв карандаш и бумагу, она стала со мной высчитывать: жалованье, кухня, керосин и т. д. — вышло 270 руб. в месяц. Ее величество написала графу Фредериксу, чтобы ей посылала из Министерства двора эту сумму, которую и передавала мне каждое первое число». В последние годы императрица оплачивала дачу (2000 рублей) Вырубовой⁴⁶⁵.

26 мая 1910 г. царская семья по традиции переехала в Петергоф, при этом распорядок ее жизни практически не изменился. Вырубова также отправилась в Петергоф. 21 июня царская семья на яхте «Александрия» отбыла на традиционный отдых в финские шхеры. Неспешное плавание продолжалось достаточно долго, и в Петергоф они вернулись только 19 июля, и конечно, их сопровождала Вырубова. 15 августа царская семья отбыла за границу для лечения Александры Федоровны на курорте в Наугейме. Лечение не было особенно эффективным, и Вырубова писала, что по ее приезде в Наугейм она «нашла императрицу похудевшей и утомленной лечением». Сам Николай Александрович в сентябре 1910 г. писал П. А. Столыпину из замка Фридберг: «Лечение Ее Величество переносит хорошо, но оно еще далеко не конечно»⁴⁶⁶. В ноябре царская семья отправилась домой. По словам Вырубовой, ситуация несколько стабилизировалась: «Лечение принесло пользу, и она чувствовала себя недурно». Однако как следует из письма царя к матери в ноябре 1910 г.: «Аликс устала от дороги и снова страдает от болей в спине и в ногах, а по временам и в сердце»⁴⁶⁷. Царская семья прибыла в Царское Село утром 3 ноября.

От етате-дам до фрейлин

Эта поездка вновь подогрела старые слухи, отражением коих стала дневниковая запись за ноябрь 1910 г. одного из мемуаристов, который отметил, что императрицы «не было на выходе. Ее психическая болезнь — факт»⁴⁶⁸. В декабре 1910 г. А. В. Богданович со слов императорского камердинера Радцига опять упомянула о Вырубовой: «Более чем когда-либо она близка с Вырубовой, которой все говорит, что ей говорит царь, царь же царице все постоянно высказывает. Вырубову во дворце все презирают, но никто против нее идти не решается, — она бывает постоянно у царицы: утром от 11 до часу, затем от двух часов до пяти и каждый вечер до 11½ часов. Прежде бывало, что во время прихода царя Вырубова сокращалась, а теперь сидит все время. В 11½ царь идет заниматься, а Вырубова с царицей идут в спальню. Печальная, постыдная картина!»⁴⁶⁹

Возникает немаловажный вопрос: как царская семья реагировала на эти слухи, которые, несомненно, до нее доходили? Внешне — никак. Николай II очень ревниво относился к вмешательству в его частную жизнь, он немедленно пресекал все попытки «открыть ему глаза», будь то «шалости» Распутина или «отношения» жены с Вырубовой. Фактом остается то, что все старания опорочить в глазах царской семьи как Вырубову, так и Распутина были безрезультатны. Вместе с тем нежелание царской семьи следовать сложившимся стандартам и традициям, безусловно, подрывало престиж самодержавной власти в России.

Таким образом, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в 1905–1906 гг. рядом с императрицей появилась настоящая подруга, однако особенности психоэмоционального склада Александры Федоровны вывели эту дружбу за рамки сложившихся стереотипов, что создало почву для появления порочащих ее слухов.

Во-вторых, в это же время у императрицы возникли серьезные проблемы со здоровьем — и не столько с большим сердцем, сколько в сфере психиатрии. Поэтому с 1908 г. Александра Федоровна фактически отказалась от услуг квалифицированных медиков и ограничилась помощью домашнего врача, принимавшего тот диагноз, который ставила сама императрица.

В-третьих, о лесбийских слухах можно говорить только как о версии, причем, естественно, политизированного характера. В кризисный для нее период Александра Федоровна судорожно цеплялась за эмоциональную поддержку своей единственной подруги — Вырубовой. Говорить о конкретном характере этой эмоциональной поддержки бессмысленно.

К 1912 г. этот слух постепенно угас, и новой темой для досужих разговоров стала «близость» Александры Федоровны с Распутиным. Фактически эти истории лежали в одной плоскости, имея главной целью — опорочить репутацию не только императрицы Александры Федоровны, но и всей императорской фамилии, дискредитировать идею самодержавия в глазах народа. Это была уже политическая линия, которую последовательно проводили лидеры буржуазных партий, борясь за власть.

После Февральской революции 1917 г. близкие к императорской чете люди попытались восстановить доброе имя императрицы. Так, Лили Ден впоследствии категорически заявляла, «что это утверждение просто чудовищно»⁴⁷⁰. Говоря об отношениях Вырубовой с Распутиным, она писала: «Я уверена, что Анна не любила его как мужчину»⁴⁷¹, и что «ни о каком плотском влечении не могло быть и речи»⁴⁷². Об этом же заявлял близкий друг императорской семьи офицер яхты «Штандарт» Н. П. Саблин в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Я совершенно отрицаю возможность физической близости Распутина к государыне и к Вырубовой»⁴⁷³. Мы упоминали мнение Э. Радзинского о том, что Вырубова являлась скрытой лесбиянкой. С другой стороны, можно привести слова современного биографа Николая II доктора исторических наук профессора А. Боханова, который утверждает, что «разговоры о «противоестественной любви» не имели под собой ни малейшей почвы»⁴⁷⁴.

Особо хотелось бы обратить внимание на слова весьма авторитетного для царицы отца Феофана, который во время допроса в той же следственной комиссии Временного правительства показал: «У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю как бывший духовник Го-

От етате-дам до фрейлин

сударыни... И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Федоровне»⁴⁷⁵.

К сказанному выше можно добавить, что если Вырубова скрывала свои «увлечения», то в ближайшем окружении Александры Федоровны была еще одна откровенно «розовая» дама. В августе 1909 г. по категорическому настоянию императрицы княжна Вера Игнатъевна Гедройц⁴⁷⁶ была назначена на должность старшего врача Царскосельского придворного госпиталя. Именно В. И. Гедройц преподавала в августе 1914 г. медицину императрице и ее дочерям, и ей ассистировала Александра Федоровна на хирургических операциях в 1914–1916 гг. Гедройц и Вырубова оспаривали дружбу императрицы. По воспоминаниям современников, Гедройц о себе говорила в мужском роде: «Я пошел, я оперировал, я сказал». Она много курила, имела низкий голос. Ее называли «Жорж Санд Царского Села». Гедройц открыто жила с фрейлиной М. Д. Нирод⁴⁷⁷, которая работала хирургической сестрой в том же Царскосельском госпитале⁴⁷⁸.

На первый взгляд, знакомство с представленным материалом рождает ощущение, что «грех был». Вызывают доверие источники информации из Александровского дворца — камердинеры Радциг и Шалберов, дворцовый комендант Дедюлин, поденные отчеты Дворцовой полиции.

С другой стороны, жизнь бывает и сложнее, и проще шаблонных схем. Сама Вырубова писала: «В течение первых двух лет моих дружеских отношений с императрицей она пыталась так же тайно, как контрабанду, проводить меня в свой кабинет через комнату для прислуги, чтобы я не встретилась с ее фрейлинами. Императрица опасалась возбудить в них чувство ревности. Мы проводили время за рукоделием или чтением, и секретность встреч только создавала почву для ненужных слухов»⁴⁷⁹.

Позже во взаимоотношениях Александры Федоровны и Вырубовой случались периоды охлаждения, почти семейных ссор, но свою дружбу они сохранили до самого конца. Когда во время Февральской революции 1917 г. больная Анна Вырубова лежала в одной из комнат Свитской половины

Александровского дворца, доброжелатели императрице удалить ее из резиденции, поскольку она была слишком одиозной фигурой. На это предложение Александра Федоровна ответила: «Я не предаю друзей»⁴⁸⁰. В марте 1917 г. Вырубову арестовали и увезли в Петроград.

А. А. Вырубова сумела сохранить дружбу императрицы, находясь около трона на протяжении 12 лет. Она фактически являлась главной помощницей императрицы, которая с 1915 г. начала плотно втягиваться в политическую жизнь России. Она сумела сохранить имидж глуповатой, малосведущей и малопонимающей женщины в марте — июле 1917 г. во время допросов в Петропавловской крепости, а в августе революционные матросы повторно ее арестовали и заключили в Свеаборгскую крепость. В сентябре 1917 г. благодаря вмешательству Петросовета, который возглавлял Л. Д. Троцкий, она была освобождена и доставлена в Петроград, в Смольный. 8 октября 1918 г. по доносу Вырубова была вновь арестована ЧК, однако вскоре бежала из-под стражи при переезде из одной тюрьмы в другую — с Гороховой на Шпалерную.

Конечно, Анна Вырубова не была такой глуповатой простушкой, какой ее подчас рисуют современники. Так, последний министр внутренних дел царской России А. Д. Протопопов утверждал, что Вырубова являлась «фонографом слов и внушений... Государственной мысли своей нет, механически передавала слышанное»⁴⁸¹. Но «умного» Протопопова расстреляли большевики, а «глуповатая» Вырубова после нескольких арестов ухитрилась уцелеть и выжить в мясорубке Гражданской войны, когда «бывших» расстреливали пачками. Она сумела бежать из Петрограда в Финляндию в 1920 г., где прожила всю оставшуюся жизнь.

В 1923 г. в Париже А. А. Вырубова выпустила в свет на русском языке воспоминания «Страницы моей жизни». В том же году в Нью-Йорке вышло издание этой книги на английском языке. В 1937 г. Вырубова закончила работать над второй книгой воспоминаний, повторив в ней частично написанное в 1923 г. Рукопись пролежала до 1984 г., когда и была издана под названием «Неопубликованные воспоминания А. А. Вырубовой».

От етате-дам до фрейлин

После начала советско-финской войны в ноябре 1939 г. Анна Вырубова бежала из-под Выборга, где она жила, в глубь Финляндии и тоже уцелела. В Финляндии она приняла тайный постриг в инокини под именем Марии и вела крайне замкнутую жизнь. Умерла Анна Александровна Вырубова в 1964 г., прожив 80 лет.

Придворная челядь

Подразделения Зимнего дворца являли собой грандиозный хозяйственный механизм, включавший все необходимое для обеспечения жизни. Императорский двор обслуживался многочисленным штатом чиновников и служителей, большая часть которых проживала в непарадных помещениях резиденций. Только в Зимнем дворце к моменту пожара 1837 г. обитали около 3500 человек⁴⁸², главным образом прислуга.

В результате неоднократных изменений придворных штатов на рубеже XIX–XX вв. общее число должностей придворнослужителей в Петербурге и дворцовых пригородах, а также в Москве составило около трех тысяч: в Придворной Петербургской конторе числились 104 чиновника и 800 человек прислуги в Зимнем и Аничковых дворцах; в Царскосельском дворцовом правлении — 52 чиновника и 300 человек прислуги в Екатерининском и Александровском дворцах; в Петергофском дворцовом правлении — 40 чиновников и 245 человек прислуги в Большом Петергофском дворце, Коттедже, Ферме и Нижнем дворце; в Гатчинском дворцовом правлении — 30 чиновников и 175 человек прислуги в Гатчинском дворце; в Придворно-конюшенной конторе — 57 чиновников и 656 кучеров, конюхов при 97 лошадях; в Московской дворовой конторе — 80 чиновников и

Придворная челядь

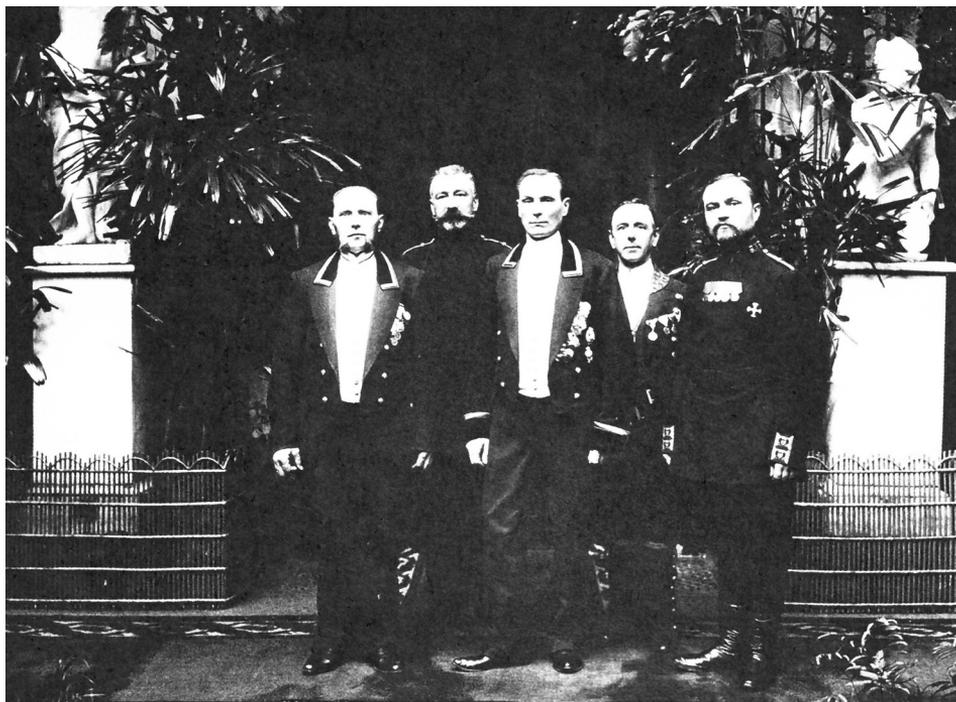
180 человек прислуги в Большом Кремлевском дворце. Итого 2719 человек: чиновников — 363, прислуги — 2356⁴⁸³.

Великий князь Александр Михайлович также в своих воспоминаниях отмечал, что все императорские резиденции имели около 3000 дворцовых служащих: Зимний дворец обслуживал персонал в 120 человек придворных служителей и лакеев; Александровский и Екатерининский дворцы содержал персонал Царскосельского дворцового управления, достигавший 600 человек; Петергоф и Крымские имения также требовали большого персонала, а главное — значительного количества садовников⁴⁸⁴.

В центре этого круговорота находилась императорская семья, которую обслуживало множество людей. Значительную часть населения дворца составляла придворная челядь, по терминологии того времени — придворнослужители. Как правило, слуги имели специальности или специализации, так или иначе связанные с обслуживанием либо самого дворца, либо императорской семьи. При этом степень влияния любого человека в Зимнем дворце прямо определялась его близостью к монархам.

У дворцовых слуг было достаточно четкое представление о служебных перспективах. Поскольку в николаевской России все было жестко регламентировано, то и для придворных слуг определялся порядок выслуги чинов. В 1827 г. было выработано «Установление классов чинов для придворных официантов и порядок производства в оные» — имелись в виду гоффурьеры, мундшенки, кофешенки и прочие мундкохи. В документе отмечалось, что классные чины дворцовым слугам давались еще в XVIII в., но в «Придворном штате», изданном 18 декабря 1801 г., никому из них «никаких классов не назначено». Николай I дал возможность дворцовым слугам вновь выслуживать чины. Получить классный чин можно было только после десяти лет беспорочной службы при императорских дворцах. Карьерным потолком для гоффурьеров и мундшенков стал IX класс, для всех прочих — XII класс⁴⁸⁵.

В силу тех или иных причин эти законодательные нормы менялись. В декабре 1839 г. был введен в оборот новый «Порядок производства в чины камердинеров, гоффурьеров, мундшенков, камер-фурьеров и прочих

Служащие и внутренняя охрана Зимнего дворца

официантов»⁴⁸⁶. Общий смысл этого документа сводился к дальнейшему ужесточению норм, связанных как с выслугой лет, так и с классами чинов. Однако в России даже при Николае I в принятые законы тут же начинали вносить поправки. Так, уже в сентябре 1840 г. к «Правилу о производстве камердинеров» (от 7 декабря 1839 г. № 12 954) было сделано дополнение «О порядке производства в чины камердинеров»: «Постановить, чтобы камердинеры по выслуге в 7 лет или вообще в офицантском звании 10-ти лет производимы были в чин 10 класса, следующие же не далее 8 класса, награждались на общем основании с гражданскими чиновниками 3 разряда». Видимо, поводом к этой поправке стало ходатайство младшего брата

царя — великого князя Михаила Павловича, по которому его камердинер Иван Павлов, пребывавший в XII классе, был произведен в X класс⁴⁸⁷.

К началу 1850-х гг. окончательно сложился порядок карьерного роста придворнослужащих. Согласно «Правилам о производстве в классные чины официантов, певчих и других лиц Министерства императорского двора», утвержденным в декабре 1852 г., после десяти лет безупречной службы гоф-фурьерам жаловался чин IX класса. Прочие слуги могли быть удостоены чина XII класса, но это был их служебный потолок, если только они не переходили на должности камердинеров или камер-фурьеров. Камердинеры при высочайших особах при безупречной выслуге в семь лет (и еще в официантских чинах десять лет) производились в XII класс и могли быть производимы в следующие чины до VIII класса в установленные календарные сроки. Если слуга, уже имея классный чин, назначался на должность камер-фурьера из камердинеров или гоф-фурьеров, то он получал чин VI класса, но далее не производился. Примечательно, что в этих «Правилах» закреплялся кастовый, наследственный характер придворной службы. Так, придворнослужащим категорически запрещался переход из дворцовой на гражданскую службу, их дети также должны были служить по придворному ведомству. Переход в другие ведомства был возможен только с разрешения министра императорского двора⁴⁸⁸.

Дворцовые слуги могли получать различные награды. В марте 1828 г. на придворных официантов, выслуживших классные чины, было распространено право на получение знака отличия беспорочной службы⁴⁸⁹. Однако уже через два месяца против подобной практики с категорическим протестом выступил канцлер Капитула российских орденов. Николай I принял сторону Капитула и запретил награждать официантов по выслуге лет орденами, но при этом разрешил носить орденские знаки тем, кто их уже имел⁴⁹⁰. Во второй половине XIX в. официантов вновь стали награждать медалями, и судя по фотографиям лакеев с иконостасами медалей, делалось это нередко.

Императорские резиденции были своеобразными общежитиями, жестко разделенными на зоны обитания — от императорских половин до кухонных помещений. Поэтому и дворцовые слуги, обслуживающие разные половины,

занимали различное положение. Безусловно, главенствующую роль играли придворнослужители, непосредственно соприкасающиеся с императорской семьей. Те, кто обслуживал окружение императорской семьи, стояли в придворной иерархии несколько ниже, но у них была своя высокая цель — «выбиться в люди», то есть войти в круг тех, кто топил печи на императорской половине, подавал кофе, мгновенно появлялся на звон колокольчика и выносил ночной горшок. Ближний круг российских императоров формировали не только слуги-аристократы, но и многочисленные простолюдины, которые кормили их детей, накрывали на столы, готовили еду, убрали и протопили комнаты, служили кучерами и выполняли множество других работ. Одни из них были ближе к царственной особе, другие видели царя только изредка, но все они служили при императорских резиденциях и так или иначе входили в ближний круг императорской семьи. Царские дети знали их с детства, иногда по именам. Императоры из своих гардеробных сумм выплачивали им награды на дни рождения, Рождество и Пасху. Это были люди, которые своей работой обеспечивали комфорт повседневной жизни российских императоров.

Дворцовая служба уже к началу XIX в. стала наследственным делом, переходившим от отцов к сыновьям. В результате сообщество придворнослужителей превратилось в почти замкнутую касту со своей этикой и жизненными ценностями. Для хозяев дворцов это было, безусловно, выгодно и удобно. Дети придворнослужителей росли во дворцах, с малолетства впитывая все писаные и неписаные правила и обязанности. Начальство проявляло своеобразную заботу об этих детях, обучая их грамоте в придворнослужительской школе и давая им те профессии, в которых нуждался дворец.

Штатные должности

На протяжении XIX в. штаты личной прислуги несколько раз пересматривались. Как правило, это происходило при смене императоров. Так, при Николае I последний раз штаты дворцовой прислуги были пересмотрены

Придворная челядь

16 апреля 1851 г., в результате чего личную прислугу императора составляли 14 человек: пять камердинеров, старший камердинерский помощник, два младших камердинерских помощника, два рейнкнехта в звании камер-лакеев, два рейкнехта в звании лакеев и два лакея.

Штат, обслуживавший жену Николая I, императрицу Александру Федоровну, был многочисленнее и сложнее по составу, доходя порой до 20 человек. В их число входили камер-фрау, старшая камер-юнгфера, младшая камер-юнгфера, две камер-медхен, четыре камердинера, парикмахер, камер-лакей, четыре лакея, портниха при гардеробе, гладильщица и гардеробский помощник.

При Александре II и Александре III был взят курс на удешевление содержания двора, поэтому даже число личных слуг императоров было несколько уменьшено. Так, по штатам 1881 г. при комнатах императора Александра III состояли пять камердинеров (с окладом 144 рубля в год), один старший камердинерский помощник (258 рублей), два младших камердинерских помощника (201 рубль), три истопника (по 144 рубля) и лейб-кучер (258 рублей)⁴⁹¹ — всего 12 человек.

Наряду с ними императорскую семью на ее половине обслуживали и другие многочисленные слуги. Например, по штату 1851 г. в их число входили: два камер-фурьера, два гоффурьера, 10 камер-лакеев, 10 швейцаров, четыре камер-казака, четыре скорохода, восемь арапов (четыре старших и четыре младших), 75 лакеев, 90 истопников, три фельдшера с двумя учениками и три парикмахера с двумя учениками — всего 215 человек.

Штаты Придворной конторы 1881 г. в целом сохранили число личных слуг императорской семьи, было уточнено лишь количество работающих на императорской кухне. При кухне числились семь метрдотелей (по 715 рублей в год), 24 повара (144 рубля), 116 кухонных работников (116 рублей), пять скороходов (258 рублей), восемь арапов (четыре старших — 258 рублей и четыре младших — 201 рубль), 83 лакея (201 рубль), 90 истопников (по 116 рублей), 24 ламповщика (по 116 рублей). Была введена должность старшего архитектора с жалованьем 715 рублей в год (VIII класс). В результате штат прислуги на императорской половине увеличился до 358 человек.

Следует подчеркнуть, что, поступая на службу в императорские резиденции, слуги давали «Клятвенное обещание», форма которого сложилась еще в 1730 г.: «Понеже Ее Императорское Величество всемилостивейше соизволила меня в придворную службу в... принять и определить, того ради обещаю и клянусь всемогущим Богом во всем и всегда следовать моей должности... живота своего не щадить. Такжежде все, что мне и в моем надзирание повелено, со всякою молчаливостью тайно содержать и кроме того, кому необходимо потребно, не объявлять и о том, что при дворе происходит и я слышу и вижу, токмо тому, кто об оном ведать должен, никогда ничего не сказывать и не открывать... В чем я целую Евангелие и Крест Спасителя моего; к вящему же моего обещания подтверждению сию присягу своеручно подписную»⁴⁹².

Старшие придворные чины: овер-гофмаршал, гофмаршал, камер-фурьеры и гоффурьеры

К концу XVIII в. завершился процесс «блуждания» придворных чинов по классам «Табели о рангах». Они были закреплены «Придворным штатом» от 30 декабря 1796 г.

Иерархия придворных чинов, отвечавших за ведение огромного хозяйства императорского двора, начиналась с должности обер-гофмаршала, соответствующей II классу «Табели о рангах». Это была ключевая фигура, принимавшая стратегические решения, связанные с содержанием и развитием дворцового хозяйства, а также ведавшая придворными служителями. Последними сановниками, занимавшими эту должность, были князь А. С. Долгоруков (1899–1912) и граф П. К. Бенкендорф (1912–1917).

Не всегда, однако, обладатели придворных чинов получали профильные должности. Известны случаи назначения на эти должности военных, даже не имевших дополнительно придворных чинов. Так, при вступлении

Александра III на престол его гофмаршалом был назначен полковник и флигель-адъютант князь В. С. Оболенский. После его внезапной кончины на эту должность был приглашен Свиты его величества генерал-майор граф А. В. Голенищев-Кутузов (ранее занимавший пост военного агента в Берлине), сестры которого давно состояли фрейлинами при жене Александра III Марии Федоровне. На место умершего Голенищева-Кутузова был назначен граф П. К. Бенкендорф, имевший на то время лишь чин капитана, а в результате придворная должность гофмаршала со временем принесла ему звание генерал-адъютанта.

Должность гофмаршала, которая соответствовала придворному чину III класса, существовала при императорском дворе относительно недолго: с 1891 по 1912 г. В 1891–1899 гг. гофмаршалы возглавляли гофмаршальскую часть Министерства императорского двора, а с 1899 г. руководство этой структурой перешло в руки обер-гофмаршалов.

Важнейшим преимуществом придворных чинов считалось то, что их обладатели имели возможность постоянно и тесно общаться с представителями царствующего дома. Хорошо зная ситуацию, государственный секретарь А. А. Половцов в разговоре с Александром III имел все основания сказать: «У нас в России всегда будет сильно слово того человека, который имеет к вам личный доступ».

Непосредственным и повседневным руководством хозяйственными структурами императорского двора занимались камер-фурьеры. Именно они были «рабочими лошадками», ведавшими всей черновой работой. В их обязанности входило ведение особых камер-фурьерских журналов, в которых изо дня в день отмечались все события при императорском дворе. Камер-фурьеры награждались чином VI класса без права дальнейшего производства.

Далее в придворной иерархии чинов шли гоффурьеры, которые непосредственно руководили всем штатом прислуги. Они получали чин IX класса через десять лет службы и далее не производились. Чины камер-фурьера и гоффурьера считались не придворными, а при высочайшем дворе. Именно на них, кроме прочего, возлагалась ответственность за «целость и чистоту мебели и убранства в Зимнем дворце»⁴⁹³.

Некоторые из гоф-фурьеров в силу близости к императорам пользовались влиянием, несмотря на относительно скромное положение в дворцовой иерархии. Например, в период правления Александра III обязанности гоф-фурьера выполнял Р. Н. Ингано. На множестве хозяйственных документов, хранящихся в архиве (РГИА), остались его подписи. В Александровском дворце Царского Села в мемориальном кабинете Александра III вплоть до начала 1930-х гг. на одной из стен висела картина с подписью «Столовая наследника в Берестовце с портретом буфетчика Романа Николаевича Ингано. 1877/78 гг.». Как видно из надписи, Ингано сопровождал цесаревича в ходе русско-турецкой войны, а это не забывается.

Во время войны буфетчика попросту звали Remond, и в Руцукском отряде он проявлял чудеса изобретательности и энергичности. Так, в августе 1877 г. великий князь Сергей Александрович отметил «великолепный завтрак», при организации которого «Remond отличился, нас было за столом около 80 человек»⁴⁹⁴. О нем упоминает в «Письмах с Руцукского отряда» и граф С. Д. Шереметев: «14 июля 1877 г. Вчера приехал сюда флигель-адъютант Чингиз-хан и аничковский Raymond Ingano»⁴⁹⁵. В сентябре 1877 г. Remond кормил великих князей за ужином шампиньонами, которые «замечательно приготовил»⁴⁹⁶.

Клоритное описание Ингано оставил чиновник Министерства двора В. С. Кривенко: «... всегда юлил и неумолчимо тараторил по-французски с заметным итальянским произношением... Небольшого роста, черный как жук, с длинными бакенбардами и бритыми усами, кругленький, в синем вице-фраке итальянец. Подкарауливал Нарышкина, старался не оставлять его одного, и на правах не то прислуги, не то знатного иностранца не признававший для себя закрытых дверей. Ингано когда-то служил метрдотелем у гр. Воронцова-Дашкова и обошелся ему дорого, затем переходил от одного вельможи к другому до Аничковского дворца ко двору наследника и здесь сумел укрепиться. Со вступлением на престол Александра III он перешел к Большому Двору, где быстро акклиматизировался, постиг все уловки придворнослужителей и познал все возможности благополучия, открывавшиеся для сметливого, находчивого камер-фурьера по хозяйственной части

с неограниченными точно обязанностями и правами. Он не справлялся, уполномочен ли на такую-то бумагу или на такой-то заказ, а действовал, свершал. В случае запроса слышалось его авторитетное, смело-решительное объяснение необходимости поступить именно так, как сделал он. Ингано забегал со своими докладами не только к Нарышкину и Воронцову, но и в царские комнаты. Ходили слухи, что камер-фурьер стал загигать большие деньги не только на кухонных доходах, но и на разного рода суточных, кухонных, свечных и других выдачах из имевшегося у него аванса, для удовлетворения, так сказать, неотложных запросов дня. Разные мелкие чины, командированные в Гатчину или Петергоф... а также придворнослужители строили свое временное благополучие на добавочных придворных суточных. Более проворные, не стеснявшиеся шли на поклон к Ингано, который снисходил к просьбам, устраивал им денежные отпуска по своему усмотрению. Наиболее предприимчивые получали порционные и деньгами, и натурой, смотря по благоволению Ингано.

У нас, у русских, легко накладывается клеймо казнокрадов на людей, стоящих близко к хозяйственным операциям. Зная эту национальную повадку, я с особенной осторожностью отношусь к подобным слухам. Мне сдавалось, что Ингано руководило не коростылюбие, а жажда власти. Он наслаждался возможностью оказывать покровительство офицерам, чиновникам; горделиво, с высоко поднятой характерной головой, этот не вполне удавшийся Рюи Блаз скользил по дворцовому паркету, величаво принимая низкие поклоны придворнослужителей, казаков, фельдъегерей, и как свой человек входил к министру, появлялся перед царем. Сколько я мог понять честолюбивого итальянца, все это его тешило, но далеко не удовлетворяло; по некоторым намекам можно было думать, что у него роятся планы о расширении поля своей деятельности, связанной пока лакейским в сущности официальным его положением. Его подрезала хроническая болезнь, он должен был покинуть службу и вскоре умер»⁴⁹⁷.

В результате Ингано сделал довольно успешную служительскую карьеру: лакей, буфетчик, рейнкнехт, гоффурьер. После смерти Александра III он некоторое время служил камердинером Николая II. Как мы видим,

главным «трамплином» для карьерного рывка честолюбивого Ингано стала должность царского буфетчика, максимально приблизившая его к будущему императору.

Камердинеры

К числу придворных служителей-специалистов относились камердинеры и официанты — мундшенки (виночерпии), кофешенки, кондитеры, тафельдекеры (накрывающие стол) и прочие. Обычно им присваивали чин XII класса.

Наряду с гоффурьерами наиболее близко в повседневной жизни с российскими императорами были связаны их личные камердинеры. Для мемуаристов это были достаточно безликие фигуры, и в документах упоминаются в лучшем случае только их имена. Однако при жизни монархов они были довольно хорошо известны ближайшему окружению, поскольку находились буквально рядом с царем и вольно или невольно являлись свидетелями самых интимных сторон жизни императорской семьи. Это были весьма осведомленные люди, при этом пользовавшиеся расположением и полным доверием правящей четы. Как правило, служба их носила пожизненный характер — в том смысле, что служили они или пока были живы сами, или пока был жив их господин. После смерти хозяина они, как правило, уходили на покой или доставались «по наследству» преемнику умершего монарха.

Российские императрицы, будучи немками по происхождению, привозили камердинеров со своей родины. Как правило, число «привозных» слуг было ограниченным, но поскольку они все оставались при дворцах, то со временем в дворцовом штате появилось много слуг с немецкими фамилиями. Например, в числе камердинеров императрицы Марии Александровны (жены Александра II) упоминается некто Грюнберг.

Камердинеры российских императоров подбирались по иному принципу. Как правило, ими становились слуги, ухаживавшие с детства за будущими

царями. Это был традиционный тип «дядьки» при ребенке, подростке, юноше, а затем и царе. Между царем и камердинером устанавливался особый род «полусемейных» отношений, когда камердинер наедине мог ругнуть или поворчать на своего подопечного. Если такой старый слуга умирал, это становилось мимолетным, но тем не менее семейным горем.

Камердинеры появлялись в штате великих князей по достижении ими семи лет. Например, в 1853 г., когда формировался штат семилетнего великого князя Сергея Александровича (пятого сына Александра II), его камердинером стал старый унтер-офицер Тимофей Хренов, служивший при императорских детях с 1848 г. Одно из последних упоминаний о нем относится к 1877 г., когда «старик Хренов» сопровождал на Дунайский фронт 17-летнего великого князя Павла Александровича⁴⁹⁸. К этому времени дворцовый стаж военного дядьки составлял как минимум 30 лет.

Вторым камердинером великого князя стал некто Датский, о котором один из воспитателей писал, что он «был сначала хорош, умел служить, смотрел за имуществом, но потом он загордился, зазнался и был всегда несносен и к великим князьям и ко мне»⁴⁹⁹.

Когда наследник-цесаревич Николай Александрович в 1891 г. отправился в кругосветное плавание, Александр III в письмах регулярно сообщал сыну семейные новости. В апреле 1891 г. он упомянул в письме к сыну: «Умер мой бедный гардеробщик Брылов!»⁵⁰⁰ А ранее в одном из писем Александр III просил сына кланяться «от меня Радцигу и Шалберову»⁵⁰¹, которые были камердинерами Николая II с его детских лет. Когда Радциг умер, Николай II записал в дневнике 3 октября 1913 г.: «Вчера в Петербурге скончался мой старый верный друг — Радцих, прослуживший у меня лично с 5 мая 1877 года!» Из текста следует, что Радциг был одним из дворцовых слуг со стажем, ведь он находился лично при царе на протяжении 36 лет. У Николая II были все основания назвать камердинера «старым верным другом», поскольку он ходил за Николаем II с девятилетнего возраста и умер, когда его воспитаннику было уже 45 лет.

С конца 1840-х гг. у старшего сына Александра II — великого князя Николая Александровича служил камердинером некто Костин. Он оставал-

ся на службе буквально до последнего дня жизни цесаревича — до апреля 1865 г. После смерти цесаревича Костин стал камердинером Александра II.

Граф С. Д. Шереметев в своих воспоминаниях несколько страниц посвятил камердинерам Александра III. Это достаточно редко встречается в мемуарной литературе, поскольку на фоне царя фигура камердинера, по мнению многих, была достойна в лучшем случае мимолетного упоминания. По словам мемуариста, он «остановился на камердинерах потому, что это вовсе не ничтожно. Характер человека познается всего лучше людьми, занимающими такие должности»⁵⁰². Граф отметил, что застал в 1860-х гг. при Александре III старого камердинера его детства Кошева: «Толстый, неповоротливый старик, вечно не в духе, он отличался враждебностью ко всем адъютантам»⁵⁰³.

После смерти камердинера Кошева его место занял Миллер, «добродушнейший человек и добрейший. Он уже при Кошове считался вторым камердинером, на его же место поступил Вельцин. Оба они всего более оставались при Александре Александровиче. Последний в особенности хорошо изучил его привычки и был чрезвычайно сметлив, ловок, энергичен и догадлив. Совершенная противоположность ему был Миллер. Камердинер — лицо очень значительное для адъютанта. Через него иное докладывается, через него передаются иногo вещи или письма, и сметливый камердинер всегда удобен. Он знает, когда и в какое время доложить, чего никак не соображал добрейший Миллер. К нему цесаревич и цесаревна относились всегда чрезвычайно ласково, ценя в нем действительное радушие. Когда у него сделался рак в носу, он еще больным долго продолжал свою службу. На носу у него висела тряпочка, и впечатление было тяжкое, но, не желая его огорчить, его не отдаляли до последней возможности. Цесаревич искренне был огорчен его кончиною. Бывало, спросишь Миллера: «Доложите, нужно видеть Его Величество». «Теперь нельзя, — мягко отвечает он. — Они заняты, они в wassercloset». Он иначе не говорил, как «васерклозет». Вельцин был всегда со мною очень вежлив и никогда не позволял себе никаких выходок, свойственных иногo царским камердинерам. Вообще должен сказать, что общий характер прислуги цесаревича

всегда был вежливый. Наоборот, прислуга цесаревны склонна к грубости. Между последними первое место по значению и нахальству занимал Дине. Женившись на ее девушке (привезенной из Дании), известной Nitmann, он занял присущую позицию. Вельцин сопровождал цесаревича в походе 1877 г. и там был безукоризнен. Последним камердинером был Гемпель (после смерти Вельцина), который ухаживал за цесаревичем в последнюю болезнь. Простой и добрый человек, я видел его в роковую минуту; на нем лица не было... Та же ровность отличала цесаревича и по отношению к прислуге, так и звучит у меня в ушах громкий, отчетливый голос, раздающийся из походной кибитки: «Вельцин!». Последний являлся с неумолимою точностью и невозмутимым спокойствием⁵⁰⁴.

О камердинере Александра III Вельцине было достаточно широко известно в Петербурге. Более того, камердинер, будучи близок к царственной особе, воспринимался как человек с влиянием. Одна из мемуаристок упоминала в дневнике 30 ноября 1889 г.: «Камердинер государя Вельцин пользуется царским большим доверием, творит много добра, но государь ему всегда говорит: «Чтобы Воронцов не знал»⁵⁰⁵. Имеется в виду ближайший соратник Александра III министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков. И мемуаристка, конечно преувеличивая, ставит влияние царского камердинера на одну доску с всемогущим министром императорского двора.

Камердинеры занимали свои должности буквально пожизненно. При этом за верную многолетнюю службу на их немощность закрывали глаза. Фактически за них работало «подростающее поколение», которое, надо заметить, молодым назвать было трудно. Еще до смерти Радцига в 1913 г. у Николая II появились новые камердинеры: Никита Кузьмич Тетерятников, Терентий Иванович Чемодуров (1849–1919) и Алексей Егорович Трупп (1856–1918). Как известно, камердинер А. Е. Трупп был расстрелян вместе с царской семьей в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге в июле 1918 г., и в настоящее время его останки покоятся вместе с его хозяевами в усыпальнице Петропавловского собора.

Придворные арапы

Одной из самых экзотических должностей при императорском дворе была должность придворного арапа. Традиция включения арапов в число дворцовой челяди европейских монархических дворов восходит ко временам Крестовых походов. Именно с тех времен мощные темнокожие телохранители в роскошных одеждах стали неотъемлемым атрибутом торжественных дворцовых приемов. В России при царском дворе арапы, видимо, появились еще во второй половине XVII в., а к началу XVIII в. их присутствие при дворе стало привычным. Этих арапов дарили русским царям восточные владыки, их вывозили из Европы русские вельможи.

В словаре В. И. Даля сказано: арап — это «по природе, по племени чернокожий, чернотелый человек жарких стран, особенно Африки», и подчеркивается, что «арапа нельзя смешивать с арабом». Одновременно приведено второе значение этого термина: «При дворе это должность, занимаемая иногда и белым служителем; придверник, припорожник». Это очень интересное уточнение: дело в том что содержание дворцовых арапов было весьма высоким, и поэтому многие белые придворнослужители стремились стать «черными» и занять должность арапа. Вероятно, в этом случае вопрос решался с помощью банальной сажки или каких-либо красителей. Весьма примечательным было и то, что при Петре I для толковых арапов были открыты и карьерные возможности. Всем известна судьба «арапа Петра Великого» — Ганибалла, который стал генерал-аншефом, инженером и дворянином.

Надо подчеркнуть, что вплоть до 1917 г. арапы оставались диковиной, которую можно было увидеть во всем блеске только при дворе. Мемуаристы, описывавшие последние годы и дни существования императорского двора, практически в обязательном порядке упоминали о дворцовых арапах. Фрейлина императрицы Александры Федоровны баронесса С. К. Буксгевден писала, что «чернокожие слуги, одетые по восточному образцу, придавали всему особый, экзотический блеск»⁵⁰⁶. А. А. Вырубова упоминала «арапа Jimmy», который стоял за стулом императрицы «в белой чалме и шитом

Придворная челядь

платье», когда она работала на санитарном складе во время Русско-японской войны: «Арап этот был одним из четырех абиссинцев, которые дежурили у дверей покоев их величеств. Вся их обязанность состояла в том, чтобы открывать двери»⁵⁰⁷. Депутат Государственной думы монархист В. В. Шульгин, описывая свой визит в Александровский дворец Царского Села, отметил: «Отворилась дверь, арап, сверкнув белой чалмой над черным лицом, колыхнул широкими шароварами... Он сказал негромко, но картаво: Государь император»⁵⁰⁸.

Таким образом, арапы придавали императорскому двору неповторимый блеск, поэтому им были созданы весьма льготные условия для несения дворцовой службы. С XVIII в. и до 1917 г. арапы имели самую роскошную придворную форму. Например, весной 1722 г. Петр I «указал сделать... арапу Петру Сундукову кафтан, камзол и штаны суконные красные с позументом — за 28 руб.». В конце XIX в., при Александре III, стоимость парадного обмундирования арапов была самой высокой из всей придворной челяди, что обходилось казне в 543 рубля (башмет верхний, нижний, жилет, шаровары, шапочка, кушак и штилеты). По стоимости к этому набору приближался только парадный мундир камер-фурьера (408 рублей) и камер-казака его величества (418 рублей). При этом надо отметить, что камер-фурьеры и камер-казаки занимали высокое положение среди придворной челяди: первые командовали всей придворной прислугой, а вторые являлись телохранителями монархов, повсюду сопровождая их.

Арапы оказались одной из немногих категорий дворцовой челяди, получавшей жалованье в денежной форме, причем оно было достаточно высоким. Для прочих дворцовых слуг, многие из которых являлись потомственными придворнослужителями, жалованье было введено только в 1859 г. При Екатерине II «арапы: Иозиф Мартынов, Аджи Семенов, Канбар Иванов, Абрам Петров, Петр Петров» получали по 30 рублей в год. При Александре III старшие арапы имели жалованье 258 рублей, а младшие — 201 рубль в год⁵⁰⁹. Для сравнения: такое же жалованье получали старший камердинерский помощник Александра III и его лейб-кучер⁵¹⁰. При этом в Министерстве императорского двора жалованье для служащих высоким не

было. Так, в 1881 г. в штатах министерства были и такие оклады: чиновнику — 115 рублей, придворному служителю — 43 рубля в год⁵¹¹.

Служба арапов носила представительский характер и не требовала особой квалификации, хотя, вероятно, и у них были свои сложности. Так, во время церемонии коронации Екатерины I «при дверях каретных были по обеим сторонам по одному пажу и по одному арапу». Во время торжественных дворцовых церемоний именно арапы открывали двери перед российскими монархами. Маленькие арапча́та были своеобразными «игрушками» женской половины дворца, вследствие чего в обиход вошли статуэтки, изображавшие русских императриц в сопровождении арапчонков, самая известная из которых работа Карло Бартоломео Растрелли «Анна Иоанновна с арапчонком». Не менее известны и картины, на которых Елизавета Петровна и Екатерина II изображены с арапча́тами. Можно констатировать, что в XVIII в. арапы стали неотъемлемой частью жизни императорских резиденций. Это сказалось и в том, что один из залов Зимнего дворца был назван Арапским.

При Екатерине II арапы были включены в штатное расписание придворных чинов: 20 человек — достаточно значительное число, и при заполнении вакансий возникали трудности, поскольку не все кандидаты удовлетворяли предъявляемым требованиям. При найме, учитывая представительский характер службы арапов, прежде всего обращалось внимание на рост и цвет кожи — чем выше и чернее, тем лучше. Арапы должны были отказаться от языческих верований и принять христианское исповедание, конечно, приветствовалось принятие православия, но не возбранялась и католическая вера. Кроме того, кандидатов внимательно проверяли на вредные привычки и медики, и дворцовые спецслужбы. Так, в 1855 г. было отказано персидскому подданному в определении в число арапов⁵¹².

С принятием штатного расписания неизбежно возникла проблема текучки кадров — требовалось бесперебойное пополнение вакантных мест арапов. Для сохранения «породы» на службу, конечно, брали «природных» арапов. Так, в 1786 г. в Зимний дворец был принят на службу «араб Яну и арапчонок Алмаз»⁵¹³. А в 1837 г. умер дворцовый арап с экзотическим именем Жан Луи Робинзон⁵¹⁴. Эти имена свидетельствуют о том причудливом жиз-

ненном пути, на котором они их обрели. Можно предположить, что «араб» Яну являлся выходцем из стран Ближнего Востока, а Жан Луи Робинзон либо родился во Франции, либо был вывезен из французских колоний.

Но самым надежным и традиционным путем решения кадровой проблемы было наличие постоянного резерва. Поэтому дети природных арапов, родившиеся и выросшие при дворе, естественным образом вписывались в придворную среду. Они хорошо знали язык и требования службы, входили в среду детей придворнослужителей, откуда и черпались новые поколения дворцовой челяди. Так, при Николае I на службу во дворец был взят арап Александр Алексеев⁵¹⁵. Поскольку сословие придворнослужителей к этому времени превратилось в замкнутую касту, можно с уверенностью предположить, что это сын или внук настоящего, «природного» арапа, долгое время прожившего в России, женившегося и принявшего православие.

Брали на службу в арапы и со стороны. Преимущественно это были негры, которые оказывались в Петербурге, приплыв на кораблях из США. Первым таким арапом стал камердинер посланника США при российском императорском дворе в 1810 г. Видимо, новость о выгодных вакансиях при российском дворе быстро разнеслась в портовых городах США, и вслед за камердинером в Россию устремились другие искатели приключений. Как правило, негры нанимались на редкие корабли, следовавшие с грузами в Санкт-Петербург, а по прибытии в Северную столицу они бежали в поисках лучшей доли. Видимо, новые арапы были столь «качественными», что капитанам американских кораблей дворцовые службы даже компенсировали убытки от потери членов экипажа. Заинтересованность российского императорского двора в новых арапах была столь велика, что им даже позволялось вывозить из США свои семьи и посещать родину во время отпусков. В результате арапы, выходцы из США, прочно заняли место в дворцовой иерархии придворнослужителей.

Со временем штатное расписание арапов было резко сокращено. По штатам Придворной его императорского величества конторы и подведомственной ей части, утвержденным 16 апреля 1851 г. Николаем I, при дворе полагалось иметь только четырех старших и четырех младших арапов⁵¹⁶ — всего

восемь человек. Под младшими арапами имелось в виду должностное положение, а не возраст. Арапчонков, которых так любили изображать придворные живописцы на своих полотнах в XVIII в., в следующем столетии при дворе уже не было. В дворцовом делопроизводстве их называли по-разному: если для документации XVIII в. характерно традиционное написание — «арап», то уже в XIX в. их называли «арабами». По штатам Придворной конторы, утвержденным в 1881 г., сохранилось то же число арапов — восемь.

На рубеже XIX — начала XX в. во время торжественных церемоний огромные арапы продолжали восхищать приглашенных. Когда в начале 1905 г. Николай II превратил Александровский дворец Царского Села в свою постоянную резиденцию, туда перебрались все дворцовые службы, в том числе и такой неперенный атрибут парадных залов, как арапы. Поскольку после 1904 г. все дворцовые церемонии были сведены к минимуму, в Александровском дворце остались только четыре арапа, которые дежурили по две недели по два человека. Для двух дежурных арапов в подвале дворца была выделена специальная жилая комната (№ 35).

Упомянул об арапах и Морис Палеолог, бывший в 1914–1917 гг. послом Франции в России. Его описание «причудливо разодетых» арапов, или как он их именует — «эфипоп», обряженных «в мешковатые красные штаны, черные куртки, белые тюрбаны и желтые туфли», полностью соответствует воспоминаниям великой княгини Ольги Александровны, в памяти которой сохранилась еще одна дополнительная деталь — «золотая тесьма на черных куртках». Именно в таких одеяниях изображены арапы в интерьерах Зимнего дворца на картине Е. Тухаринова «Ротонда» (1834), акварелях К. А. Ухтомского «Большая Арапская столовая» (1860-е) и Л. Премацци «Белый зал» (1865).

К арапам проявляли неподдельный интерес и взрослые люди. Так, 27 августа 1914 г. впервые Александровский дворец Царского Села посетила женщина-хирург Вера Игнатьевна Гедройц. Она была приглашена во дворец для чтения лекций императрице Александре Федоровне и ее дочерям, которые проходили ускоренный курс сестер милосердия. Естественно, она волновалась и в своем дневнике отметила, что «перед началом первой лекции меня интересовал вопрос совсем отвлеченный, а именно — увижу ли

я арапа. Арапа, занимавшего очень мое воображение в детстве. Дело в том что матушка моя, окончив Смольный институт, часто рассказывала нам, детям, о посещении ею дворца, где большое впечатление на нее произвели прислуживавшие там арапы в красных одеждах. И в наших детских беседах эти арапы играли большую роль, каждый представлял их себе по-своему, даже ссорились мы, помню, из-за них». Ожидания не обманули взрослую, много повидавшую женщину: «Его самого я увидала, как только вошла в обширную переднюю с камином, стены которой были убраны рогами убитых на охоте лосей. И арап был как раз соответствовавший моему детскому представлению, очень черный, с темными губами, в яркой алой куртке и таких же панталонах, с длинным ятаганом у пояса. Я бы долго смотрела на этого героя моей детской сказки, но он заговорил, и хорошим русским языком, и этим нарушил очарование».

Для М. Палеолога арапы после Февральской революции 1917 г. стали одним из символов уходящей императорской России. В дневнике он писал: «У Летнего сада я встречаю одного из эфиопов, которые караулили у двери императоров и который столько раз вводил меня в кабинет к императору. Милый негр тоже надел цивильное платье, и вид у него жалкий. Мы проходим вместе шагов двадцать; у него слезы на глазах. Я говорю ему несколько слов утешения и пожимаю ему руку. В то время как он удаляется, я следую за ним опечаленным взглядом. В этом падении целой политической и социальной системы он представляет для меня былую царскую пышность, живописный и великолепный церемониал, установленный некогда Елизаветой и Екатериной Великой, всё обаяние, которое вызывали эти слова, отныне ничего не означающие, — «русский двор».

Камер-казаки

Первые лица Российской империи по должности были окружены телохранителями. При этом плотность кольца личной охраны менялась в зависимости от сложности внутривнутриполитической ситуации в стране. Охраной

царя занимались разные подразделения государственной охраны, но, пожалуй, ближе всего находились так называемые камер-казаки, которые согласно должностным инструкциям неотлучно следовали за охраняемым лицом.

Упоминания о камер-казаках, состоявших при царственных особах, встречаются еще в документах второй половины XVIII в. В 1826 г. во время коронации Николая I в кортеже следовали камер-казаки, однако в штате дворцовой прислуги они появились именно в ближайшем окружении Николая I, поскольку после разгрома польского восстания 1831 г. в среде польских инсургентов вызревали идеи цареубийства. Судя по документам, идею о казаках-телохранителях подсказал царю один из его ближайших сподвижников — граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, который с 1828 г. командовал Отдельным Кавказским корпусом. Граф Паскевич за время своей недолгой службы на Кавказе имел неоднократную возможность убедиться

Медали за службу в Собственном его императорского величества конвое

в высочайшей боеспособности и личной преданности терских и кубанских казаков. В результате 12 октября 1832 г. в составе Собственного его императорского величества конвоя была образована команда кавказских линейных казаков, набранная из состава Сборного линейного казачьего полка, который воевал в Польше и находился в ведении главнокомандующего армией графа Паскевича-Эриванского⁵¹⁷.

По штату в команде (эскадроне) было два офицера, четыре урядника и 24 терских казака. Осенью 1832 г. эскадрон терских казаков Собственного конвоя уже патрулировал Петергофские парки, где располагалась летняя резиденция Николая I. К 1833 г. сложился определенный порядок службы, появились четко фиксированные посты. Так, во время охраны Петергофского парка один пост располагался у домика на берегу Финского залива по пути в Александрию, другой — у Монплезира, третий — у павильона Марли,

четвертый нес суточный наряд в Александрии, «на вести». Во время прогулок императора казаки заранее располагались по маршруту.

Некоторое время спустя из состава Терского эскадрона начали выбирать так называемых комнатных казаков или камер-казаков⁵¹⁸. Начало этой практики было положено в мае 1835 г., когда Николай I, отправляясь за границу, велел командировать вслед за собой урядника Подсвинова и казака Рубцова, которые все время пребывания царя в Богемии находились при нем. В 1836 г. урядник Подсвинов был определен к высочайшему двору камер-казакom, положив начало традиции существования «личников»-телохранителей при особе правителя. По свидетельству А. Х. Бенкендорфа, Подсвинов выделялся «отличным поведением, трезвостью, а в повиновении начальству всегда служил примером своим товарищам, а с тем вместе росту очень большого и наружности самой удовлетворительной»⁵¹⁹.

После того как в составе Собственного конвоя появился Кубанский эскадрон, камер-казаков стали выбирать и из его состава, попеременно меняя эскадроны. Со временем сложился жесткий порядок, согласно которому императору, цесаревичу, действующей и вдовствующей императрицам полагались в охрану по два камер-казака, живших и дежуривших при дворце в режиме «неделя через неделю».

Выбирали их весьма тщательно. Поскольку служба при дворе, как правило, сводилась к представительским задачам, то предпочтение отдавали красивым, высокого роста, с окладистыми бородами. Именно такие громадные бородатые казаки запомнились Европе в ходе заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг.

Для служивших при дворе казаков была заведена роскошная парадная и повседневная форма. Парадная форма, как и у всего Собственного конвоя, была алого цвета, а повседневные черкески — синего. Кроме того, имелись и другие варианты униформы. Как вспоминал камер-казак Т. Ящик: «У нас было много очень красивых униформ и большие серые военные шинели, подбитые медвежьей шкурой, что делало их настолько похожими на генеральскую форму, что офицеры и солдаты часто отдавали нам честь, когда встречали на улице»⁵²⁰.

В условиях политической стабильности в период правления Николая I камер-казаки постепенно превратились в «служителей для выезда на запятках», но при этом прочно вошли в ближний круг императорской семьи, постоянно «по должности» находясь рядом. Так, по штатам 1851 г. в личную службу императорской семьи (всего 215 человек) входили четыре камер-казака. Однако даже в период правления Николая I для них периодически находилась работа. Так, одна из дочерей Николая I — Ольга Николаевна упоминала, что когда они с матерью императрицей Александрой Федоровной были на отдыхе в Палермо, ее напугали православные бурсаки, перелезшие через забор царской виллы. На крик великой княжны примчались камер-казаки, которые быстро разобрались с недисциплинированными подданными.

Казаки Собственного его императорского величества конвоя.

После 1861 г.

Функции камер-казаков как телохранителей в полной мере были восстановлены в конце 1870-х гг., в условиях политического террора, навязанного правительству «Народной волей». После разгрома «Народной воли» в начале 1880-х гг. при Александре III должность камер-казака была отнесена к так называемому «подвижному составу» гофмаршальской части — другими словами, камер-казаков уравнили с камердинером, гардеробским помощником и лакеем I разряда. Это было связано с усвоением уроков трагических событий 1 марта 1881 г. В 1880-х гг. вокруг Александра III была создана ква-

лиффицированная многослойная система охраны, в которую камер-казаки не вписывались, поскольку являлись лишь частью пышного антуража царской свиты. В штатных расписаниях 1891 и 1902 гг. при комнатах вдовствующей императрицы Марии Федоровны и императрицы Александры Федоровны числились по три камер-казака. Годовое жалование каждого из них составляло 418 рублей 14 копеек, при этом были еще дополнительные выплаты и подарки на Пасху и Рождество, дни рождения и т. п.⁵²¹

Камер-казаки стали настолько неотъемлемой частью императорского окружения, что некоторые мемуаристы только отмечали их присутствие. Так, С. Ю. Витте, рассказывая о встрече Александра III с будущим германским императором Вильгельмом II, писал: «Когда поезд принца Вильгельма подходил к платформе, где стоял император, то Александр III снял шинель и отдал ее своему лейб-казаку, все время находившемуся недалеко от государя»⁵²². Во время коронации 1896 г. камер-казаки в алой парадной форме ехали на запятках царских карет. Вдовствующую и действующую императриц сопровождали их личные камер-казаки⁵²³.

В связи с разными обстоятельствами известны биографии некоторых камер-казаков. Так, в 1912 г. по личному заказу Николая II ювелир торгового дома Карла Фаберже Генрих Вигстрем в подарок для вдовствующей императрицы Марии Федоровны вырезал из камня фигурку ее камер-казака А. А. Кудинова. Эта фигурка высотой 19 см обошлась Николаю II очень дорого — 2300 рублей. Поводом для ее изготовления стал юбилей камер-казака, который занимал свою должность 35 лет, с 1878 по 1912 г. В настоящее время эта драгоценная вещица хранится в Павловском дворце-музее. В память о юбилее на правой подошве фигурки камер-казака вырезаны фамилия, имя и дата «1912», а на левой подошве — надпись «камер-казак с 1878 г.»⁵²⁴.

Важно отметить, что в процессе работы казак позировал в студии, и мастеру Г. Вигстрему удалось достичь портретного сходства. Камер-казак императрицы изображен в выездной праздничной форме: в шубе из темно-зеленого нефрита (имитирующего сукно) с опушкой из коричневого обсидиана (имитация меха выдры) и гербовым басоном из накладного золота. Одежду казака также составляют пояс из лазурита, шаровары из темно-зеленого

нефрита с галуном из накладного золота, кивер из черного обсидиана со шлыком из лазурита с галуном, кутасом, кистью и щитом накладного золота, сапоги из черного обсидиана. На груди, согласно послужному списку, укреплены серебряный знак лейб-гвардии Атаманского его императорского высочества наследника цесаревича полка, золотая медаль «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте (1906), серебряная медаль «За усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте (1893). На груди на колодке искусно выполнены 10 различных медалей, среди которых почетное первое место занимает солдатский «Егорий» — серебряный крест Знака отличия Военного ордена IV степени (1878)⁵²⁵.

Биография казака достаточно типична для верных слуг российского трона. Андрей Алексеевич Кудинов родился 30 ноября 1852 г. в селе Медведицы Раздорской станицы IV военного отдела Области войска Донского. 1 января 1871 г. он был призван на службу казаком, через два года зачислен в лейб-гвардии Атаманский его императорского высочества наследника-цесаревича полк. В 1874 г. казака командировали в Петербург. В 1875–1876 гг. он находился в учебной полковой команде, в 1876 г. был произведен в унтер-офицеры, а в 1877 г. принял участие в русско-турецкой войне в составе Дунайской армии. В августе 1877 г. Кудинов вытащил счастливый билет, получив назначение на должность ординарца к великому князю Александру Александровичу, будущему Александру III.

24 мая 1878 г. за мужество и храбрость А. А. Кудинов получил солдатский Георгиевский крест IV степени. В декабре 1878 г. по возвращении в Петербург он был назначен на должность камер-казака к цесаревне Марии Федоровне. Это было тревожное время, и 26-летний казак с боевым опытом оказался весьма кстати в качестве телохранителя для цесаревны, а в 1881 г. Кудинов стал камер-казаком уже императрицы Марии Федоровны. В 1880 г. А. А. Кудинов женился и со временем у него родились трое детей. Камер-казак жил с семьей в Аничковом дворце. На своей должности он числился до самой смерти — 14 июня 1915 г.⁵²⁶

Тогда же, в 1912 г., по личному заказу Николая II мастер Г. Вигстрем вырезал из полудрагоценного камня еще одну портретную фигурку. Это

был телохранитель императрицы Александры Федоровны — камер-казак Н. Н. Пустынников. В настоящее время эта камнерезная фигурка находится в Америке, в коллекции Арманда Хаммера.

Из числа казаков-телохранителей Собственного конвоя более всего известна биография казака Тимофея Ящика, который с 3 декабря 1915 по 13 октября 1928 г., то есть на протяжении почти 13 лет, являлся телохранителем вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Тимофей Ящик родился 20 апреля 1878 г. на Кубани в станице Новоминской Ейского отдела. Это был рослый, статный, голубоглазый казак с черной бородой. В 1900 г. он был призван в Первый Ейский полк, расквартированный в Тифлисе. Видного казака и меткого стрелка сразу назначили в Конвой командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта князя Г. С. Голицына, а в 1904 г. князь взял его с собой в Санкт-Петербург. В Тифлис Т. Ящик больше не вернулся, поскольку был зачислен в императорский Собственный конвой во Вторую Кубанскую сотню. Три года спустя, в 1907 г., он уволился со службы с мундиром и значком за службу в конвое. Пять лет, до 1912 г., Т. Ящик жил в родной станице Новоминской, а в 1912 г. его вновь призвали на службу в Собственный конвой.

В апреле 1914 г. срок службы казака должен был закончиться, но тут на его долю выпал счастливый случай. Николаю II понадобился новый камер-казак, поскольку по традиции служба камер-казков при императоре продолжалась два года. Очередность выпала на Кубанскую сотню. Командир конвоя князь Г. И. Трубецкой вызвал добровольцев. По словам Ящика, претенденты были выстроены перед Николаем II, и он «сам должен был выбрать счастливица»⁵²⁷. После нескольких коротких вопросов царь остановил свой выбор на Тимофее Ящике, которому тогда было 36 лет.

Надо заметить, что за время службы в конвое казаки занимались не только караульной службой, джигитовка и стрельба также входили в их повседневную подготовку. Кроме того, как отметил Ящик: «Мы прошли основательный курс ориентирования на местности, так что я знал каждый уголок и каждый клочок земли в окрестностях дворца»⁵²⁸.

Свои обязанности телохранителя Ящик считал по большей части формальными: «Совершить покушение на царя было невыполнимой задачей, если человек, задумавший покушение, не нашел доступа в самый приближенный к царю круг людей. Парк кишел сыщиками, одетыми в гражданское платье, за которыми, в свою очередь, наблюдали жандармские чины, также в гражданской одежде»⁵²⁹.

Т. Ящик был назначен вторым камер-казаком Николая II, выполняя обязанности его личного телохранителя. Жил он в подвале Александровского дворца, который был очень плотно заселен. Там же, в комнате № 84, жил и камер-казак императрицы Александры Федоровны. Т. Ящику пришлось изучить топографию Александровского дворца, поскольку чтобы «свободно передвигаться по дворцу, нужно было очень хорошо знать расположение его 300 комнат и залов»⁵³⁰.

По словам Ящика, его обязанности не были особенно сложны — круглосуточно находиться в распоряжении Николая II. Когда царь отправлялся гулять в парк или совершал верховую прогулку, камер-казак следовал за ним на некотором расстоянии. Во время аудиенций Т. Ящик присутствовал в зале для гостей, ожидающих приема, а если монархи отправлялись в театр, он стоял перед царской ложей⁵³¹.

Были у камер-казака и нетипичные обязанности, обусловленные особенностями частной жизни императорской семьи. Цесаревич Алексей был болен гемофилией и на официальных мероприятиях не мог долго стоять, поэтому камер-казаки, дюжие молодые мужчины, должны были часами держать наследника на руках. Ящик вспоминал, что когда он в первый раз носил наследника, то вспотел так, что его одежду можно было выжимать.

Служба Т. Ящика при Николае II продолжалась девять месяцев, но за это время он быстро понял, что наряду со своими прямыми обязанностями необходимо быть постоянно готовым к любым неожиданностям и при этом оставаться незаметным для тех, кого он охранял: «Я пробовал научиться тому искусству, которое было важнейшим для лейб-казака: полностью уйти в тень, чтобы никто не замечал твоего присутствия, и все же быть настолько близко, чтобы в любой нужный момент вновь появиться»⁵³². Николая II

камер-казак очень высоко оценивал и как человека, и как охраняемое лицо: «Царь был спокойным и простым человеком. Нужно было только знать свои обязанности, а он никогда не предъявлял непомерных требований»⁵³³.

Видимо, Николай II не приближал к себе своих камер-казаков сверх обычного срока — как положено, они раз в два года менялись. Пожалуй, единственным исключением стал вахмистр Собственного конвоя Пилипенко.

Тимофей Ящик и Мария Федоровна

Судя по фотографиям, он охранял Николая II по крайней мере с августа 1912 г. до марта 1917 г. На кадрах кинохроники, посвященной торжествам по поводу столетнего юбилея Бородинской битвы в августе 1912 г., можно увидеть следующего сразу за Николаем II бритого рослого казака с черной окладистой бородой в форме Собственного конвоя, бережно несущего на

руках больного цесаревича Алексея, — это и есть вахмистр Пилипенко. После отречения 2 марта 1917 г. из всего личного состава конвоя с Николаем II в Царское Село было позволено ехать только его ординарцу-телохранителю вахмистру Пилипенко.

С начала 1916 г. Т. Ящик стал вторым личным телохранителем в распоряжении вдовствующей императрицы Марии Федоровны. По словам Ящика, это решение было обусловлено личным выбором царя и связано с тем, что вдовствующая императрица Мария Федоровна предполагала уехать

из Петрограда в Киев, поэтому сын счел необходимым усилить личную охрану матери.

Дело в том что в отличие от Николая II у Марии Федоровны было свое отношение к телохранителям. Так, в 1916 г. в Аничковом дворце камер-казак числился 85-летний старец, который, будучи почти слепым, конечно, не мог нести службу, он просто «жил во дворце и был счастлив»⁵³⁴. Это, видимо, был напарник А. А. Кудинова, умершего летом 1915 г., такой же ветхий старец. Следуя дворцовым традициям, старый слуга занимал штатную должность в буквальном смысле до смерти. При этом реальную службу несли два более молодых камер-казака — Тимофей Ксенофонович Ящик и Кирилл Иванович Поляков, но они не были в обиде на старца, поскольку «объем работы был таков, что мы с ним легко справлялись»⁵³⁵.

После свержения монархии в России Т. Ящик остался рядом с императрицей, продолжая охранять ее в Крыму. В ноябре 1917 г. Мария Федоровна писала своему сыну из имения Ай-Тодор в Крыму: «У меня только остались Ящик и Поляков, которыми я не могу достаточно нахвалиться, такие чудные верные люди»⁵³⁶.

В условиях политической неразберихи на юге России в 1918 г. Т. Ящик вывез в родную станицу дочь императрицы, младшую сестру Николая II — великую княгиню Ольгу Александровну. В хате камер-казака дочь Александра III родила своего второго сына Гурия. После того как Мария Федоровна в 1919 г. на английском крейсере «Мальборо» выехала из России, Т. Ящик сопровождал свою хозяйку и продолжал охранять ее в Англии и Дании. Вскоре по распоряжению Марии Федоровны камер-казак Т. Ящик вернулся в Россию, чтобы организовать выезд в Данию семьи великой княгини Ольги Александровны. Свою императрицу верные камер-казаки Ящик и Поляков охраняли вплоть до ее смерти в 1928 г.

После смерти Марии Федоровны казак Тимофей Ящик навсегда остался жить в Дании. По завещанию императрицы он получил небольшие деньги, на которые открыл магазин. Его напарник Поляков до своей смерти жил с семьей Т. Ящика, который женился на датчанке. Умер Тимофей Ящик в 1946 г. и был похоронен на Русском кладбище рядом со второй женой-датчанкой.

Во время Февральской революции 1917 г. казаки Собственного конвоя были тем подразделением, которое до последнего момента сохраняло верность династии. Рядом с императрицей Александрой Федоровной до конца находилась и «личная охрана Государыни и детей», то есть камер-казаки конвоя.

Дворцовая прислуга императорской семьи

При каждом из российских императоров постепенно складывался круг дворцовой прислуги. «Своими» слуги, как правило, становились после многих лет, а то и десятилетий работы в императорских дворцах, те или иные жизненные ситуации довольно четко выявляли этот узкий круг доверенных слуг, которые имели разные специальности и специализации.

Во-первых, это были штатные или комнатные слуги. В детстве их назначали к будущим монархам, а позднее они сами отбирали тех слуг, которым доверяли. Дочь Николая I в записках упоминала, что каждая из великих княжон «имела камердинера, двух лакеев и двух истопников. Общий гофмейстер следил за служащими, к которым причислялись два верховых для поручений. У мадам Барановой, кроме того, был еще писарь для бухгалтерии. К тому же у каждой из нас был свой кучер»⁵³⁷.

Когда дочери Николая I подросли и вышли замуж, часть их штатной прислуги отправилась вместе с ними за пределы России. Русские принцессы, как правило, не забывали своих верных слуг. Великая княгиня Ольга Николаевна писала, что когда она вышла замуж, ее кучер Шамшин поехал вместе с ней в Штутгарт. Он прослужил своей хозяйке 37 лет и умер в 1873 г.: «Я посещала его во время болезни. Единственное, что ему ставилось в Штутгарте в минус, было то, что он давал слишком много овса своим русским лошадям»⁵³⁸.

При последней императрице Александре Федоровне состояли шесть горничных. Старшая из них — Мадлена Занотти, итальянка по происхож-

дению, принадлежала к семье, издавна состоявшей на службе у великих герцогов Гессенских. Луиза Тутельберг родом из Прибалтийского края, которую все звали Тутель, стояла на втором месте. Обе горничные жили на втором этаже Александровского дворца, их комнаты располагались через коридор от комнат великих княжон. Этим двум горничным подчинялись еще четыре помощницы-камеристки, в обязанности которых входило одевать и раздевать императрицу, служили они при дворце посменно, по три дня в неделю⁵³⁹. Несмотря на статус камеристок, это были девушки из небогатых, но дворянских семей. Самой любимой из них была Александра Тегелева, которую все звали Шурой. Известны имена еще двух — Елизавета и Нюра⁵⁴⁰.

Во-вторых, ограниченное число слуг сопровождало своих хозяев во время путешествий. Несмотря на немногочисленность, они должны были обеспечивать необходимый комфорт. Например, в последнюю поездку на юг России осенью 1825 г. Александра I вез его кучер Илья Байков⁵⁴¹, прослуживший императору почти четверть века и сопровождавший его много раз. Николая I в его не менее многочисленных поездках сопровождали гоффурьер Д. Г. Бабкин, метрдотель Ф. И. Миллер, камердинеры Анисимов и Федоров и четыре лакея⁵⁴². Когда в 1844 г. Николай I посетил Англию с официальным визитом, вся прислуга, обслуживавшая как самого императора, так и его свиту, не превышала 20 человек⁵⁴³.

Появление поездов и больших яхт позволило увеличить число сопровождающей прислуги, однако и в этих случаях существовали определенные лимиты. В 1861 г. императрицу Марию Александровну, впервые отправившуюся в новую императорскую резиденцию на крымском побережье в Ливадию, сопровождали две камер-юнгферы (в том числе Макушина), камердинер Кадыков, парикмахер Греф, лакей, гардеробский помощник Волков, лакей Остапенко, гладильщица Захарова⁵⁴⁴ — всего восемь человек.

В 1888 г. при путешествии Александра III по финским шхерам на яхту «Александрия» были взяты 10 человек прислуги: гоффурьер Максим Михайлов, два лакея I разряда Иван Ивушкин и Иван Линдгольм, лакей II разряда Иван Долгов, чернорабочий при буфете Сергей Михайлов, старший повар Михаил Мудров, французский пирожник Луи Басселе, повар I разряда

Никандр Семенов, повар II разряда Матвей Федоров, чернорабочий при кухне Зиновий Егоров⁵⁴⁵.

Когда в 1890 г. в распоряжении царской семьи появилась первая яхта океанского класса «Полярная звезда», кроме прислуги с собой стали брать и музыкантов (50 музыкантов и пять певчих). Для императорской прислуги на яхте были предусмотрены специальные помещения. На второй палубе находилась общая каюта «для императорской прислуги 2 класса на 16 человек». Интересно, что именно из этой каюты был устроен люк «в императорское багажное отделение», тем самым закрывая доступ к царским вещам посторонним. Отдельные каюты отводились для мужской и женской «императорской прислуги 1 класса». Более того, у мужской части императорской прислуги I класса была даже своя кают-компания⁵⁴⁶.

Аналогичные условия были созданы для прислуги и на императорской яхте «Штандарт». На эту яхту для обслуживания императорской семьи и примерно 10 человек ближайшей свиты брали около 50 лакеев I, II и III класса. Следует подчеркнуть, что лакеи I класса обслуживали только императорскую семью, лакеи II класса — их ближайшую свиту, а лакеи III класса — «прочих сопровождающих». Более того, поскольку «Штандарт» был больше «Полярной звезды», то на борт брали и больше прислуги, а число музыкантов и хора доходило до 100 человек.

Дворцовая прислуга была представлена и на коронационных торжествах, причем весьма большим числом. Слуги участвовали и в главном действе — торжественном шествии в Успенский собор Московского Кремля. Их место в общем «строю» жестко определялось как придворными церемониймейстерами, так и «примером прежних лет».

В «Высочайше утвержденном церемониале торжественного восшествия в Первопрестольный град Москву и Священнейшего коронования Е. И. В. государя императора Николая Павловича, самодержца Всероссийского» упоминались следующие категории слуг: камер-фурьер, придворные лакеи, камер-лакеи, скороходы и камер-казаки. В парадном шествии камер-фурьер ехал верхом, а за ним пешими следовали 60 придворных лакеев, шесть камер-лакеев и шесть скороходов, все по два в ряд в парадной ливрее.

Императриц сопровождали их телохранители — камер-казаки в парадном одеянии⁵⁴⁷. Следует также отметить, что именно Николай I положил начало традиции троекратно кланяться народу с Красного крыльца Грановитой палаты. Потом этот царский поклон стал традицией, зримо демонстрируя связь династии с народом.

Кроме дворцовой прислуги, участвовавшей в торжествах, с членами императорской семьи ехала и их ближняя прислуга. Дел было невпроворот: и ответственнейшее мероприятие государственного уровня, и новое временное жилье, и множество других проблем, которые требовалось решать «здесь и сейчас». Николай II на коронацию 1896 г. взял с собой в Москву 10 человек ближней прислуги: трех камердинеров, шесть рейнкнехтов и одного работника. Императрицу Александру Федоровну сопровождали 18 человек: камер-фрау, две камер-юнгферы, камер-медхен, гладильщица, три комнатные женщины, два камердинера, гардеробский помощник, три камер-казака, три лакея I разряда и один работник. У вдовствующей императрицы Марии Федоровны в ближней прислуге состояли 19 человек⁵⁴⁸.

Варианты устройства простолюдинов на столь престижную работу были очень разные, но вплоть до 1880-х гг. по большей части служба при дворе носила наследственный характер. Дети дворцовой челяди рождались и вырастали в императорских резиденциях, со временем замещая своих постаревших родителей. В последней четверти XIX в. этот порядок постепенно стал уходить в прошлое. Во дворце появлялось все больше людей со стороны. Но были определенные категории, выходцам из которых отдавали предпочтение — как правило, отставники гвардейских полков. Бывших унтеров, прошедших гвардейскую школу жесткой дисциплины, чинопочитания и воспитанных в верноподданнических традициях, охотно брали на руководящие должности низового звена. И некоторые из этих служак делали карьеру при царском дворе.

Один из мемуаристов оставил описание своей карьеры. Гвардейскому унтеру накануне окончания службы предложили перейти к великому князю Павлу Александровичу. Он согласился и несколько лет безупречно служил своему хозяину, однако когда Павла Александровича выслали из России, ли-

шив всех должностей за мorganатический брак, унтер оказался не у дел. Но бравого унтера не забыли: вскоре его вызвал к себе старший брат великого князя Павла Александровича — великий князь Сергей Александрович. Он обещал верному слуге при первой возможности определить его снова на место в придворное ведомство. Более того, в 1903 г. во время Саровских торжеств великий князь доложил о судьбе унтера Николаю II: «Император Николай II выразил свое изумление по поводу моего неустройства и посетовал на то, что никто не сказал ему об этом раньше. Тотчас же состоялось распоряжение принять меня на службу ко Двору. После соответствующих переговоров со стоявшим во главе Гофмаршальской части графом Бенкендорфом и его помощником Аничковым я принят был на службу вице-гоф-фурьером»⁵⁴⁹.

Еще одной особенностью взаимоотношений слуг и хозяев было то, что слуги считали своим долгом и правом принимать участие в важных событиях в жизни хозяев. В 1830 г. при визите Николая I в Москву к обеденному столу были приглашены не только высшие сановники, но и «старые слуги царские, доживавшие свой век в отставке»⁵⁵⁰. Когда в 1845 г. стало известно, что дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна выходит замуж, со всех сторон посыпались поздравления, в том числе и от слуг. Спустя десятилетия жизни в Германии Ольга Николаевна благодарно упомянула, что «в России слуги принимают участие в семейных событиях, как нигде в другой стране, — я была тронута их радостью, они целовали мне руку, а моему жениху — плечо»⁵⁵¹.

При дворе со стороны членов императорской фамилии бытовало обобщенное название всех дворцовых слуг — «люди». При этом слово не несло особой эмоциональной или сословной окраски, это было просто обозначение прислуги. В первый день рождения императрицы Александры Федоровны в России в апреле 1895 г. Николай II записал в дневнике: «После кофе принимали всех садовников с фруктами и цветами, а также большую депутацию от людей Двора, кот[орые] поднесли каждому из нас по иконе. Камер-фурьер Герасимов сказал очень трогательное приветствие». А в декабре 1904 г. царя на именины поздравили «люди и садовники». Когда царская семья уезжала в Германию осенью 1910 г. для лечения больной императрицы Александры

Федоровны, все слуги «разделяли беспокойство о ее здоровье; они стояли на лестнице, и Их Величества, проходя, с ними прощались: все целовали Государя в плечо, а Государыне руку»⁵⁵². Во время празднования 300-летия династии в феврале 1913 г. «на пути в церковь все наши люди конюшенной части и загородных дворцовых управлений поднесли нам иконы и хлеб-соль». В октябре 1915 г., когда Николай II получил орден Святого Георгия IV степени, он отметил в дневнике, что «все наши люди трогательно радовались и целовали в плечо».

Еще раз надо подчеркнуть, что ближние слуги работали рядом со своими хозяевами десятилетиями, при этом многие из них так и не обзаводились собственными семьями. Особенно это было характерно для женской прислуги. Камер-юнгфера последней императрицы Александры Федоровны М. Занотти прослужила у нее целых 25 лет, так и не выйдя замуж⁵⁵³.

Бывало и так, что слуги в ближайшем окружении царя внезапно, конечно по императорской воле, резко меняли свою судьбу. Так, в ноябре 1848 г. Николай I приказал «уволить от дежурства на три месяца» истопника его комнат Павлова, изъявившего желание обучаться морской живописи у профессора Айвазовского, а вместо него «выбрать на сие время из находящихся при передних комнатах надежного и исправного истопника, без причисления к комнатам Государя Императора». Вместо Павлова подобрали истопника Чернышова, которого «снабдили нужным платьем», и он был представлен на смотр министру императорского двора. Павлову сообщили, что он должен явиться к Айвазовскому 15 ноября 1848 г., а через три месяца, 6 февраля 1849 г., министр распорядился продлить Павлову отпуск еще на три месяца⁵⁵⁴.

Стоит сделать несколько замечаний по поводу этой истории. Во-первых, факт определения высочайшим повелением царского истопника в ученики к И. К. Айвазовскому беспрецедентен. Видимо, истопник сумел убедить Николая Павловича в своих талантах. Во-вторых, смотр нового истопника лично министром императорского двора князем П. М. Волконским наглядно показывает, насколько тщательно подбиралась прислуга в императорские комнаты. И в-третьих, за истопником было сохранено его штатное место.

Определенным «моментом истины» становилась смерть императора. Смерть уравнивает всех, и императоры, если была такая возможность, прощались одинаково и с сановниками, и со слугами. Так, в феврале 1855 г. Николай I счел своим долгом проститься перед смертью «с министрами, слугами, дворцовыми гренадерами»⁵⁵⁵. А в завещании, составленном еще в 1844 г., царь отдельным пунктом упомянул своих ближних слуг: «Ст. 12... желаю, чтоб всей Моей комнатной прислуге, верно и усердно Мне служившей, обращены были их содержания в пансионы. К сей же прислуге причитаю лейб-рейнкнехтов и кучера моего Якова»⁵⁵⁶.

Следует также отметить, что дворцовая прислуга была очень хорошо информирована обо всем, происходящем во дворце. При этом она владела не какими-то сиюминутными фактами и слухами, а фактически вела многолетний «мониторинг» информации, связанной с первыми лицами империи. Особенно тщательно собиралась информация о жизни императорской семьи. Князь П. А. Кропоткин, служивший во дворце камер-пажом, был поражен тем, что «придворные лакеи тогда рассказывали нам — желали мы их слушать или нет — скандальную придворную хронику. Они знали решительно всё, что происходило во дворцах. То была их среда... Система шпионства, практикующаяся во дворце, а в особенности вокруг самого императора, покажется совершенно невероятной непосвященным»⁵⁵⁷.

Об осведомленности слуг было прекрасно известно и чиновникам 3-го отделения, одному из которых принадлежит следующая фраза: «Слова и мнения Его Величества должны быть известны нашему отделению. Разве иначе можно было бы вести такое важное учреждение, как государственная полиция? Могу вас уверить, что ни за кем так внимательно не следят в Петербурге, как за Его Величеством»⁵⁵⁸. И дворцовая прислуга была надежнейшим источником такой информации.

Так, после гибели Александра II в 1881 г. от рук революционеров-террористов в Петербурге была создана антитеррористическая организация «Священная дружина». Эта «подпольная» организация аристократов была дилетантской и активно привлекала прислугу в качестве осведомителей. Например, недалекий лакей обер-гофмаршала А. фон Гроде пытался даже

шантажировать хозяина: «Ему давали бы определенную сумму ежемесячно, если бы он подслушивал и давал сведения обо всех разговорах, ведущихся у Гроте»⁵⁵⁹.

Наследственный характер службы

Практика наследственности дворцовой службы в 1826 г. была закреплена законодательно указом «О не замещении никаких по дворцам вакансий крестьянами и об определении на оныя придворнослужительских детей»⁵⁶⁰. Дети дворцовых слуг обучались грамоте в придворнослужительской школе, а затем получали ту профессию, в которой нуждался дворец. Начало этой образовательной деятельности было положено в 1827 г., когда Николай I утвердил «Положение и штат школы при мастеровом дворе гофинтендантского ведомства». В документе констатировалось, что школа создана для «обучения детей мастеровых наукам и мастерствам». В эту школу принимались исключительно дети мастеровых придворного ведомства, при этом увольнение или перевод в другое ведомство были категорически запрещены. Этот «кадровый резерв» высоко ценился, и «смотрителям над мастеровыми» жестко предписывалось отслеживать все рождения и смерти дворцовых младенцев, донося в контору «без упущения во времени».

Как это практиковалось со времен Екатерины II, детей забирали от родителей в шестилетнем возрасте, а до этого выплачивалось пособие «на пропитание» по 30 рублей в год на каждого мальчика. Примечательно, что никаких лимитов на прием не было. Следует напомнить, что и родители, и дети были крепостными, и возможности выбора они не имели. Дети обучались в школе на протяжении 10 лет (с 6 до 16 лет), осваивая начальное познание русского языка, чтение, письмо, арифметику, чистописание, геометрию, рисование и Закон Божий. Занятия длились по шесть часов в день. С восьми лет детей начинали разбирать «по мастерствам», при этом старались, чтобы ребенок унаследовал профессию отца. Постоянная «производственная практика» начиналась для детей с 10 лет (по два часа).

«Правила» также предусматривали возможность командирования самых талантливых учеников в Императорскую Академию художеств, откуда они выходили (оставаясь крепостными) со званием художника. Теоретически по достижении 45 лет они могли получить вольную при условии беспорочной службы. Бесталанных направляли в дворцовые канцелярии на должности писцов, а ленивых и неспособных к наукам определяли в рабочие по садам и дворцовым зданиям⁵⁶¹.

В 1839 г. наряду со школой для подготовки мастеровых была создана школа для придворнослужительских детей. В «Положении» декларировалось, что «цель сей школы состоит в образовании детей мужского пола придворных официантов и ливрейных служителей ведомства Придворной Е. И. В. Конторы как состоящих на службе, так и отставных или умерших». В школе было открыто 100 бюджетных мест, на которые принимались мальчики не моложе девяти и не старше 15 лет. Обучение продолжалось четыре года, а в числе изучаемых предметов был даже немецкий язык. В школе использовалась передовая на то время «ланкастерская метода взаимного обучения». Выпускники-отличники распределялись в канцеляристы Министерства императорского двора, не обладающие «чистым почерком» зачислялись на различные служительские должности, а имеющие «видную наружность» шли «прямо в лакеи»⁵⁶².

В 1854 г. при школе придворнослужительских детей было учреждено и женское отделение⁵⁶³, куда по «Положению» принимались 20 девочек на полное казенное содержание и 20 приходящих, которым обеспечивались обед, одежда и обувь. На обучение принимали десятилетних девочек, которые учились в школе до 17 лет. Занятия продолжались с 8 утра до 5 вечера. По окончании учебы девочки получали распределение: основная часть — при дворцах белошвеями, сортировщицами белья и прачками по ведомству Придворной конторы, а отличницы назначались помощницами кастелянш или могли остаться преподавать в школе. Всем выпускницам выдавались деньги от продажи их рукоделий за все годы учебы⁵⁶⁴.

После отмены крепостного права в 1861 г. и перехода к новым принципам набора дворцовой прислуги школа «для сыновей служителей и ма-

Придворная челядь

стеровых придворного ведомства с особым при ней отделением для дочерей придворнослужителей» была закрыта, а дети распределены по частным учебным заведениям, при этом родителям выплачивались деньги из сумм придворного ведомства на доучивание детей⁵⁶⁵.

По традиции дети дворцовой челяди продолжали дело своих отцов, особенно если те смогли сделать карьеру при дворе. Однако даже для детей придворнослужителей все было не так просто. Дело в том что при императорских резиденциях в николаевскую эпоху были введены жесткие штаты, и желающих занять вакантные места, как правило, было значительно больше, чем самих мест. При трудоустройстве учитывались не только заслуги родителей, но и внешний вид, сообразительность и «придворная ловкость». Неудачники выбрасывались из дворцов «в жизнь» и при этом по своему происхождению выпадали из той сословной системы, которую настойчиво пытался выстроить император. Это беспокоило Николая I и министра императорского двора князя М. П. Волконского. В середине 1830-х гг. именно для детей придворнослужителей, которые не сумели или не захотели остаться во дворце, на законодательном уровне было введено понятие «разночинец». В 1846 г. император приказал князю М. П. Волконскому доложить о результатах проведенного «эксперимента». Из собранных министром сведений выяснилось, что в Москве и Петербурге проживают более 1800 человек отставных и еще работающих некласных придворнослужителей с детьми. При этом выявилась тенденция к увеличению их числа. В результате министр констатировал, что в столичных городах появился «класс людей, ни к одному из поименованных в законах состояний не принадлежащий»⁵⁶⁶.

Министр указывал на одно из обстоятельств, мешавшее многим детям начать карьеру при дворе. Дело в том что в декабре 1827 г. высочайшим повелением предписывалось определять на работу к императорскому двору «людей только видной наружности». Небольшое число вакансий было связано с тем, что другое высочайшее распоряжение запрещало отправлять слуг в отставку только «за старостью лет, по увечьям и неизлечимым болезням». В результате недееспособные слуги занимали штатные места буквально «до

гробовой доски», а молодые и здоровые дети придворнослужителей оставались без службы и при этом не имели средств к существованию. Это было связано с тем, что работать «на стороне» они не имели права, поскольку 76 статья Свода законов запрещала им поступать «ни в какое податное состояние и ни в какое другое ведомство», и никто не имел права брать их на службу, кроме Министерства императорского двора.

Ситуация сложилась серьезная, тем не менее был принят ряд решений, сохранявших кастовость при комплектовании корпуса придворных слуг. Во-первых, осталось в действии постановление по Министерству императорского двора, предписывавшее замещать открывавшиеся вакансии только сыновьями придворнослужителей. К тому же число придворных вакансий было увеличено за счет того, что дети стали занимать места канцелярских служащих, но при этом оговаривалось, «если они окажутся к тому способными».

Во-вторых, детей придворнослужителей, обладавших «невидной наружностью», начали включать в «податное состояние по собственному их избранию». При этом им давалась льгота не платить податей лично за себя.

В-третьих, детям придворнослужителей было позволено поступать на службу в другие министерства, но только с разрешения министра императорского двора, которое обставлялось рядом условий. Так, при поступлении на службу их относили к III разряду канцелярских служащих с обязанностью прослужить 10 лет в ведомстве, в котором они получали первый классный чин.

В-четвертых, детям неклассных придворнослужителей запрещалось поступать в высшие и средние учебные заведения. Они могли получать образование только в уездных и приходских училищах, в которых давались достаточные знания для поступления на службу, но не предоставляющие особенных прав.

Видимо, такие ограничения для придворнослужительских детей делались из-за того, что дворцовые слуги являлись свидетелями повседневной жизни императорской семьи и ее ближайшего окружения. Естественно, их знания не должны были выходить за стены императорских резиденций, а потому среди дворцовых слуг сознательно поддерживали кастовую замкнутость.

Слуги-специалисты

Важное место среди дворцовой челяди занимали специалисты, содержавшие Зимний и другие дворцы в должном порядке. Страшный пожар, уничтоживший в декабре 1837 г. Зимний дворец, заставил упорядочить номенклатуру специалистов — для обслуживания инженерных сетей в 1840 г. были образованы новые придворные подразделения.

При Николае I все технические и охранные подразделения возглавлял «майор от ворот» — по сегодняшней терминологии, комендант и завхоз в одном лице, заведовавший таким гигантским общежитием, как Зимний дворец. Его функции были очень широки: полицейский надзор, наблюдение за внешним порядком вокруг и внутри дворца (чистота тротуара и посыпка его песком, содержание в порядке мостовой вокруг дворца, очистка кровли и дворов от снега и грязи, наружное освещение дворов и подъездов), контроль над всеми инженерными коммуникациями, а также запираение ворот и подъездов дворца на ночь. Он должен был иметь сведения обо всех живущих во дворце.

По штатам 1840 г. «майор от ворот» получил двух заместителей — бау-адъютантов, которых набирали из опытных инженеров. Первый из них наблюдал за металлическими деталями дворца: еженедельно осматривал все стропила, листовое железо, войлочные покрышки металлических потолков, устройство шпренгелей и цепей, на которых были подвешены люстры. Для этого в его подчинении находилась особая команда, состоящая из четырех унтер-офицеров, 12 мастеровых (кузнецов, слесарей и кровельщиков) и 12 инвалидов, охранявших выходы на крышу Зимнего дворца. Второй бау-адъютант отвечал за строительную часть дворца: ежедневно осматривал огромное здание и исправлял все возникающие неисправности.

Основным подразделением в подчинении «майора от ворот» была мастеровая рота, непосредственное руководство которой осуществляли бау-адъютанты. По штатам 1840 г. мастеровая рота насчитывала 207 специалистов, обслуживавших все инженерные системы Зимнего дворца.

Наряду с мастеровой ротой «майору от ворот» также подчинялись две инвалидные роты — пожарная и рабочая, укомплектованные к январю

1831 г. Штат пожарной роты составляли 196 человек, из них 180 рядовых, а рабочей роты — 216 человек, из них 200 рядовых. В документах эти роты именовались «подвижными инвалидными ротами Министерства императорского двора»⁵⁶⁷. Следует пояснить, что до 1917 г. термин «инвалид» означал не человека «с ограниченными возможностями», а просто ветерана-отставника, физически здорового.

В составе мастерской роты было 15 специализированных команд:

1. «по скульптурному, лепному и мраморному художествам» в составе мастера, подмастерья, шести скульпторов и двух учеников — всего 10 человек;
2. «по живописному художеству» в составе мастера, двух подмастерьев, восьми живописцев и трех учеников — всего 14 человек;
3. «по лакерному, малярному и оконному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, 16 мастеровых и шести учеников — всего 25 человек;
4. «по резному и золотарному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, восьми рабочих и двух учеников — всего 13 человек;
5. «по мебельному, паркетному, столярному и бочарному мастерствам» в составе мастера, четырех подмастерьев, 16 мастеровых и восьми учеников — всего 29 человек;
6. «по токарному делу» в составе мастера, подмастерья, трех токарей и ученика — всего шесть человек;
7. «по плотницкому делу» в составе подмастерья, двух плотников и ученика — всего четыре человека;
8. «по бронзовому, медному, чеканному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, шести мастеровых и трех учеников — всего 12 человек;
9. «по слесарному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, 10 слесарей и четырех учеников — всего 17 человек;
10. «по кузнечному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, шести кузнецов и трех учеников — всего 12 человек;
11. «по кровельному, фонарному и ламповому делу» в составе мастера, двух подмастерьев, шести мастеровых и трех учеников — всего 12 человек;
12. «при водопроводной и ватерклозетной машине» в составе мастера, подмастерья, двух мастеровых и двух учеников — всего шесть человек;

13. «по печному и каменному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, восьми печников и шести учеников — всего 17 человек;

14. «по трубному делу» в составе мастера, подмастерья, трех трубников и двух учеников — всего семь человек;

15. «по трубочистному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, 12 трубочистов и семи учеников — всего 22 человека.

Таким образом, инженерную инфраструктуру Зимнего дворца по штатам 1840 г. обслуживали 14 мастеров, 28 подмастерьев, 112 мастеровых и 53 ученика — всего 207 человек⁵⁶⁸. Они делились на группы, выполнявшие значительный повседневный объем ремонтных и профилактических работ. Отоплением Зимнего дворца занимались трубочисты (10,6%), трубники (3,6%) и печники (8,25%) — всего 22,45%. Крупное подразделение составляли отделочники (12%), резчики (6,3%) и мебельщики (14%) — всего 32,3%. Надо отметить, что подобная штатная структура мастеровых команд реализовывала принцип возможности кадрового роста и подготовки квалифицированной смены.

Комплектование мастерской роты Зимнего дворца входило в круг обязанностей «майора от ворот» инженер-полковника Кубе. Сохранилось штатное расписание мастерской роты на 1848 г., из которого следует, что при 206 штатных единицах в роте числился 201 человек.

Подготовкой кадров для Зимнего двора в Петербурге занималась особая школа, называвшаяся «Командой мастеровых военного поселения», где обучались, как правило, солдатские дети — кантонисты. Наряду с Петербургской школой существовала и Московская команда мастеровых военных поселений. Судя по формулярам, школу оканчивали в 22–25 лет. При переводе во дворец все новобранцы давали клятвенное обещание, фактически это была подписка о неразглашении.

При обучении в школе по некоторым редким специальностям (слесарное мастерство) мальчиков отдавали по контракту на обучение к вольным мастерам. Например, два мальчика из школы были отправлены на обучение слесарному делу на шесть лет (с 1844 по 1851 г.) к одному из таких вольных мастеров. В ходе обучения будущие слесари проходили практику в дворцовом

ведомстве: им доверили обслуживание паровой машины на придворном пароходе под названием «Самолет». По итогам практики было сказано, что должность свою они исполняли с «отличным усердием» и на опыте оказались совершенно знающими слесарное дело. Вскоре молодых людей зачислили в мастеровую роту подмастерьями⁵⁶⁹.

Кроме мастеровой, пожарной и рабочей рот крупным подразделением при Зимнем дворце была служительская команда. До 1858 г. ее возглавлял старший надзиратель, получавший 144 рубля в год. В его подчинении находились 16 младших надзирателей (по 120 рублей), которые командовали 204 служителями (по 90 рублей). Они несли круглосуточную караульную службу в режиме «сутки через трое» на многочисленных дворцовых внутренних постах, большая часть которых находилась на первом этаже дворца и в подвале (19 из 21). Кроме того, в состав служительской команды входили 14 рабочих, обслуживавших три дворцовых лифта на ручной тяге: в комнаты ее величества, в подъезде ее величества и в подъезде министра императорского двора. Таким образом, служительская команда по штатам 1840 г. насчитывала 235 человек. Следовательно, весь технико-охранный персонал Зимнего дворца составляли как минимум 445 человек, а если учесть персонал придворно-экипажного заведения, то плюс еще 250–300 человек.

На все дворцовые должности существовали списки резерва. При открывшейся вакансии назначение производилось строго в порядке очереди, хотя, конечно, имелись и обходные варианты, когда кандидаты на должности использовали связи на разных уровнях, вплоть до высших. Так, в сентябре 1903 г. Николай II лично повелел зачислить вахмистра 2-го эскадрона лейб-гвардии Гусарского его величества полка Клейменова кандидатом на дворцовую должность⁵⁷⁰. Вмешательство царя, видимо, было связано с тем, что будучи цесаревичем он проходил военную практику в Гусарском полку, возможно, там он и узнал вахмистра. Однако даже прямые распоряжения царя не могли быть выполнены немедленно. Гусарский вахмистр хотел устроиться смотрителем Сервизной кладовой или комнатного имущества, но свободной должности не нашлось, поэтому царь вторично интересовался этим делом в конце февраля 1904 г. Следует отметить, что в подобных местах

работали только проверенные многими годами службы люди, поскольку им были доверены огромные материальные ценности. При Сервизной части числились два смотрителя, три помощника смотрителей, два писца, восемь присланных работников и два штатных работника — всего 17 человек. Следовательно, вахмистр Клейменов желал сразу стать одним из двух смотрителей этой кладовой, минуя многолетнюю службу.

В Зимнем дворце были и другие кладовые. Например, в кладовой для приема и сортировки белья работали кастильянка, ее помощница, три прачки, смотритель, помощник и 10 присланных рабочих — всего 17 человек. В Ливрейной части служили смотритель, писец и работник — всего три человека.

От крепостной к вольнонаемной прислуге

Важнейшим событием в дворцовой жизни было изменение статуса дворцовых слуг, которые после отмены крепостного права в 1861 г. стали свободными. Еще на стадии обсуждения в секретных комитетах различных проектов этой грандиозной реформы Министерство императорского двора начало подготовку к отмене крепостного права в императорских дворцах. Во второй половине 1858 г. были разработаны «Правила о замене вольнонаемными людьми нижних чинов инвалидных рот, мастеровых и других команд», подписанные министром императорского двора графом В. Ф. Адлербергом и 28 ноября высочайше утвержденные Александром II.

Суть этого обширного документа сводилась к следующим положениям: во-первых, сокращалась общая численность придворной челяди, не связанной напрямую с обслуживанием двора. Так, полностью упразднилась дворцовая пожарная рота. Мастерская рота Зимнего дворца сокращалась до 84 человек, из мастерской роты Придворного экипажного заведения оставались «только 150 человек лучших мастеровых»⁵⁷¹; по штату предполагалось нанимать

35 чернорабочих (по 54 рубля в год с едой), а на зиму дополнительно еще 25 чернорабочих (по 25 рублей в год с едой) — всего 294 человека⁵⁷².

Рядовой состав служительской команды, охранявшей Зимний дворец, был оставлен без изменений, но ее руководящий аппарат сокращен с 17 до шести человек: начальник служительской команды в чине майора или капитана (520 рублей в год), его заместитель в чине штаб-капитана (460 рублей), два поручика (по 370 рублей) и два подпоручика (по 333 рубля). Таким образом, сокращение численности штатного охранно-технического персонала Зимнего дворца в 1858 г. (535 человек) по сравнению со штатами 1840 г. (700 человек), видимо, составило порядка 150–165 человек. Эти меры были вызваны прежде всего соображениями экономии, поскольку с 1858 г. все штатные служители начали постепенно переводиться на положение оплачиваемых вольнонаемных мастеров.

Во-вторых, был разработан механизм постепенной замены крепостной придворной челяди на вольнонаемных мастеров. Вместе с тем было предусмотрено, что мастеровые из различных команд после выслуги узаконенных лет могли остаться при дворце в качестве вольнонаемных «даже сверх штата». В-третьих, на время переходного периода предполагалось параллельное существование рабочих команд, укомплектованных по старым правилам, и вольнонаемных. В-четвертых, все вольнонаемные фактически переходили на казарменное положение при дворцах и несли ту же ответственность, что и состоящие на действительной службе. Это означало, что вечером «за четверть часа до зари» проводилась перекличка, «дабы удостовериться, что все нижние чины, не занятые служебными обязанностями, находятся налицо или кто из них отлучился»⁵⁷³. В-пятых, всех слуг, работающих во дворце, переводили на жалованье.

В результате начался приток новых людей со стороны, однако это был лишь небольшой ручеек, поскольку потомственная дворцовая прислуга ревниво относилась к чужакам и имела множество возможностей «подставить» или удалить из дворца неугодного человека. Поэтому закрытый и наследственный характер дворцовой прислуги в целом сохранялся на протяжении всего царствования Александра II.

Александр III в начале 1880-х гг., меняя структуру Министерства императорского двора, предпринял очередную попытку разрушить касту придворнослужителей. В 1882 г. министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков провел очередной пересмотр штатов, в результате чего на законодательном уровне был ликвидирован институт придворнослужительского сословия и сокращено число служащих в императорских дворцах. С 1882 г. придворнослужители нанимались только по вольному найму.

Эти шаги были связаны с тем, что несмотря на значительные ежегодные затраты, Александр III «оставлять прежний крепостной порядок... не желал»⁵⁷⁴. Однако все усилия носителей верховной власти наталкивались на непробиваемую традицию «по примеру прежних лет» и мощное «лакейско-камердинерское лобби». Кроме того, дворцовые службы безопасности были также заинтересованы в замещении вакантных мест из числа очередного поколения дворцовой прислуги, поскольку в начале XX в. предпринималось несколько попыток внедрения террористов в службу дворца. Печальный опыт мастерового Степана Халтурина, отработавшего в Зимнем дворце с сентября 1879 г. по февраль 1880 г., не был забыт. Поэтому наследственный характер дворцовой прислуги в целом сохранялся вплоть до 1917 г.

С лакейско-камердинерским лобби крупным чиновникам Министерства императорского двора приходилось сталкиваться и в начале XX в. Так, начальник Канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолов, проработавший в этой должности с 1900 по 1917 г., в воспоминаниях отмечал: «Прислуга блюла традиции еще от крепостных. Почти все придворные слуги происходили из потомков этих крепостных и представляли весьма сплоченную среду, как бы касту. Было почти невозможно противодействовать традиционности»⁵⁷⁵. Тем не менее генерал начал борьбу с этой кастой, и хотя его чиновниками были дети камердинеров («без высшего образования и воспитания») великих князей и потому неуязвимые, он постепенно заменял их правоведами из Александровского лица⁵⁷⁶. Однако, несмотря на все усилия А. А. Мосолова, его успехи в этом деле носили частный характер.

Поэтому даже в начале 1930-х гг. многие лакеи и другие служители продолжали работать в бывших императорских дворцах, но уже музейными зрителями⁵⁷⁷.

Жалованье

Впервые жалованье для всех слуг было введено в Зимнем дворце в начале 1859 г., после утверждения в ноябре 1858 г. «Правил о замене вольнонаемными людьми нижних чинов инвалидных рот, мастеровых и других команд». Жалованье составляло небольшую сумму, но на Пасху и Рождество выплачивались «премиальные», питание было бесплатным, Министерство двора обеспечивало придворную челядь дворцовыми ливреями или другой «спецодеждой». Кроме того, у дворцовой прислуги было довольно много побочных источников доходов, которые, правда, требовали определенной ловкости: например, знаменитая дворцовая традиция свечных огарков, когда прогоревшие более чем наполовину свечи считались огарками и слуги их перепродавали.

Сумма жалованья являлась прямым свидетельством места слуги в дворцовой иерархии. Так, ключевое положение среди слуг царя занимали два человека — старший камердинерский помощник и лейб-кучер с окладом в 258 рублей в год. В мастеровой команде, численность которой в 1858 г. была сокращена с 207 до 84 человек, три мастера получали по 300 рублей в год, старшие мастеровые (40 человек) — по 180 рублей, а младшие мастеровые — по 150 рублей.

Несмотря на попытки всемерной экономии, обозначившейся в период правления Александра II, на содержание по ведомству Придворной конторы продолжали затрачиваться значительные суммы — до 274 682 рублей в год⁵⁷⁸. Ведь должный и привычный уровень дворцового комфорта требовал большого числа слуг, да и вопросы престижа императорского двора предполагали наличие привычного штата челяди. Экономия достигалась не за счет подчас эфемерного сокращения штатов, а за счет минимальных

Придворная челядь

окладов придворных слуг и чиновников. Например, в 1881 г. по штатам Министерства императорского двора получали такие оклады: чиновник — 115 рублей; придворный служитель — 43 рубля⁵⁷⁹; лакей, служивший на царской половине, — 201 рубль; камердинер императора — 144 рубля в год. Только старший камердинер, как и лейб-кучер, получали по 258 рублей⁵⁸⁰. Естественно, низкий уровень жалованья приводил к злоупотреблениям.

Маленькое жалованье придворной челяди отчасти компенсировалось регулярными выплатами «по случаю», однако они шли только той части дворцовой прислуги, которая находилась рядом с монархом. Постепенно сложился перечень памятных дат и праздников, на которые можно было получить довольно крупную прибавку, подчас даже в размере годового жалованья. Суммы прямо зависели как от степени близости слуги к императору, так и от его должностного положения в дворцовой иерархии. Например, в 1833 г. унтер-офицеру Арсенала Царскосельского дворца Ивану Федорову были выплачены именные в сумме 100 рублей, а остальным унтер-офицерам — 50 рублей. Это было связано с тем, что Федоров параллельно со своими обязанностями по Арсеналу периодически занимался чисткой (также получая за это деньги) музыкальных инструментов (труб), на которых играл Николай I⁵⁸¹.

Выплаты слугам шли из гардеробной суммы императора, то есть из средств, предназначенных на их личные нужды. В период царствования Николая I денежные выплаты слугам выстраивались в следующем порядке. Во-первых, 1 января императора с наступившим Новым годом поздравляли дежурные унтер-офицеры Царскосельского арсенала. Во-вторых, в течение года слугам выплачивались именные. Суммы были разные: в 1833 г. подкамердинер Павел Гримм получил 50 рублей, столько же было выплачено «камер-лакею комнат его величества в Зимнем дворце Василию Потапову», при этом истопникам и ездovým «комнат его величества в Зимнем дворце» именные платили по 25 рублей. В-третьих, выплачивались деньги на Пасху. В-четвертых, на день рождения императора. В-пятых, на именины императора. В-шестых, на тезоименитство. В-седьмых, на Рождество.

Иногда в списке выдач были имена, появление которых трудно объяснить: например, с 1846 г. к Новому году Николай I стал выплачивать по 5 рублей «вольнотпущенному Сергею Титову», тогда же появился безымянный «солдат при ванной комнате», которому ежегодно к Пасхе стали выдавать по 3 рубля, а с 1851 г. «солдату при ванной комнате» причиталось по 3 рубля и на Рождество.

Следует заметить, что и в начале XIX в. жалованье в придворном ведомстве не было особо щедрым. В связи с этим, к примеру, архитектор И. Монигетти получил разрешение министра императорского двора П. М. Волконского параллельно с работой в дворцовом управлении заняться постройкой домов по заказам петербуржцев⁵⁸².

Форма

Дворцовые слуги обеспечивались казенной формой, а работавшие «на людях» — к тому же праздничными и парадными ливреями. Стоимость униформы, естественно, зависела от положения слуги в дворцовой иерархии и степени близости к императорской половине. Повседневные ливреи менялись ежегодно, а праздничные были рассчитаны на три года. При этом, как это ни странно, стоимость повседневных ливрей была выше. Например, повседневная ливрея камер-фурьера в 1858 г., при Александре II, стоила 100 рублей 96 копеек, а праздничная обходилась казне всего в 64 рубля 93 копейки. Парадные ливреи менялись по мере необходимости: стоимость вышитого кафтана, камзола и исподницы для камер-фурьера составляла 408 рублей 87 копеек. Таким образом, весь комплект формы обходился казне в 574 рубля 76 копеек — крупную сумму по тем временам.

Примерно такое же ценовое соотношение было и для других слуг. Повседневная ливрея гоффурьера стоила 83 рубля 9 копеек, праздничная — 54 рубля 60 копеек, парадная — 128 рублей 34 копейки, а весь комплект обходился в 266 рублей 3 копейки. Форма официантов: повседневная — 74 рубля 9 копеек, праздничная — 54 рубля 60 копеек и парадная — 128 руб-

лей 34 копейки. Камердинеров: повседневная — 47 рублей 72 копейки, праздничный фрак — 31 рубль 82 копейки, парадная — 145 рублей 73 копейки. Рейнкнехты императора были одеты в форму гвардейских полков. У Николая I — в форму Драгунского (87 рублей), Преображенского или Семеновского (103 рубля) полков. Парадная ливрея камер-лакеев и лакеев обходилась в 245 рублей, скороходов (кафтан, камзол, юбка и кушак) — в 346 рублей 66 копеек, швейцара — в 354 рубля 24 копейки, арапов (башмет верхний, нижний, жилет, шаровары, шапочка, кушак и штiblеты) — в 543 рубля 6 копеек, камер-казаков — в 418 рублей 14 копеек⁵⁸³.

С одной стороны, эта блестящая, расшитая золотом форма дворцовых слуг производила впечатление и была частью всего блеска и пышности российского императорского двора. Как писала одна из мемуаристок: «Слуги при дворе носили золотые и алые ливреи; у живописных «скороходов» были экстравагантные, украшенные перьями головные уборы, чем-то напоминающие балетные наряды «Короля-Солнца»⁵⁸⁴. Великий князь Александр Михайлович также отмечал: «Их блестящие формы, шитые серебром и золотом, являлись великолепным фоном для придворных нарядов и драгоценностей дам. Кавалергарды и конногвардейцы в касках с императорскими двуглавыми орлами и казаки Собственного его величества конвоя в красных черкесках стояли вдоль лестницы и при входе в Николаевский зал»⁵⁸⁵.

С другой стороны, повседневная жизнь накладывала свой отпечаток и на форму слуг. Один из дипломатов, посетивший Аничков дворец в апреле 1881 г., отметил: «У двери, через который вошли их величества, стояли камердинер в галстукe весьма сомнительной чистоты и лакей в гамашах и заношенной ливрее без малейшего намека на траур»⁵⁸⁶.

Чины мастеровой и служительской команд обеспечивались казенной формой, но она не становилась их собственностью, а вне службы они носили собственное платье. Чины служительской команды имели форменный двубортный полукафтан темно-зеленого цвета гвардейского сукна, зимой — шаровары серого сукна, летом — шаровары фламандского белого полотна, галстук, фуражку и шинель.

Была своя форма и у специалистов мастерской роты. Согласно «Табелю мундирным и прочим вещам мастерской роты» повседневная форма включала: фуражную шапку «из серого сукна, со светло синим околышем, подкладкою и кожаным прибором, по образцу нестроевых»; шинель «серого сукна со светло-синим воротником»; мундир однобортный «по образцу фуражарских батальонов темно-серого сукна»; сюртук «однобортный писарям, темно-серый»; серебряный галун «на воротники и обшлага у мундиров и сюртуков, у подмастерьев только по воротнику»; рейтузы «всем чинам из темно-серого сукна»; галстуки «черные, суконные с манишками, всем чинам»; холста на две рубахи, «на третью рубашку деньгами»; сапоги «каждому по две пары, на портянки и шерстяные носки, на шитье и смазку сапог». Рабочая одежда специалистов мастерской роты состояла из куртки «фламандского полотна по две штуки на каждого», брюк фламандского полотна, на зиму — полушубок овчинный по колено и рукавицы замшевые с варежками⁵⁸⁷.

К середине XIX в. форма слуг уже устоялась. Однако в начале XX в. при императорском дворе возникло новое подразделение — Императорский гараж, служителям которого также требовалось обмундирование. Примечательно, что при разработке новой придворной формы в качестве модельера-дизайнера активно выступала императрица Александра Федоровна.

Осенью 1906 г. князь В. М. Орлов представил вариант образца униформы для водителей на рассмотрение Александре Федоровне. В свою очередь, императрица сочла возможным лично вмешаться в процесс «строительства» формы для шоферов и служащих Императорского гаража. Прежде всего она выразила желание сделать униформу скромной, чтобы не привлекать лишнего внимания. Александра Федоровна, которая хорошо рисовала, предложила эскизы своего варианта, в основу которого была положена обычная лакейская ливрея с позолотой, высоким воротником, серебряными и золотыми шнурами. Такая униформа придавала водителям гаража вид обычной дворцовой прислуги — видимо, у императрицы были свои представления о «скромности» шоферской униформы.

Водители и механики несколько обиделись, поскольку считали себя рабочей аристократией и не желали уподобляться прислуге. Они гордились

своей квалификацией, высокой ответственностью и редкой по тем временам профессией. Водители хотели иметь форму в военном стиле, которая, как они считали, больше подходила для их профессии. В результате руководители механического и экономического отдела гаража, а также водители (шесть человек), механики (семь человек), мойщики (девять человек) не одобрили предлагаемой им униформы. Но эта «фронда» не была принята во внимание, и в 1906 г. на «постройку» парадного и повседневного обмундирования для персонала гаража были затрачены весьма крупные средства — 30 707 рублей 99 копеек, переведенные на счет фирмы «Лидваль». В октябре 1907 г. эта униформа была утверждена для работников личного гаража его императорского величества⁵⁸⁸.

В 1909 г. при создании формы «образца императрицы» самым дорогим стал комплект личного шофера Николая II — 248 рублей, по стоимости сопоставимый с мундиром камер-казака императора. Комплект обмундирования царского шофера включал в себя: два мундира (защитного цвета с золоченым жгутом и серебряными коронками) по 42 рубля; две пары шаровар (защитного цвета) по 16 рублей; две фуражки (защитного цвета с золочеными коронками) на 8 рублей; пальто (защитного цвета на вате и фланелевой подкладке) за 70 рублей; пара лакированных сапог за 18 рублей; три пары перчаток (зимние на меху по 5 рублей и две пары летних по 2 рубля 75 копеек); два рабочих костюма по 12 рублей и рабочая фуражка за 1 рубль 50 копеек.

Остальные шоферы получили форму гораздо более скромную — по 54 рубля, состоявшую из пары лакированных сапог за 18 рублей, трех пар перчаток, двух рабочих костюмов и рабочей фуражки. При этом в финансовых документах не отмечены затраты на собственно форму — видимо, это была стандартная дворцовая форма, а сумма в 54 рубля шла сверх обычного комплекта.

Форма машиниста и его помощника на поезде «Ренар» обошлась по 110 рублей, а шофера при фургоне и омнибусе еще дороже — по 110 и 180 рублей, соответственно. Эти затраты шли на приобретение «кожаного мундира с золочеными жгутами и серебряными коронками» за 42 рубля, кожаных шаровар за 16 рублей, кожаной фуражки с золоченой коронкой

Группа придворных шоферов в зимней форме.
1910 г.

за 4 рубля и пары сапог за 12 рублей. Это была «настоящая» шоферская форма — «весь в коже».

Получил свою форму и персонал мастерской гаража. Форма мастера-столяра обошлась в 156 рублей 50 копеек, а рядовых мастеров — всего по 37 рублей 50 копеек (пара сапог, два рабочих костюма и рабочая фуражка); шести младших мыльщиков — 72 рубля 75 копеек (мундир защитного цвета с галуном, шаровары, фуражка защитного цвета с коронкой, пара сапог, два рабочих костюма и рабочая фуражка); шести старших мыльщиков — 140 рублей 75 копеек (все то же самое, только добавлялось пальто защитного цвета за 68 рублей)⁵⁸⁹.

Однако со временем выявилась нежизнеспособность униформы, разработанной Александрой Федоровной, да и влияние князя В. М. Орлова нельзя сбрасывать со счетов. В 1910 г., когда составлялось «Положение об Императорском гараже», был утвержден новый вариант униформы для его работников. Министр императорского двора В. Б. Фредерикс лично завизировал записку об «Униформе рабочих личного гаража его величества», которая затем была высочайше утверждена. Николай II унаследовал от своих предков любовь к внешней, парадной стороне армейской жизни, а потому все, даже ничтожные вопросы, связанные с введением или изменением форменной одежды, решались им лично. В соответствии с канцеляризмами того времени император высочайше «повелел соизволить, чтобы заведующему технической частью Гаража, шоферам и служителям при автомобилях присвоены были для выездов в холодное время серые мерлушковые папахи несколько остроконечные, но по образцу прежних папах Собственного его величества конвоя, с кокардой для техника и золоченой коронкой для остальных служащих и верхушками по цвету фуражек»⁵⁹⁰.

Как и желали водители, за основу была взята форма военного чиновника. Шоферы, возившие императора и его ближайшее окружение, имели повседневную униформу из шерстяной диагонали цвета хаки. Парадная униформа отличалась от повседневной золотым шнуром вокруг отложного воротника с гербом на петлицах. Из той же диагонали шили брюки и форменное кепи с императорской короной. Униформу дополняли высокие кожаные ботинки на шнуровке, черные парадные ботинки, длинные перчатки-краги и рукавицы на меховой подкладке. Зимнее и осеннее пальто также шили из диагонали цвета хаки с золотыми петлицами на бобровом воротнике. В комплект формы входили водонепроницаемый летний плащ цвета хаки, кашемировый жакет цвета хаки с золотым шнуром, с гербом и красной подкладкой, галифе из кашемировой ткани цвета хаки, кашемировое кепи с короной. На зимнем пальто диагоналевая ткань была подбита овчиной и с воротником из овчины. Водители грузовиков имели форму серого цвета, галифе и кепи, черные высокие ботинки, а также перчатки-краги, рукавицы на меховой подкладке, пальто с меховой подкладкой с

пристегивающимся бобровым воротником, черную овчинную папаху и серую тужурку, отделанную красным шнуром. Для рабочих гаража форма шилась из ткани синего цвета.

Окончательно вопросы, связанные с организацией, управлением и формой, были решены к 1914 г. с принятием последнего «Положения об управлении Собственного его величества гаража и штате управления»⁵⁹¹. К этому времени в гараже работали всего 80 человек⁵⁹².

Крестники и крестницы

Традиция крестить детей своих слуг и ближайшего окружения идет издревле, восходя к Петру I и Елизавете Петровне. Для царей это была демонстрация неразрывной связи с народом, а для простолюдинов — не только высокая честь, но и прямая материальная выгода, сводившаяся к весомым подаркам со стороны правителей. Кроме того, крестников царская семья фактически принимала на свое содержание, и Министерство двора вело строгий учет крестников и крестниц высочайших особ. Подрастающим детям оплачивалось обучение за счет императорской фамилии и обеспечивался более благоприятный карьерный старт в жизни.

Существовало несколько вариантов «царского крещения». Первый путь был связан с рассмотрением прошения родителей о возможности крещения ребенка представителем императорской семьи. Если чиновники Министерства двора после соответствующей проверки считали возможным допустить процедуру крещения, следовал доклад царю. Вторым путем была личная просьба близких к монарху дворцовых служителей, непосредственно обслуживавших его семью. Как правило, задействовался именно этот вариант.

Интересно, что возраст крестившей царственной особы большого значения не имел, весомым был статус. Например, в 1798 г. двухлетний великий князь Николай Павлович, будущий Николай I, стал крестным отцом двух младенцев. Конечно, крестил младенцев не двухлетний мальчик, а кто-то из его окружения «по доверенности». В документах значителся, что в 1798 г. из его

Придворная челядь

средств было выдано 100 рублей надворному советнику «российского языка учителю за крещение у него его императорским высочеством младенца». А через некоторое время шталмейстер получил от имени великого князя 400 рублей в подарок на крещение ребенка⁵⁹³.

В последующие годы число крестников Николая I постепенно увеличивалось. В 1801 г. мундкох Фридрих Друбновский получил стандартные 100 рублей в подарок на крещение младенца⁵⁹⁴. В апреле 1807 г. ювелиру Дювалю было выплачено 350 рублей «за золотую гребенку, пожалованную коллежскому асессору Баранову за крещение у него младенца»⁵⁹⁵. В 1810 г. вновь последовали выплаты ювелиру Дювалю за бриллиантовые перстни, которые дарили родителям крестников⁵⁹⁶. В январе 1845 г. дворцовому гренадеру Данилову «на крестины» было выдано 50 рублей⁵⁹⁷.

Выгоды от царского крещения были настолько очевидны, что очень многие стремились сделать правящего императора крестником своего ребенка. Поток подобных прошений оказался настолько значительным, что вынудил Николая I решать этот вопрос на законодательном уровне, а поводом стала просьба титулярного советника Щукина, работавшего старшим экспедитором одного из департаментов государственного контроля. Прошение титулярного советника рассматривалась в октябре 1825 г. Комитетом министров, который принял решение — отказать, но довести до сведения императора (перестраховались!). В январе 1826 г., в разгар следствия по делу декабристов, Николай I повелел «впредь подобных просьб в Комитет не вносить; ибо его величество предоставляет себе изъявлять соизволение на восприятие от купели детей таких только лиц, кои лично известны его величеству»⁵⁹⁸.

Однако в принятый закон пришлось через некоторое время вносить изменения. Николай I был окружен множеством людей, у которых, естественно, рождались дети, и они как лица, «лично известные императору», считали себя вправе пригласить его на крестины своего ребенка в качестве крестного отца. Поэтому в 1836 г. было решено «представления о всемиростивейшем восприятии от купели детей штаб- и обер-офицеров делать сколь можно реже»⁵⁹⁹.

Иногда члены императорской фамилии крестили целые семьи. Например, крестным отцом старшего сына официанта Дмитрия Пруссакова был Александр III, дочери — императрица Мария Федоровна, младшего сына — великий князь Михаил Александрович. Все трое детей лакея I разряда Егора Комарова также были крещены императорской четой.

На 1900 г. по спискам Министерства двора на учете состояли 21 крестник и крестница высочайших особ, в основном дети служащих при дворце. Большая часть этих крещений была связана с именами Александра III (10 человек) и императрицы Марии Федоровны (шесть человек), но среди крестных упоминается также великая княжна Ольга Александровна (два человека) и великий князь Михаил Александрович (три человека). Среди родителей преобладали лакеи I разряда (пять человек), которые непосредственно обслуживали царскую семью, но также были официант, фейерверкер, канцелярские чиновники, казенный десятник, младший надзиратель, присяжный при церкви⁶⁰⁰.

При Николае II эта традиция была продолжена. Члены императорской семьи крестили детей кормилиц своих дочерей и ближайшей прислуги, а также лично известных им людей из ближайшего окружения. Так, когда в 1908 г. жена одного из офицеров охраны царя родила ребенка, Анна Вырубова сообщила счастливой матери, что «ее величество благоволит стать крестной матерью... малышу». Поскольку отец ребенка был лютеранином, то младенца крестили по православному и лютеранскому обрядам. При первом крещении Александра Федоровна сама держала младенца и по традиции подарила матери брошь, украшенную сапфиром и бриллиантами⁶⁰¹.

Последней крестницей императрицы 16 февраля 1916 г. стала дочь начальника Дворцовой полиции Невдахова. В свидетельстве, выданном родителям, было указано, что «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Федоровна Всемилостивейше соизволила на восприятие от купели при Св. Крещении Августейшим Ее Императорского Величества Именем родившейся 26 декабря 1915 г. дочери состоящего в распоряжении Дворцового Коменданта полковника Отдельного Корпуса Жандармов Невдахова — Александрь».

Дисциплина, кражи, наказания

В жизни императорских резиденций, населенных сотнями людей, бывало всякое. Случались и периодические скандалы, связанные с кражами: с одной стороны, кражи вроде бы исключались в парадной императорской резиденции, обслуживающий персонал которой тщательно подбирался, но с другой — человеческий фактор присутствовал даже в императорской резиденции, и за 150-летнюю историю дворца его стены видели многое. Безусловно, эти скандалы не афишировались, но администрация дворца, как правило, использовала их для примерного, публичного наказания виновных и дальнейшего совершенствования правил повседневной жизни придворнослужителей.

Из архивных дел следует, что за дисциплинарные и прочие прегрешения дворцовую прислугу наказывали, как правило, отдаванием в солдаты. Это было суровое наказание: для слуги, выросшего при императорском дворе, оказаться в солдатской казарме было очень тяжело. Так, в 1794 г. рассматривалось дело 19-летнего золотарного ученика Шмелева по причине пьянства и прогулов. Ему грозило отдавание в солдаты, однако парня пожалели, поскольку «он еще лет молодых»⁶⁰².

Как отмечал М. И. Пыляев, в царствование императрицы Екатерины II придворная прислуга «наживалась и тащила всё; государыня смотрела на эту поживу глазами доброй хозяйки. Например, при ней показывали на один обед караульного офицера во дворце 70 рублей; дворцовое серебро чистили таким порошком, что значительная часть серебра оставалась чистильщикам. Великому князю Александру Павловичу раз потребовалась ложка рому, и с тех пор в расход записывалась бутылка рому. Эта бутылка рому показывалась на ежедневный расход даже в царствование Николая: ее открыла императрица Александра Федоровна».

При Николае I ни один из таких скандалов не проходил мимо его внимания. Более того, суть дела докладывалась императору в тот же день, пусть даже обстоятельства той или иной кражи были неизвестны. После расследования Николай Павлович все вопросы о наказании дворцовой

прислуги решал сам, при этом грозный император, обладавший «взглядом василиска», от которого некоторые наиболее сообразительные сановники падали в обморок, был безжалостен к своим слугам. Он справедливо считал, что огромное хозяйство дворца будет разворовываться, если регулярно и публично не демонстрировать неотвратимость наказания даже за самые незначительные проступки. Ну а серьезные проступки прислуги карались императором беспощадно.

Еще в начале правления Николая I на законодательном уровне был принят ряд решений, связанных с ужесточением наказаний персонала дворцов. В декабре 1826 г. состоялось решение по гофинтендантскому ведомству о перемещении «истопников развратного поведения в рабочие команды мастеровых»⁶⁰³.

Тем не менее криминальные истории в императорских дворцах случались. Одним из первых таких серьезных происшествий царствования Николая I стало «дело о медалях» конца 1820-х гг. Несколько лакеев «по предварительному сговору и с применением технических средств» вскрыли одну из витрин, в которой хранились различные нумизматические ценности, и в течение нескольких лет вынесли из Зимнего дворца десятки ценнейших предметов⁶⁰⁴.

В 1839 г. было крайне неприятное дело о краже вещей в Аничковом дворце из комнат императрицы Александры Федоровны. Надо заметить, что при Николае I, несмотря на достаточно частые факты воровства, преступников, как правило, находили. Так, в ходе следствия выяснилось, что ворами были истопник Михайлов и полотер Чукасов⁶⁰⁵. В личные комнаты императорской четы вообще допускался самый ограниченный и тщательно проверенный дворцовый персонал, но, видимо, подчас искушение оказывалось сильнее.

Случались и откровенные вооруженные грабежи. Так, в 1844 г. перед самым праздником Рождества в комнату камер-юнгферы Карповой, спавшей возле опочивальни императрицы, прокрался ночью вор с ножом в руках и стал требовать у нее деньги. Камер-юнгфера, несмотря на весь ужас происходящего, не потеряла присутствия духа и, изъявив готовность

дать грабителю денег, сказала, что они хранятся в соседней комнате. Выйдя, она закрыла свою спальню на ключ, находившийся в замке, и бросилась за дежурной прислужкой. Люди сбежались, однако опоздали, поскольку вор, почувствовав неладное, выломал дверь и скрылся. Надо подчеркнуть, что описанное происходило не на постоялом дворе и не в гостинице, а в главной императорской резиденции — Зимнем дворце.

Немедленно было организовано расследование. Решающую роль вновь сыграла камер-юнгфера, поскольку в грабителе она узнала одного из придворных лакеев, который был немедленно арестован и допрошен гофмаршалом Шуваловым. Допрос закончился безрезультатно — лакей отказался признать свою вину. И только после вмешательства в эту скандальную историю Николая I, лично допросившего лакея, удалось добиться от него признания. Как выяснилось, при дворе он прослужил пять лет, но при этом постепенно превратился в горького пьяницу. К 1844 г. он все пропил и опустился настолько, что покусился на «святое» — парадные лакейские штаны с галуном, которые заложил за 3 рубля. И поскольку приближался праздник, на котором лакей должен был служить в этих парадных штанах, а денег для их выкуп из ломбарда не было, он и решился на разбой. При этом он подчеркивал, что нож с собой взял, чтобы только попугать камер-юнгферу. По высочайшей воле лакей-разбойник был предан военному суду, который приговорил: прогнать сквозь строй 2000 человек и потом обратиться в арестантские роты. Николай I смягчил приговор отменой телесного наказания⁶⁰⁶.

В ноябре 1851 г. во второй запасной половине были похищены 12 шелковых штор с окон. Как только пропажа была обнаружена, немедленно последовал рапорт «майора от ворот» инженер-полковника Кубе на имя министра императорского двора князя Волконского. Расследование заняло всего два дня, быстро установили круг подозреваемых, а после ряда допросов были выявлены все участники кражи. Выяснилось, что дворцовый работник Бубнов сорвал шторы с окон, вынес их из дворца и продал неизвестным лицам по 2–3 рубля за каждую. Прибыль он поделил с лакеем Абросимовым, сорвавшим две шторы. Дело было доложено императору, который собственноручно написал на докладе: «Судить всех военным судом».

Как следует из формулярных списков, Дмитрий Бубнов, сын мелкого таможенного чиновника, являлся работником высочайшего двора, православным, холостым, с жалованьем в 116 рублей в год. Его служба при дворе началась в 1841 г. с должности фельдшерского ученика. В 1843 г. его произвели в фельдшеры, а в 1845 г. — в истопники. Следует уточнить, что в придворнослужительской иерархии превращение фельдшера в истопники являлось безусловным повышением, поскольку истопник был вхож во внутренние помещения дворца и находился ближе к императору, чем фельдшер. Однако в 1849 г. его карьера дала трещину: он был разжалован за пьянство из истопников в простые работники.

Надо заметить, что за всеми придворнослужителями, подвергшимися дисциплинарным наказаниям, следил полицмейстер. Они категорически не допускались на дежурство в комнаты императорской семьи. При расследовании полицмейстер донес по команде, что Бубнов вел себя хорошо и поэтому был переведен из штрафного в общее отделение холостых придворнослужителей.

Примечательно, что пострадали не только воры, но и лица, связанные с ними. Николай I лично приказал посадить под арест гоффурьера Петрова, отвечавшего за обслуживающий персонал дворца, и камердинеров Панкова и Иванова, в дежурство которых была совершена кража. Они просидели на гауптвахте две недели, пока не были освобождены личным распоряжением царя⁶⁰⁷.

Бубнов и Абросимов распоряжением императора были преданы военному суду, который начал выяснять обстоятельства дела и задавать вопросы, поскольку не был осведомлен о нюансах придворной службы. Прежде всего понадобилось очертить круг обязанностей виновных. Как следует из ответа придворного ведомства, обязанности лакеев, истопников и работников заключались в соблюдении чистоты комнат, в дежурстве на определенных местах с ответственностью за сохранность залов и «продовольствовании особ и лиц». При этом, как следует из документов, служба их была достаточно тяжела, поскольку придворнослужительские вакансии часто были не заполнены, дежурных некому было сменить, и они находились на постах «весьма

продолжительное время». Также суд установил, что шторы провисели на окнах не менее пяти лет, поэтому были уже выгоревшие и ветхие. Хотя изначально украденные шторы обошлись казне в 398 рублей, их можно было продать только за 2–3 рубля серебром за штуку.

Тем не менее воров ожидало суровое наказание, и прецеденты уже имели место. Так, по высочайшему повелению в декабре 1844 г. придворный лакей Алексей Тормахин был предан военному суду и приговорен к телесному наказанию. 30 декабря 1844 г. в 5 часов утра в манеже Инженерного замка были собраны камер-лакеи, лакеи и нижние служители всех придворных ведомств для присутствия при исполнении приговора над лакеем Алексеем Тормахиным. Кроме того, в 1850 г. истопник придворного ведомства Николай Великанов за кражу был наказан шпицрутенами (три раза через 100 человек), а потом отдан в арестантские роты.

Но в 1851 г. выяснилось совершенно неожиданное обстоятельство. Из министерских архивов были извлечены два указа Екатерины II, в соответствии с которыми категорически запрещалось подвергать телесным наказаниям «ливрейных служителей при высочайшем дворе». Так, в указе от 12 марта 1765 г. было сказано: «Телесного наказания не чинить, а чинить штраф, смотря по вине содержанием под арестом... на хлебе и воде... или отсылать в военную коллегию для направления на военную службу». Но, как видно из следующего указа от 6 мая 1771 г., первый не соблюдали. Екатерина II с возмущением писала: «Как уведомились мы, к немалому удивлению нашему, что несмотря на сие наше повеление, воля наша не исполняется, и также при дворе нашем возобновилась злая привычка ливрейных служителей бить... Все суровости, от невежества рожденные и выдуманые через сие, накрепко запрещаем под опасением нашего гнева... отнюдь никогда и ничем не бить». Нерадивых служителей она предлагала: «1. Кроткостью, если не поможет. 2. Держанием под арестом. 3. Двухсуточное сажание на хлеб и вод. Потеряв надежду... снять ливрею... и отпустить от двора или отослать в военные команды, смотря по вине его»⁶⁰⁸.

Все были немало озадачены, поскольку знали, что Николай I с уважением относился к своей царственной бабушке. С другой стороны, было

известно, что прислугу безжалостно наказывали. Поэтому суд немедленно начал выяснять официальный статус «ливрейных служителей», надеясь, что истопники и работники не входят в эту категорию. Однако было установлено, что придворными служителями «именуются все лица, служащие при высочайшем дворе, которые по должности их не пользуются правом на получение за выслугу лет классного чина, а именно: камер-лакеи, лакеи, скороходы, поваренные помощники, истопники, работники и вообще поваренные служители».

Юридическая коллизия была разрешена лично императором. Обер-гофмейстер Шувалов доложил о проблеме государю, который прочел тексты екатерининских указов и собственноручно отметил: «Отменить нельзя, но как служба считается может только с 16-летнего возраста, то провинившуюся молодежь сих лет подвергать детским наказаниям для исправления весьма можно и должно»⁶⁰⁹.

В результате по приговору суда Бубнов и Абросимов были исключены из придворного ведомства и приговорены к службе в армии рядовыми. Всех, причастных к этому делу косвенно, передавали непосредственному начальству для наказания по его усмотрению. Однако Николай I счел этот приговор слишком мягким и 17 июля 1852 г. собственноручно изволил написать: «Первых — в арестантские роты на три года, а последних — в рядовые».

Столь жесткая реакция царя, видимо, была связана с тем, что кражи во дворце в это время приняли систематический характер, и он жестокими мерами хотел пресечь их. Тем не менее воровство продолжалось и даже косвенно затрагивало самого императора. Известно, что после того как однажды Николай Павлович потребовал сальную свечу, чтобы смазать нос по случаю насморка, в счетах выводилась ежедневно одна сальная свеча, якобы по требованию государя⁶¹⁰.

Очень любопытно несколько безумное дело истопника Киселева. Собственно, эта история сводится к тому, что 18 декабря 1851 г. истопник Киселев, придя за жалованьем в казначейство Придворной конторы, занял очередь. Потом он взял висевшую на стуле шинель эрмитажного истопника Новикова и отправился в Апраксин двор, где тут же продал эту шинель за

5 рублей серебром, а затем спокойно возвратился в очередь. К этому времени истопник Новиков, получив жалованье, хватился шинели, и стоявшие в очереди указали на Киселева, который не стал отпираться и во всем тут же сознался. Оба истопника отправились в Апраксин двор, где Киселев выкупил шинель и вернул ее хозяину. Несмотря на благополучное завершение этой истории, она стала известна руководству Министерства императорского двора. По традиции суть дела была немедленно доложена императору, который без всякого суда распорядился отдать истопника Киселева на 10 лет в крепостные арестанты⁶¹¹.

Конечно, не следует думать, что дворцовая челядь поголовно состояла из воров. Например, после высочайшего выхода, который состоялся 1 января 1840 г., при уборке парадных залов слугами была найдена потерянная бриллиантовая пуговица. О находке немедленно доложили по инстанции, и выяснилось, что эта драгоценная пуговица с парадного платья великой княжны Марии Михайловны. Слуг наградили «за честность»⁶¹².

Правда, это был, пожалуй, единственный случай проявления подобной честности. Во время балов украшений теряли множество — ведь не только дамы, но и мужчины были буквально усыпаны драгоценностями, однако эти потери оказывались безвозвратными, поскольку дворцовая прислуга традиционно считала их своей «добычей».

О том, насколько велика могла быть эта «добыча», свидетельствует французский художник О. Верне (18 мая 1843 г.): «Вчерашний бал был великолепен, — и кавалеры, и дамы являли собой нечто, усыпанное бриллиантами, не говоря уже о жемчуге и рубинах. Во время танцев или просто из-за тесноты в толпе украшения ломались, и приходилось все время наступать на жемчуг и рубины. Чтобы поверить этому, надо видеть собственными глазами»⁶¹³.

На балах терялись иногда и уникальные вещи. Так, в феврале 1903 г. во время знаменитого «исторического бала» младший брат царя великий князь Михаил Александрович потерял драгоценную большую алмазную застежку, которую он прикрепил в качестве украшения к своей меховой шапке. Застежка была «баснословно дорогой; некогда она принадлежала императору Павлу I, и вдовствующая императрица надевала ее крайне редко... Должно

быть, украшение упало у него с шапки во время танцев. Оба они — Мама́ и Михаил — были вне себя от отчаяния: ведь застежка принадлежала к числу сокровищ короны. В этот же вечер были внимательно осмотрены все залы дворца. Утром пришли сыщики и обшарили дворец от подвала до чердака, но бриллиантовую застежку так и не нашли. Нужно сказать, что на этих балах теряли множество драгоценных украшений, но я ни разу не слышала, чтобы хоть одно из них удалось отыскать!»⁶¹⁴ — вспоминала сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна.

Иногда император мог простить проштрафившегося слугу. Так, лето 1847 г. царская семья проводила в Петергофе. В один из дней лакей Андреев, служивший при детях цесаревича Александра Николаевича, упал на балконе «в припадке падучей болезни». Естественно, он был немедленно удален из детских комнат, а на его место прислан новый лакей. Казалось бы, инцидент был исчерпан, тем не менее неизвестные «доброжелатели» решили дать этому делу ход. Николаю I донесли о случившемся, при этом лакея представили пьяным. Император немедленно выговорил воспитателю Юрьевичу: «Это недосмотр и этого не должно быть нигде... что такого человека надо строго наказать: отдать в солдаты»⁶¹⁵. Воспитатель сумел убедить императора, что его неверно информировали. Николай Павлович объяснения принял.

Однако через некоторое время действительно был замечен пьяный лакей. Воспитатель Юрьевич в письме к цесаревичу описал это следующим образом: «После вечернего собрания, когда фрейлина графиня Гауке садилась в карету, его величество, вышед на крыльцо, заметил, что находящийся при ней лакей (двора вашего высочества Перон) был в весьма нетрезвом виде, так, что едва держался на ногах». Император, увидев такое из ряда вон нарушение правил, сказал: «Вот еще новое доказательство, в каком беспорядке прислуга двора его высочества; это стыд, непростительно». Затем Николай Павлович распорядился направить Перона рядовым в Кронштадтский линейный батальон, и «ежели впредь узнает или услышит о таких беспорядках, то виновный также будет отдан в солдаты»⁶¹⁶. За слугу попытались заступиться, мотивируя заступничество тем, что у лакея Перона жена и семеро детей. Император внял просьбам и помиловал. Лакея вернули на прежнее

место. Тем не менее Николай I выговорил Юрьевичу: «Мне крайне неприятно, что я должен употреблять такие меры. Ты возьми на себя, чтобы все было в порядке; сам наказывай виновных, как знаешь, лишь бы до меня не доходили подобные дрязги»⁶¹⁷. Как мы видим, императору не доставляло удовольствия принимать столь жесткие решения, однако он был убежден, что «держать в руках» прислугу необходимо.

Несмотря на все «показательные процессы», даже при Николае I в императорских резиденциях воровали. При либеральном Александре II эти факты участились. Причем утраты дворцовых интерьеров не всегда были связаны с банальным воровством. Например, в начале 1860-х гг. много старинной мебели было вынесено из Зимнего, Таврического и других дворцов как хлам в кладовые и даже на склад императорского Александрейского театра. Это было связано с изменением приоритетов в представлениях о прекрасном: на смену пышным дворцовым интерьерам, в создании которых принимали участие ведущие художники и архитекторы своего времени, пришел буржуазный потоковый стандарт — к слову, очень удобный и комфортный. Вместо произведений мастеров-художников появилась по распоряжению обер-гофмаршала графа Шувалова немецкая, солидно-буржуазная обстановка из магазинов Гамбса и Тура.

Все эти «утраты» привели к тому, что когда в начале 1880-х гг. при Александре III министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков пригласил Д. В. Григоровича сделать опись внутреннего дворцового убранства, тот со свойственной писателю выразительностью заклеил порядок, при котором допущено было кричащее безобразие — в некоторых даже парадных комнатах рядом с восхитительными вещами стояли рыночные поделки⁶¹⁸.

Воровали и напрямую: например, в 1858 г. на половине великой княгини Екатерины Михайловны были похищены бронзовые часы — вещь достаточно объемная, но тем не менее ее сумели вынести из дворца⁶¹⁹. «Взяли» явно свои. Однако при этом надо учитывать, что, несмотря на почетность и ответственность службы придворной челяди, их жалованье было очень маленьким и не менялось десятилетиями. Правда, прислуге, близкой к императору, приплачивали из «комнатных сумм» к Пасхе, Рождеству, боль-

ничные, к отпуску и прочее, но было и множество других слуг, которые этих прибавок не получали. Видный чиновник Министерства императорского двора в период правления Александра III Василий Силыч Кривенко писал, что «ничтожность окладов бьет в глаза. Такие ответственные служащие, на руках и фактически в распоряжении которых находились драгоценное имущество на многие десятки миллионов рублей, оплачивались до смешного ничтожными окладами... Людей как бы наталкивали на злоупотребления»⁶²⁰.

Злоупотребления, о которых мало что известно, периодически выливались в громкие уголовные дела. Одно из таких дел случилось летом 1868 г., когда из молельной комнаты Большого придворного собора Зимнего дворца было украдено 972 рубля «общественной суммы» придворного духовенства. Преступников не нашли⁶²¹.

Вскоре история повторилась, только в больших масштабах. В октябре 1869 г. граф обер-гофмейстер Шувалов донес министру императорского двора Адлербергу, что в Малой церкви Зимнего дворца из алтаря с жертвенника похищен церковный инвентарь: дискос, лжица, звезда — все вещи серебряные, вызолоченные, общим весом в 3 фунта 92 золотника. Также были украдены две лампы серебряные, местами вызолоченные, общим весом 12 фунтов 17 золотников, которые значились по описи под № 4 и 46. Все украденные вещи весили более 6 кг⁶²². К тому же это была высокохудожественная работа, но главное — кража произошла в церкви императорской резиденции. При этом ключ от церкви находился у истопника, который был лично известен Шувалову своей благонадежностью. Все украденные вещи заменили до прибытия императорской фамилии. Сам факт кражи негласно расследовался обер-полицмейстером и заведующим Зимним дворцом Дельсалем.

Поскольку преступника опять не нашли, были приняты только профилактические меры: во-первых, поставлены засовы, окрашенные под цвет дверей; во-вторых, в отсутствие императорской фамилии выставлялся военный пост на площадке у Малой церкви Зимнего дворца при входе на Ротонду, а с возвращением монархов во дворец на этом посту по прежнему находились два часовых от легкокавалерийского караула⁶²³.

В 1882 г. было заведено дело о краже вина из погреба Александровского дворца. В результате обыска и следствия у виноторговцев в Царском Селе и Павловске выяснилось, что из винного погреба дворца было похищено 324 бутылки. Оpoznавал вино в ходе обыска буфетчик Бергман, которому было «вполне известно, какие вина находились в Царскосельском погребе». Например, шампанское «Цесаревич» (22 бутылки) оценивалось в 4 рубля 22 копейки за бутылку, херес «Дюшеко» — в 2 рубля 1 копейку⁶²⁴. Таким образом, суммы, вырученные в результате кражи, превосходили годовое жалованье.

«Конечно, нелегко было вести дворцовое хозяйство, обширное и сложное, — писал генерал Н. А. Епанчин, — но многое в нем нуждалось в улучшении... в придворном хозяйстве... была не только небрежность, но и недобросовестность, а попытки честных людей искоренять злоупотребления встречали упорное противодействие и иногда кончались им во вред».

Кроме того, немаловажной статьёй «потерь» являлось «заимствование» мебели и других вещей из императорских резиденций царственной родней, которое было решительно прекращено Александром III. Видный чиновник Министерства императорского двора В. С. Кривенко описывал ситуацию, когда при подготовке большого приема во дворце великого князя Михаила Николаевича обнаружили нехватку стульев. Управляющий великокняжеским двором Муханов послал заведующему Зимним дворцом полковнику Гернету запрос с просьбой выделить стулья, а полковник, в свою очередь, испросил по телефону решение министра императорского двора. Последовал короткий ответ: «Не давать!». Через час по телефону была передана эта же просьба от лица самого великого князя. Министр, зная отношение к подобным фактам Александра III, ответил: «Государь повелел без его личного ведома никому дворцовой мебели не выдавать. Угодно его высочеству, чтобы я доложил?» Немедленно послышался ответ: «Нет! нет! Ничего, пожалуйста, не говорите». Другой великий князь Владимир Александрович использовал Большой зал Александровского дворца в Царском Селе для игры в теннис. Когда Александр III узнал об этом, то младший брат царя немедленно получил нагоняй от него⁶²⁵.

Наказывали и за непрофессионализм. Сохранился рапорт камер-фурьера Р. Инганио от 14 января 1884 г. Суть документа в том, что камер-фурьер неоднократно замечал небрежное исполнение «службы во время дежурства в Аничковом дворце у г. флигель-адъютантов лакея 2 разряда подвижного состава Евлампия Тимофеева». В результате рапорта лакея наказали рублем, заменив лакейское жалованье на жалованье работника⁶²⁶.

Дворцовые слуги, которые сопровождали своих господ за границу, не гнушались контрабандой, причем подчас в довольно крупных размерах. Для этого у них имелись широкие возможности, поскольку императорский поезд или яхта проходили границу империи без всякого таможенного досмотра. Сведения об этом устойчивом контрабандном канале не были секретом для руководства Министерства императорского двора. Поскольку ближняя прислуга императорской семьи пользовалась своеобразным «иммунитетом», то решение о пресечении контрабандного канала принималось на высшем уровне. Для решения вопроса потребовалось личное вмешательство министра императорского двора В. Б. Фредерикса, который, представ перед вдовствующей императрицей Марией Федоровной и желая доказать ей «ненадежность прислуги, как-то упробил ее при возвращении из-за границы разрешить таможенным властям осмотреть багаж сопутствующих ей лиц». Императрица согласилась, и таможенный досмотр состоялся в Кронштадте. Осмотр показал, что прислуга вдовствующей императрицы «везла много сигар, игральные карты и разные материи для продажи. Пошлин оказалось на большую сумму», однако императрица так и не уволила «ни одного контрабандиста»⁶²⁷.

Воровали в императорских резиденциях и при Николае II. Иногда происходили совершенно невероятные истории с точки зрения и фактографии, и организации охраны императорских резиденций. В качестве характерного примера можно привести эпизод лета 1904 г. К этому времени боевая организация партии эсеров уже в полный голос заявила о себе: 15 июля 1904 г. они убили министра внутренних дел В. К. Плеве. И в этой ситуации нараставшего революционного террора 21-летний крестьянин Архипов, без определенного места жительства, около двух часов июльской белой ночи

подошел со стороны Дворцовой площади к ограде сада Зимнего дворца, выждал, пока городской удалится в сторону Дворцового моста, и лихо перемахнул через двухметровые ограду и решетку сада. В этом охраняемом саду он незамеченным провел два дня и две ночи. Днем он отлеживался в кустах, ночью гулял по дорожкам царского сада, а затем, оголодав, пролез через открытую форточку во дворец в квартиру княгини Голицыной, пробыл там около часа и, взяв «по мелочи» из вещей, вылез обратно в сад. Архипов дождался, пока городской отойдет от ограды, и тем же путем благополучно удался из охраняемого сада. Самым удивительным было то, что через три дня он добровольно явился обратно и сдался дворцовой охране. Когда Архипов дал свои показания, все были в шоке и сначала не поверили ему, считая, что нельзя укрыться человеку в сравнительно негустых кустах, тем более что в саду работали девять человек⁶²⁸. Однако Архипов показал места, где он перелез через ограду и отлеживался в кустах, пока садовники работали. Мотивировал он свое проникновение в царский дворец тем, что собирался якобы лично просить царя «об отправлении его добровольцем в действующую армию». Случай был из ряда вон, но дело замяли и ограничились тем, что добавили еще один пост охраны около Иорданского подъезда.

Случалось воровство и у гостей императора. В 1898 г. в Зимнем дворце у японского принца Фусими были похищены коронационные медали, подаренные принцу Николаем II. Чтобы замять позорный эпизод, принцу немедленно выдали новый комплект коронационных медалей⁶²⁹.

Имело место воровство даже в личных комнатах Николая II, в частности из его кабинета. Кстати говоря, это довольно сложно было сделать, поскольку именно царские кабинеты охранялись службами государственной охраны особо тщательно. Так, по инструкции после отбытия императора из резиденции кабинет опечатывался вплоть до его возвращения. Накануне приезда хозяина кабинет вскрывали, и под присмотром чинов Дворцовой полиции многократно проверенная прислуга приводила помещение в порядок. Тем не менее в декабре 1909 г. из кабинета Николая II в Зимнем дворце исчез маленький серебряный складень. С ведома Николая II министр императорского двора В. Б. Фредерикс распорядился оставить это «без последствий»⁶³⁰.

Воровали во всех резиденциях — даже в тех, где члены императорской семьи жили почти постоянно. В 1910 г. были украдены серебряные предметы в Гатчинском дворце⁶³¹. Самые серьезные материальные потери императорские резиденции понесли в 1917 г. Надо подчеркнуть, что растаскивание ценностей Зимнего дворца начало приобретать масштабный характер еще с лета 1917 г., когда в него переселился А. Ф. Керенский. Для его охраны в Зимнем дворце разместили караул от частей Петроградского гарнизона — это были уже не отборные части, охранявшие Николая II, а революционная вольница, которая считала, что царские резиденции должны понести «материальные потери». Поначалу это были мелочи, которым по инерции придавался характер событий. Но расследование, как правило, велось формально, да и имело ли место вообще, и дела заканчивались безрезультатно. Так, 17 мая 1917 г. в коридоре четвертой запасной половины была срезана ткань с пяти секций ширм и с дивана. При расследовании справедливо предположили, что это сделали караульные солдаты. В августе 1917 г. пропало белье (простыни, наволочки, полотенца) у офицеров, квартировавших в Зимнем дворце. Тогда же была срезана кожа с кресел и дивана в квартире статс-дамы Нарышкиной. 24 августа 1917 г. в помещении, отведенном для гвардейского Петроградского полка, были сбиты замки и похищены наволочки для матрацев и одеяла (34 штуки). Выявить виновных, естественно, не удалось⁶³². 29 сентября 1917 г. из квартиры № 15 фрейлинского коридора пропали две пары оконных занавесей, однако личные вещи фрейлин похитители не тронули. 2 октября 1917 г. исчезли две полузанавески из проходных комнат бывшей половины императрицы Александры Федоровны.

Но все это были мелочи по сравнению с материальными потерями в ходе штурма дворца в октябре 1917 г. Сведения об ущербе свели к концу декабря 1917 г. и специально сделали 66 снимков разрушений в комнатах, особо пострадавших во время штурма в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Смотрители подчеркивали, что «в продолжение целого дня 26 октября и до полудня 27 октября 1917 г. почти во всех комнатах Зимнего дворца за весьма редким исключением произведен грабеж разного рода имущества, комнатной обстановки. А также много поломано из мебели и прочего, как

просто из озорства, так и от орудийных снарядов, пулеметных и винтовочных выстрелов». Смотрители недоумевали, наблюдая последствия бессмысленного и беспощадного «народного гнева»: например, упоминается, что подчас «были налицо механизмы от часов, но не было корпусов, или были корпуса, но не находились механизмы... Мелкие кусочки разбитых ваз, части бронзовых канделябров валялись в кучах мусора и разного хлама в разных комнатах дворца... в целом ряде комнат была составлена мебель у окон и балконов для устройства баррикад... похищены шторы, подзанавески, занавеси, драпировки... украдены даже с карнизами, шнурами, грузами и медными подвесами»⁶³³. Уносили из Зимнего дворца не только «сувениры», но и вещи «для дома, для семьи». Смотрителей дворца возмущало, что были срезаны шнуры со штепсельными вилками от настольных ламп, у некоторых канделябров разобрана проводка.

Из бильярдной комнаты Николая II были украдены бильярдные шары, «разгромлена кладовая, где хранились письменные приборы, умывальные, фарфоровые и др. приборы, каминные украшения. Пасхальные яйца. В № 8 камер-юнгферского коридора, где хранятся вещи, лично принадлежавшие их величествам... подверглись хищению... Снаряд разорвался внутри секретарских комнат в помещении Александра III... разгромлены квартиры фрейлин... Всякого рода частичные хищения в Зимнем дворце начались с момента, когда во дворец были допущены различные общественные организации... кражи особенно усилились, когда значительное число помещений Зимнего дворца обслуживало потребности членов Временного правительства, когда во дворец на жительство переехал бывший председатель Совета министров А. Ф. Керенский и когда с его переездом во внутренние помещения дворца были допущены войска»⁶³⁴.

Таким образом можно констатировать, что придворные слуги занимали важное место в дворцовой инфраструктуре. Их число определялось периодически менявшимися штатными расписаниями, первое из которых было введено при Николае I. Персонал для мастерской роты набирался либо из военного ведомства, либо готовился в специальных школах из числа детей придворнослужителей. При Александре II произошла замена крепостных

слуг на вольнонаемных. Характерной особенностью придворных слуг был весьма стабильный персональный состав. Во многом это было связано с тем, что к будущим слугам присматривались с детства. Другим традиционным источником пополнения дворцового персонала был перевод на положение слуг отставников гвардейских полков, которые несли караульную службу в императорских резиденциях. Надо отметить, что попытки разрушить закрытую кастовую систему придворнослужителей были весьма кратковременными, поскольку проникновение в столярную команду мастерской роты С. Халтурина показало, что из соображений безопасности кастовость и закрытость дворцового персонала следует не только сохранять, но и поощрять.

В дни Февральской революции 1917 г., когда весь привычный мир в одночасье изменился, прислуга Александровского дворца Царского Села повела себя по-разному. Непосредственный свидетель событий баронесса С. К. Буксгевден упоминала, что «все слуги, заботившиеся о хозяйстве, сбежали», но при этом «во дворце остались лишь члены личной свиты Александры Федоровны»⁶³⁵. Однако уже 16 марта «во дворец пешком вернулись несколько наших слуг, находившихся в Петрограде»⁶³⁶. Члены Петроградского совета, бывавшие во дворце с инспекционными визитами, пытались оказывать давление на вернувшихся слуг, всячески ругая их «за то, что те продолжают работать на «тиранов»⁶³⁷. И все же немногочисленные слуги остались на своих местах в Александровском дворце и продолжали служить императорской семье вплоть до августа 1917 г. Однако это была только небольшая часть многочисленной касты придворнослужителей.

Вопрос же стоял о судьбе всей многочисленной дворцовой челяди, рассеянной по всем императорским резиденциям, поскольку император Николай II подписал отречение 2 марта 1917 г. В гофмаршальской части Министерства императорского двора, отвечавшей за персонал дворцов, были составлены вопросы, которые уже 16 марта 1917 г. адресованы «г. Комиссару исполнительного Комитета Государственной Думы». На эти вопросы достаточно быстро последовали ответы новой власти: «Должна ли гофмаршальская часть переименовать свои официальные бланки?» — «Нет»; «Должна ли гофмаршальская часть сменить печать?» — «Нет, только следует

убрать двуглавого орла как символ самодержавия»; «Надлежит ли производить содержание гофмейстерам, фрейлинам и гофлектрисе супруги отрекшегося от престола императора Николая II?» — «Выплату содержания приостановить»; «Надлежит ли производить содержание камер-фрейлинам и фрейлинам вдовствующей императрицы Марии Федоровны?» — «Выплаты производить по-прежнему»; «Надлежит ли производить содержание мужской и женской комнатной прислуги Николая II и его супруги?» — «Содержание не выплачивать»; «Надлежит ли производить содержание мужской и женской комнатной прислуги Марии Федоровны?» — «Производить по-прежнему»⁶³⁸.

Как следует из этого документа, «репрессии» со стороны новой власти коснулись только окружения Николая II, прислугу же императрицы Марии Федоровны никто не тронул и не ущемил.

После того как к власти в России в октябре 1917 г. пришли большевики, Министерство императорского двора было ликвидировано. Однако дворцовые слуги по большей части остались работать на своих привычных местах, поскольку императорские дворцы превратились в музеи, и их надо было содержать, обеспечивая сохранность имущества. В 1920-е гг. многие из дворцовой челяди перешли на положение музейных смотрителей тех дворцов, в которых прошла вся их жизнь.

Животные в императорской семье

Собаки и кошки традиционно считаются самыми близкими человеку домашними животными. Как правило, в окружении российских монархов собак было множество, что связано с древними традициями псовой охоты. Безусловно, среди этих собак были и любимцы, но это не фиксировалось, поскольку «собачья служба» считалась не заслуживающей особого внимания. История имен домашних животных, как и многое, пожалуй, начинается с собак Петра I.

Первым в документах зафиксирован пес породы догов Тигран, принадлежащий Петру I. Будучи поражен внушительными габаритами собаки, царь купил Тиграна уже взрослым кобелем, а после смерти его забальзамировали и поместили в экспозицию Кунсткамеры. Сейчас чучело Тиграна находится в Зоологическом музее Санкт-Петербурга.

Но если Тиграном царь гордился, то другую собаку — Лизетту он просто любил. Небольшая собачка, судя по всему, относилась к очень древней породе левреток. Как указывается в справочниках, изображения левреток встречаются еще на греческих амфорах. Согласно легенде египетская царица Клеопатра подарила двух щенков этой породы Цезарю, а вскоре эти собачки во множестве появились на виллах римских аристократов.

Петр I приобрел Лизетту в Лондоне и подарил своей второй жене Екатерине Алексеевне. Собака жила в доме царя, и, по воспоминаниям современников, ее присутствие успокаивало вспыльчивого монарха. Так Лизетта оказалась в немногочисленном кругу тех, кого император любил — просто любил. Собачка умерла в 1721 г., была забальзамирована, и ее чучело по сей день хранится в музее Петра I при Государственном Эрмитаже.

Впоследствии среди монархов было немало страстных охотников — например, Петр II и Анна Иоанновна. Но история не сохранила имен их собак-любимцев, хотя они, безусловно, были.

Более подробно зафиксированы «собачьи следы» в окружении Екатерины II. Собаки занимали достаточно важное место в ее жизни. Галантный XVIII в. ввел во дворцах моду на крохотных собачек, которые повсюду сопровождали своих хозяек. Это были именно женские собачки. На множестве портретов того времени хозяйки держат их на руках. А поскольку XVIII в. вошел в историю России как «бабий век», ведь большую его часть на российском троне находились женщины, то европейская мода на левреток и болонок прижилась и в России. Были, конечно, и другие собаки: например, в коллекции Эрмитажа хранится табакерка в виде мопса, изготовленная в 1760-х гг. По легенде, мужья аристократок всячески поощряли эту моду, а объяснялось это тем, что маленькие собачки четко различали «своих» и «чужих», трепетно оберегая своих хозяек. Собачки гавкали на «чужих» и ласкались к «своим», и по этому признаку мужья могли четко определить, кто из мужчин-гостей «свой» для их жен, а кто «чужой».

Надо заметить, что маленькие собачки выполняли и утилитарную функцию живых блохоловок. За блеском и шармом XVIII в. подчас скрывались немытые тела, несвежее белье и обилие насекомых, поэтому обычным делом было ношение на шее специальных блохоловок — небольших цилиндриков, наполненных изнутри медом. Края блохоловок обмазывались кровью, привлекавшей насекомых, а собаки только дополняли эту почти обязательную деталь туалета — слуги периодически вылавливали блох, перепрыгнувших на собачек с хозяек.

Ежегодно в мае императорский двор перебирался на лето в Царское Село, вместе с придворными выезжали и собаки в специальных колясках — для них шили мягкие подстилки из старых собольих шуб императрицы. Собакам разрешалось находиться в личных комнатах хозяйки, сопровождать ее на прогулках в парке. Екатерина II сама заказывала ошейники для своих собак.

Собаки появились у императрицы достаточно поздно — в 1770 г., когда доктор Димсдэль преподнес Екатерине II пару левреток. Они дали громадное потомство, которое охотно разбирали аристократы. У императрицы были свои любимцы — целое собачье семейство во главе с псом, которого императрица называла Сир Том Андерсон. Екатерина II подробно писала о своих собаках в письмах к барону Фридриху Гримму: «Я всегда любила зверей... животные гораздо умнее, чем мы думаем, и если было когда-нибудь на свете существо, имевшее право на речь, то это, без сомнения, Том Андерсон. Общество ему приятно, особенно общество его собственной семьи. Из каждого поколения он выбирает самых умных и играет с ними. Он их воспитывает, прививает им свои нравы и привычки: в дурную погоду, когда всякая собака склонна спать, он сам не ест и мешает есть менее опытным. Если же, несмотря на его предостережения, они расстроят себе желудки, и он увидит, что у них началась рвота, то он ворчит и бранит их. Если он найдет что-нибудь, что может их позабавить, то предупреждает их; если найдет какую-нибудь траву, полезную для их здоровья, то ведет их туда. Эти же явления я наблюдала сто раз собственными глазами».

Из «семьи» Тома Андерсона происходила еще одна любимица императрицы — левретка Земира, названная так в честь героини популярной тогда оперы «Земира и Анзор». Именно эту собачку запечатлел художник В. Л. Боровиковский на картине «Екатерина II на прогулке в Царском-Сельском парке», а в Петергофском дворце сохранилась фарфоровая статуэтка Земиры. В описи, составленной в 1880-х гг., значилось: «Петергоф. Английский дворец. Левретка императрицы Екатерины II, лежащая на подушке, фарфоровая, в натуральную величину. Писано красками: подушка

зеленого цвета, окаймленная шнуром, писанным золотом. Франция. Работа XVIII в.»⁶³⁹.

Собаки постоянно сопровождали императрицу во время ее прогулок, и художники, писавшие Екатерину II, неоднократно подмечали эту особенность ее частной жизни. Подчас суровая к подданным императрица многое прощала своим любимцам. В одном из писем она заметила: «Вы простите меня за то, что вся предыдущая страница очень дурно написана: я чрезвычайно стеснена в настоящую минуту некоей молодой и прекрасной Земирой, которая из всех Томассенов садится всегда как можно ближе ко мне и доводит свои претензии до того, что кладет лапы на мою бумагу».

Екатерина II, как и Петр I, практиковала бальзамирование своих любимцев, что порой приводило к недоразумениям. Посол Франции в России Сегюр описал один из таких курьезных эпизодов. Как-то раз к придворному банкиру Сутерланду явился петербургский обер-полицмейстер и «с прискорбием» сообщил: «Получил поручение от императрицы исполнить приказание ее, строгость которого меня пугает; не знаю за какой поступок, за какое преступление вы подверглись гневу ее величества». Перепуганный Сутерланд стал допытываться о причинах гнева царицы. «Императрица, — отвечал уныло полицмейстер, — приказала мне сделать из вас чучелу...» — «Чучелу? — вскричал пораженный Сутерланд. — Да вы с ума сошли! И как же вы могли согласиться исполнить такое приказание, не представив ей всю его жестокость и нелепость?» К счастью, через третьих лиц удалось выяснить, что у Екатерины II умерла собачка (ранее подаренная банкиром), носившая имя Сутерланд. Безутешная императрица потребовала от полицмейстера «сделать чучелу из Сутерланда», что и было принято им к исполнению. Примечательно, что полицмейстер, готовый выполнить приказ, дал банкиру только «четверть часа сроку, чтоб привести в порядок его дела!»⁶⁴⁰.

Но чаще собак все же хоронили. Учитывая трепетное к ним отношение царственной хозяйки, в ее летней резиденции — Царском Селе появилось первое кладбище домашних животных с мраморными досками и эпитафиями. Несколько таких надгробий дошло до нашего времени. Так, в Екате-

рининском парке, позади павильона Турецкая Баня, находятся мраморные плиты с посвящениями Земире, Сиру Томасу Андерсону и Дюшессе. Известны даже авторы некоторых эпитафий. Например, текст, вырезанный на мраморной доске одной из могил, был составленный самой Екатериной II: «Под Камнем сим лежит Дюшесса Андерсон, которою укушен искусный Роджерсон»⁶⁴¹.

Одно из посвящений было составлено французским послом при дворе Екатерины II графом Сегюром. Он в записках поведал его историю: «Однажды, помню я, императрица сказала мне, что у нее околела маленькая левретка Земира, которую очень любила и для которой желала бы иметь эпитафию. Я отвечал ей, что мне невозможно воспеть Земиру, не зная ее происхождения, свойств и недостатков. «Я полагаю, что вам достаточно будет знать, — возразила мне императрица, — что она родилась от двух английских собак Тома и Леди, что она имела множество достоинств, только иногда бывала немножко зла». Этого мне было довольно, и я исполнил желание императрицы и написал следующие стихи, которые она чрезвычайно расхваливала: «Здесь пала Земира, и опечаленные Грации должны набросать цветов на ее могилу. Как Том, ее предок, как Леди, ее мать, она была постоянна в своих склонностях, легка на бегу и имела один только недостаток — была немножко сердита, но сердце ее было доброе. Когда любишь, всего опасаться, а Земира так любила ту, которую весь свет любит, как она. Можно ли быть спокойною при соперничестве такого множества народов? Боги, свидетели ее нежности, должны были бы наградить ее за верность бессмертием, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительнице»⁶⁴².

Были собаки и у Павла I. Он до 42-х лет прожил в Гатчинском дворце, окруженном прекрасно ухоженным парком, и там располагался «Зверинец», в котором содержалась большая псарня. Царская фаворитка Нелидова вспоминала, что Павел I «соглашался держать лишь маленьких собачек, которые никогда не затравят оленя. Все удовольствие от охоты — заставить оленя бежать». Но собаки, жившие на псарне, «работали», а у императора была своя собака — беспородный шпиц. По свидетельству М. М. Пыляева:

«Павел всегда спал в белом полотняном камзоле с рукавами, в ногах его лежала любимая его собака «Шпиць»; император особенно любил собак, не разбирая род, и иногда простая дворняжка была его фаворитом... В Павловске, во дворце, во время вечерних отдохновений императора на половине императрицы, простая дворная собака лежала всегда на шлейфе платья государыни. Павел очень любил этого пса, брал его на парады и в театр, где он сидел в партере на задних лапках и смотрел на игру актеров. В день смерти императора собака эта, никуда прежде не отлучавшаяся, вдруг пропала»⁶⁴³. Бытописатель старого Петербурга очень точно подметил общечеловеческое свойство — важна не порода, а привязанность собаки.

В XIX в. мода на личных собак императоров и комнатных собачек императриц сохранилась, однако их «значение» было напрямую связано с увлечением русских монархов охотой. Так, Александр I охоту не любил, хотя, без сомнения, собаки жили и при его дворе. Николай I не был страстным охотником и участвовал в ней по мере необходимости, тем не менее у него был личный пес. А. Дюма упоминал в своих заметках о России: «Захотев как-то вознаградить одного из своих сыновей, Николай I уложил его рядом со своей кроватью на расстеленную на полу самую старую шинель, на которой спал его пес Гусар. Гусар, старый и грязный спаниель с серой шерстью, был любимчиком императора Николая; он никогда не отлучался от хозяина и пользовался всеми привилегиями избалованной собаки»⁶⁴⁴. На одной из картин суровый император изображен художником вместе с Гусаром.

Как следует из архивных документов, птицы и животные появились у будущего Николая I еще в раннем детстве. В апреле 1801 г. кофешенку Эрмитажа Матвеем Добрынину было выдано 50 рублей за «поднесение им снегиря», а несколько позже «за снегиря ученого» было уплачено 25 рублей комнатному лакею. В июле 1801 г. Шарлотта Карловна Ливен за 100 рублей купила попугая для пятилетнего Николая, в декабре была приобретена клетка⁶⁴⁵. В 1803 г. у английского купца для Николая был куплен за 100 рублей еще один попугай⁶⁴⁶. Можно с уверенностью утверждать, что появление рядом с будущим императором двух попугаев и двух снегирей было частью педагогического процесса.

Видимо, эти педагогические приемы оказались успешными, поскольку, став императором, Николай I сохранил рядом с собой не только положенных «по должности» собак, но и попугаев. Об этом известно из платежей по императорской гардеробной сумме. При дворе существовала даже должность птичника, которому в марте 1833 г. было выплачено 15 рублей «на корм для попугая за три месяца». Однако с 1834 г. деньги на корм попугаям стали выплачиваться камердинерам царя — братьям Сафоновым. Последний раз на корм деньги были выданы в 1838 г.

По счетам «гардеробной суммы» можно восстановить и истории собак Николая I. Первый счет «за стрижку собаки Гусара» в 10 рублей был выплачен ездовому Иванову 5 марта 1833 г. Видимо, собака только-только появилась рядом с царем и была ему очень дорога. Причем в буквальном смысле, поскольку уже в апреле 1833 г. бестолковый Гусар сбежал, а когда его поймали, то флигель-адъютанту князю Трубецкому было выплачено 500 рублей «для выдачи... человеку за поимку собаки его величества Гусара»⁶⁴⁷. В ноябре 1833 г. Гусар заболел, и лекарскому ученику Хмелеву выплатили 20 рублей за «израсходованные им деньги на покупку шприца и лекарства для лечения собаки Гусара». В декабре 1833 г. пса продолжали лечить, и лекарскому ученику Степану Юдину, «лечившему собаку его величества Гусара», было уплачено 50 рублей. Степана Юдина в счетах называют то лекарским учеником, то егерем: он не только лечил Гусара, но и кормил его. В январе 1834 г. Юдину «на корм собаки Гусара» было выплачено за два месяца 15 рублей⁶⁴⁸. Были и еще довольно большие счета за содержание собаки.

Примечательно, что стригли Гусара самые разные люди: в 1834 г. — камердинер царя Малышев, в 1835 г. — ездовой Зимнего дворца Иванов. Если стрижкой Гусара занимались камердинеры, ездовые и прочие, то другую собаку — Драгуна стриг «парикмахер Слепкин». Надо заметить, что поначалу Гусара стригли один-два раза в год, а начиная с 1840 г. в счетах появился новый термин — «за бритье» собаки Гусара: за этот год его девять раз «брили» и один раз «стригли», в основном этим занимался ездовой Иванов.

Вторая собака — Драгун появился у Николая I в 1835 г., и сразу же для него был куплен ошейник за 22 рубля. Его лечением занимался камердинер

Увалышев. В 1836 г. Драгун убежал, и «гатчинским служителям» выдали всего 140 рублей за его поимку, причем в этом году он убежал дважды, и в декабре «человеку барона Кистера за привод собаки Драгуна» было выплачено 100 рублей. Видимо, этот пес прожил недолго, поскольку из счетов его имя исчезло уже в 1838 г. В 1850 г. у царя появились новые собаки, одну из которых назвали Муфта, другую — старой кличкой Драгун, а в 1852 г. — еще одна собака по кличке Мадам. Дольше всех из собак Николая I прожил Гусар: первый раз его имя было упомянуто в счетах в 1833 г., а последний — в 1851 г., следовательно, он прожил рядом с императором 18 лет, что составляет более чем почтенный возраст для собаки. Поэтому неудивительно, что на портрете Николая I кисти Е. Ботмана рядом с царем изображен именно пудель Гусар.

У жены императора Николая I Александры Федоровны также имелись свои любимцы. Так, в 1853 г. специально для нее из Англии были выписаны три собачки. В документах их порода не указана, но можно предположить, что это были комнатные собачки, модные в ту пору и очень дорогие. Посланник России в Лондоне барон Брунов заплатил за них значительную сумму — 112 фунтов 15 шиллингов, кроме этого, доставка их в Россию обошлась в 20 червонцев, уплаченных англичанину Бретту⁶⁴⁹.

Во второй четверти XIX в. в Царском Селе появилось еще два кладбища домашних животных. В январе 1826 г. Николай I приказал перевести восемь верховых лошадей «собственного седла» своего умершего старшего брата Александра I в Царское Село и отвести им особое помещение на конюшне. В 1827–1829 гг. по проекту архитектора А. Менеласа для царских лошадей было построено особое здание, получившее название Пенсионерской конюшни. А в 1830-х гг. рядом образовалось второе кладбище домашних животных, на котором хоронили умерших от старости лошадей «собственного императорского седла». По сложившейся традиции вплоть до 1917 г. над их могилами устанавливались массивные гранитные плиты с указанием клички и времени службы императору. Всего на этом кладбище погребено более 120 лошадей «царского седла». Такое значительно число захоронений связано с тем, что каждый из членов императорской семьи

обслуживался большим «лошадиным штатом». Когда в 1859 г. был сформирован штат цесаревича Николая Александровича, то по конюшенному ведомству за ним числились 32 лошади, из коих восемь верховых «собственного седла»: две для гусарского строя, две для казачьего строя и четыре для гулянья и охоты⁶⁵⁰.

Некоторые из лошадей «собственного седла» были увековечены и в мелкой декоративной пластике. В Петергофе в одной из гостиных Коттеджа хранилась отлитая из темной бронзы лошадь императора Николая I по кличке Надежда. Эта небольшая вещица была подарена императрице Александре Федоровне на день рождения в 1845 г. шталмейстером О. И. Юшковым⁶⁵¹.

Для собачек императрицы Александры Федоровны в Царском Селе было заложено третье кладбище домашних животных, которое находилось в Александровском парке, близ летней резиденции императорской четы — Александровского дворца. Кладбище расположено на Детском острове, посреди пруда Собственного садика. Над могилами любимых собак устанавливались гранитные пирамидки, изготовленные по проекту одного из ведущих архитекторов николаевской эпохи — А. Менеласа. Форма и размеры пирамидок сохранялись вплоть до 1917 г.

Там хоронили и собачек детей Николая I и Александры Федоровны. Великая княгиня Ольга Николаевна упоминала: в 1835 г. «Мамá подарила мне собаку Дэнди, неразлучного со мной вплоть до моего замужества»⁶⁵². В середине 1830-х гг. у цесаревича Александра Николаевича были собаки Дилон и Нептун. А в 1839 г., когда цесаревич путешествовал по России, его собаку выгуливал сам Николай I. Он счел нужным в письме отметить: «Твой Нептун так меня полюбил, что не отходит и даже бегаёт на ученье... гуляет со мной и ест, и сделался преласковый, и с Драгуном мирен»⁶⁵³.

При Александре II увлечение собаками охватило всю царскую семью и приобрело черты общегосударственного. Дело в том что Александр II, в отличие от своего отца Николая I, был страстным охотником, и в соответствии с дворянскими традициями именно псовая охота занимала одно из главных мест в его увлечениях. В 1857 г. по распоряжению Александра II придворная охота была переведена из Петергофа в Гатчину, а основой стала

псовая охота, в которой смешались породы русских и английских охотничьих собак.

Для того чтобы поставить псовую охоту императора Егермейстерская контора периодически закупала чистокровных породистых собак у помещиков, которые десятилетиями культивировали именно этот вид охоты. Так, в конце 1850-х гг. у калужского помещика Мясоедова были куплены 34 борзые и 55 гончих собак. Для пополнения царской охоты собаки приобретались и за границей: например, для парфорсной охоты привезли 33 английские собаки — рослые, красивые и злобные, а в 1857 г. по инициативе герцога Мекленбург-Стрелицкого из-за границы доставили семь духовых собак для охоты на кабанов.

Зная об увлечении Александра II псовой охотой, ему периодически дарили породистых собак. Во время коронации императора в 1856 г. полковник Афросимов преподнес в дар царю пару английских собак. Помещик Протопопов из г. Владимира подарил императору четырех борзых собак; в 1865 г. помещик Курской губернии Я. Я. Воронов — шесть борзых собак; в 1866 г. отставной полковник Березников — десять борзых собак; испанский посланник герцог де Осуа в 1857 и 1860 гг. — четырех духовых собак, специально выведенных в Испании для охоты. А в 1867 г. принц Уэльский подарил Александру II сеттера, которого потом два года дрессировали специалисты Егермейстерской конторы, чтобы он «достойно» вел себя в Зимнем дворце⁶⁵⁴. В 1873 г. калужский помещик П. А. Березников, несколько десятилетий занимавшийся выведением новой породы гончих, перестав охотиться, подарил свою стаю императору Александру II в гатчинскую придворную охоту.

Поскольку охота была обязательной частью жизни светского общества, то и ответные подарки Александра II принимались с благодарностью. В 1867 г. он подарил принцу Уэльскому трех борзых густопсовых собак, а в 1851, 1855 и 1868 гг. принцу Карлу Прусскому также достались борзые собаки.

Увлечение Александра II псовой охотой в немалой степени способствовало развитию собаководства в России. Императорская охота регулярно

принимала участие в различных выставках в России и за границей. Так, в 1863 г. на Московской выставке животных и растений две своры борзых, густопсовых русских собак из породы волкогонов, и два «смычка» породы бурдастых собак получили серебряную медаль. В 1867 г. на Всемирной промышленной выставке в Париже «свора его величества борзых собак» взяла большой приз, а борзые собаки Славный и Завида — золотую медаль⁶⁵⁵. В 1875 г. свора борзых императорской охоты (Чародей, Лебедь, Любезный) удостоилась на выставке «Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» золотой медали. В 1878 г. на «Охотничьей выставке гончих и борзых собак из императорской псовой охоты и промысловых животных и правильной охоты» 47 гончих и борзых собак из императорской псовой охоты были удостоены двух золотых, трех серебряных и одной бронзовой медалей. В 1881 г. на седьмой выставке «Императорского общества псовой охоты» собаки императорской охоты вновь получили высшие награды⁶⁵⁶.

Императору Александру II нравились «серьезные» собаки. Именно с его подачи в России появились первые доги, которые были выставочной новинкой того времени. Первая выставка догов состоялась в 1863 г. в Гамбурге, там было представлено восемь «очень представительных догов», названных «датскими», двух из которых и приобрели для Александра II⁶⁵⁷. По тем временам это была очень редкая порода собак, культивировавшаяся только весьма состоятельными людьми. Как впоследствии писал поэт Н. Заболоцкий:

Шагают огромные доги,
И в тонком дыму сигарет
Живые богини и боги
За догами движутся вслед.

Наряду с многочисленными медалистами у императора были и личные собаки. А поскольку собачий век относительно недолог, то у Александра Николаевича их было достаточно много. Но самому императору и совре-

менникам больше всего запомнился черный английский сеттер Милорд, который прожил у Александра II семь лет — эта собака стала буквально тенью императора.

Мемуаристы оставили многочисленные упоминания о Милорде. Так, А. П. Бологовская, дочь офицера Кирасирского полка, писала, что гуляя по аллеям Царскосельского парка, была однажды напугана «большой черной собакой», которая «выскочила на меня с громким лаем», но «в ту же минуту около меня очутился военный, который начал меня ласкать и успокаивать. Когда я пришла в себя, то узнала цесаревича Александра Николаевича... После этого много раз встречала в тенистых аллеях парка цесаревича, всегда с его собакой Милордом, с которым после первого моего неудачного знакомства завязалась у меня самая теплая дружба».

Известный писатель Л. Сабанеев вспоминал: «Императорского черного кобеля я видел в Ильинском после обеда, на который государь пригласил членов правления Московского общества охоты. Это была крупная и весьма красивая комнатная собака, с прекрасной головой, хорошо одетая, но сеттериного типа в ней было мало, к тому же ноги были слишком длинные, и одна из ног совершенно белая. Говорят, сеттер этот был подарен покойному императору каким-то польским паном, и слух ходил, что кобель был не совсем кровный»⁶⁵⁸. Тем не менее окружение императора охотно разбирало щенков, отцом которых считался Милорд. Одного из таких щенков вырастил у себя в деревне Л. Н. Толстой.

Придворные живописцы не преминули изобразить любимца императора. Например, на акварели «Кабинет императора Александра II в Гатчинском дворце», написанной придворным живописцем Э. Гау в 1862 г., рядом с пустым креслом царя на полу лежит Милорд.

Академик живописи А. Швабе неоднократно писал картины на «собачьи темы» для цесаревича Александра Николаевича. На полотне «Собака» (1845), как сказано в описи, «белая длинношерстная собака с черными пятнами стоит на зеленом ковре». Эта картина вплоть до 1941 г. хранилась в передней императора Александра II в Зубовском флигеле Екатерининского дворца. На другом полотне А. Швабе изобразил собаку императора, лежа-

щую на ковре у горящего камина. Это живописное полотно впоследствии было вставлено в раму экранного камина — этот экран хорошо виден на одной из акварелей придворного живописца Э. Гау с изображением Башенного кабинета Александра II. Другой художник — Рандель написал пастель «Собаки Александра II» (1849). В кабинете императора на письменном столе стояли фотография «Александр II в казачьей форме с собакой» и скульптура «Александр II, в рост, в шинели, с собакой, лежащей у ног»⁶⁵⁹, созданная известными скульпторами М. А. Чижовым и И. Подрезовым в 1870 г. К сожалению, все эти вещи погибли в огне Великой Отечественной войны.

Портрет «Александр II на коне с собакой» кисти известного художника Н. Е. Сверчкова был написан в 1880 г., за год до смерти императора, — это едва ли не единственный портрет императора на коне с собакой. А 19 февраля 1880 г., «в день 25-летия царствования Александра II», ему был преподнесен портфель, в котором среди прочего находилось изображение Милорда, написанное художником Бернардом.

Милорд умер в 1867 г., когда Александр II уехал в Париж на Всемирную выставку. Впервые за много лет император не взял с собой собаку — и вскоре Милорд умер. Так, на четвертом кладбище домашних животных у Зубовского флигеля появилась очередная собачья мраморная плита с надписью: «Добрейший и милейший Верный Милорд. 1860–1867». Плита Милорда была утрачена в 1934 г.

«Собачья тема» вообще была одной из традиционных и любимых в живописи и мелкой декоративной пластике дворцовых интерьеров. Так, украшением государевой приемной в Царскосельском дворце являлась бронзовая скульптура «Две собаки на стойке» работы П. Мэна. На одной из акварелей, показывающих интерьер Зеркального кабинета императрицы Марии Александровны в Царскосельском дворце, собачки разделяют досуг царственных хозяев. У камина в туалетной Александра Николаевича палевого цвета борзые играют друг с другом, а рядом, в кабинете императора, в большом кресле примостилась еще одна, той же масти. На экране камина на другой стороне комнаты изображена в натуральную величину «Собака у дерева, смотрящая на птичку». Две собаки — живая и на экра-

не — акцентируют значимость их присутствия в повседневной жизни императорской четы⁶⁶⁰.

Поскольку у цесаревича Александра Николаевича в Царском Селе была своя половина в Зубовском флигеле, то именно поблизости от него постепенно сформировалось четвертое кладбище домашних животных. Оно было расположено в так называемом Собственном садике, разбитом напротив Зубовского флигеля, где находились апартаменты Александра II. Иногда этот участок Екатерининского парка называли садиком Александра I⁶⁶¹ или Фрейлинским садиком. Согласно описи 1918 г. там находились четыре надгробные плиты белого мрамора, на которых высечены надписи, явно составленные царственными хозяевами умерших собак, и почти все они начинались со слова «верный». Например, «Верный Муля» с 1833 по 1846 г. был неразлучен с цесаревичем Александром Николаевичем и сопровождал его в поездке по России, Германии, Голландии, Италии и Англии. «Верный Моксик» был с цесаревичем с 1849 по 1858 г. Именно о нем писала в дневнике в 1855 г. фрейлина А. Тютчева: «Я приготовила суп для Мока, любимой левретки императора. Когда я брала сухарь, чтобы помочить его в молоке, император подал мне другое печенье, говоря: «Нет, вы всегда вот это брали для Мока, ради Бога, не меняйте ничего в наших добрых привычках»⁶⁶². Еще об одной собаке было просто сказано: «Верный Пенч. 1867–1875». Одна из мемуаристок упоминает, что летом 1865 г. «Государь всегда приезжал верхом в сопровождении одного берейтора, обыкновенно с черным сеттером Милордом или рыжим пойнтером Punch'em»⁶⁶³. Кроме мраморных надгробий этот садик был украшен скульптурной группой «Монито» — собака, играющая со щенком.

Академик А. Швабе эксплуатировал «собачью тему» достаточно долго. Сохранилось одно из его полотен «Собаки» (1867), на котором он по высочайшему заказу изобразил композицию из собак десяти различных пород. Эта разнопородная компания расположилась в гостях у великого князя Константина Николаевича в кабинете (Белой столовой) Павловского дворца. Все собаки принадлежали членам императорской семьи, а главной фигурой на этом полотне стал именно ньюфаундленд. И не только потому,

что он самый большой и представительный из всех собак, изображенных на картине. Дело в том что после смерти Милорда в 1867 г. именно он стал новым фаворитом Александра II. Ньюфа тоже звали Милорд, и мемуаристы их часто путали.

Эта собака запечатлена на множестве фотографий. Император брал с собой ньюфаундленда даже на русско-турецкую войну в 1877–1878 гг. С этим большим псом связано немало историй. Так, во время концерта в Мраморном дворце, когда играл известный скрипач Г. Венявский, пес оставил свое обычное место у ног Александра II и подошел к виртуозу. Встав на задние лапы, ньюфаундленд положил передние на плечи скрипачу. Стараясь сохранять хладнокровие, Венявский продолжал играть, но собака не оставила его в покое, а ее огромная морда следовала за движениями руки скрипача. Наконец, Александр II, смотревший с улыбкой на эту сцену, сжалился над артистом и спросил его: «Венявский, не мешает ли тебе собака?» — «Ваше императорское величество, — пробормотал выбившийся из сил артист, — боюсь, что я ей мешаю». Государь рассмеялся и отозвал собаку⁶⁶⁴. Судя по воспоминаниям, этот ньюфаундленд прожил рядом с императором более 10 лет. На фотографии, сделанной в Царском Селе, ньюф Милорд лежит у ног Александра II и императрицы Марии Александровны.

Как это ни удивительно, но царские дети могли завести себе собаку только с разрешения родителей, даже уже будучи взрослыми, имевшими собственный штат слуг. Когда в июле 1877 г. 17-летнему младшему сыну Александра II — Павлу Александровичу мать позволила завести пуделя, он был в таком восторге, что даже немного покурил⁶⁶⁵.

После смерти Марии Александровны (1880) и Александра II (1881) их собаки остались доживать свой век в Егермейстерской конторе, за ними продолжали ухаживать так же, как и при жизни хозяев. До 1880 г. собак Александра II лечил ветеринар Конюшенного ведомства Лукин, а медикаменты отпускались из Придворной аптеки бесплатно. Если собака заболела, то она содержалась до выздоровления на квартире ветеринара, при этом ее содержание оплачивалось из так называемых «комнатных денег» императора. Так, в 1879 г. было уплачено ветеринару 12 рублей 80 копеек.

После смерти Александра II некоторые слуги из дворцовой челяди попытались «заработать» на собаках погибшего царя. Так, в 1882 г. ветеринар Кривцов представил счет из частной аптеки Царского Села на лекарства для собак Александра II на сумму в 40 рублей 92 копейки, а егеря XIV класса Сухопаров — «на прокорм собак» с января по май 1882 г. на сумму в 148 рублей 50 копеек. По тем временам это были достаточно большие деньги. Министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков, которому доложили об этом скандально-щекотливом деле, распорядился оплатить счета, а затем забрать у егеря собак и «передать на общем основании на руки егерям за плату 5 руб. в месяц»⁶⁶⁶.

Александр III унаследовал страсть отца к охоте. Придворная охота, с 1857 г. базировавшаяся в Гатчине, только выиграла, после того как в марте 1881 г. Александр III сделал Гатчинский дворец своей постоянной резиденцией. Близ дворца в Мариенбурге была отстроена Егерская слобода с образцовой псарней.

У Александра III, как и у Александра II, была личная собака. В июле 1883 г. матросы крейсера «Африка», вернувшегося с Тихого океана, подарили царю камчатскую лайку. Пса так и назвали — Камчаткой, и он стал любимцем семьи. О нем сохранилось множество записей в детских дневниках великих князей и княжон. Белый с подпалинами Камчатка на годы стал верным спутником царя. На одной из семейных фотографий императрица Мария Федоровна снята с молодым Камчаткой. Пес сопровождал царя везде: он ночевал в императорской спальне в Аничковом дворце, вызывая недовольство врачей, находился рядом в плаваниях на императорских яхтах. Свой пес был и у его жены императрицы Марии Федоровны, звали его Типа. На содержание и лечение личных императорских собак ежегодно отпускались казенные средства⁶⁶⁷.

В переписке Александра III довольно часто встречаются упоминания о собаках, которых он так любил. В марте 1885 г. император писал своему старшему сыну из Аничкова дворца: «После этого я уныло гулял с Камчаткой и Типом в нашем саду и ковырял от скуки снег палкой»⁶⁶⁸. Особенно блаженствовал Камчатка в пригородных резиденциях, где были огромные

парки. Но настоящий праздник для породистой камчатской лайки наступал, когда его хозяин выезжал на охоту. В сентябре 1886 г. Александр III писал сыну из Спалы: «Камчатка наслаждается, когда привозят дичь после охоты, и накидывается в особенности на зайцев, потому что легче с ними справиться, но и оленям тоже достается от него, и несмотря на то что они выпотрошены, он все-таки ухитряется вытаскивать что-то из нутра и медленно проглатывает»⁶⁶⁹.

В октябре 1888 г. царская семья, возвращавшаяся из Крыма, едва не погибла в железнодорожной катастрофе. Александр III и его близкие чудом остались живы под обломками вагона-столовой, они были с ног до головы залиты кровью погибших лакеев. В этой катастрофе погиб любимый пес императора Камчатка, которого привезли в императорскую резиденцию в Гатчинском дворце и похоронили в Собственном его императорского величества саду, под окнами комнат Александра III. Пирамидка над могилой собаки повторяла облик обелисков, созданных еще в 1840-х гг. архитектором Менеласом в Царском Селе. На пирамидке по традиции была выбита кличка собаки и годы ее жизни рядом с императором. Когда в 1891 г. умер Типа императрицы Марии Федоровны, его похоронили поблизости от Камчатки.

Александр III очень горевал по любимой собаке, в память о Камчатке он сохранил его ошейник. В описи вещей в уборной Александра III в Гатчинском дворце под № 2533 значился «Ошейник собачий. Кожа, медь. Длина 0,51 с кольцом и медной дощечкой — «Камчатка»⁶⁷⁰. На стене находилась акварель придворного художника М. Зичи с надписью: «Камчатка. Раздавлен при крушении Царского поезда 17 октября 1888 года».

Спустя несколько лет, в апреле 1892 г., Александр III писал жене: «Сегодня я воздержался кого-либо приглашать. Была закуска у меня в кабинете, и я ел один. В подобных случаях страшно недостает хотя бы собаки; все же не так одиноко себя чувствуешь, и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного, милого Камчатку, который никогда меня не оставлял и повсюду был со мною; никогда не забуду эту чудную и единственную собаку! У меня опять слезы на глазах, вспоминаю про Камчатку, ведь это глупо, малодушие,

но что же делать — оно все-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, и Камчатка был такой!»⁶⁷¹

На кладбище домашних животных в Собственном садике Гатчинского дворца есть несколько могилкок попугаев. Об одном из них упоминает младшая сестра Николая II: «Зеленый попугай Попка не любил Хиса, попугай злился и передразнивал учителя. В конце концов мистер Хис до того рассердился, что перестал давать Джоржи уроки до тех пор, пока Попку не унесли в другое место из классной комнаты»⁶⁷².

Надо заметить, что в семье Александра III, считавшей своим домом Гатчинский дворец, было много животных. Об этом многие знали, и детям дарили самых разных зверей. Сестра Николая II упоминала в числе таких подарков собак, медвежат, кроликов, волчат, зайцев, даже лосей и рысей. Как правило, их всех, кроме собак, отдавали в зоологические сады Петербурга и Москвы. У великой княгини Ольги Александровны в детском возрасте были свои любимцы: белая ворона, подаренная отцом, волчонок, которого держали на выгоне, и заяц Куку⁶⁷³.

Николай II сохранил патриархальные семейные традиции своего детства. Это имело отношение и к собакам, поскольку в многодетной семье императора их было много. Первой собственной собакой Николая Александровича был Ворон, которого подарили цесаревичу в 1899 г., когда ему исполнилось 17 лет. После того как Александр III отправил своих сыновей в кругосветное путешествие осенью 1890 г., он регулярно в письмах отчитывался о состоянии здоровья Ворона, с которым сам гулял по аллеям сада Аничкова дворца. В январе 1891 г. Александр III писал старшему сыну: «Ворон все толстеет, и глупые люди его целый день кормят так, что это не собака, а бочка какая-то»⁶⁷⁴. Естественно, забалованный пес болел, что не прошло для него даром. 27 сентября 1895 г. уже император Николай II записал в дневнике: «Только что встал, люди мне принесли грустную весть о том, что бедный Ворон сегодня околел от воспаления легких. Потеря моей верной собаки, которая прожила всего шесть лет у меня, совсем расстроила меня на целый день. Он всего неделю был болен. Я приказал его зарыть на Детском острове».

Как выглядел Ворон, точно неизвестно. На фотографии, запечатлевшей царскую семью в последнюю осень Александра III (1894), можно увидеть пушистого белого шпица, которого держит на руках великий князь Александр Михайлович. Вряд ли это Ворон, поскольку он был породы колли.

Николай II продолжил традицию своих предшественников, сделавших Детский остров Царского Села семейным кладбищем домашних животных. Над могилой Ворона был установлен гранитный обелиск, на котором выбиты даты его рождения и смерти.

Вторая собака императора — Иман была подарена Николаю II через два месяца после смерти Ворона. Причина такого подарка вполне очевидна — у Николая II с юности выработалась привычка к длительным прогулкам, и его постоянным спутником был Ворон. 1 октября 1895 г. он вновь вспомнил свою первую собаку: «Сделал большую прогулку в одиночестве, ужасно грустно ходить без бедного Ворона». И 6 декабря 1895 г., в день ангела Николая II, великая княгиня Елизавета Федоровна, которая приходилась царю золовкой⁶⁷⁵, подарила императору щенка колли. Николай II немедленно записал в дневнике: «Элла подарила чудного collie, похожего на Ворона». На следующий день 7 декабря 1895 г. царь уже гулял со своим новым спутником: «Утром погулял с новым моим псом, которого я думаю назвать Иман». Собака пришлась царю по сердцу, и 9 декабря он вновь отметил: «Иман меня очень забавляет на прогулках, замечательно подвижный, много скачет и гоняется за воронами». Поскольку Николай II физически был очень крепким человеком и хорошо переносил мороз, то с собакой он гулял при любой погоде: «Мороз усилился до 16°. Тем не менее погулял с Иманом». Периодически у них случались свои приключения: 28 декабря 1895 г., как писал царь, «дурак Иман провалился сквозь прорубь, но сам сейчас же вылез и стал похож на большую сосульку, т. к. шерсть немедленно замерзла. Было 12° морозу с солнцем».

Пес прижился, и Николай II периодически упоминал о нем. 16 февраля 1896 г. он писал в дневнике: «Играли на катке. Мой Иман обрезал себе лапу довольно сильно». Этот каток был устроен для 28-летнего царя в саду Анич-

кова дворца. Всю зиму 1896 г. практически ежедневно Николай II со своими друзьями играл в русский вариант хоккея — мячом с гнутыми клюшками. На одной из фотографий в компании с друзьями и подругами царя видны две собаки. Белого пса держит на руках младший брат Николая II — великий князь Михаил Александрович, возможно, это и есть Иман. Справа одна из девушек держит за ошейник взрослого пса колли темного окраса — вряд ли это Иман, который тогда был щенком.

Молодой пес сопровождал Николая II и в его велосипедных прогулках: «После чтения сделал хорошую прогулку на велосипеде, с Иманом». Это приволье продолжалось, пока царь жил весной и осенью в Александровском дворце Царского Села, а летом — в Петергофе с их огромными парками. На зиму царская семья возвращалась в Зимний дворец, который с 1896 по 1904 г. был жилой императорской резиденцией. Собаки по традиции сопровождали своего хозяина во всех переездах. Но в Зимнем дворце возможности для прогулок были очень ограничены, а собак, видимо, держали в подвале. Для организации безопасных прогулок царя у жилого, северо-западного ризалита Зимнего дворца был разбит Собственный садик, обнесенный гранитной двухметровой стеной с решеткой. Николай II практически ежедневно выгуливал собак в своем маленьком садике⁶⁷⁶.

Любопытно, что и эти прогулки царя с собаками стали темой для слухов и «глобальных» выводов. Одна из мемуаристок в феврале 1898 г. упомянула в дневнике: «Романченко говорил, что проходивший возле сада Зимнего дворца мальчик рассказал ему, что, посмотрев в щелку забора, он увидел в саду царя с двумя собаками; царь бросал палку, которую собаки ловили, при этом царь тоже бегал с собаками. По всему видно, что царь еще молод, что подобные развлечения ему интереснее, чем все доклады министров, которые ему приходится выслушивать»⁶⁷⁷.

Когда Иман подрос, ему подобрали спутницу. 6 ноября 1896 г. Николай II записал: «Гуляли вдвоем с новой собакой — тоже collie — впоследствии супруга Имана». Примечательно, что новую собаку он называл обезличенно: настоящим для него был только его Иман, а все остальные — просто собаками.

У императрицы Александры Федоровны тоже была своя собака — скорее всего, маленькая болонка по кличке Шилка. По крайней мере на некоторых фотографиях Александра Федоровна снята именно с такой собачкой.

Таким образом, на прогулках императорскую чету сопровождали три собаки. 16 декабря 1896 г. Николай II отметил в дневнике: «Сделал большую прогулку один, с тремя собаками — Шилка отлично следует». Три собаки — это, видимо, Иман, Шилка и безымянная подруга Имана.

В октябре 1902 г. Иман внезапно умер. Царь в дневнике назвал его «верным псом», а его смерть — «чувствительным горем». Ветеринар объяснил, что смерть наступила от порока сердца. В послании к матери, императрице Марии Федоровне, Николай II писал из Ливадии: «Другое мое горе, совсем уже личное горе, потеря милого Имана, случилось в самом начале октября, почти в тот же день, что и бедный Ворон... Это была такая умная, верная и добрая собака»⁶⁷⁸.

После этого он уже не «приближал» к себе ни одну из собак. Иман, как и Ворон, был похоронен на Детском острове в Александровском парке Царского Села. Над его могилой также соорудили гранитную пирамиду. Вскоре к могилам на Детском острове добавились еще маленькие пирамидки, под которыми были захоронены Шилка и Эйра — собачки императрицы. Эйра — декоративная комнатная собачка породы скотч-терьер, которую очень любила императрица Александра Федоровна. Когда Эйра умерла, императрица плакала. А вот Вырубова эту собачку не любила, поскольку она имела обыкновение неожиданно бросаться из-под кресла или кушетки⁶⁷⁹.

Все эти, казалось бы, малозначительные эпизоды весьма полно характеризуют особенности личности Николая II, о которых по сей день спорят историки. Если для Александра III его пес Камчатка был настоящим другом, о гибели которого он искренне горевал долгие годы, то для Николая II его собаки были только привычным антуражем — они являлись некоей собственностью, к которой он привык и о потере которой горевал недолго. Так же он относился и к людям. Поэтому неудивительно то, с какой легкостью

в феврале 1917 г. пала монархия, а императорская семья моментально оказалась в трагическом одиночестве. Это было платой за многолетнее пренебрежение верными людьми.

После Имана у Николая II были другие собаки, но уже безымянные. В своем дневнике он называл их просто собаками. Они продолжали сопровождать хозяев во время сезонных переездов по пригородным дворцам. В январе 1904 г. императорская семья задержалась в Царском Селе, и Николай II отметил в дневнике: «Сделал длинную прогулку без собак, т. к. их уже перевезли в город». А в марте 1904 г. он писал: «Днем долго гулял с собаками». Лето 1904 г. семья, как обычно, проводила в Петергофе, и вновь упоминание: «Возился с собаками у моря».

В 1905 г. царская семья перебралась на постоянное жительство из Зимнего дворца в Петербурге в Александровский дворец Царского Села, который был окружен прекрасным, ухоженным парком и где для животных имелись прекрасные условия. Личных собак царской семьи по традиции содержали на средства Министерства императорского двора⁶⁸⁰. Поскольку собак было достаточно много, то для них непосредственно в подвале Александровского дворца была устроена так называемая собачья кухня.

Самого Николая II на прогулках сопровождали его шотландские овчарки — колли. По воспоминаниям А. А. Вырубовой, их было одиннадцать. Для них рядом с Александровским дворцом соорудили специальный собачий домик. Как писала фрейлина С. К. Бухсгевден: «Выпив стакан чаю, выкурив папиросу, он выходил в парк на короткую прогулку со своими любимыми «колибри» (породистые собачки), которые жили в конурах в саду, им не разрешалось входить внутрь дворца»⁶⁸¹.

Рядом с монархом были и другие собаки. В 1906 г. распоряжением дворцового коменданта Д. Ф. Трепова, отвечавшего за охрану и безопасность царской семьи, близ Александровского дворца в селе Александровка был устроен питомник для сторожевых собак. Позже такой же питомник организовали и в Петергофе. Этих собак использовали для охраны периметра Александровского парка в Царском Селе и других пригородных императорских резиденций.

Все эти факты достаточно известны. Вместе с тем в отношениях последней царской семьи к собакам есть и малоизвестные страницы. Николай II, как его дед и отец, был страстным охотником. По принятому в Министерстве императорского двора порядку в конце каждого охотничьего сезона составлялся итоговый список царских охотничьих трофеев. Так вот, в этом списке у Николая II наряду с традиционными медведями, зубрами, оленями, волками постоянно присутствовали и другие «хищники», причем в неимоверных количествах. Например, вороны — их царь отстреливал из винтовки, гуляя по аллеям Александровского парка. Об этом он упоминал в своем дневнике. За шесть лет он застрелил 20 547 ворон. Цифра велика, но не потрясает. Наряду с воронами он, видимо, периодически отстреливал и других «хищников» — бродячих кошек и собак. По подсчетам автора с 1884 по 1911 г., то есть за 27 лет, Николаем II были застрелены 11 582 бродячие собаки, 18 679 бродячих кошек⁶⁸². Получается, что Николай II в среднем уничтожал по 429 собак ежегодно и по 36 собак ежемесячно. Причем он занялся отстрелами собак с 1884 г., когда ему исполнилось 16 лет, начав с 12 собак в год, и самым «успешным» для него стал 1909 г., когда ему удалось установить личный «рекорд», убив 903 собаки.

Сложно понять, зачем были ему нужны эти несчастные собаки и кошки, где и как он их отстреливал. Вряд ли это было возможно в Зимнем дворце, скорее всего, дело происходило в Царском Селе и Петергофе и только по нескольким месяцам в году. Возможно, ему это нравилось, или он оттачивал свое мастерство стрелка? А может быть, это являлось своеобразным выходом глубоко скрытой агрессивности внешне кроткого царя? На эти вопросы трудно ответить. В любом случае этот факт добавляет новый важный штрих к противоречивому образу последнего русского императора.

Больше всего с собаками в семье Николая II возились дети. Поскольку они росли без общества сверстников, то именно животные стали их единственными настоящими друзьями.

Очень много внимания уделялось в семье Николая II цесаревичу Алексею. Среди прочего немалое место занимали и животные — кошки и собаки. Чаще всего собаки, потому что котята могли оцарапать цесаревича

Алексея, который был болен гемофилией. Хотя были и котята: одного звали без затей — Васькой, другого — Зубровкой, который дрался с бульдогом Татьяны — Ортино. У Марии был свой сиамский кот⁶⁸³.

У маленького цесаревича щенки были в основном «разовые». На фотографии видна одна из таких собак, которую доставили для наследника на борт императорской яхты «Штандарт», причем порода в этом щенке явно не просматривается. Наряду со случайными собаками у цесаревича были и подаренные царственными родственниками. Так, в 1908 г. английский король, посетив яхту «Штандарт», подарил четырехлетнему цесаревичу шпица. За нелегкий нрав собачку нарекли Бойкой, но она не пришлась по сердцу мальчику⁶⁸⁴.

Когда цесаревич подрос, ему подарили спаниеля, которого назвали Джой. Видимо, это произошло летом 1914 г., когда цесаревичу исполнилось 10 лет. На множестве фотографий он запечатлен именно с этой собакой. С Джоем охотно играла вся семья. Он сопровождал цесаревича Алексея в ссылку в Тобольск и Екатеринбург в 1917–1918 гг. После расстрела царской семьи летом 1918 г. собака уцелела, ее подобрали и через Дальний Восток вывезли в Англию — Джой доживал свой век в Букингемском дворце.

Были собаки и у императорских дочерей. Так, младшая Анастасия имела японского пекинеса Джемми, которого ей подарила А. Вырубова. Свою вторую собаку — королевского спаниеля, появившегося около 1916 г., она тоже назвала Джемми.

Вторая дочь Николая II — Татьяна воспитывала французского бульдога по имени Ортино. На фотографии он сидит у нее на коленях. Ортино спал в ногах на кровати Татьяны, однако он слишком громко храпел, и его пришлось удалить из спальни, поскольку он мешал старшей дочери Николая II — Ольге, которая делила комнату со своей младшей сестрой. Татьяна имела коллекцию фигурок любимой собаки, вырезанных из горного хрусталя, глаза собачек были сделаны из синих сапфиров, а ошейник изготовлен из золота. Татьяна хранила эти фигурки в своей спальне. Последний раз Ортино видели, когда императорское семейство прибыло в Екатеринбург. Татьяна несла тяжелый чемодан в одной руке, а Орти-

Часть 4. Окружение российских монархов

но — в другой. В настоящее время эти фигурки рассеяны по различным коллекциям. Кроме Ортино у Татьяны был кинг-чалс Джимми, которого ей подарила А. Вырубова.

Таким образом, можно констатировать: каждое из поколений семьи Романовых имело свою историю отношений к собакам, что являлось своеобразной калькой их взгляда и понимания людей, которые окружали трон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С возрастом все отчетливее возникает ощущение стремительно уходящей жизни. Между бесконечным летним днем детства и суетливым взрослым днем есть, безусловно, большая разница. Со временем происходит и переоценка сделанного в этой жизни. И то, что когда-то казалось очень важным и ценным, подчас утрачивает свое значение, а воспринимавшееся как пустяк и проходной эпизод вдруг становится главным. И среди этого главного оказывается очень много из того, что называется повседневной жизнью с ее пустяками, сломанными игрушками, старыми письмами и воспоминаниями.

Как правило, этот многообразный личный мир уходит с каждым человеком, очень быстро забываются значения слов и предметов, и лишь немного из этой растворяющейся в прошлом повседневности перебирается в жизнь следующих поколений. Это касается всех — и великих, и малых мира сего. Поэтому так трудны и вместе с тем увлекательны попытки вытащить эту ушедшую повседневность в наше настоящее. Возможно, и этот труд, представленный на суд читателя, удался хотя бы отчасти и будет любопытен и полезен всем, интересующимся историей.

Примечания

Том II. Часть III

¹ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 95.

² *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. В 2-х т. М., 2000. Т. 1. С. 211.

³ *Соколова А.* Император Николай I и васильковые дурачества // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 230.

⁴ *Эвальд А. В.* Рассказы о Николае I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 247.

⁵ *Корф М.* Записки. М., 2003. С. 63.

⁶ *Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 422.

⁷ *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008. С. 9.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 211.

¹⁰ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 192.

¹¹ Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 463.

¹² Там же. С. 508.

¹³ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 7.

¹⁴ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 199–200.

¹⁵ Там же. С. 200.

Примечания

¹⁶ Секретарь, камердинер (два человека), подкамердинеры на вакансии помощников (два человека), тафельдекер, его помощник, работник или истопник, камер-лакеи (два человека), рейнкнехты (четыре человека), лакеи при парадных комнатах (два человека), фельдшеры и парикмахеры (два человека), истопники (десять человек). При кухне: кухмистер, старший повар, младший повар, поваренные ученики (два человека), хлебник, ученик хлебника. См.: ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 10 (1835). № 8015. 1 апреля.

¹⁷ *Милютин Д. А.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 263.

¹⁸ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М., 2006. С. 118.

¹⁹ *Мецкерский В. П.* Мои воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 373.

²⁰ *Милютин Д. А.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 266.

²¹ *Семенов В. А.* Гатчина в царствование императора Александра III // Александр III в Гатчине. СПб., 2001. С. 88.

²² *Половцев А. А.* Дневник государственного секретаря. В 2-х т. Т. 2. (1887–1892). М., 2005. С. 315.

²³ Императрица под «обедом» имеет в виду завтрак, который подавался в 13 часов. Эта оговорка примечательна, поскольку при императорском дворе не было такого общепринятого понятия как ужин, а только завтрак и обед. Однако реально в протокольной практике эти понятия — завтрак, обед и ужин — продолжали сохраняться.

²⁴ Цит. по: *Волькович А. Ю., Будко А. А.* Российская благотворительность под патронажем императрицы Марии Федоровны // Император Александр III. Императрица Мария Федоровна. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 71.

²⁵ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 592.

²⁶ *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 389.

²⁷ *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 211.

²⁸ *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 364.

²⁹ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М., 2006. С. 96.

³⁰ Там же. С. 197.

³¹ Там же. С. 207.

³² Всем, кто служил в армии и ходил в караулы, прекрасно известна процедура получения пароля и важность его четкого знания при подходе к стоящему на посту часовому. Армейская история знает немало примеров, когда проверяющие гибли, забыв пароль.

Примечания

- ³³ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 9 (1834). № 6717. 15 января.
- ³⁴ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 83.
- ³⁵ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 302.
- ³⁶ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 342.
- ³⁷ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 50.
- ³⁸ *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 365.
- ³⁹ *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 411.
- ⁴⁰ *Мамонтов В. И.* На государственной службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 115.
- ⁴¹ *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 121.
- ⁴² *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 353.
- ⁴³ *Куропаткин А. Н.* Из дневников // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 62.
- ⁴⁴ *Гурко В. И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 393.
- ⁴⁵ *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 155.
- ⁴⁶ На плане дворца это помещение № 32.
- ⁴⁷ На плане дворца это помещение № 52.
- ⁴⁸ На плане дворца это помещение № 39.
- ⁴⁹ На плане дворца это помещение № 64.
- ⁵⁰ На плане дворца это помещение № 68.
- ⁵¹ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 130.
- ⁵² На плане дворца это помещение № 72.
- ⁵³ Александр II и Царское Село. Каталог выставки. М., 2000. С. 57.
- ⁵⁴ *Корф М.* Записки. С. 148
- ⁵⁵ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 245.
- ⁵⁶ Там же. С. 127.
- ⁵⁷ *Корф М.* Записки. С. 148.
- ⁵⁸ *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 413.
- ⁵⁹ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 463.

Примечания

⁶⁰ См.: Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 198.

⁶¹ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 77. Л. 3 // Справка о комнатах, которые занимали высочайшие особы в первой половине XIX столетия. 1900.

⁶² *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 438.

⁶³ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 45. Л. 9 // О допущении разных лиц к осмотру Императорского Зимнего дворца. 1884.

⁶⁴ Там же. Д. 760. Л. 5 // Опись по комнатам государя императора. 1888.

⁶⁵ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 501.

⁶⁶ *Старцев В. И.* Штурм Зимнего: Документальный очерк. Л., 1987. С. 25.

⁶⁷ Там же. С. 26.

⁶⁸ Там же. С. 105.

⁶⁹ Промокательной бумаги (*франц.*).

⁷⁰ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 100.

⁷¹ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 493.

⁷² *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 325.

⁷³ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 496.

⁷⁴ *Григорович В. Д.* Петергоф. Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1885. С. 8.

⁷⁵ Русские императорские яхты. Конец XVII — начало XX века. СПб., 1997. С. 21.

⁷⁶ *Ланг А. И.* Императорская яхта «Полярная звезда» в санитарном отношении. СПб., 1892. С. 2.

⁷⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2002. Т. 3. С. 154.

⁷⁸ Анна Тютчева // Тайны царского двора (из записок фрейлин). Сборник. М., 1997. С. 206.

⁷⁹ Там же. С. 198.

⁸⁰ *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 14.

⁸¹ Там же. С. 224.

⁸² ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 3 (1828). № 2050. 24 мая.

⁸³ *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 130.

⁸⁴ *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 185.

⁸⁵ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 9 (1834). № 6728. 17 января.

Примечания

⁸⁶ *Половцев А. А.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 304.

⁸⁷ *Кропоткин П. А.* Записки революционера // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 134.

⁸⁸ *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 135.

⁸⁹ Обер-гофмейстрина; гофмейстрины их величеств государынь императриц; статс-дамы; камер-фрейлины; гофмейстрины их императорских высочеств великих княгинь; фрейлины; члены Государственного совета; сенаторы; статс-секретари; придворные чины и состоящие в придворных званиях; генерал-адъютанты; Свиты его величества генерал-майоры и флигель-адъютанты; адъютанты великих князей и генералы, при их императорских величествах состоящие; гвардии, армии и флота генералитет, штаб- и обер-офицеры.

⁹⁰ Обер-гофмейстрина; гофмейстрины их величеств государынь императриц; статс-дамы; камер-фрейлины; гофмейстрины их императорских высочеств великих княгинь; свитские фрейлины императриц и великих княгинь; члены Государственного совета; министры и главноуправляющие; первые чины двора; генерал-адъютанты; Свиты его величества генерал-майоры; флигель-адъютанты; адъютанты великих князей; генерал-губернаторы и командующие военными округами; петербургский генерал-губернатор и губернские предводители дворянства (петербургский и московский); секретари императриц.

⁹¹ *Корф М.* Записки. С. 286.

⁹² *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 115.

⁹³ Дневник А. А. Бобринского // Красный архив. Т. 1 (28). М., 1928. С. 139.

⁹⁴ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М., 2006. С. 158.

⁹⁵ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 167.

⁹⁶ Там же. С. 259.

⁹⁷ *Корф М.* Записки. С. 164.

⁹⁸ Высочайше утверждено 13 апреля 1858 г., изменено в 1899 г.

⁹⁹ *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 134.

¹⁰⁰ Цит. по: Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 8.

¹⁰¹ *Головин Ф. А.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 85.

¹⁰² *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 214.

¹⁰³ Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 31.

¹⁰⁴ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 35 (1860). № 35734. 27 апреля // Государям великим князьям считать службу с шестнадцатилетнего возраста.

Примечания

¹⁰⁵ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 295.

¹⁰⁶ Там же. С. 331.

¹⁰⁷ Там же. С. 333.

¹⁰⁸ В ст. 197. «Учреждения об императорской фамилии» указывалось: «Совершеннолетие для наследника престола, согласно основным Государственным законам, определяется в шестнадцать лет».

¹⁰⁹ Ст. 198 «Учреждения об императорской фамилии»: «Для великих князей и великих княжон, а также князей и княжон крови императорской, коим присвоен титул высочества, совершеннолетие назначается с двадцати лет, а если брак этих лиц будет совершен ранее сего возраста, — то со дня брака; для князей и княжон крови императорской, имеющих титул светлости, возраст совершеннолетия определяется согласно общим гражданским законам — в двадцать один год».

¹¹⁰ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 9 (1834). № 7019. 22 апреля.

¹¹¹ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 206.

¹¹² Пушкин А. С. Дневник. 1834 год // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 78.

¹¹³ Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 521.

¹¹⁴ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 350.

¹¹⁵ Камердинер великого князя.

¹¹⁶ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 год // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. М., 2007. С. 41.

¹¹⁷ Духовное завещание в Бозе почившего государя императора Николая Павловича. 4 мая 1844 года // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 461–462.

¹¹⁸ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 302.

¹¹⁹ См.: Миролубова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Каталог выставки. СПб., 2002. С. 160 и далее.

¹²⁰ Там же. С. 161.

¹²¹ Там же. С. 170.

¹²² Там же. С. 174.

¹²³ Там же. С. 175.

Примечания

¹²⁴ *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». Император Николай I в свете исторической правды // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 291.

¹²⁵ Духовное завещание в Бозе почившего государя Императора Николая Павловича. 4 мая 1844 года // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 472.

¹²⁶ *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 107.

¹²⁷ Дневник Константина Константиновича // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн.2: 1877–1880. С. 228, 229.

¹²⁸ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 477.

¹²⁹ До 1829 г. кавалерами Георгиевского ордена 1-й степени являлись Екатерина II, П. А. Румянцев-Задунайский, А. Г. Орлов-Чесменский, П. И. Панин (за Бендеры), В. М. Долгоруков-Крымский, Г. А. Потемкин-Таврический, А. В. Суворов-Рымникский, В. Я. Чичагов (за Выборг), Н. В. Репнин (за Мачин на Дунае), М. И. Кутузов-Смоленский, М. Б. Барклай-де-Толли, И. Ф. Паскевич-Эриванский, И. И. Дибич-Забалканский.

¹³⁰ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 8 (1833). № 6153. 27 апреля; № 6611. ст. LVII. «Права кавалеров ордена св. Георгия иметь вход ко двору».

¹³¹ *Шевелева Е. Н.* Ордена Александра I. СПб., 1993. С. 13.

¹³² *Феоктистов Е. М.* // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 80.

¹³³ *Милютин Д. А.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 280.

¹³⁴ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 113.

¹³⁵ *Милютин Д. А.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 281.

¹³⁶ *Шереметев С. Д.* Письма с Рушукского отряда 1877 года. СПб., 1898. С. 7.

¹³⁷ Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 36.

¹³⁸ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 134.

¹³⁹ Из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 34.

¹⁴⁰ *Соколовский М. К.* Военная служба императора Александра III (28 февраля 1845 г. — 2 марта 1881 г.) // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 94.

¹⁴¹ *Милютин Д. А.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 282.

¹⁴² Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 157.

Примечания

¹⁴³ За русско-турецкую войну 1877–1878 г. золотое оружие было пожаловано 500 лицам, причем 22 удостоились получить шпаги и сабли, украшенные бриллиантами и алмазами.

¹⁴⁴ Высочайше утвержденный порядок Торжественного выхода в Зимнем дворце, 26 ноября 1884 года, в день Орденского праздника Св. Великомученика и Победоносца Георгия. СПб., 1884.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 308. Л. 18 // О выдаче денег камер-фурьеру Ингано за купленные предметы продовольствия и употребленные к столам высочайшему и нижних чинов 26 ноября по случаю Георгиевского праздника. 1884.

¹⁴⁷ Великий князь Владимир Александрович // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 406.

¹⁴⁸ Из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 28.

¹⁴⁹ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 486.

¹⁵⁰ *Лопато М.* Фаберже и царский двор // Фаберже: придворный ювелир. СПб., 1993. С. 65.

¹⁵¹ Из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 37.

¹⁵² Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 140.

¹⁵³ Там же. С. 141.

¹⁵⁴ *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 426.

¹⁵⁵ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 68.

¹⁵⁶ Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 45.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 55.

¹⁵⁹ Там же. С. 56.

¹⁶⁰ *Корф М.* Записки. С. 488.

¹⁶¹ *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 195.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

Примечания

¹⁶⁴ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 326.

¹⁶⁵ *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 62.

¹⁶⁶ *Коковцев В. Н.* Из моего прошлого (1903–1919). Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 172.

¹⁶⁷ *Войков В. Н.* Из книги «С царем и без царя» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 235.

¹⁶⁸ Там же. С. 235.

¹⁶⁹ Там же.

Том II. Часть IV

¹ Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 490.

² *Пашкова Т. Л.* Зимний дворец конца 1830-х — начала 1840-х годов и образ жизни императорской семьи // Архитектура Петербурга. Материалы исследований. Ч. 2. СПб., 1992. С. 122.

³ Великая княгиня Ольга Николаевна описывала кабинет императрицы Александры Федоровны в 1833 г. следующим образом: «Это была красивая угловая комната с видом на Неву, обтянутая зеленым с амарантом штофом, всегда наполненная цветами. Мама любила одеваться в светлое». См.: Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 198.

⁴ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. С. 116.

⁵ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 13 // Опись казенным вещам, находившимся на половине покойного императора Александра II. 1894.

⁶ *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 88.

⁷ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 77. Л. 3 // Справка о комнатах, которые занимали высочайшие особы в первой половине XIX столетия. 1900.

⁸ *Яковлева А. И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники.

⁹ *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 186.

¹⁰ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. С. 34.

¹¹ Там же. С. 116.

Примечания

¹² РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 760. Л. 5 // Опись по комнатам государя императора. 1888.

¹³ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 34.

¹⁴ Пащикова Т. Л. Интерьеры А. П. Брюллова во втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца // Культура и искусство России XIX в. Новые материалы и исследования. Сборник статей. Л., 1985. С. 81.

¹⁵ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 325.

¹⁶ Несин В. Н. Зимний дворец в царствование императора Николая II. СПб., 1999. С. 78.

¹⁷ Витте С. Ю. Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 245.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. С. 8 // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825.

¹⁹ Там же. Д. 1071. Л. 72 // Книга гардеробной суммы за 1838–1842 гг.

²⁰ Там же. Д. 1072. С. 18 об. // Гардеробные суммы за 1844 г.

²¹ Январь 1847 г.: «на покрытие расходов по ремонтному сбережению ежальных дорог в парке дачи Александрии в 1846 г.» — 1410 рублей 27 копеек; февраль 1847 г.: «для покрытия расходов по работам в Александрии и в Знаменском» — 1589 рублей 73 копейки; ноябрь 1847 г.: «по вырубке и посадке деревьев в Александрии» — 2000 рублей; декабрь 1849 г.: «на расходы по парку Александрии и Знаменке» — 2057 рублей.

²² Мосолов А. А. При дворе последнего императора. С. 222.

²³ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. Л. 79 // О расходах по приготовлению в императорском Зимнем дворце комнат и других расходах, вызываемых бракосочетанием наследника цесаревича с принцессою Алисою и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксению Александровной. 13 апреля 1894 — 15 февраля 1896 г.

²⁴ ОР РНБ Ф. 650. Д. 1071. Л. 9 об. // Книга гардеробной суммы за 1838–1842 гг.

²⁵ Там же. Л. 26 об.

²⁶ 1. Котельная для отопления личных апартаментов и детской половины. 2. Котел для бассейна Николая II. 3. Водогрейный котел ванного помещения детской половины. 4. Котел водяного отопления для угловой гостиной Александры Федоровны и двух библиотечных зал. 5. Котел водяного отопления «зала Горы», библиотеки и кладовых под открытым залом. 6. Котел водяного отопления полукруглого и портретного залов. 7. Котел водяного отопления большого бильярдного зала, гостиной (в которой находилась походная церковь) и третьего подъезда.

Примечания

²⁷ 1. Собственный буфет их величеств. Здесь варили кофе, кипятили молоко, сливки и шоколад. 2. Буфет камер-юнгфер и комнатных девушек. 3. Буфет офицеров Сводного полка. 4. Собачья кухня. 5. Собственная «приспешная» кухня с очагом, пирожной духовой печью, в которой на Масленицу пекли блины, котлом для нагревания воды, вертелом и рошпором для приготовления шашлыков на березовых углях. 6. Расхожий буфет, или кафешенская. 7. Гофмаршальская кухня. 8. Столовая. 9. Помещение для отпуска вина.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 2. Л. 57 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896 гг.

²⁹ *Девятова С.* Для какого декольте шею мыть? // *Родина.* 2003. № 7. С. 101.

³⁰ Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 191.

³¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 340. Л. 33 об. // О расходах по сопровождению фрейлины Тютчевой 2-й за границу. 1859.

³² Там же. Ф. 472. Оп. 66. Д. 588. Л. 55.

³³ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–29.

³⁴ Там же. Ф. 469. Оп. 9. Д. 340. Л. 33 об.

³⁵ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2093. Л. 4.

³⁶ Там же. Л. 31.

³⁷ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 90.

³⁸ Там же. С. 39.

³⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 500. Л. 2.

⁴⁰ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 258.

⁴¹ *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927. С. 138.

⁴² РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 106.

⁴³ Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 142.

⁴⁴ *Комелова Г. Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // *Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции.* Т. 1, XVIII — первая треть XIX в. СПб., 2000. С. 52.

⁴⁵ Там же. С. 125.

⁴⁶ Там же. С. 149.

⁴⁷ *Башуцкий А.* Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839. С. 34.

⁴⁸ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 202.

Примечания

- ⁴⁹ Из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 317.
- ⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.
- ⁵¹ Там же. Д. 1070 // Гардеробные суммы Николая I за 1836–1837 гг.
- ⁵² Там же. Д. 1071. Л. 72 об. // Книга гардеробной суммы за 1838–1842 гг.
- ⁵³ Там же. Д. 1072 // Гардеробные суммы за 1844–1847 гг.
- ⁵⁴ *Знаменов В. В.* Коттедж. Л., 1980.
- ⁵⁵ *Шеманский А., Гейченко С.* Коттедж. Дача Николая I в Петергофе. Л., 1930. С. 22.
- ⁵⁶ Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 256.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 728. Л. 1.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 538. Л. 8 // Права и обязанности охранной команды Аничкова дворца и переписка о здании. 1879–1917.
- ⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 2. Л. 58 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.
- ⁶⁰ *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. С. 139.
- ⁶¹ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. История любви. М., 1998. С. 136.
- ⁶² Там же. С. 149.
- ⁶³ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 60.
- ⁶⁴ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 381. Л. 1–5.
- ⁶⁵ *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 198.
- ⁶⁶ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. М., 2004. С. 56.
- ⁶⁷ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. М., 2006.
- ⁶⁸ *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 42.
- ⁶⁹ *Успенский А. И.* Павловский дворец // Записки Императорского Московского археологического общества. М., 1913. Т. 24. С. 446.
- ⁷⁰ *Вильчковский С. Н.* Царское Село. СПб., 1911. С. 140.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 14.
- ⁷² Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 760. Л. 12.
- ⁷³ *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 3. СПб., 1896. С. 9.
- ⁷⁴ *Девятова С.* Для какого декольте шею мыть? // Родина. 2003. № 7. С. 102.

Примечания

- ⁷⁵ Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005. № 646.
- ⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1059. Л. 25 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 г.
- ⁷⁷ Там же. Д. 1071. Л. 45 об. // Книга гардеробной суммы за 1838–1842 гг.
- ⁷⁸ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. № 5245.
- ⁷⁹ *Молин Ю. А.* Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002. С. 248.
- ⁸⁰ Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 74.
- ⁸¹ Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 159.
- ⁸² *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. С. 134.
- ⁸³ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 201. Ч. 1.
- ⁸⁴ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 109.
- ⁸⁵ *Суслов В. А.* Николай I и Эрмитаж // Клио. 2003. № 2. С. 218.
- ⁸⁶ *Мейер-Стабли Б.* Повседневная жизнь Букингемского дворца при Елизавете II. М., 2007. С. 89.
- ⁸⁷ *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. С. 134.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 14.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 743. Л. 12.
- ⁹¹ Для спальни его величества — 2 штуки, для свиты — 6 штук.
- ⁹² РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 880. Л. 12.
- ⁹³ Там же. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1 // Об устройстве в певческом доме вместо обыкновенных ретирадных мест ватерклозетов. 1864. 28 л.; Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1 // По контракту, заключенному с машинистом Алексеевым на содержание в конюшенном доме насосов, водопроводных труб, ватерклозетов и проч. 1866. 169 л.; Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1 // О расходах на содержание водоподъемной машины в придворнослужительском доме и ватерклозетах.
- ⁹⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1 // По подряду на поставку жидкости для устранения дурного запаха в отхожих местах по зданиям придворной конторы. 1865. 184 л.
- ⁹⁵ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 38.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 538 // Права и обязанности охранной команды Аничкова дворца и переписка о здании. 1879–1917.

Примечания

⁹⁷ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 50.

⁹⁸ Александр II и Царское Село. Каталог выставки. М., 2000. С. 72.

⁹⁹ *Пащикова Т. Л.* Главная лестница северо-западного ризалита Зимнего дворца // Архитектурные тетради. Вып. 1. СПб., 1994. С. 35–43.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 19. Л. 3 // Высочайше утвержденные 28 ноября 1858 г. Правила о замене вольнонаемными людьми нижних чинов инвалидов рот, мастеровых и других команд. 1858–1859.

¹⁰¹ Там же. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 26 // Краткий отчет о суммах, ассигнованных на содержание императорского Зимнего дворца и прикосновенных к оному зданий. 1868.

¹⁰² Там же. Оп. 11. Д. 217. Л. 1 // О работах на устройство подъемных машин в Старом Эрмитаже и на Комендантском подъезде. 1882–1886.

¹⁰³ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. М., 2007. С. 163.

¹⁰⁴ Директрису Смольного Ю. Ф. Адлерберг.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 175. Л. 6 // По заявлению мещанина Воловича о неправильно произведенных работах техником Пашковым по устройству подъемных машин на подъездах его и ее величеств в Зимнем дворце. 1886.

¹⁰⁶ Там же. Д. 880. Л. 4.

¹⁰⁷ Отчет о деятельности Санкт-Петербургского дворцового управления за 1904 г. // Библиотека РГИА. Б. м. Б. д. Л. 94.

¹⁰⁸ *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 3. С. 9.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 177. Л. 1–2.

¹¹⁰ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М., 2006.

¹¹¹ *Успенский А. И.* Павловский дворец // Записки Императорского Московского археологического общества. Т. 24. С. 444.

¹¹² РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 153. Л. 18 об. // Положение по кухне, в какую именно сумму готовить столы для их императорских величеств и их императорских высочеств со свитой. 1826.

¹¹³ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 243.

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 153.

Примечания

¹¹⁵ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 202 // Выписки из разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 1.

¹¹⁶ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 120.

¹¹⁷ Обыкновенных стеариновых свечей за год было закуплено на 5598 рублей. Отборных стеариновых — на 8079 рублей.

¹¹⁸ Закуплено на 7859 рублей.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 36 // Расходы на свечи в 1868 г.

¹²⁰ Там же. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

¹²¹ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 179.

¹²² Там же. С. 180.

¹²³ Бильярдная, приемная, учебная, кабинет, камердинерская, библиотека, антресоль над камердинерской комнатой, буфет.

¹²⁴ Приемная — две люстры на 24 свечи и там же две пары канделябров на семь и пять рожков (всего 72 свечи); учебная — 24 свечи и пара канделябров на шесть рожков (всего 36 свечей); кабинет — люстра и пара канделябров на семь рожков (38 свечей); библиотека — одна люстра на 42 свечи, пара канделябров на три свечи (всего 48 свечей). Помещение над антресолью и буфет, видимо, освещались отдельными свечами. См.: РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 1–14 // Опись казенным вещам, находившимся на половине покойного императора Александра II. 1894.

¹²⁵ *Аксельрод В. И., Буланкова Л. П.* Аничков дворец — легенды и были. СПб., 1996. С. 98–99.

¹²⁶ *Сулов В. А.* Николай I и Эрмитаж // Клио. 2003. № 2. С. 217.

¹²⁷ В команду входили мастер, два подмастерья, шесть мастеровых и три ученика. См.: ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 109 // Рукописи П. Н. Столянского по истории Зимнего дворца.

¹²⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 137. Л. 1–29 // О составлении проекта Положения и Штата по управлению газовым освещением в императорском Зимнем дворце. 1861–1863.

¹²⁹ *Несин В.* Зимний дворец в царствование последнего императора Николая II. 1894–1917. СПб., 1998. С. 19.

¹³⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896. Л. 22.

¹³¹ «Товарищество Яблочков-изобретатель и К^о».

¹³² Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 85.

Примечания

¹³³ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 210. Л. 3–4 // Об устройстве электрического освещения к предстоящим в 1885 г. высочайшим балам в Зимнем дворце. 1884–1885.

¹³⁴ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 90.

¹³⁵ Там же. С. 550.

¹³⁶ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 171.

¹³⁷ Передняя, три проходные, уборная императора, уборная и ванная, кабинет, две гостиные, библиотека, гардероб, две проходные комнаты за гардеробом, дежурная и буфет.

¹³⁸ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 760. Л. 1–14 // Опись комнатам государя императора. 1888.

¹³⁹ Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 88.

¹⁴⁰ *Комелова Г. Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 59.

¹⁴¹ Там же. С. 117.

¹⁴² *Сивков А. В. П.* Стасов и его работы по восстановлению Зимнего дворца после пожара 1837 г. Л., 1948. С. 1.

¹⁴³ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 202 // Выписки из разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 1.

¹⁴⁴ *Аммосов Н.* Краткое описание о пневматическом отоплении и о качествах воздуха относительно к здоровью. М., 1844. С. 31.

¹⁴⁵ *Аммосов Н.* Заметки на счет испытания пневматических печей. СПб., 1863. С. 11.

¹⁴⁶ *Аммосов Н.* Замечания на статью г. Ходнева о пневматических печах. СПб., 1861. С. 2.

¹⁴⁷ Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 178.

¹⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 109.

¹⁴⁹ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 266.

¹⁵⁰ Там же. С. 276.

¹⁵¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896. Л. 45.

¹⁵² Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. С. 284, 324.

Примечания

¹⁵³ РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

¹⁵⁴ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 39.

¹⁵⁵ Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 460.

¹⁵⁶ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 15 (1840). № 13354. 7 апреля.

¹⁵⁷ Там же. Т. 30 (1855). № 29742. 22 октября.

¹⁵⁸ Там же. Т. XLII (1867). № 45263. 9 декабря // Новый штат по содержанию здания собственного его величества дворца и принадлежащих к оному домов.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 123 // О выдаче 75 рублей мастеру Риккертю за устройство из гуттаперчи слуховой трубы для передачи переговоров с верхнего этажа в подвал на половине ее величества. 1853.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 // О принятии мер предосторожности по Зимнему дворцу и о командировании воинских чинов для охраны императорских особ в местах их пребывания. 1861–1881.

¹⁶¹ Там же. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1. Д. 34 // Об устройстве по Зимнему дворцу в разных местах электровзвонков. 1860.

¹⁶² Там же. Ф. 469. Оп. 11. Д. 67 // О допущении Сименса и Глинке к устройству телеграфного сообщения между кабинетом его величества и дежурной комнатой. 1860.

¹⁶³ Там же. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 13 // Опись казенным вещам, находившимся на половине покойного императора Александра II. 1894.

¹⁶⁴ Там же. Ф. 469. Оп. 11. Д. 98 // Об устройстве добавочных по Зимнему дворцу телеграфов. 1868.

¹⁶⁵ Там же. Д. 135 // Об устройстве электрических звонков от подъездов ее величества и Комендантского на главную гауптвахту. 1870.

¹⁶⁶ Там же. Д. 189 // О ремонте всех электрических звонков. 1871.

¹⁶⁷ Там же. Д. 225. Л. 1 // По устройству в Зимнем дворце пневматического аппарата (колокола) для лечения сгущенным воздухом. 1876–1881.

¹⁶⁸ *Заворыкин А. А., Осьмова Н. И., Чернышов В. И., Шухардин С. В.* История техники. М., 1962. С. 318.

¹⁶⁹ Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 180.

¹⁷⁰ Дневник императора Николая II. 1890–1906. Париж, 1980. С. 15.

¹⁷¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 105 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

¹⁷² *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 1. С. 236.

Примечания

¹⁷³ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 206 // Список абонентов дворцовой телефонной сети на 1915 г.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2522. Л. 1 // Докладная записка чиновника для поручений о необходимости увеличения состава дежурных полицейских надзирателей на дворцовой телефонной станции. 1915.

¹⁷⁵ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 73.

¹⁷⁶ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 400.

¹⁷⁷ *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. С. 45.

¹⁷⁸ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 415.

¹⁷⁹ *Попов А. В.* Романовы на южном берегу Крыма. Симферополь, 1930. С. 62.

¹⁸⁰ *Ден Л.* Подлинная царица. С. 23.

¹⁸¹ Цит. по: *Комелова Г. Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 66.

¹⁸² *Кудрявцева Т. В.* Приемы в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 83.

¹⁸³ С 1826 по 1883 г. занималась управлением придворным хозяйством Придворная его величества контора во главе с обер-гофмаршалом. Третья экспедиция конторы ведала обеспечением продовольствием царской семьи. С 1883 по 1891 г. продовольствием ведало Главное дворцовое управление, и наконец, в 1891 г. была образована гофмаршальская часть, которая просуществовала до 15 января 1918 г.

¹⁸⁴ ПСЗРИ. 30 декабря 1796 г. № 17 700.

¹⁸⁵ *Мосолов А.* При дворе императора. С. 222.

¹⁸⁶ Из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 18.

¹⁸⁷ *Кропачев Н. А.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 222.

¹⁸⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 286.

¹⁸⁹ *Головин Ф. А.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 88.

¹⁹⁰ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990. С. 138.

¹⁹¹ *Комелова Г. Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 52.

¹⁹² *Богданов И.* Лекарство от скуки, или История мороженого. М., 2007. С. 28.

¹⁹³ Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 442, 460.

¹⁹⁴ Епанчин Н. А. На службе трех императоров // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 202.

¹⁹⁵ Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 56.

¹⁹⁶ Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 433.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 316. Л. 3 // О расходе вин, водок и напитков при высочайших и других столах. 1885–1886.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 316. Л. 82 // О расходе вин, водок и напитков при высочайших и других столах. 1885–1886.

²⁰⁰ Там же. Л. 110.

²⁰¹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 295.

²⁰² Выскочков Л. В. Пиво при императорском дворе // Мир пива. 1997. Альманах. № 2. СПб., 1997. С. 28–30.

²⁰³ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 360 // Об уплате заводу «Бавария» денег за поставленные к высочайшему двору меда и пива. 1890–1891.

²⁰⁴ Там же. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Ч. 2. Л. 285 // Выписки из разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению Петербургского дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903.

²⁰⁵ В русском языке XV–XVI вв. слово *приспех* означало варку, стряпню. Именно в этом значении оно встречается в «Домострое»: «...и всякие пироги и всякие блины и всякие каши и кисели и всякие *приспехи* печи и варити все бы сама государыня умела». Производное слово *приспешня* в том же «Домострое» применяется в значении кухни, поварни. Слово *приспешник* в этом поваренном значении сохранялось в литературном языке до 30–40-х годов XIX в.

²⁰⁶ Из воспоминаний адмирала Д. С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 22.

²⁰⁷ Линдер И. Б., Чуркин С. А. История специальных служб России X–XX веков. М., 2004. С. 275.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 295 // Об уничтожении системы законтрактования припасов для кухни и о предоставлении метрдотелям права покупать все потребные припасы ими самими. 1852.

²⁰⁹ Там же. Оп. 7. Д. 787 // О дозволении разным лицам обучаться на кухнях высочайшего двора поваренному искусству. 1860.

Примечания

- ²¹⁰ Там же. Л. 4.
- ²¹¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 153. Л. 1 // Положение по кухне, в какую именно сумму готовить столы для их императорских величеств и их императорских высочеств со свитой. 1826.
- ²¹² Там же. Л. 2.
- ²¹³ Там же. Л. 4.
- ²¹⁴ Там же. Л. 18 об.
- ²¹⁵ Там же. Л. 22.
- ²¹⁶ Там же. Л. 2.
- ²¹⁷ Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 73.
- ²¹⁸ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 205.
- ²¹⁹ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 10 (1835). № 8015. 1 апреля.
- ²²⁰ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 243.
- ²²¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 153. Л. 29 // Положение по кухне, в какую именно сумму готовить столы для их императорских величеств и их императорских высочеств со свитой. 1826.
- ²²² Там же. Л. 37.
- ²²³ *Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 430.
- ²²⁴ Там же. С. 430.
- ²²⁵ Там же. С. 431.
- ²²⁶ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34 (1859). № 34888 // Штат двора его императорского высочества государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.
- ²²⁷ Там же. Т. I (1875). № 54747 // Штаты по гофмаршальской и шталмейстерской частям для их императорских высочеств государей великих князей Николая Александровича и Григория Александровича и для великой княжны Ксении Александровны.
- ²²⁸ Там же. Т. LIII (1878). № 58544. 20 мая // О штатах по гофмаршальской и шталмейстерской частям его императорского высочества государя великого князя Георгия Александровича от 7-летнего возраста до совершеннолетия.
- ²²⁹ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 314 // О воспрещении выписки из-за границы картофеля, свиного мяса, сала и пр. 1886.
- ²³⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 2. Л. 58 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.
- ²³¹ Там же. Л. 60.
- ²³² *Мамонтов В. И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 143.

Примечания

²³³ РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

²³⁴ Там же. Оп. 5. Д. 2441 // Об определении унтер-офицера Никифорова к смотрению за чистотой по кухням высочайшего двора. 1841.

²³⁵ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 18.

²³⁶ *Шепелев Л.* Императорский двор // Родина. 2003. № 1. С. 48.

²³⁷ *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* История специальных служб России X–XX веков. С. 275.

²³⁸ РГИА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 197. Л. 1 // О химическом исследовании продуктов, употребляемых при дворе. 1852.

²³⁹ Там же. Л. 2 // О химическом исследовании употребляемых для стола при высочайшем дворе некоторых припасов. 1852–1853.

²⁴⁰ Там же. Л. 3.

²⁴¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Ч. 1. Д. 449. Л. 25 // О пребывании государыни императрицы в Ливадии и по возвращению отсюда в Петербург в 1863 г. 1863–1864.

²⁴² Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1580 // Об исследовании водки, конфет и пр. 1878.

²⁴³ *Корф М.* Записки. С. 439.

²⁴⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 177. Л. 2 // По высочайшему повелению об изготовлении для государя наследника завтрака и обеда по настоянию гг. лейб-медиков. 1835.

²⁴⁵ Там же. Ч. 1. Д. 288 // По предложению гофмаршала. Относительно поданной на высочайшие столы форели дурного качества. 1847.

²⁴⁶ Там же. Ч. 4. Д. 1735 // Относительно дурно приготовленного в Красном Селе для Шамиля обеда. 1861.

²⁴⁷ *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* История специальных служб России X–XX веков. С. 275.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 449. Л. 1 // О пребывании государыни императрицы в Ливадии и по возвращению отсюда в Санкт-Петербург в 1863 г. 1863–1864.

²⁴⁹ Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 499. Л. 9 // О распоряжениях и расходах по путешествию их императорских величеств в финляндские шхеры. 1888.

²⁵⁰ Сливовицы — 1 бутылка, старой водки — 2, яблочного квасу — 60, хлебного квасу — 60, лангоа — 20, хейдзик — 20, понте-капе — 30, коньяк № 1 — 1, рому — 3 бутылки.

²⁵¹ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 499. Л. 12 // О распоряжениях и расходах по путешествию их императорских величеств в финляндские шхеры. 1888.

²⁵² *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 498.

²⁵³ *Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 467.

²⁵⁴ *Эвальд А. В.* Рассказы о Николае I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 274.

Примечания

- ²⁵⁵ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 312.
- ²⁵⁶ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 18.
- ²⁵⁷ *Малевинская М.* Августейшая яхта // Родина. 2000. № 11. С. 129.
- ²⁵⁸ *Мамонтов В. И.* На государственной службе. Воспоминания. С. 143.
- ²⁵⁹ *Светлани Г., Капков С.* Товарищ его высочества. СПб., 2002. С. 50.
- ²⁶⁰ *Мамонтов В. И.* На государственной службе. Воспоминания. С. 142.
- ²⁶¹ *Кучумов А. М.* Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004. С. 50.
- ²⁶² Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 457.
- ²⁶³ Там же. С. 490.
- ²⁶⁴ *Романов П. В.* Застольная история государства Российского. М., 2002. С. 129.
- ²⁶⁵ Там же. С. 138.
- ²⁶⁶ *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 494.
- ²⁶⁷ *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008. С. 28.
- ²⁶⁸ *Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 435.
- ²⁶⁹ Там же. С. 425.
- ²⁷⁰ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 211.
- ²⁷¹ *Дараган П. М.* Из воспоминаний камер-пажа. 1817–1819 // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 13.
- ²⁷² *Мосолов А.* При дворе императора. С. 198.
- ²⁷³ Из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 325.
- ²⁷⁴ *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. С. 20.
- ²⁷⁵ Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 454.
- ²⁷⁶ Там же. С. 456.
- ²⁷⁷ *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 200.
- ²⁷⁸ Александр II и Царское Село. Каталог выставки. С. 73.
- ²⁷⁹ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. С. 51.
- ²⁸⁰ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 448.
- ²⁸¹ Там же.

Примечания

²⁸² *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 204.

²⁸³ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 558.

²⁸⁴ Цит. по: *Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. С. 104.

²⁸⁵ *Ланг А. И.* Императорская яхта «Полярная звезда» в санитарном отношении. С. 6.

²⁸⁶ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 520.

²⁸⁷ *Романов П. В.* Застольная история государства Российского. С. 149.

²⁸⁸ *Полевой Н. К.* Император Александр III в Беловеже // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 242.

²⁸⁹ *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 330.

²⁹⁰ *Буксгевден С. К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-политические тетради. 1957. Т. 67. Париж. С. 30.

²⁹¹ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 47.

²⁹² В ноябре в Крыму собирали второй урожай картошки.

²⁹³ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 373.

²⁹⁴ *Мосолов А.* При дворе императора. С. 199.

²⁹⁵ *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 481.

²⁹⁶ *Ковалевский И. И.* Аничков дворец. Из воспоминаний о своей семье // Русская мысль. Париж. 14 ноября 1974 г. № 3025.

²⁹⁷ Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005. С. 109.

²⁹⁸ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 445.

²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1 // Записная книжка Боткина Е. С. 1913–1918.

³⁰⁰ Черевин и Александр III // Голос минувшего. 1917. № 5–6. С. 96–99.

³⁰¹ Там же. С. 321.

³⁰² Мемуары графа С. Д. Шереметьева. М., 2001. С. 448.

³⁰³ *Вельяминов Н. А.* Воспоминания об Александре III // Российский архив. Вып. 5. М., 1994. С. 276.

³⁰⁴ Из дневника Н. П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 524.

³⁰⁵ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 448.

³⁰⁶ *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 321.

³⁰⁷ Померанцевый ликер.

³⁰⁸ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 494.

³⁰⁹ Там же. С. 562.

³¹⁰ Там же. С. 499.

³¹¹ *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 330.

³¹² *Буксгевден С. К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-политические тетради. Т. 67. С. 30.

³¹³ *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 123.

³¹⁴ ПСЗРИ. 1-е изд. Т. 24. № 17700; *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 81–85.

³¹⁵ *Мосолов А.* При дворе императора. С. 87.

³¹⁶ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 366. Л. 1–4 // Об уплате денег Филиппову за поставляемые к высочайшему двору калачи и проч. 1890–1891.

³¹⁷ Там же. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 110 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

³¹⁸ Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 308 // Дело об икре и рыбе. 1884; Там же. Ф. 476. Оп. 1. Д. 753 // О присланных от Уральского казачьего войска осетрах и икре. 1905.

³¹⁹ *Мосолов А.* При дворе императора. С. 199.

³²⁰ *Ковалевский И. И.* Аничков дворец. Из воспоминаний о своей семье // Русская мысль. Париж. 14 ноября 1974 г. № 3025.

³²¹ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 17 (1842). № 15503. 13 апреля.

³²² *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 4. С. 119.

³²³ *Погожев В. П.* Работы Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования их императорских величеств в 1896 г. СПб., 1897. С. 51.

³²⁴ *Куропаткин А. Н.* Из дневников // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 47.

³²⁵ Там же. С. 52.

³²⁶ *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 1. С. 87.

³²⁷ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 308. Л. 12 // О выдаче денег камер-фурьеру Ингану за купленные предметы продовольствия и употребленные к столам высочайшему и нижних чинов 26 ноября по случаю Георгиевского праздника. 1884.

Примечания

³²⁸ Там же. Л. 53.

³²⁹ Каждому из 67 поваров работа только в течение этого дня оплачивалась в 20 рублей — всего 1340 рублей.

³³⁰ Они получили по 6 рублей 82 копейки — всего 382 рубля.

³³¹ Каждый из них за вечер работы получил по 5 рублей — всего 535 рублей.

³³² Они заработали очень хорошо. Каждый из них получил по 21 рублю 22 копейки — всего 573 рубля. Конечно, работы по приведению кухни в порядок было много, но все 1600 человек нижних чинов георгиевских кавалеров всю посуду уносили с собой, и ее не надо было мыть.

³³³ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 308. Л. 18 // О выдаче денег камер-фурьеру Ингано за купленные предметы продовольствия и употребленные к столам высочайшему и нижних чинов 26 ноября по случаю Георгиевского праздника. 1884.

³³⁴ На трехклассном обеде присутствовали особы первых трех классов по «Табели о рангах».

³³⁵ *Корф М.* Записки. С. 375.

³³⁶ Обер-гофмейстрина, гофмейстрины их величеств государынь императриц, статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстрины их императорских высочеств великих княгинь, свитные фрейлины императриц и великих княгинь, члены Государственного совета, министры и главноуправляющие, сенаторы, статс-секретари, почетные опекуны, придворные чины и кавалеры, генерал-адъютанты, Свиты его величества генерал-майоры, флигель-адъютанты, адъютанты великих князей, кавалеры, состоящие при императорских детях, генералы и адмиралы, гражданские чины II и III классов, отставные военные и гражданские чины II и III классов, супруги и дочери вышеописанных особ и прочие дамы II, III и IV классов, имевшие счастье быть представленными их величествам государыням императрицам, все особы дипломатического корпуса с супругами и дочерьми, именитые иностранцы; из действительных статских советников: исправляющие должность статс-секретарей Государственного совета и их помощники, члены Совета министерств, обер-прокуроры и их товарищи Правительствующего сената, а также состоящие за обер-прокурорским столом прокуроры и товарищи прокуроров судебных палат, прокуроры окружных судов, председатели судебных палат и окружных судов, попечители учебных округов, в Санкт-Петербурге находящиеся, ректоры университетов, находящиеся в Петербурге, занимающие по министерствам должности IV класса, вице-директоры департаментов и занимающие соответственные им должности, помощники начальника Главного управления уделов, члены консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, лейб-медики, лейб-хирурги, лейб-акушеры, а равно лица, носящие почетные звания при дворе их императорского величества, все начальники губерний и губернские предводители дворянства, находящиеся в Петербурге.

Примечания

Кроме этого приглашались: секретари императриц, уездные предводители дворянства, полковники гвардии, армии, по флоту капитаны 1 ранга, кавалеры ордена Святого Георгия 3-й и 4-й степеней, подполковники армии и капитаны 2 ранга флота, по особому каждому раз назначению; дамы, бывшие фрейлинами. См.: Положение о выходах при высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о представлении их императорским величествам, о приглашениях на балы и другие при дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий // *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 130.

³³⁷ *Несин В. Н.* Зимний дворец в царствование императора Николая II. С. 110.

³³⁸ Цит. по: *Романов П. В.* Застольная история государства Российского. С. 144.

³³⁹ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 702.

³⁴⁰ Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 407.

³⁴¹ Там же. С. 416.

³⁴² *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 199–200.

³⁴³ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 171.

³⁴⁴ *Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. С. 422.

³⁴⁵ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 49.

³⁴⁶ *Ден Л.* Подлинная царица. С. 44.

³⁴⁷ *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 122.

³⁴⁸ *Тихменев Н. М.* Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925. С. 12.

³⁴⁹ *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 122.

³⁵⁰ Там же. С. 123.

³⁵¹ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 356.

³⁵² Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886–1919. С. 198.

³⁵³ В 1742 г. был единственный случай пожалования в статс-дамы девицы — графини Марии Симоновны Гендриковой, двоюродной сестры императрицы Елизаветы Петровны.

³⁵⁴ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 257.

Примечания

- ³⁵⁵ Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII — начала XX века. Каталог выставки. М., 2005. С. 32.
- ³⁵⁶ Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 260.
- ³⁵⁷ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 66.
- ³⁵⁸ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. С. 165.
- ³⁵⁹ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 187.
- ³⁶⁰ *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 113.
- ³⁶¹ Там же. С. 119.
- ³⁶² *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 85.
- ³⁶³ Там же. С. 79.
- ³⁶⁴ Там же. С. 96.
- ³⁶⁵ Там же. С. 264.
- ³⁶⁶ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 67.
- ³⁶⁷ Там же. С. 88.
- ³⁶⁸ Анна Тютчева // Тайны царского двора (из записок фрейлин). Сборник. М., 1997. С. 219.
- ³⁶⁹ Анна Тютчева // Тайны царского двора (из записок фрейлин). Сборник. С. 173.
- ³⁷⁰ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 273. Л. 91.
- ³⁷¹ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 167.
- ³⁷² Сейчас это залы № 314, 332 — французское искусство второй половины XIX в. Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. СПб., 1999.
- ³⁷³ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 168.
- ³⁷⁴ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 90.
- ³⁷⁵ Там же. С. 91.
- ³⁷⁶ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 21.
- ³⁷⁷ Анна Тютчева // Тайны царского двора (из записок фрейлин). Сборник. С. 194.
- ³⁷⁸ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 453.
- ³⁷⁹ Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 114.

Примечания

³⁸⁰ ПСЗРИ. Высочайше утвержденный придворный штат 30 декабря 1796 г. № 17700.

³⁸¹ ПСЗРИ. О назначении комплектного числа фрейлин их величеств государынь императриц. 16 февраля 1826 г. № 152.

³⁸² Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 195.

³⁸³ Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 263.

³⁸⁴ См.: РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2964. Л. 28 // Списки статс-дам, фрейлин, камер-фрейлин. 1869–1907.

³⁸⁵ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 97.

³⁸⁶ Там же. С. 363.

³⁸⁷ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 613.

³⁸⁸ Цит. по: *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 36.

³⁸⁹ *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. С. 174.

³⁹⁰ *Корф М.* Записки. С. 227.

³⁹¹ Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 309.

³⁹² ПСЗРИ. Высочайше утвержденный придворный штат 30 декабря 1796 г. № 17700.

³⁹³ Н. Ф. Арндт — лейб-медик Николая I.

³⁹⁴ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 168.

³⁹⁵ РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 340. Л. 29 // О расходах по сопровождению фрейлины Тютчевой 2-й за границу. 1859.

³⁹⁶ *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 174.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 200.

³⁹⁹ Фрейлина О. Калиновская.

⁴⁰⁰ Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 155.

⁴⁰¹ А. Ф. Тютчева прожила в Зимнем дворце с 1853 по 1866 г. Сначала в роли фрейлины цесаревны, затем — императрицы Марии Александровны. В 1860-х гг. она стала воспитательницей единственной дочери Александра II — великой княжны Марии

Примечания

Александровны. В конце 1865 г. А. Ф. Тютчева уехала в Москву, где 12 января 1866 г. состоялась ее свадьба.

⁴⁰² Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 452.

⁴⁰³ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 116–117.

⁴⁰⁴ Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 388.

⁴⁰⁵ Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева.

⁴⁰⁶ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. С. 164.

⁴⁰⁷ Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 452.

⁴⁰⁸ *Мосолов А.* Из записок «При дворе императора» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 69.

⁴⁰⁹ Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 212.

⁴¹⁰ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 205.

⁴¹¹ *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 221.

⁴¹² ПСЗРИ. 2-е изд. Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору. № 6861. 27 февраля 1834 г.

⁴¹³ *Корф М.* Записки. С. 137.

⁴¹⁴ *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 111.

⁴¹⁵ *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. С. 484.

⁴¹⁶ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 654.

⁴¹⁷ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 269.

⁴¹⁸ *Мамонтов В. И.* На государевой службе. Воспоминания. С. 147.

⁴¹⁹ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 270.

⁴²⁰ Там же. С. 229.

⁴²¹ Там же. С. 263.

⁴²² *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 24.

⁴²³ Там же. С. 25.

⁴²⁴ Там же. С. 27.

Примечания

⁴²⁵ Там же. С. 30.

⁴²⁶ *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. С. 184.

⁴²⁷ К императрице Александре Федоровне в Александровский дворец приглашали профессора Консерватории Н. А. Ирецкую, которая «ставила голос» императрице. Надо заметить, что, по словам Вырубовой, Николай II с большим скепсисом относился к музыкальным талантам своей жены. По крайней мере, он не особенно любил слушать ее пение.

⁴²⁸ Она дежурила в Александровском дворце по средам и пятницам.

⁴²⁹ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1596 // О бракосочетании фрейлины А. А. Таневой с лейтенантом Вырубовым в высочайшем присутствии в Большом Царскосельском дворце 30 апреля 1907 г. 32 л.

⁴³⁰ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 33.

⁴³¹ *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. С. 175.

⁴³² Александра Васильевна Богданович вела свой дневник с 11 февраля 1879 г. по 20 июня 1912 г.

⁴³³ Царская семья перешла на судно конвоя «Азия», на котором находилась охрана, а затем на яхту «Александрия».

⁴³⁴ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 456.

⁴³⁵ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 36.

⁴³⁶ Видимо, это произошло в сентябре 1908 г., поскольку в июне 1908 г. А. В. Богданович упомянула в дневнике, что в столице «много говорят о разводе Таневой с мужем, Вырубовым», то есть семейная жизнь Анны Вырубовой продолжалась полтора года. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Вырубова указала, что ее супружество продолжалось 18 месяцев.

⁴³⁷ *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. С. 175.

⁴³⁸ *Бобринский А. А.* Дневник. 1910–1911 // Красный архив. Т. 1. С. 144.

⁴³⁹ *Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах». Берлин, 1920.

⁴⁴⁰ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 358.

⁴⁴¹ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Т. 1. С. 86.

⁴⁴² РГИА. Ф. 525. Оп. 1. (211/2709). Д. 58. Л. 1.

Примечания

- ⁴⁴³ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. История любви. С. 304.
- ⁴⁴⁴ Кочубей Дарья Евгеньевна (Долли) — урожд. герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке — баронесса Гревениц.
- ⁴⁴⁵ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 459.
- ⁴⁴⁶ *Танеева А. (Вырубова)* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 99.
- ⁴⁴⁷ Радциг Н. А. — камердинер Николая II с 1875 г.
- ⁴⁴⁸ Шалберов Николай Филиппович — камердинер Николая II.
- ⁴⁴⁹ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 465.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 466.
- ⁴⁵¹ *Богданович А. В.* Дневник. Три последних самодержца. М., 1924. С. 453.
- ⁴⁵² Дедюлин Владимир Александрович (1858–1913) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, петербургский градоначальник (1905), дворцовый комендант (1906–1913).
- ⁴⁵³ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 467.
- ⁴⁵⁴ Гириш Густав Иванович (1829–1907) — с 1866 г. доктор наследника цесаревича Александра Александровича, с 1868 г. почетный лейб-хирург, с 1875 г. лейб-хирург, в 1883 г. был назначен лейб-хирургом Александра III с зачислением на службу при Императорской Главной квартире.
- ⁴⁵⁵ Боткин Евгений Сергеевич (1865–1918) — приват-доцент ВМА (1897), участник Русско-японской войны (1904–1905), с 1908 г. лейб-медик Николая II.
- ⁴⁵⁶ Знаменитостью является старший брат Е. С. Боткина — хирург С. С. Боткин.
- ⁴⁵⁷ *Танеева А. (Вырубова)* Страницы из моей жизни. С. 21.
- ⁴⁵⁸ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 483.
- ⁴⁵⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. Л. 2.
- ⁴⁶⁰ Рейн Георгий Ермолаевич (род. 1854 г.) — академик, почетный лейб-хирург, председатель Медицинского совета МВД, в 1917 г. министр здравоохранения.
- ⁴⁶¹ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 478.
- ⁴⁶² *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. История любви. С. 323.
- ⁴⁶³ Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. М., 1998. С. 323.
- ⁴⁶⁴ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. История любви. С. 323.
- ⁴⁶⁵ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 57.
- ⁴⁶⁶ *Боханов А.* Российский императорский дом. М., 1992. С. 81.
- ⁴⁶⁷ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. Т. 1–2 (50–51). М., 1932. С. 193.
- ⁴⁶⁸ *Бобринский А. А.* Дневник. 1910–1911 // Красный архив. Т. 1. С. 140.

Примечания

- ⁴⁶⁹ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 493.
- ⁴⁷⁰ *Ден Л.* Подлинная царица. С. 46.
- ⁴⁷¹ Там же. С. 61.
- ⁴⁷² Там же. С. 64.
- ⁴⁷³ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. История любви. С. 311.
- ⁴⁷⁴ *Боханов А.* Император Николай II. М., 1998. С. 292.
- ⁴⁷⁵ *Духовник царской семьи святитель Феофан Полтавский.* М., 1994. С. 46.
- ⁴⁷⁶ Гедройц Вера Игнатьевна (1870–1931) — княжна, хирург, с 1908 г. старший врач Царскоевского госпиталя, в августе 1914 г. обучала императрицу Александру Федоровну медицине, которая впоследствии ассистировала ей на операциях, заведующая кафедрой факультетской хирургии Киевского университета (1929).
- ⁴⁷⁷ Фрейлина М. Д. Нирод родилась 24 мая 1879 г. (урожд. Муханова). В 1903 г. она вышла замуж за поручика лейб-гвардии Конного полка графа Ф. М. Нирода.
- ⁴⁷⁸ Воспоминания И. Д. Авдиевой // Лица. Биографический альманах. Т. 1. М., СПб., 1992.
- ⁴⁷⁹ *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. С. 216.
- ⁴⁸⁰ *Спиридович А. И.* Война и Февральская революция. Т. 3. С. 54.
- ⁴⁸¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. IV. Л., 1925. С. 8.
- ⁴⁸² Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 406. В литературе встречаются упоминания, что в конце XVIII в. число обитателей Зимнего дворца достигало трех тысяч человек. См.: *Кудрявцева Т. В.* Приемы в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII — первая треть XIX в. С. 76.
- ⁴⁸³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 2. Л. 55 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.
- ⁴⁸⁴ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 297.
- ⁴⁸⁵ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 834. 21 января.
- ⁴⁸⁶ Там же. Т. 14 (1839). № 12954. 7 декабря.
- ⁴⁸⁷ Там же. Т. 15 (1840). № 13762. 7 сентября.
- ⁴⁸⁸ Там же. Т. 27 (1852). № 26860. 15 декабря.
- ⁴⁸⁹ Там же. Т. 3 (1828). № 1839. 2 марта.
- ⁴⁹⁰ Там же. № 2078. 5 июня.
- ⁴⁹¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.
- ⁴⁹² *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 69.

Примечания

- ⁴⁹³ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 1. № 728 (1825–1826). 5 декабря.
- ⁴⁹⁴ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 105.
- ⁴⁹⁵ *Шереметев С. Д.* Письма с Рушукского отряда 1877 года. СПб., 1898. С. 7.
- ⁴⁹⁶ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 117.
- ⁴⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 72–73 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.
- ⁴⁹⁸ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. С. 122.
- ⁴⁹⁹ Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. С. 34.
- ⁵⁰⁰ Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. IX. М., 1999. С. 233.
- ⁵⁰¹ Там же. С. 227.
- ⁵⁰² Александр III // Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 450.
- ⁵⁰³ Там же. С. 426.
- ⁵⁰⁴ Там же. С. 450.
- ⁵⁰⁵ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 125.
- ⁵⁰⁶ *Буксевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 102.
- ⁵⁰⁷ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 22.
- ⁵⁰⁸ *Шульгин В. В.* Из книги «Дни» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 466.
- ⁵⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.
- ⁵¹⁰ Там же.
- ⁵¹¹ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 7.
- ⁵¹² РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1279 // Об отказе персидскому подданному в определении в число арапов. 1855.
- ⁵¹³ Там же. Оп. 4. Д. 52 // Об определении вновь ко двору араба Яну и арапчонка Алмаза. 1786.
- ⁵¹⁴ Там же. Оп. 5. Д. 823 // Об исключении из списков умершего араба Жан Луи Робинзона. 1837.
- ⁵¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 56 // Об определении араба Александра Алексева.

- ⁵¹⁶ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 111 // Рукописи П. Н. Столпянского.
- ⁵¹⁷ *Галушкин Н. В.* Собственный его императорского величества конвой. М., 2004. С. 38.
- ⁵¹⁸ Иногда их называли ординарцами царя.
- ⁵¹⁹ *Галушкин Н. В.* Собственный его императорского величества конвой. С. 41.
- ⁵²⁰ *Ящик Т. К.* Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004. С. 67.
- ⁵²¹ *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896. Л. 110.
- ⁵²² *Витте С. Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 273.
- ⁵²³ *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 1. С. 88.
- ⁵²⁴ *Скурлов В. В.* Человеческие фигурки. Карл Фаберже и его продолжатели // Антикварное обозрение. 2005. № 3. С. 52.
- ⁵²⁵ Остальные награды: серебряная медаль «За усердие» на Станиславской ленте (1883), серебряная медаль в память Александра III (1896), серебряная медаль в память Святого коронования императора Николая II (1896), золотая медаль «За усердие» на Станиславской ленте (1896), золотая медаль «За усердие» на Аннинской ленте (1901), датская золотая медаль (1895), французская золотая медаль (1902), бухарская малая золотая медаль (1898); мекленбург-шверинская серебряная медаль «За заслуги» (1908).
- ⁵²⁶ Фаберже. Ювелир Романовых. М., 2005. С. 177.
- ⁵²⁷ *Ящик Т. К.* Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. С. 45.
- ⁵²⁸ Там же. С. 47.
- ⁵²⁹ Там же.
- ⁵³⁰ Там же.
- ⁵³¹ Там же.
- ⁵³² Там же.
- ⁵³³ Там же.
- ⁵³⁴ Там же. С. 65.
- ⁵³⁵ Там же.
- ⁵³⁶ Там же. С. 89.
- ⁵³⁷ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 243.
- ⁵³⁸ Там же.
- ⁵³⁹ *Ден Л.* Подлинная царица. С. 41.
- ⁵⁴⁰ Там же. С. 51.

Примечания

- ⁵⁴¹ Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Каталог выставки. СПб., 2002. С. 64.
- ⁵⁴² Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 67.
- ⁵⁴³ *Муррей Ч.* Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 328.
- ⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 449. Л. 1 // О пребывании государыни императрицы в Ливадии и по возвращению отсюда в Санкт-Петербург в 1863 г. 1863–1864.
- ⁵⁴⁵ Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 449. Л. 3 // О распоряжениях и расходах по путешествию их императорских величеств в финляндские шхеры. 1888.
- ⁵⁴⁶ *Ланг А. И.* Императорская яхта «Полярная звезда» в санитарном отношении. С. 21.
- ⁵⁴⁷ Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 286.
- ⁵⁴⁸ *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 1. С. 88.
- ⁵⁴⁹ *Волков А. А.* Около царской семьи. М., 1993. С. 49.
- ⁵⁵⁰ Портфель графа А. Х. Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 337.
- ⁵⁵¹ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 317.
- ⁵⁵² *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 45.
- ⁵⁵³ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 263.
- ⁵⁵⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 173. Л. 1–4 // Об увольнении на время от дежурства истопника комнат его величества Павлова, изъявившего желание обучаться морской живописи у профессора Айвазовского. 1848–1849.
- ⁵⁵⁵ Письма А. Ф. Тютчевой к m-lle Гранси // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 539.
- ⁵⁵⁶ *Блудов Д. Н.* Завещание и последние дни жизни императора Николая I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 412.
- ⁵⁵⁷ *Кропоткин П. А.* Записки революционера // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 135.
- ⁵⁵⁸ Там же. С. 136.
- ⁵⁵⁹ *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. С. 450.
- ⁵⁶⁰ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 1596. 6 декабря.
- ⁵⁶¹ Там же. № 1073. 4 мая.

Примечания

- ⁵⁶² ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 14 (1839). № 12052. 25 февраля.
- ⁵⁶³ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1085. Л. 1–2 // Об учреждении женского отделения при школе придворнослужительских детей. 1854.
- ⁵⁶⁴ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 29 (1854). № 28018. 12 марта.
- ⁵⁶⁵ Там же. Т. 38 (1863). № 39883. 16 июля // Упразднение школы для сыновей служителей и мастеровых придворного ведомства с особым при ней отделением для дочерей придворнослужителей.
- ⁵⁶⁶ О придворнослужительских детях // Библиотека РГИА. Б. м. б. д. С. 3.
- ⁵⁶⁷ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 5 (1830). № 4189. 13 декабря.
- ⁵⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 109 // Рукописи П. Н. Столпянского по истории Зимнего дворца.
- ⁵⁶⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 82. Л. 79 // Об укомплектовании мастерской роты. 1851.
- ⁵⁷⁰ Там же. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 38 // Переписка об охране дворцов. 1892–1916.
- ⁵⁷¹ Там же. Ф. 469. Оп. 11. Д. 19. Л. 3 // Высочайше утвержденные 28 ноября 1858 г. Правила о замене вольнонаемными людьми нижних чинов инвалидных рот, мастеровых и других команд. 1858–1859.
- ⁵⁷² Там же. Л. 8.
- ⁵⁷³ Там же. Л. 7.
- ⁵⁷⁴ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 16.
- ⁵⁷⁵ *Мосолов А.* При дворе императора. С. 198.
- ⁵⁷⁶ Там же. С. 87.
- ⁵⁷⁷ *Кучумов А. М.* Статьи. Воспоминания. Письма. С. 36.
- ⁵⁷⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.
- ⁵⁷⁹ Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. С. 7.
- ⁵⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.
- ⁵⁸¹ Там же. Ф. 650. Д. 1069. Л. 37 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.
- ⁵⁸² *Тоесева А.* Ипполит Монигетти — архитектор высочайшего двора // Наше наследие. 2003. № 3.
- ⁵⁸³ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 110 // Рукописи П. Н. Столпянского по истории Зимнего дворца.
- ⁵⁸⁴ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 102.

Примечания

⁵⁸⁵ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 299.

⁵⁸⁶ *Фон Швейниц Г.-Л.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 173.

⁵⁸⁷ Положение об управлении императорским Зимним дворцом. СПб., 1840. С. 30–32.

⁵⁸⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 42. (497/2724). Д. 97. Л. 2–27 // О форме одежды служащим при гараже. 1908.

⁵⁸⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 17. Т. 1. Д. 1145. Л. 12 // Смета расходов по Собственному его величества гаражу на 1909 г.

⁵⁹⁰ Там же. Ф. 482. Оп. 10. Д. 803. Л. 2.

⁵⁹¹ Там же. Ф. 472. Оп. 41. (509/2741). Д. 100 // Положение об управлении Собственного его величества гаражами и штате управления. 1914.

⁵⁹² В 1908 г. штат гаража составлял 26 человек.

⁵⁹³ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1047. Л. 8 об., 13 об. // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1798 года.

⁵⁹⁴ Там же. Д. 1050. Л. 11 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1801 года.

⁵⁹⁵ Там же. Д. 1056. Л. 12 об. // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1807 года.

⁵⁹⁶ Там же. Д. 1059. Л. 42 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 года.

⁵⁹⁷ Там же. Д. 1072 // Гардеробные суммы. 1844–1847.

⁵⁹⁸ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 1. (1825–1827). № 45. 12 января.

⁵⁹⁹ Там же. Т. 11 (1836). № 8917.

⁶⁰⁰ РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 183. Л. 2–5 // Список крестников и крестниц высочайших особ (дети служащих при дворце). 1900.

⁶⁰¹ *Ден Л.* Подлинная царица. С. 31.

⁶⁰² РГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 461. Л. 1 // О наказании золотарного ученика. 1794.

⁶⁰³ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 1 (1825–1827). № 757. 15 декабря.

⁶⁰⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 39 (223/2732). Д. 13. Л. 5 // О похищенных из Эрмитажа медалей. 1828–1833.

⁶⁰⁵ Там же. Ф. 1338. Оп. 3 (54/117). Д. 19. Л. 3 // О покраже вещей из комнат императрицы в собственном дворце истопником Михайловым и полотером Чукасовым. 1839–1840.

⁶⁰⁶ *Корф М.* Записки. С. 285.

Примечания

⁶⁰⁷ РГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 461. Л. 30 // О предании военному суду работников Бубнова, Абросимова, Селверстова и истопника Иванова за похищение 12 штор. 1851–1852.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 51–53.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 58.

⁶¹⁰ *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 204.

⁶¹¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 567. Л. 1–5 // Об отдаче истопника Киселева за кражу шинели в крепостные арестанты на 10 лет. 1851–1852.

⁶¹² Там же. Оп. 5. Д. 1882. Л. 2–3 // О потерянном бриллианте, выпавшем во время выхода при высочайшем дворе 1 января 1840 г. у одной из пуговиц, украшавших платье государыни великой княжны Марии Михайловны. 1840.

⁶¹³ *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. С. 70.

⁶¹⁴ *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. С. 272.

⁶¹⁵ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 18 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к его величеству в бытность его наследником цесаревичем.

⁶¹⁶ Там же. Л. 33.

⁶¹⁷ Там же. Л. 41.

⁶¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 55 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

⁶¹⁹ РГИА. Ф. 548. Оп. 1. Д. 1326. Л. 2 // О похищении с половины великой княгини Екатерины Михайловны бронзовых часов. 1858.

⁶²⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 65 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

⁶²¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 354. Л. 4 // О пропаже 972 рублей из молельной комнаты Придворного собора. 1868.

⁶²² Там же. Д. 216. Л. 21 // О похищении из Малой церкви Зимнего дворца серебряных церковных вещей. 1868–1869.

⁶²³ Там же. Л. 6.

⁶²⁴ РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 281. Л. 9 // О похищении вина из погреба Александровского дворца. 1882.

⁶²⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 53 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

⁶²⁶ РГИА. Ф. 336. Оп. 1. Д. 93. Л. 13 // Об отпуске и назначении разным особам и лицам высочайшего двора содержания. 1884–1885.

⁶²⁷ *Мосолов А.* При дворе императора. С. 40.

Примечания

⁶²⁸ РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 139. Л. 2–4 // О краже, совершенной крестьянином Архиповым в квартире светлейшей княгини Голицыной в Зимнем дворце, а также по вопросу об охране Зимнего дворца. 1904.

⁶²⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (443/2375). Д. 79. Л. 4 // О пожаловании японскому принцу Фусими второй коллекции коронационных медалей взамен похищенной у его высочества. 1898.

⁶³⁰ Там же. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 101 // Переписка об охране дворцов. 1892–1916.

⁶³¹ Там же. Ф. 472. Оп. 42 (510/2742). Д. 58. Л. 5 // О краже серебряных предметов из императорского Гатчинского дворца. 1910.

⁶³² Там же. Ф. 475. Оп. 2. Д. 67. Л. 15 // Рапорта смотрителей Зимнего дворца и комнатного имущества и переписка о краже имущества. Сведения о повреждении имущества во время Октябрьского штурма Зимнего дворца. 1917–1918.

⁶³³ Там же. Л. 45.

⁶³⁴ Там же. Л. 3.

⁶³⁵ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 404.

⁶³⁶ Там же. С. 411.

⁶³⁷ Там же. С. 436.

⁶³⁸ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 473. Л. 1 // По выяснению некоторых вопросов, связанных с отречением императора Николая II от престола. 1917.

⁶³⁹ *Григорович В. Д.* Петергоф. Описание предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1885. С. 138.

⁶⁴⁰ *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 335–336.

⁶⁴¹ Английский врач Роджерсон был личным лейб-хирургом императрицы Екатерины II.

⁶⁴² *Первушина Е. В.* Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007. С. 314–315.

⁶⁴³ *Пыляев М. М.* Старый Петербург. М., 1990. С. 396–397.

⁶⁴⁴ Цит. по: *Булгакова Т.* Любимцы императорской семьи // Наше наследие. 2005. С. 45.

⁶⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. 8, 12–12 об., 21 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1801 года.

⁶⁴⁶ Там же. Д. 1052. Л. 15 // Книга расхода и прихода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1803 года.

⁶⁴⁷ Там же. Д. 1069. Л. 9 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

Примечания

- ⁶⁴⁸ Там же. Л. 25.
- ⁶⁴⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 324. Л. 1 // О выписанных из Англии трех собачках по повелению государыни императрицы. 1853.
- ⁶⁵⁰ ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34 (1859). № 34889. 1859. 8 сентября // Высочайше утвержденный штат Коноушенному отделению его императорского высочества государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.
- ⁶⁵¹ *Григорович В. Д.* Петергоф. Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение. С. 31.
- ⁶⁵² Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 221.
- ⁶⁵³ Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 155.
- ⁶⁵⁴ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2007 // Об уплате егерю Петру Васильеву денег за нахождение у него на корму для дрессировки собаки из породы сеттер, принадлежащей государю императору. 1867–1869.
- ⁶⁵⁵ Там же. Д. 1962 // Об отправлении по высочайшему повелению на всемирную выставку в Париже своры его величества борзых собак. 1868.
- ⁶⁵⁶ Придворная охота. М., 2002. С. 258–259.
- ⁶⁵⁷ Большой датский дог. Библиотека американского клуба собаководства. М., 1998. С. 26, 29.
- ⁶⁵⁸ *Сабанеев Л.* Собаки охотничьи. Кн. 1. М., 1992. С. 139.
- ⁶⁵⁹ *Булгакова Т.* Любимцы императорской семьи // Наше наследие. 2005.
- ⁶⁶⁰ Там же.
- ⁶⁶¹ В 1850 г. в этом садике был установлен бюст императора Александра I (архитектор А. Тербенев), по имени которого и было названо это место. В 1925 г. в путеводителе В. Курбатова этот садик был назван Собачим садом.
- ⁶⁶² *Тютчева А.* При дворе двух императоров. С. 104.
- ⁶⁶³ *Оглоблина Л. Н.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 241.
- ⁶⁶⁴ Легенды, мифы, предания. М., 1992. С. 37.
- ⁶⁶⁵ Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. С. 88.
- ⁶⁶⁶ РГИА. Ф. 536. Оп. 2. Д. 29. Л. 4 // Переписка об уплате расходов за прокормление императорских собак и об отпуске для них медикаментов. 1882.
- ⁶⁶⁷ РГИА. Ф. 536. Оп. 2. Д. 29 // Об уплате расходов за прокорм собак и отпуск для них медикаментов. 1882.

Примечания

⁶⁶⁸ Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. IX. М., 1999. С. 218.

⁶⁶⁹ Там же. С. 220.

⁶⁷⁰ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. С. 19.

⁶⁷¹ *Боханов А.* Судьба императрицы. М., 2004. С. 242.

⁶⁷² *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 196.

⁶⁷³ Там же. С. 205.

⁶⁷⁴ Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. IX. С. 227.

⁶⁷⁵ Великая княгиня Елизавета Федоровна была старшей сестрой императрицы Александры Федоровны, жены Николая II.

⁶⁷⁶ Сейчас это сквер с фонтаном около северо-западного ризалита Зимнего дворца, обращенный в сторону Адмиралтейства и Дворцового моста. От двухметровой ограды с решеткой остался невысокий гранитный бордюр.

⁶⁷⁷ *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 224.

⁶⁷⁸ Российский императорский дом. М., 1992. С. 69.

⁶⁷⁹ *Танеева А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. С. 62.

⁶⁸⁰ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 743 // Об уплате денег за прокорм и содержание собак, принадлежащих императорской семье. 1901.

⁶⁸¹ *Буксгевден С. К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-политические тетради. Т. 67. С. 29.

⁶⁸² ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1693. Журнал императорской охоты № 9, составленный ловчим Владимиром Романовичем Дицем. 1906–1910.

⁶⁸³ *Ден Л.* Подлинная царица. С. 55.

⁶⁸⁴ *Светлани Г., Капков С.* Товарищ его высочества. С. 87.

Список источников и литературы

Законодательные акты

- ПСЗРИ. 1-е изд. 1811 г. № 24325.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 1368. 9 сентября.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 3 (1828). № 2050. 24 мая.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 8 (1833). № 6153. 27 апреля.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 9 (1834). № 6728. 17 января.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 9 (1834). № 7019. 22 апреля.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 15 (1840). № 13 354. 7 апреля.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 20 (1845). № 18 791. 1 марта.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34 (1859). № 34 889. 8 сентября.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. XLII (1867). № 45 263. 9 декабря.
ПСЗРИ. 2-е изд. Т. XLIII (1868). № 46 366. 17 октября.

Архивные источники

- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки*
ОР РНБ. Ф. 601. Фонд Половцевых.
ОР РНБ. Ф. 650. Фонд Романовых.
ОР РНБ. Ф. 741 // Рукописи П. Н. Столянского по истории Зимнего дворца.
ОР РНБ. Ф. 1000. Фонд разнородных материалов // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

Список источников и литературы

Государственный архив Российской Федерации

ГАРФ. Ф. 470. Фонд Боткина Е. С.

ГАРФ. Ф. 601. Фонд Николая II.

ГАРФ. Ф. 677. Фонд Александра III.

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 237. Фонд Инспекции императорских поездов.

РГИА. Ф. 336.

РГИА. Ф. 468. Фонд Кабинета его императорского величества Николая II.

РГИА. Ф. 469. Фонд Придворной его императорского величества конторы.

РГИА. Ф. 472. Фонд канцелярии Министерства императорского двора.

РГИА. Ф. 474. Фонд Управления собственным его величества дворцом.

РГИА. Ф. 475. Фонд Петербургского дворцового управления.

РГИА. Ф. 476.

РГИА. Ф. 479. Фонд управления придворно-медицинской части.

РГИА. Ф. 525. Фонд канцелярии императрицы Александры Федоровны.

РГИА. Ф. 536. Фонд Главного дворцового управления.

РГИА. Ф. 548.

РГИА. Ф. 1338.

РГИА. Ф. 1614. Фонд графов Адлербергов.

Эпистолярные источники

Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008.

Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. Т. 1–2. М., 1932.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. М., 1998.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. III. СПб., 1885.

Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. IX. М., 1999.

Царское Село. 19 мая 1858 г. Письмо императора Александра II к кн. И. А. Барятинскому // Вопросы истории. 2006. № 12.

Шереметев С. Д. Письма с Рушукского отряда 1877 года. СПб., 1898.

Документы и справочники

Барышников М. Н. Деловой мир Санкт-Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000.

Список источников и литературы

- Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. 77. СПб., 1903.
- Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002.
- Высочайше утвержденный церемониал святого миропомазания ее королевского высочества Марии Софии Фредерики Дагмар, принцессы датской. СПб., 1866.
- Высочайше утвержденный порядок торжественного выхода в Зимнем дворце, 26 ноября 1884 года, в день Орденского праздника Св. Великомученика и Победоносца Георгия. СПб., 1884.
- Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб., 2002.
- Обзор деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901.
- Отчет о деятельности Санкт-Петербургского дворцового управления за 1904 г. // Библиотека РГИА. Б. м. Б. д.
- Отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в распоряжение ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны, на нужды войны за 1914 г. Пг., 1915.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. IV. Л., 1925.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. VII. М., 1927.
- Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005.
- Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 3. СПб., 1896.
- Положение об управлении императорским Зимним дворцом. СПб., 1840.
- Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. М., 2004.
- Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. М., 2006.
- Список лицам, получившим подарки из Кабинета его величества. 1891–1916. СПб., 2003.

Сборники воспоминаний

- Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.
- Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.
- Александр III в Гатчине. СПб., 2001.
- Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002.

Список источников и литературы

- Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006.
- Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. М., 2007.
- Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005.
- Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. М., 1996.
- Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000.
- Николай Первый и его время. Т. 1–2. М., 2000.
- Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007.
- Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
- Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. IX. М., 1999.
- Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.
- Тайны царского двора (из записок фрейлин). Сборник. М., 1997.
- Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.

Дневники и мемуарная литература

- Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М., 1991.
- Баронесса Крюденер*. Неизданные автобиографические тексты. М., 1998.
- Блок А.* Последние дни старого режима // Былое. 1919. № 15.
- Бобринский А. А.* Дневник. 1910–1911 // Красный архив. Т. 1. М., 1928.
- Богданович А. В.* Дневник. Три последних самодержца. М., 1924.
- Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990.
- Бризак Р.* Река жизни // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2006. № 9–10.
- Буксгевден С. К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-исторические тетради. 1957. Т. 67. Париж.
- Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М., 2006.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.
- Вельяминов Н. А.* Воспоминания об Александре III // Российский архив. Вып. 5. М., 1994.
- Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1–2. М., 1960.
- Войков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II. Гельсинфорс, 1936.

Список источников и литературы

- Волков А. А.* Около царской семьи. М., 1993.
Воорес Й. Последняя великая княгиня. СПб., 2003.
Воспоминания И. Д. Авдиевой // Лица. Биографический альманах. Т. 1. М., СПб., 1992.
Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985.
Гуль Р. Я унес Россию. В 2-х т. Нью-Йорк. Т. 2. 1984.
Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997.
Ден Л. Подлинная царица. СПб., 2003.
Дневник А. А. Половцева // Красный архив. Т. III. 1923.
Дневник императора Николая II. 1890–1906. Париж., 1980.
Дневник Николая II. М., 1991.
Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923). М., 2005.
Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991.
Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 10.
Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996.
Из дневника кн. В. Орлова // Былое. 1919. № 14.
Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989.
К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998.
Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Пг., 1923.
Клейнмихель М. Э. Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001.
Коковцов В. Н. Из моего прошлого (1903–1919). Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004.
Корф М. А. Записки. М., 2003.
Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 5. Л., 1929.
Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990.
Куропаткин А. Н. Дневник. Н. Новгород, 1923.
Кучумов А. М. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004.
Кюстин де А. Николаевская Россия. М., 1910.
Лаферте В. Александр II. М., 2004.
Лемке М. 250 дней в Царской ставке. Пг., 1920.
Мамонтов В. И. На государственной службе. Воспоминания. Таллин. 1926.
Мельник Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.

Список источников и литературы

- Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001.
Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990.
Мосолов А. При дворе императора. Рига, 1936.
Мосолов А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.
Палеолог М. Дневник посла. М., 2003.
Панкратов В. С. С царем в Тобольске // Былое. Л., 1924. № 25–26.
Половцев А. А. Дневник государственного секретаря. В 2-х т. Т. 2 (1887–1892). М., 2005.
Пурталес. Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. М., 1923.
Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999.
Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1929.
Светлани Г., Капков С. Товарищ его высочества. СПб., 2002.
Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Т. 1–3.
Танеева А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Берлин, 1923.
Неизвестные фрагменты «Воспоминаний» А. Вырубовой // Родина. № 2. 1998.
Тихменев Н. М. Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925.
Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990.
Шварц А. Н. Мои воспоминания о государе. М., 1994.
Шереметев С. Д. Полковые воспоминания. СПб., 1898.
Шуленбург В. Э. Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж, 1928.
Феоктистов Е. М. За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001.
Юсуфов Ф. Ф. Воспоминания. М., 1990.
Ящик Т. К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004.

Периодика

- Бологовская Н. П.* Моя Ливадия // Русская мысль. Париж. 1989. 30 июня.
Вечерний Челябинск. 10.09.2002. Размещено на сервере <http://www.chelpress.ru/>.
Всемирная иллюстрация. 1883. № 737.
Киселев С. Императорские поезда в России // Антик. Инфо. 2004. № 9.

Список источников и литературы

- Ковалевский И. И.* Аничков дворец. Из воспоминаний о своей семье // Русская мысль. Париж. 1974. № 3025.
Крымские известия. 2005. № 65 (3295). 9 апреля
Московский журнал. 1998. № 7.
Новосельский Ю. Императорские поезда // Пресса Царского Села. № 87. 9 ноября 2002 г.
Последний самодержец // Голос минувшего. 1917. № 4.
Шугуров Л. Гараж его императорского величества // Обозреватель. 1994. № 3.

Публицистика

- Алферьев В. В.* Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991.
Аксельрод В. И., Буланкова Л. П. Аничков дворец — легенды и были. СПб., 1996.
Башицкий А. Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839.
Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997.
Богданов И. Лекарство от скуки, или История мороженого. М., 2007.
Богданов И. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007.
Гарденин Ю. (Чернов В. М.) Юбилей Николая Последнего. 1894–1904. Б. м. 1904.
Духовник царской семьи Святитель Феофан Полтавский. М., 1994.
Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002.
Молин Ю. А. Романовы... Забвение отменяется! Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2005.
Обнинский В. П. Последний самодержец. М., 1992.
Первушина Е. В. Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007.
Пыляев М. М. Старый Петербург. М., 1990.
Романов П. В. Застольная история государства Российского. М., 2002.
Руднев В. М. Правда о царской семье и «темных силах». Берлин, 1920.
Чулков Г. Императоры. М., 2001.
Щеголев П. Е. Последний рейс Николая II. М., 1928.

Научные статьи

- Аничков дворец — памятник российской истории. Материалы конференции. СПб., 1997.

Список источников и литературы

- Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княжны при царском дворе // Родина. 2003. № 2.
- Боханов А.* Романовы и английский королевский дом: династические узы и политические интересы // Отечественная история. 2000. № 3.
- Ботт И.* Царское — «гнездышко» императрицы Марии Александровны // Наше наследие. 2003. № 3.
- Булгакова Т.* Любимцы императорской семьи // Наше наследие. 2005.
- Высочков Л. В.* Пиво при императорском дворе // Мир пива. 1997. Альманах. № 2. СПб., 1997.
- Девятова С.* Для какого декольте шею мыть? // Родина. 2003. № 7.
- Коришнуова Т.* Придворный костюм в России // Наше наследие. 2000. № 53.
- Ланг А. И.* Императорская яхта «Полярная звезда» в санитарном отношении. СПб., 1892.
- Малевицкая М.* Августейшая яхта // Родина. 2000. № 11.
- Огарева Н. В.* Художник А. П. Боголюбов при дворе цесаревича Александра Александровича // Аничков дворец — памятник российской истории. Материалы конференции. СПб., 1997.
- Папсуева С.* «Мундирное» платье фрейлины // Уральский следопыт. 1996. № 11–12.
- Пашкова Т. Л.* Зимний дворец конца 1830-х — начала 1840-х годов и образ жизни императорской семьи // Архитектура Петербурга. Материалы исследований. Ч. 2. СПб., 1992.
- Пашкова Т. Л.* Интерьеры А. П. Брюллова во втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца // Культура и искусство России XIX в. Новые материалы и исследования. Сборник статей. Л., 1985.
- Пашкова Т. Л.* Главная лестница северо-западного ризалита Зимнего дворца // Архитектурные тетради. Вып. 1. СПб., 1994.
- Пахомова-Грейс В.* Адини и ее приданое // Наше наследие. 2000. № 5.
- Сидорова М. В.* Два альбома с рисунками А. Б. Перовского // Хранители. Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005.
- Страницы русской истории. СПб., 2004.
- Скурлов В. В.* Человеческие фигурки. Карл Фаберже и его продолжатели // Антикварное обозрение. 2005. № 3.
- Сулов В. А.* Николай I и Эрмитаж // Клио. 2003. № 2.
- Успенский А. И.* Павловский дворец // Записки Императорского Московского Археологического общества. М., 1913. Т. 24.
- Шепелев Л.* Императорский двор // Родина. 2003. № 1.
- Тосева А.* Ипполит Монигетти — архитектор высочайшего двора // Наше наследие. 2003. № 3.

Монографии

- Аммосов Н.* Краткое описание о пневматическом отоплении и о качествах воздуха относительно к здоровью. М., 1844.
- Аммосов Н.* Заметки на счет испытания пневматических печей. СПб., 1863.
- Аммосов Н.* Замечания на статью г. Ходнева о пневматических печах. СПб., 1861.
- Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005.
- Багдарасян В. Э.* «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М., 1999.
- Большой датский дог. Библиотека американского клуба собаководства. М., 1998.
- Боханов А.* Российский императорский дом. М., 1992.
- Боханов А.* Судьба императрицы. М., 2004.
- Боханов А. Н.* Святая царица. М., 2006.
- Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005.
- Вильчковский С. Н.* Царское Село. СПб., 1911.
- Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.
- Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001.
- Гагсбург фон Г.* Фаберже: придворный ювелир. СПб., 1993.
- Гатчинский арсенал. Сто предметов из собрания российских императоров. СПб., 2001.
- Галушкин Н. В.* Собственный его императорского величества конвой. М., 2004.
- Григорович В. Д.* Петергоф. Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1885.
- Заворыкин А. А., Осьмова Н. И., Чернышов В. И., Шухардин С. В.* История техники. М., 1962.
- Захарова О. Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века. М., 2003.
- Захарова О. Ю.* История русских балов. М., 1998.
- Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. I. XVIII — первая треть XIX в. СПб., 2000.
- Знаменов В. В.* Коттедж. Л., 1980.
- Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006.
- Лалаев М. С.* Император Николай I, зиждитель русской школы: Исторический очерк. СПб., 1896.
- Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005.

Список источников и литературы

- Легенды, мифы, предания. М., 1992.
- Линдер И. Б., Чуркин С. А.* История специальных служб России X–XX веков. М., 2004.
- Масси Р.* Николай и Александра. М., 1996.
- Мейер-Стабли Б.* Повседневная жизнь Букингемского дворца при Елизавете II. М., 2007.
- Несин В.* Зимний дворец в царствование последнего императора Николая II. 1894–1917. СПб., 1998.
- Несин В. Н.* Зимний дворец в царствование императора Николая II. СПб., 1999.
- Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Т. 1. М., 1991.
- Первушина Е. В.* Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007.
- Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 1–4. СПб., 1896.
- Погожев В. П.* Работы Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования их императорских величеств в 1896 г. СПб., 1897.
- Попов А. В.* Романовы на южном берегу Крыма. Симферополь, 1930.
- Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006.
- Русские императорские яхты. Конец XVII — начало XX века. СПб., 1997.
- Сабанеев Л.* Собаки охотничьи. Кн. 1. М., 1992.
- Сивков А. В. П.* Стасов и его работы по восстановлению Зимнего дворца после пожара 1837 г. Л., 1948.
- Смирнов Г., Янченко И.* Арсенальное каре Гатчинского дворца. Л., 1935.
- Старцев В. И.* Штурм Зимнего: Документальный очерк. Л., 1987.
- Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889.
- Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России. СПб., 1894.
- Шевелева Е. Н.* Ордена Александра I. СПб., 1993.
- Шеманский А., Гейченко С.* Коттедж. Дача Николая I в Петергофе. Л., 1930.
- Шеманский А. В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936.
- Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989.
- Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927.
- Яковлев В. И.* Александровский дворец Царского Села. Л., 1926.
- 200-летие Кабинета Е. И. В. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911.

Список источников и литературы

Каталоги выставок

- Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Каталог выставки. СПб., 2005.
- Александр II и Царское Село. Каталог выставки. М., 2000.
- Бреге в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 2004.
- Гатчинский арсенал. 100 предметов из собрания российских императоров. СПб., 2001.
- Император Александр III. Императрица Мария Федоровна. Каталог выставки. СПб., 2006.
- Императорские яхты. Петергоф, 2005.
- На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. Каталог выставки. М., 2000.
- Придворная охота. М., 2002.
- Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005.
- При дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2005.
- Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. СПб., 1999.
- Солнечный лучик. К столетию со дня рождения цесаревича Алексея. 1904–2004. Петергоф, 2004.
- Фаберже. Ювелир Романовых. М., 2005.
- Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII — начала XX в. М., 2004.
- Царскосельский арсенал. 100 предметов из собрания российских императоров. СПб., 2000.
- Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М., 1998.

Интернет

www.AlexanderPalace.com.

Оглавление

Часть 3.

Работа в императорских резиденциях

Глава 1. Распорядок дня российских монархов	7
Распорядок дня Николая I.....	8
Распорядок дня Александра II.....	13
Распорядок дня Александра III	15
Распорядок дня Николая II.....	17
Распорядок дня императрицы Александры Федоровны	27
Глава 2. Рабочие кабинеты императоров.....	31
Императорские рабочие кабинеты Александровского дворца Царского Села.....	32
Императорские рабочие кабинеты Zubовского флигеля Большого Царскосельского дворца.....	35
Императорские рабочие кабинеты Зимнего дворца.....	36
Императорские кабинеты Гатчинского дворца	45
Рабочие кабинеты Аничкова дворца	48
Рабочий кабинет Николая II в Нижней даче	50
Рабочий кабинет в Коттедже.....	50
Рабочие кабинеты монархов на императорских яхтах и в поездах.....	51

Оглавление

Глава 3. Церемониалы российского императорского двора	54
Дворцовые приемы	57
Дворцовые выходы.....	58
Церемония у Иордани	64
Представления императорам	66
Присяга.....	69
Совершеннолетие и присяга великих князей	72
Завещания монархов.....	74
Церемониал похорон российских императоров.....	75
Глава 4. Георгиевские кресты российских императоров	82
Георгиевский крест Александра I.....	84
Георгиевский крест Николая I.....	86
Георгиевский крест Александра II.....	88
Георгиевский крест Александра III	90
Орденский день 26 ноября	94
Ужины боевых товарищей Александра III	96
Георгиевский крест Николая II	99
Глава 5. Секретари российских императоров.....	105

Часть 4.

Окружение российских монархов

Глава 1. Жилые половины в императорских резиденциях	115
Жилая половина императорской семьи в Зимнем дворце при Николае I.....	115
Жилая половина императорской семьи при Александре II.....	119
Комнаты Александра III в Зимнем дворце	123
Жилая половина семьи Николая II в Зимнем дворце.....	125
Собственные сады императорской семьи	127
Половины Зимнего дворца.....	130
Подвалы Александровского дворца	133
Госпиталь Зимнего дворца. 1915–1917 гг.	136

Оглавление

Глава 2. Уровень комфорта и инженерная инфраструктура императорских резиденций.....	138
Дворцовый водопровод.....	139
Дворцовые ванны и бани.....	144
Дворцовая канализация	156
Дворцовые лифты.....	162
Освещение дворцов	167
Отопление императорских резиденций	177
Дворцовые средства связи	183
Глава 3. Императорская кухня	191
Кондитерская часть.....	197
Вина и напитки	199
Кухонная часть.....	206
Организация процесса питания и его стоимость	208
Безопасность и режимные меры на императорских кухнях.....	220
Качество блюд	225
Кулинарные пристрастия российских императоров.....	226
Алкоголь на императорском столе	238
Придворные поставщики. Закупки продовольствия. Контроль качества продуктов.....	242
Церемониал приема пищи	251
Время приема пищи	259
Глава 4. От статс-дам до фрейлин	265
Женские чины и должности при императорском дворе.....	266
Выбор фрейлин.....	270
Репутация	274
Фрейлинский коридор.....	276
Штат фрейлин	279
Должностные обязанности фрейлин.....	282
Жалованье фрейлин.....	284
Замужество.....	287
Взаимоотношения фрейлин и членов императорской фамилии	288
Скандалы фрейлинского коридора	291
Придворные платья	291

Орденские дамы и знаки отличия.....	293
Портретные дамы и фрейлинские шифры.....	294
Дворцовая терминология	295
Судьбы фрейлин.....	296
Глава 5. Придворная челядь.....	322
Штатные должности	326
Старшие придворные чины: обер-гофмаршал, гофмаршал, камер-фурьеры и гоффурьеры.....	328
Камердинеры.....	332
Придворные арапы.....	336
Камер-казаки.....	341
Дворцовая прислуга императорской семьи.....	352
Наследственный характер службы.....	359
Слуги-специалисты	363
От крепостной к вольнонаемной прислуге.....	367
Жалованье.....	370
Форма	372
Крестники и крестницы	378
Дисциплина, кражи, наказания	381
Глава 6. Животные в императорской семье.....	398
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	423
Примечания	424
Список источников и литературы.....	465

Девятов Сергей Викторович
Зимин Игорь Викторович

ДВОР РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ:
Энциклопедия жизни и быта

Том 2

Редакторы *Е. И. Рычкова, Е. Р. Ароян*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 04.03.14. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 38,7. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 9785995003878

9 785995 003878